

библиотека психологии и психотерапии

Мария-Луиза фон Франц

ФЕНОМЕНЫ ТЕНИ И ЗЛА В ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

КЛАСС

Мария-Луиза фон Франц (1915–1998) — доктор философии, сотрудница, единомышленница и ближайшая коллега К. Г. Юнга, проработавшая вместе с ним около 30 лет. Преподавала в институте Юнга с момента его основания. Получила всемирное признание как специалист в области психологической интерпретации сказок, мифов, сновидений и алхимических текстов. Является автором многочисленных книг, связанных с практическим применением юнгианской психологии.

«Существует состояние подвешенности, в котором все остановилось, Это пребывает в нерешительности между "да" и "нет", и человек мучается, так как поток жизни остановился и все усилия безрезультатны. В такой момент Это сдается, считая этот конфликт неразрешимым, — именно таким, который своими силами разрешить невозможно, — и тогда оно подчиняется чему-то объективному, какому-то знаку Свыше, который является для него очевидным. Мы говорим, что подчиняемся тому, что говорят нам сны. Ни аналитик, ни пациент не могут сказать больше, однако может ли психика сама создать какой-то материал или подать какой-то знак, который укажет на истину?»

Мария-Луиза фон Франц

ISBN 978-5-86375-166-5

9 785863 751665

КЛАСС

независимая фирма

103062, Москва, ул. Покровка, д. 31, под. № 6

Тел. (095) 917-8291, 917-8020, 917-8028

<http://www.igisp.ru>

<http://www.psybooks.ru>

Marie-Louise von Franz

Shadow and Evil in Fairy Tales

Shambhala
Boston & London

библиотека психологии и психотерапии

Мария-Луиза фон Франц

Феномены Тени и зла в волшебных сказках

Перевод с английского
Валерия Мершавки

Москва
Независимая фирма «Класс»
2010

УДК 615.851

ББК 53.57

Ф 84

Франц М.-Л. фон

Ф 84 **Феномены Тени и зла в волшебных сказках** / Пер. с англ. В. Мершавки. – М. : Независимая фирма «Класс», 2010. – 360 с. – (Библиотека психологии и психотерапии). ISBN 978-5-86375-166-5

В этой книге М.-Л. фон Франц, пользуясь собственным опытом аналитика и опытом сотрудничества с Юнгом, раскрывает многие важные аспекты психологического знания и опыта, накопленного в сказках всего мира. Она это делает очень мудро, пользуясь превосходным знанием фольклора. В основном автор обсуждает проблемы, связанные с Теневой стороной жизни человека: как архетип Тени может проявляться у мужчин и у женщин, что говорят сказки о поведении и сознательных установках, способствующих появлению зла. Рассматриваются разные способы воплощения зла в волшебных сказках, в частности: в образах великанов и чудовищ, злых духов и демонов, коварных королей и хитрых ведьм. М.-Л. фон Франц считает парадоксальным каждый стиль поведения: иногда это борьба со злом, иногда – применение хитрости, иногда – проявление силы или магии, а иногда – побег или отступление. Кроме того, автор показывает, как важно уметь найти опору в ядре собственной сущности, то есть в Самости, трансцендентной добру и злу.

Книга может быть интересна не только психологам, но и самому широкому кругу читателей.

Главный редактор и издатель серии *Л.М. Кроль*

Научный консультант серии *Е.Л. Михайлова*

ISBN 978-5-86375-166-5

© 1974, 1995 Marie-Louise von Franz

© 2009 В. Мершавка, перевод на русский язык

© 2010 Независимая фирма «Класс», издание, оформление

© 2010 Н.Г. Зотова, дизайн обложки

Отдельные экземпляры книг серии можно приобрести в магазинах:

Москва: Дом книги «Арбат», «Торговые дома «Библио-Глобус» и «Молодая гвардия», магазин «Медицинская книга».

Санкт-Петербург: Дом книги.

Предисловие

Текст этой книги представляет собой изложение материала двух лекционных курсов, которые были прочитаны мной в Институте Юнга в Цюрихе: первый – «Проблема феномена Тени в волшебных сказках» – в течение зимнего семестра 1957 года, второй – «Проблема зла в волшебных сказках» – в течение зимнего семестра 1964 года.

Я очень благодарна доктору Вивьен Макрелл за помощь в подготовке текста ко второму изданию.

Часть первая

Тень

Понятие Тени

Прежде чем углубиться в этот материал, следует иметь в виду, что психологическое понятие Тени не так просто определить, как кажется на первый взгляд, и оно может иметь широкий диапазон значений. В юнгианской психологии мы обычно считаем Тенью воплощение неких бессознательных сторон личности, которые могли бы войти в структуру эго-комплекса, но не вошли по тем или иным причинам. Следовательно, мы могли бы сказать, что Тенью является темная, непрожитая и подавленная часть эго-комплекса, однако это верно лишь отчасти. Юнг терпеть не мог, когда его ученики мыслили слишком узко или буквально, цеплялись за введенные им понятия, создавали из них систему и употребляли, не имея точного представления о том, что они значат! Однажды во время дискуссии он решительно прервал обсуждение сказав: «Это все ерунда! Тень – это просто все бессознательное». Он сделал так, чтобы мы забыли, как все эти феномены были открыты и как их переживает каждый отдельный человек, потому что прежде всего следует думать о состоянии, в котором находится пациент в данный момент.

Если на анализ приходит человек, имеющий какое-то представление о психологии, вы пытаетесь ему объяснить, что за кулисами его психики протекают определенные процессы, которые люди не осознают, и по отношению к этому человеку такие процессы являются Теневыми. Поэтому на первой стадии подхода к бессознательному Тень – это просто «мифологическое» название всего, что существует у нас внутри и недоступно нашему прямому осознанию. Только когда мы начинаем углубляться в Теневую сферу личности, чтобы исследовать те или иные ее стороны, спустя некоторое время в сновидениях появляются персонажи одного пола со сновидцем, которые служат воплощением бессознательного. Но затем этот человек открывает для себя, что в этой неизвес-

тной ему области присутствует и другой кластер реакций, который называется Анима (или Анимус) и воплощает чувства, настроения, мысли и т.п. И, кроме того, речь также идет о понятии Самости. Из чисто практических соображений Юнг не считал, что нужно делать больше, чем эти три шага.

Когда речь заходит о Тени, нам обязательно приходится учитывать особенности состояния человека и даже стадии развития его сознания и степень осознания им своего внутреннего мира. Так, на начальной стадии мы можем сказать, что Тень – это все содержание вашего внутреннего мира, о котором вы не знаете. Вообще, говоря об исследовании Тени, мы узнаем, что отчасти она состоит из индивидуальных, а отчасти – из коллективных элементов. По существу, когда мы впервые сталкиваемся с Тенью, она представляет собой некую совокупность элементов, среди которых мы не можем провести четкого различия: какие из них являются индивидуальными, а какие – коллективными.

В качестве практического примера представим себе, что человек от разных по характеру родителей унаследовал разные черты характера, которые, образно выражаясь, «химически» не взаимодействуют. Например, однажды у меня была пациентка, которой достались по наследству жестокий и грубый характер отца и трогательная сверхчувствительность матери. Как может у нее проявиться то и другое одновременно? Если кто-то ее раздражал, у нее возникали две противоположные реакции. У ребенка эти противоречащие друг другу реакции не совмещаются. Обычно в процессе развития между ними происходит выбор, в результате которого более-менее стабильной остается только один вид реакции. Затем человек получает образование, которое к этому тоже кое-что добавляет, и все это входит в привычку: если всегда выбирать только одну реакцию и отдавать предпочтение только одной сознательной установке, эти личностные качества становятся «второй натурой», тогда как противоположные качества скрываются «под столом», хотя по-прежнему существуют. Именно из вытесненных качеств и черт характера, которые оказываются недопустимыми или неуместными в силу своей несовместимости с другими качествами, которые были осознанно выбраны, создается Тень. При воздействии некоторого инсайта и с помощью сновидений люди могут относительно легко узнать эти элементы, и именно этот процесс мы называем осознанием Тени – и здесь обычно останавливается процесс ана-

лиза. Однако осознание Тени не является особым достижением, потому что тогда появляются гораздо более серьезные проблемы, от которых большинство людей впадают в замешательство: они знают, что представляет собой их Тень, но не могут заставить ее как следует проявиться и неспособны интегрировать ее в свою жизнь. Естественно, окружающим не очень-то нравится, когда человек начинает изменяться, ведь это значит, что им придется снова к нему приспосабливаться. Домашние могут прийти в ярость, когда прежде мягкий человек с характером агнца вдруг становится агрессивным как бык и дает отпор притязаниям остальных членов семьи. Такое изменение вызывает более чем критическое отношение близких, и поскольку Эго изменяющегося человека эту критику также воспринимает негативно, интеграция Тени может пойти по ложному пути и проблема может остаться неразрешенной.

Пойти на риск, чтобы принять в себе какое-то качество, не очень приятное, которое приходилось подавлять долгие годы, – значит в какой-то мере проявить мужество. Но если человек не принимает в себе это качество, то оно начинает проявляться исподволь. Видеть Тень и допускать ее наличие – это только часть проблемы: ну, всего лишь сказать, что со мной что-то произошло, из меня что-то «просочилось»; однако огромная этическая проблема возникает в том случае, когда человек заставляет свой разум осознанно проявлять свою Тень. Здесь я хочу привести такой пример.

Люди, относящиеся к чувствующему типу личности (*feeling type*), склонны проявлять жесткие и односторонние суждения в отношении своих друзей. С одной стороны, эти люди общительны и прекрасно себя чувствуют в компании, но в глубине души у них могут рождаться негативные мысли о других людях, которые они будут высказывать у них за спиной. Как-то раз я остановилась в одном отеле со своей знакомой – женщиной чувствующего типа. Сама я отношусь к мыслительному типу личности, и так случилось, что, встретив эту знакомую в первый раз, я просто-напросто стремительно прошла мимо нее, поздоровавшись на ходу, так как очень торопилась, но при этом моей знакомой показалось, будто я ее возненавидела, она с чего-то решила, что я была раздражена и совсем не хотела с ней общаться, – то есть что я холодный и необщительный человек и т.п. Женщина чувствующего типа неожиданно переключилась на негативное мышле-

ние, и в результате у нее появились негативные мысли и при этом сложилось исчерпывающее объяснение тому факту, что я торопливо прошла мимо нее.

Сначала Тень полностью бессознательна и представляет собой сумбурную совокупность эмоций, суждений и т.п. Вы могли бы сказать, что моя подруга оказалась во власти мышления негативного Анимуса, но по существу это был спонтанный выход негативных мыслей (в данном случае функция мышления была подчиненной), ожесточенных эмоций и неких деструктивных суждений (в данном случае Анимуса). При исследовании подобных негативных взрывов нам нужно уметь отличать фигуру, которую мы называем Тенью, от способности женщины выносить суждения, которую мы называем Анимусом. С течением времени люди выявляют в себе такие негативные качества и обретают способность не только их видеть, но и выражать, а это заставляет их отказаться от многих идеалов и правил и влечет за собой размышления и рассматривания, как если бы в их окружении ничего не нарушалось. Далее, в силу того, что в сновидениях мы можем выявить некую часть, которая не является индивидуальной, мы можем заключить, что отчасти Тень включает в себя индивидуальный материал, а отчасти – обезличенный, или коллективный, материал.

Все цивилизации, а в особенности христианская, тоже имеют свою Тень. Это банальное утверждение, но если мы станем изучать другие цивилизации, то сможем убедиться в том, что они даже лучше нашей. Например, индусы обогнали нас на голову в развитии своей духовности и философии, но, глядя на их социальное поведение, мы испытываем культурный шок. Пройдясь по улицам Бенгалии¹, мы могли бы увидеть множество людей, умирающих с голоду. Будучи на краю гибели, они молча страдают, ибо в этом заключается их «карма», люди должны обращаться к себе и сами себя спасать; заботиться о других значило бы просто обрекать себя на решение мировых проблем. На наш взгляд, получается, что их духовность и философия губит всю страну: европеец не может спокойно пройти мимо голодающих людей, на которых никто не обращает внимания. Мы можем назвать такое поло-

¹ Бенгалия – исторический регион в северо-восточной части южной Азии. – *Примеч. пер.*

От редактора перевода: здесь и далее примечания без пометы о том, чьи они, принадлежат автору.

жение вещей Тенью индийской цивилизации. Их экстраверсия оказывается ниже среднего уровня, тогда как их интроверсия, наоборот, выше. Вполне возможно, что светлая сторона цивилизации не осознает своей темной стороны, которая оказывается столь очевидной для другой цивилизации.

Если бы человек жил совсем один, то заметить его Тень было бы практически невозможно, так как никто не мог бы ему сказать о том, как он выглядит со стороны. Необходимо присутствие внешнего наблюдателя. Принимая во внимание, что реакция внешнего наблюдателя может быть различной, можно говорить о Тени разных цивилизаций. Например, мы, как и большинство жителей Запада, считаем, что наша сознательная коллективная установка совершенно не учитывает некоторых метафизических фактов и что мы по наивности остаемся в плену своих иллюзий. Вот так мы выглядим со стороны, но этого не осознаем. У нас должна быть Тень, которую мы не осознаем и в отношении которой остаемся бессознательными; а коллективная Тень особенно пагубна, потому что люди поддерживают друг друга в своей слепоте, и внешне проявляется только в войнах или в ненависти к другой нации.

Таким образом, мы можем сказать, что для европейца свойственны некоторые не самые лучшие черты характера, которые были подавлены у него индивидуально, а также не самые хорошие качества группы, представителем которой он является, – и, как правило, этих качеств не осознает. Коллективная Тень также проявляется и в другой форме: некоторые наши внутренние качества незаметны или проявляются меньше, когда мы находимся в небольшой группе или остаемся совсем одни, и проявляются гораздо больше, когда мы попадаем в большую группу. Этот компенсаторный феномен обычно наблюдается у застенчивых интровертов, которым свойственно скрытое стремление вылезти из толпы «наверх» и стать заметным. У экстраверта же все наоборот. А интроверт, будучи один, говорит, что он совсем не честолюбив, совершенно не стремится к власти и не будет плести для этого интриг, он хочет быть только самим собой и полностью удовлетворен своей интроверсией. Но поместите его в толпу вместе с амбициозными экстравертами, и на него сразу подействует психическая инфекция. Эту ситуацию можно сравнить со следующей: женщина идет в магазин на распродажу, и следом за ней устремляются другие женщины, которые потом, возвратясь

домой, спрашивают себя, хватаясь за голову: «Боже, зачем я это купила?»

Если человек попадает в плен своих амбиций, то только оказавшись в группе он может сказать, что так проявляется коллективная Тень. Иногда вы в глубине души прекрасно себя чувствуете, но стоит попасть в группу, где разгулялся Дьявол, вы испытываете серьезное психическое расстройство, как это случилось с некоторыми немцами, когда они приходили на фашистские митинги. Размышляя дома о том, что происходит в Германии, они считали себя антифашистами, но когда они оказывались на таком митинге, у них внутри что-то переключалось и, по выражению одного мужчины, «они были одержимы Дьяволом». Они на время попадали в плен скорее коллективной, чем индивидуальной Тени.

Коллективная Тень до сих пор воплощается в разных религиозных системах через веру в существование Дьявола и демонов. Вернувшись с такого митинга, человек, живший в Средние века, сказал бы, что его попутал бес и что ему надо освободиться от дьявольского наваждения. С другой стороны, мы могли бы решить, что, пока мы находимся в плену таких коллективных демонов, некая их часть живет у нас внутри, иначе им не удалось бы нас околдовать, ибо тогда наша психика была бы неуязвима для психической инфекции. Если части индивидуальной Тени недостаточно интегрированы, то в зазоры между ними может проникнуть коллективная Тень. Следовательно, нам следует осознавать наличие этих двух элементов, так как данная проблема является этической и практической и, не решив ее, мы можем оказаться очень виноватыми перед другими людьми.

Предположим, вы наблюдаете возмутительное поведение в группе какого-то пациента. Если вы попытаетесь ему недвусмысленно намекнуть, что во всем виноват именно он, он просто сломается, и, говоря объективно, это было бы некорректно, ибо отчасти в его поведении проявляется коллективная Тень. Иначе у него могло бы возникнуть слишком сильное чувство вины, и есть некая скрытая внутренняя норма в отношении количества Тени, которую человек вообще может выдержать. Совсем не замечать ее так же плохо, как и всю ее прибрать к рукам. Человек становится психологически недееспособным, если принимает на себя слишком много Тени. Пока сознание человека дремлет, т.е. находится на низком уровне, его Тень выражена больше; но, что самое печаль-

ное, мы не замечаем границ своего сознания, и если захотим взглянуть на Тень в упор, то увидим неясный след.

Повторю, чтобы стало понятно: когда мы говорим о Тени, то говорим и о ее индивидуальном, и о коллективном проявлении. Коллективная Тень в какой-то мере должна представлять сумму Теней, а кроме того, внутри группы должно существовать нечто, что не разрушало бы ее саму и проявлялось только по отношению к другим группам. На практике это значит: если вы соберете вместе трех-четырех типичных интеллектуалов с одинаковыми интересами, то они скажут, что прекрасно провели время за умными беседами, не говоря о том, что они бы остались не удовлетворены, если бы такое общение им было чуждо. Но если в их компании случайно окажется крестьянский мальчик, он признается, что тот вечер был для него смертельно скучным. Если бы у всех людей были бы одни и те же проблемы, это было бы замечательно! Наверное, у всех европейцев есть качества, которые мы не замечаем в силу их нормальности.

Мне бы хотелось уточнить еще одно, о чем я упоминала раньше. Я сказала, что лишь в том случае, если одна группа выступает против другой, проявляется ее Тень. В данном случае я была не совсем точна, так как во многих цивилизациях существуют религиозные ритуалы, направленные на то, чтобы побудить группу осознать ее собственную Тень. В нашей христианской цивилизации таким ритуалом является Черная Месса², целование ануса животных во славу Сатаны и т.п.; главная цель этого ритуала заключается в том, чтобы совершать действия, полностью противоположные тем, которые считаются сакральными. Эти антирелигиозные празднества уже отмерли и постепенно забываются, однако они представляли собой попытку показать толпе ее Тень. Во многих примитивных цивилизациях существует группа шутов, которые должны вести себя наперекор всем коллективным нормам. Они смеются, когда нужно быть серьезным, плачут, когда окружающие смеются и т.д. Например, в некоторых племенах североамериканских индейцев выбирают человека, чтобы в ритуальном действе представлять шокирующие вещи, противоречащие групповым нормам. Возможно, здесь

² Черная Месса – сатанинский обряд, богохульное действо, которое представляет собой обращенное христианское богослужение, сопровождаемое человеческими жертвами и традиционно заканчиваемое оргией, с целью почитания Сатаны. – *Примеч. ред.*

присутствует неявная идея, что другая сторона психической жизни тоже должна найти свое проявление. Это празднество – катарсис Тени. Если вы хотите увидеть подлинные остатки подобного феномена в Швейцарии, пойдите на Базельский Карнавал³ (хотя сейчас туда приходит слишком много иностранцев, которые нарушают атмосферу праздника). Там вы можете увидеть, каким образом группа внешне выражает свою коллективную Тень, причем делает это прекрасно и естественно. Говорят, что в швейцарской армии существует обычай бессознательно выбирать группового болвана, исполняющего роль козла отпущения; как правило, этот человек обладает слабым эго-комплексом, который под воздействием невроза навязчивости отыгрывает коллективную Тень. Тот же самый паттерн можно увидеть в феномене «белой вороны», – члена семьи, вынужденного нести на себе Тень остальных ее членов.

Сделав такой набросок, что мы подразумеваем под индивидуальной Тенью и под коллективной Тенью, теперь обратимся к следующему вопросу: существует ли воплощение Тени в мифологии, а если да, то как его обнаружить? Что о Тени говорится в волшебных сказках, а что нет, и в какой мере волшебные сказки вообще можно считать психологическим материалом?

В прежние времена, примерно до XVII века, сказки не предназначались для детей, а рассказывались среди взрослых, которые относились к низшим слоям населения. Рассказчиками были дровосеки, простые крестьяне, и женщины, развлекавшие себя сказками за прялкой. Вместе с тем были (и до сих пор существуют в некоторых швейцарских деревнях) профессиональные сказители, которые постоянно рассказывали несколько известных им историй. Иногда эти люди были немного колдунами, с несколько рас-

³ Базельский карнавал – ежегодный веселый праздник, который проводится в Базеле через неделю после начала Великого поста, продолжается три дня, сопровождается костюмированными шествиями с флейтистами и барабанщиками, распространением листовок с памфлетами и карикатурами на видных политических деятелей, бросанием конфетти и конфет в толпу и прочим весельем. Дословно нем. [*Basel*] *Fastnacht*: канун великого поста; масленица; карнавал. То же, что *Fasching* – «фашинг» в Западной Австрии. Этимология слова спорна, наряду с прямой связью с глаголом *fasten* – «поститься» существуют др. точки зрения: восходит предположительно к глаголу *faseln* (первонач. *fasen*) – «молоть чепуху, вздор; балагурить». Некоторые исследователи связывают *Fastnacht* со средне- и верхненемецким *Vasel* – «производитель» (как с.-х. термин) и производным глаголом *vaseln* – «оплодотворить, зачать», т.к. время карнавала приходится на весну – период зарождения новой жизни. – *Примеч. пер.*

строенной психикой, то есть невротиками; другие, наоборот, были совершенно здоровыми, психически нормальными людьми, – короче говоря, встречались совершенно разные сказители. Если бы вы их спросили, зачем они этим занимаются, одни бы ответили, что эта функция перешла к ним по наследству, другие – что научились этому у кухарки или что существует такая традиция – передавать истории от одного человека другому. Сейчас мы знаем, что существуют сказки коллективные, которые, как традиции, передаются из поколения в поколение, – они представляют собой некую разновидность общего знания. Теории происхождения волшебных сказок различны: одни исследователи считают, что сказки представляют собой фрагменты мифов или религиозных учений, другие – что они являются пересказами классических произведений, выродившихся в сказочные истории. Утверждается также, что сказки – это рассказы, возникшие на основе сновидений, которые впоследствии стали передаваться из уст в уста. На мой взгляд, происхождение сказки можно понять на следующем типичном примере.

Во времена Наполеона в одной швейцарской семье существовало семейное предание, согласно которому один мельник отправился охотиться на лис. Когда он встретил лису, та заговорила с ним человеческим голосом и попросила мельника оставить ее в живых, а за это она поможет ему в работе на мельнице. Вернувшись домой, мельник увидел, что мельничные жернова вращаются сами собой. Вскоре после этого он умер. Недавно в эту деревню пришел один исследователь фольклора и спросил у местных стариков, известно ли им что-то о мельнице, и услышал от них разные версии этой старинной истории. В одной версии сюжет был приблизительно такой же, но было сказано, что лиса, перед тем как была убита, пересекла мельнику дорогу, причем пробежала по самым его ногам, заразив его смертельной болезнью, вызывавшей воспаление кожи. Так вот, в этой части страны считается, что лиса вызывает такую болезнь. К изначальной истории оказалось что-то добавлено. В другой версии говорилось, что мельник отправился обедать, у него разбился стакан, и тогда он понял, что это была лиса-оборотень с душой его умершей тетки. (Считается, что в лис вселяются души умерших.) Таким образом с помощью подходящего архетипического материала произошла автоамплификация (или самоамплификация) этой истории; именно такую роль выполняют слухи.

Таким образом, можно увидеть, как рождаются сказки: всегда существует ядро парапсихологического переживания или сновидения. Если в нем содержится мотив, который присутствует где-то в ближайшем окружении, то с его помощью возникает тенденция к амплификации ядерного материала. В данном случае у нас есть история о мельнике, которого преследовала лиса-оборотень, которую он убил в упор, а затем ведьма погубила его самого. Это еще не сказка, но уже ее начало. Имя мельника всегда остается неизменным. Но предположим, что какая-нибудь кухарка пошла в соседнюю деревню и рассказала там всю эту историю; тогда мельнику могли дать другое имя или просто назвать его Мельником⁴.

Пока люди, принадлежавшие к этим социальным слоям, не слушали радио и не читали газет, такие истории вызывали у них огромный интерес, и тогда для нас проясняется происхождение сказки. Я уверена, что именно так сказки пришли в нашу жизнь. Но вместе с тем я не опровергаю точку зрения, в соответствии с которой они иногда являются остатками выродившейся литературы. Например, вы можете найти выхолощенный пересказ мифа о Геракле в современной греческой литературе. Миф сжался до своей базовой структуры, но архетипический материал остается, и именно эти элементы религиозных мотивов прошлого воспроизводятся в сказочном материале. Различные части соединяются вместе, и истории продолжают жить, поскольку они по-прежнему привлекают внимание и интерес слушателей, даже если остаются непонятными. В том, что теперь мы свели их до детского уровня, проявляется типичная установка, – я бы даже назвала ее определяющей для нашей цивилизации, – а именно: архетипический материал кажется нам инфантильным. Если эта теория происхождения сказки правильна, то волшебные сказки должны отражать основные психологические структуры человека гораздо больше, чем мифы и литературные произведения. Юнг как-то сказал: изучая волшебные сказки, вы изучаете анатомию человека. В основном миф больше связан с цивилизацией. Невозможно рассматривать «Эпос о Гильгамеше»⁵ отдельно от Шумеро-Вавилонской цивилизации, и нельзя представлять себе «Одиссею» вне Древней Гре-

⁴ В оригинале – *Miller* (от англ. *miller* – «мельник»), т.е. достаточно распространенная фамилия, подобные есть и в других языках – напр., немецкая Мюллер (от *Müller* – мельник), русская Мельник и т.д. – *Примеч. пер.*

⁵ «Эпос о Гильгамеше», или поэма «О все видавшем», – произведение, относящееся к XII веку до н.э., созданное неизвестным автором в Древнем Шумере. – *Примеч. ред.*

ции, однако сказка гораздо легче пересекает границы цивилизаций, ибо она настолько элементарна и так сжимается до своей базовой структуры, что привлекает внимание каждого человека. Как-то миссионер отправился на один из островов Полинезии, и первый контакт, который ему удалось установить, был создан с помощью сказки; она является универсальной связью культур. Это действительно так, только *cum grano salis*⁶.

Изучая сказки на протяжении некоторого времени, я убедилась в том, что существуют типичные европейские, африканские, азиатские и другие сказки, и хотя я могу обмануться из-за изменения имен, их близкая связь все равно остается очевидной. На волшебные сказки в определенной мере повлияла цивилизация, в которой они впервые появились, но ее влияние на сказки намного меньше, чем на мифы, так как последние обладают более фундаментальной структурой.

Исследователи поведения животных обнаружили, что некоторые ритуалы в жизни животных содержат общие базовые структурные элементы. Селезни всех видов уток перед спариванием совершают определенный танец, в процессе которого они делают характерные движения головой и крыльями, а также несколько более мелких движений: так происходят ритуальное ухаживание за уткой. Бихевиористы решили выяснить, в какой мере такой танец определяется генами; с этой целью они скрестили разные виды уток, вывели несколько новых видов и стали наблюдать за их поведением. Выяснилось следующее: иногда сохранялся изначальный ритуальный утиный танец, который не соответствовал ни тому, ни другому из скрещенных видов; или же в несколько сокращенном виде повторялся утиный танец одного из видов; или этот танец представлял собой сочетание двух разных форм. Определенные структурные элементы в ритуальном танце селезня присутствовали всегда, а другие характерные элементы изменялись.

Если то же самое применить к человеку, можно было бы сказать, что есть определенные базовые структуры психологического поведения, которые относятся вообще ко всему человеческому роду, и есть другие структуры, которые больше развиты у одной группы или народности и меньше – у другой. По своей

⁶ *Cum grano salis* (лат.) – досл. «с крупинкой соли», т.е. иронически, насмешливо или критически, с некоторой поправкой, с известной оговоркой, с осторожностью. – *Примеч. пер.*

структуре волшебные сказки являются более универсальными. В каждом типе сказок вы можете изучать самые основные типы человеческого поведения, но для меня в изучении сказок есть другая практическая причина: на материале волшебных сказок и сказочных мифов (*mythological myths*) вы сможете не только выявить некоторые структурные комплексы, но и научиться различать, что является индивидуальным, а что нет, и делать возможные выводы. Например, если вы изучаете мифы об инстинктивном поведении мальчика по отношению к своей матери, а также все психологические выводы, символически отраженные в мифах, то сможете выявить типичные черты материнского комплекса. Мальчик стремится развить в себе черты героя, фемининного молодого человека типа Аттиса⁷, Адониса⁸ или

⁷ Аттис – греческий бог Фригии (область в Малой Азии), связан с великой римской богиней земли Кибелой, дарительницей плодородия. Согласно одному древнегреческому мифу, Аттис, сын некоего фригийца, неспособный к деторождению, учреждает в честь богини Кибелы празднества – оргии, но его убивает кабан, посланный Зевсом. По другой версии Аттис – прекрасный юноша, которого полюбила сама Кибела, и, когда он собрался жениться на царской дочери, Кибела из ревности наслала на него безумие, и он погиб, а раскаявшаяся богиня попросила Зевса сделать тело возлюбленного вечно юным и нетленным. Из крови Аттиса по желанию Кибелы вырастают цветы и деревья. В Древнем Риме существовала третья версия: Аттис, жрец храма Кибелы, нарушил обет безбрачия, полюбив нимфу. Кибела губит нимфу, помрачает разум Аттиса, и тот, оскопив себя, умирает. – *Примеч. пер.*

⁸ Адонис – (финикийское «адон» означает «господь», «владыка») в греческой мифологии божество финикийско-сирийского происхождения с ярко выраженными растительными функциями, связанными с периодическим умиранием и возрождением. В мифе и культе Адониса прослеживается символика вечного круговорота и гармоничного единения жизни и смерти в природе. Миф об Адонисе в наиболее полном виде представлен у Аполлодора, Овидия и Антонина Либерала. Адонис – сын Феникса и Алфесибей (варианты: ассирийского царя Тианты и его дочери Смирны или кипрского царя Киниры и его дочери Мирры). Богиня Афродита (Венера), рассердившись на не почитавшую ее царскую дочь (будущую мать Адониса), внушает той страсть к родному отцу, который поддается соблазну, не подозревая, что вступает в связь с собственной дочерью, и после этого проклинает ее. Боги превращают несчастную в мировое дерево, из треснувшего ствола которого рождается ребенок удивительной красоты – Адонис. Афродита передает младенца в ларце на воспитание Персефоне, не пожелавшей в дальнейшем расстаться с Адонисом. Спор богинь разрешает Зевс, предназначив Адонису часть года проводить в царстве мертвых у Персефоны и часть года на земле с Афродитой (в финикийском варианте Астартой), спутником и возлюбленным которой он становится. Разгневанная оказанным Афродите предпочтением, Артемиду насылает на юношу дикого кабана, который смертельно его ранит. По другой версии Адонис – жертва гнева Аполлона (его месть Афродите за ослепленного ею сына Аполлона Эриманфа) или ревнивого Ареса (в финикийском варианте Астара). Афродита горько оплакивает Адониса и превращает его в цветок, окропив нектаром пролитую кровь. Юношу оплакивают хариты и мойры, из крови его расцветают розы, из слез Афродиты – анемоны. – *Примеч. пер.*

Бальдра⁹, который имеет склонность отстраняться от жизни, в особенности от ее темной стороны, и умирает молодым. Согласно этим мифам, юного героя, любимого своей матерью, убивает темное, жестокое, хтоническое маскулинное существо, что для молодого человека означает наступление критического момента в жизни: либо его психологически убьет дикий кабан, находящийся у него внутри, либо, – если он откажется интегрировать свою Тень, – он, возможно – в наше время, – станет пилотом и разобьется насмерть или пойдет в горы и сорвется в пропасть.

⁹ Бальдр, или Бальдер (др.-исл. «господин»), – в скандинавской мифологии юный бог из асов. Бальдр – любимый сын Одина и Фригг, брат Хермода, муж Нанны, отец Форсети. Бальдр прекрасен, светел, благодетен; его ресницы сравнивают с белоснежными растениями. Он живет в Асгарде, в чертоге Брейдаблик, где не допускаются дурные поступки. Бальдра называют мудрым и смелым, однако фактически он является пассивным, страдающим божеством, по-видимому, культовой жертвой.

Согласно мифам («Старшая Эдда»: «Прорицание Вельвы» и «Сны Бальдра») юному Бальдру стали сниться зловещие сны, предвещавшие угрозу для его жизни. Узнав об этом, боги собираются на совет и решают оградить Бальдра от всяких опасностей. Тогда Один отправляется в Хель (царство мертвых) узнать судьбу Бальдра от вельвы (провидицы); пробужденная Одним от смертного сна вельва предсказывает, что Бальдр умрет от руки слепого бога Хёда. Фригг взяла клятву со всех вещей и живых существ – с огня и воды, железа и других металлов, камней, земли, деревьев, болезней, зверей, птиц, яда змей, – что они не причинят вреда Бальдру; клятвы она не взяла только с ничтожного побега омелы. Однажды, когда боги забавлялись стрельбой в ставшего неуязвимым Бальдра, злокозненный Локи (выведавший хитростью у Фригг, что омела клятвы не давала) подсовывает прут из омелы слепому богу Хёду, и тот убивает Бальдра («Младшая Эдда»). Боги поднимают тело Бальдра, переносят к морю и кладут на ладью, называвшуюся Хрингхорни (ее удаётся столкнуть в воду только великанше Хюррок-кин); Бальдр сожжен в ладье. Нанна умирает от горя, и ее кладут в погребальный костер Бальдра, так же как и коня Бальдра и золотое кольцо Одина Драупнир. Вали («однодневный» сын Одина и Ринд) мстит Хёду за убийство Бальдра, а Хермод, брат Бальдра, отправляется на коне Одина Слейпнире в царство мертвых с целью освобождения Бальдра («Младшая Эдда»). Хозяйка Хель согласна отпустить Бальдра, но при условии, что все живое и мертвое в мире будет его оплакивать. Плачут все, кроме великанши Тёкк, обличье которой принял тот же Локи, и Бальдр остается в Хель. Боги наказывают Локи, виновника гибели Бальдра.

Миф о смерти Бальдра является своеобразным введением к скандинавскому эсхатологическому циклу – смерть его служит как бы предвестием гибели богов и всего мира. В обновленном мире, который возникнет после гибели старого, вернувшийся к жизни Бальдр примиряется со своим убийцей Хёдом, тоже ожившим.

Своеобразный отголосок мифа о Бальдре в форме героического сказания имеется в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика. У него Бальдр – полубог. Увидев во время купания Нанну – сводную сестру Хёда, Бальдр влюбляется в нее. Хёд сам любит Нанну и женится на ней, но Бальдр преследует его. Чтобы убить Бальдра, Хёд достает меч Мимминг и, по совету лесной девы, чудесную пищу из змеиного яда и пояса, дающий победу. Хёд смертельно ранит Бальдра; его хоронят в холме. Предсказатель Финн пророчит Одину, что за Бальдра отомстит сын богини Ринд, которого она родит от Одина; пророчество сбывается. – *Примеч. пер.*

Если в процессе анализа пациента миф не выявляется, а в сновидениях наблюдается только индивидуальный материал, то, возможно, вы увидите характерные мифологические черты, когда молодому человеку приснится его друг, который будет похож на Марса или на дикого кабана. У него будет собственное имя, но вы сможете увидеть базовый паттерн и возможное разрешение и развитие ситуации – конечно, если вы знаете миф. Вам не следует заучивать его, как проповедь, – это было бы наложением мифологической идеи – но, зная его, вы станете лучше понимать, что происходит. Естественно, вы будете использовать мифологическое мышление, столкнувшись с этой Теневой маскулинной фигурой из внутреннего мира пациента. Может быть, стоит рассказать ему миф, сообщить, что состояние психики напоминает вам сюжет об Аттисе-Адонисе, и тем самым создать возможность разрешения ситуации. В таких случаях пациент начинает чувствовать, что его ситуация не является уникальной и неразрешимой, а находила разрешение десятки раз разными способами. Кроме того, пациент становится менее заносчивым и самонадеянным, так как чувствует, что такое состояние является общеизвестным и не является его уникальным неврозом. Миф также оказывает магическое воздействие на те области психики, которые не затрагивает интеллектуальная беседа; он придает ощущение *déjà entendu*¹⁰ и вместе с тем всегда чего-то нового и бодрящего.

В таком случае обсуждение Тени в волшебных сказках должно быть сосредоточено не на индивидуальной, а на коллективной и групповой Тени. Тем самым мы бросим только общий взгляд на то, как ведет себя Тень, что, на мой взгляд, является очень ценным. Люди обычно склонны думать о «своем Эго» и не осознают, что в нашей системе мышления Эго тоже является общей структурой и архетипом. Оно является архетипом потому, что основывается на общей врожденной склонности к развитию Эго и формированию определенных типов реакций и представлений. Вы могли бы сказать, что такая тенденция к развитию эго-комплекса существует везде, хотя в разной степени, – то есть в подавляющем большинстве цивилизаций то, что называется «Я», является общей врожденной человеческой структурой. В раннем детстве большое количество энергии уходит на создание эго-комплекса, и если в окружающей обстановке происхо-

¹⁰ *Déjà entendu* (фр.) – уже слышанное. – *Примеч. пер.*

дят некие нарушения, то процесс формирования Эго расстраивается, и подобный сбой может вызвать много неприятностей, а прежде всего – крайний эгоизм. Эта врожденная тенденция должна привести к созданию обезличенного элемента комплекса. Но есть и другая врожденная тенденция, хотя не такая сильная, как первая, – к отделению от Эго определенных частей личности; именно эти части создают архетипический аспект Тени. Лишь эти общие структуры находят отражение в волшебных сказках, и на них может оказывать влияние цивилизация, в которой рождается сказка.

Волшебная сказка, с анализа которой я хочу начать, – это германская сказка «Два странника», обработанная братьями Гримм. Братья Гримм первыми в Германии начали собирать сказки, подав хороший пример собирателям сказок других стран. А теперь – содержание этой сказки.

Два странника¹¹

Гора с горой не сходится, а человек с человеком, и добрый, и злой, где-нибудь все же сойдутся. Вот так-то однажды на пути сошлись портной с башмачником. Портной был небольшого роста, красивый малый и притом всегда веселый и довольный. Он увидел издали башмачника, и так как он по его котомке узнал уже, каким ремеслом тот занимается, то он над ним подшутил.

Башмачник шутить не любил: наморщил рожу, словно уксусу напился, и намеревался ухватить портного за шиворот. Но весельчак-портной стал смеяться, подал ему свою фляжку и сказал: «Ведь это я шутя! Вот на-ка, отхлебни, да и уйми свою желчь».

Башмачник, и точно, здорово отхлебнул из фляги, и по лицу его стало заметно, что гроза рассеялась. Он возвратил флягу портному и сказал: «Я отхлебнул из нее порядком; ну, да что об этом говорить? Пилось бы, пока пить хочется! А не хочешь ли ты со мною вместе идти путем-дорогою?» – «И прекрасно, – отвечал портной, – если только ты не прочь идти со мною в большой город, где и в работе не бывает недостатка». – «Вот именно туда-то я и направлялся! – ска-

¹¹ The Complete Grimms Fairy Tales (New York: Pantheon Books, 1972), p. 486 и далее. (Рус. перевод здесь и далее цитируется по изданию: Сказки, собранные братьями Гриммами / Пер. под ред. П.Н. Полевого. СПб, 1895; М.: Алгоритм, 1998.)

зал башмачник. – Ведь в небольшом местечке и заработаешь немного; а в деревнях люди охотнее босиком ходят, чем в сапогах».

И пошли они далее уже вместе. Досуга-то у них обоих было довольно, а покушать-то им было почти нечего.

Придя в большой город, они всюду ходили и бродили, всюду свое ремесло предлагали, и портному везло не на шутку... Он был такой свежий, да розовый, да веселый, что каждый охотно давал ему работу; а посчастливится, так еще и от хозяйской дочки то здесь, то там поцелуйчик перепадет.

Когда он сходил с башмачником, то в его узле было всегда больше добра. Угрюмый башмачник скроит, бывало, сердитую рожу, и сам про себя думает: «Чем человек лукавее, тем и счастья ему больше!» Однако же портной начинал хохотать, а то и запевал песенку, и все полученное делил с товарищем пополам. А если шевелилась в его кармане пара геллеров, то он еще и угостит, бывало, да по столу от радости стучит так, что вся посуда пляшет, – и это называлось у него: «Легко заработано, живо и спущено».

Пространствовав некоторое время, пришли они однажды к большому лесу, через который пролегала дорога к городу, где жил король. Но через лес вели две тропинки – одна в семь дней пути, другая – всего в два. Однако же ни один из них не знал, которая из тропинок короче.

Оба странника наши уселись под дубом и стали совещаться, как они запасутся и на сколько дней возьмут с собой хлеба. Башмачник и сказал: «Надо на большее время рассчитывать – я возьму на всякий случай хлеба на семь дней с собой». – «Что-о? – воскликнул портной. – Чтобы я стал на своей спине тащить запас хлеба на семь дней, словно вьючная скотина, так что и шеи повернуть нельзя будет! Нет, я на Бога надеюсь и ни о чем не стану заботиться! Ведь деньги у меня в кармане и зимой, и летом те же, а хлеб-то в жаркое время не только засохнет, а еще и заплесневеет. И платье себе не шью с запасом... Как это может быть, чтобы мы не нашли настоящей дороги? Возьму себе запаса на два дня – и вся недолга».

И вот каждый купил себе свой запас хлеба, и пустились оба в лес наудачу. В лесу было тихо, как в церкви. Ни ветерок не веял, ни ручей не журчал, ни птички не пели, и сквозь густолиственные ветви не проникал ни один солнечный луч.

Башмачник не говорил ни слова; он так устал под тяжестью своего хлебного запаса, что пот струями катился с его сумрачного и

сердитого лица. А портной был веселешенек, подпрыгивал, насвистывал или напевал песенку и думал про себя: «И Бог на небе радуется, видя меня такого веселого».

Так шло дело два дня сряду, но когда на третий день лесу все не было конца, а портной-то уж весь свой хлеб съел, то он невольно стал падать духом, однако все еще бодрился, возлагая надежду на Бога и на свое счастье. На третий день он лег вечером под деревом голодный и на следующее утро голодным же и поднялся. То же было и на четвертый день.

Когда башмачник садился на поваленное дерево, чтобы съесть свою порцию хлеба, портному – увы! – приходилось только смотреть на это со стороны. Если он просил кусочек хлеба у товарища, тот только посмеивался и говорил: «Ты был постоянно такой веселый, ну, так теперь попробуй, каково невеселым быть! Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела!» – короче говоря, он был к нему безжалостен.

Но на пятое утро бедный портной не мог уж и на ноги подняться и от истощения с трудом мог произнести слово; щеки его побледнели, а глаза покраснели. Тогда башмачник сказал ему: «Сегодня я тебе дам кусочек хлеба, но за это я тебе выколю правый глаз». Несчастный портной, которому очень жить хотелось, не смог избежать этой жестокости: поплакал он еще раз обеими глазами и затем подставил их под острый нож бессердечного башмачника, который и выколол ему правый глаз.

Тут пришло на память портному то, что говаривала ему в детстве мать, когда, бывало, он чем-нибудь полакомится в кладовой: «Ешь столько, сколько можешь, а терпи столько, сколько должно».

Когда он съел свой столь дорого оплаченный кусок хлеба, он опять вскочил на ноги, позабыл о своем несчастье и утешал себя хоть тем, что он одним-то глазом еще может хорошо видеть.

Но на шестой день пути голод сказался снова и защемил его сердце. Он почти упал под дерево и на седьмое утро уже не мог от слабости подняться: он видел смерть у себя за плечами. Тут башмачник и сказал ему: «Я хочу из сострадания дать тебе и еще один кусок хлеба; но даром не дам, а выколю тебе еще и другой глаз за это».

Тут только осознал портной все свое легкомыслие, стал просить милосердного Бога о прощении и сказал башмачнику: «Делай, что ты должен делать, а я постараюсь все вынести; но помысли о том, что Господь Бог наш не сразу произносит свой суд над челове-

ком: придет, пожалуй, и иной час, в который ты получишь возмездие за злодеяние, не заслуженное мною. Я при удаче делился с тобою всем, что у меня было. Мое ремесло все в том, чтобы стежок на стежок сажать... Ведь если ты лишишь меня обоих глаз, то мне останется только одно – идти нищенствовать. Сжался же надо мною и хотя бы не покидай меня в лесу».

Но башмачник, позабывший о Боге, вынув нож, выколол портному и левый глаз. Затем он дал ему кусок хлеба, подал ему конец палки в руку и повел его вслед за собою.

Когда солнце закатилось, они вышли из лесу; перед лесом на поляне стояла виселица. Туда-то и привел башмачник своего слепого спутника, покинул его около виселицы и пошел своею дорогой. Измученный усталостью, болью и голодом, несчастный заснул и проспал всю ночь.

Чуть утро забрезжило, он проснулся, но не знал, где он лежит. А на виселице висели двое горемык, и у каждого на голове сидело по ворону. Вот и начал один из воронов говорить другому: «Брат мой, спишь ты или нет?» – «Нет, не сплю!» – отвечал ему другой ворон. «Так вот что я тебе скажу, – заговорил снова первый, – роса, которая нынешнюю ночью падала от нас с виселицы, обладает особую способностью – она возвращает зрение каждому, кто ею омоет глаза. Кабы это знали слепцы, так снова могли бы получить зрение, а им это даже и в голову не приходит».

Услышав это, портной вытащил платок из кармана, омочил его росой в траве и стер им свои глазные впадины. Вскоре после того портной увидел, как солнце стало вставать из-за горы, и перед ним на равнине раскинулся большой королевский город, с его дивными воротами и сотнями башен, и загорелись, заискрились на островерхих вышках золотые кресты и золотые яблоки... Он мог различить каждый листок на деревьях, увидел снова птиц, летавших мимо, и мошек, которые толклись в воздухе. Он вынул иглу из кармана, и когда убедился, что может по-прежнему вдеть нитку в ушко, сердце его запрыгало от радости.

Он упал на колени, благодарил Бога за оказанную ему милость и прочел утреннюю молитву; не забыл он помолиться и за бедных грешников, которые покачивались на виселице. Затем он вскинул свой узелок на плечо, махнул рукою на перенесенные сердечные муки и пошел далее, припевая и посвистывая.

Первое, что ему встретилось на пути, был гнедой жеребенок, носившийся по полю на полной свободе. Портной схватил было его

за гриву, собираясь вскочить на него и проехать на нем в город, но жеребенок стал просить, чтобы он его освободил. «Я еще слишком молод, – сказал он, – и даже тощий портняжка, как ты, может мне сломать спину; пусти меня побегать, покуда я окрепну. Может быть, придет и такое время, когда я тебя за это вознагражу». – «Ну, что же? Побегай, – сказал портной, – вижу я, что ты до этого охотник».

Он еще прихлестнул его маленько хворостинкой, и тот, от радости вскинув вверх задние ноги, помчался в открытое поле, перепрыгивая через изгороди и рвы.

Но портняга-то со вчерашнего дня ничего не ел. «Солнце-то теперь вижу, – говорил он сам себе, – а хлеба во рту ни крошки не чую. Первое, что встречу на пути, хотя бы и не очень съедобное, не уйдет от моих рук».

Как раз в это время аист важно расхаживал по лугу. «Стой, стой! – закричал портной, хватая его за ногу. – Не знаю, годен ли ты в пищу или нет, но мой голод не позволяет мне долго разбирать – сверну тебе голову да зажарю». – «Не делай этого, – сказал аист, – я птица священная, никто мне зла никакого не делает, а я сам приношу людям немалую пользу. Коли ты пощадишь меня, сохранишь мне жизнь, я тебе сам когда-нибудь пригожусь». – «Ну, так проваливай, куманек долговязый», – сказал портной.

Аист поднялся вверх, свесив на лету свои длинные ноги, и спокойно полетел вдаль.

«Что же это будет? – говорил сам себе портняга. – Голод мой все возрастает, а желудок становится все тощей и тощей; нет, уж теперь что мне на дороге попадется, то пиши пропало!»

Вот и увидел он, что на пруду плавает пара утят. «Кстати вы пожаловали», – сказал он, подхватил одного из них и собирался уже ему свернуть шею.

Тут старая утка, засевшая в камышах, стала громко кричать, подлетела к портному с раскрытым клювом и слезно его молила, чтобы он сжалился над ее несчастными детками. «Подумай, – сказала она, – как бы стала сокрушаться твоя мать, если бы кто задумал тебя у нее унести да шею тебе свернуть». – «Ну, успокойся! – сказал добродушный портной. – Твои детки останутся в целости». И он пустил утенка в пруд.

Отвернувшись от пруда, портной очутился перед старым дуплистым деревом и увидел, что дикие пчелы то и дело влетают в дупло и вылетают из него.

«Вот и награда за доброе дело готова! – воскликнул портной. – Хоть медком-то потешу себя».

Но пчелиная матка вылезла из улья, пригрозила ему и сказала: «Коли ты коснешься моего роя да вздумаешь разорить мой улей, то мы вопьемся в твое тело тысячами наших жал, словно раскаленными иглами. Если же оставишь нас в покое и пойдешь своею дорожкой, то мы тоже тебе когда-нибудь пригодимся». Увидел портняга, что и здесь ничего не поделаешь. «Три блюда пустые, да и на четвертом нет ничего – с этого сыт не будешь!» – подумал он.

Поташился он со своим голодным брюхом в город, и так как был в это время полдень, то в гостиницах кушанье было уже готово, и он мог тотчас же сесть за стол. Насытившись, он сказал себе: «Теперь пора и за работу!»

Походил он по городу, стал себе искать хозяина и вскоре нашел хорошее место.

А так как ремесло свое он знал основательно, то ему удалось немного спустя приобрести известность, и все хотели непременно сшить себе платье у маленького портного.

С каждым днем его положение улучшалось. «Я, кажется, шью так же, как и прежде, – сказал он, – а между тем дела мои день ото дня идут лучше и лучше».

Наконец уж и сам король возвел его в звание своего придворного портного. Но ведь вот как на свете бывает! В тот самый день, когда он был удостоен этой почести, его бывший товарищ тоже был возведен в придворные башмачники. Когда тот увидел портного и притом заметил, что у него целы оба глаза, его вдруг стала мучить совесть. «Прежде чем он мне станет мстить, – подумал башмачник, – я постараюсь ему вырыть яму». Ну, а уж давно известно, что кто другому яму роет, нередко сам в нее попадает.

Вечерком, покончив с работой, после наступления сумерек, башмачник прокрался к королю и сказал: «Господин король, этот портной мастер – человек высокомерный; он похвастал как-то, будто может добыть ту золотую корону, которая с давних пор из твоей казны пропала». – «Это было бы мне очень приятно», – сказал король, приказал позвать к себе на другое утро портного и велел ему или добыть эту корону, или же навсегда покинуть город.

«Ого, – подумал портной, – уж очень он на меня надеется... И если король вздумал требовать от меня то, чего никто из людей сделать не может, так я и до завтра ждать не стану: сегодня же уеду из города».

Связал он свой узел, но едва только задумал выйти из ворот, взгрустнулось ему, что он должен покидать свое счастье и уходить из города, в котором дела у него шли так хорошо.

Он подошел к тому пруду, где познакомился с утками, и увидел, что старая утка, которой он пощадил утенка, сидит на берегу и чистит клювом перья.

Та его тотчас узнала и спросила, чем он так опечален. «Не мудрено запечалиться – ты это и сама поймешь, как узнаешь мое горе», – отвечал утке портной и все рассказал ей по порядку. «Ну, коли только-то, – сказала утка, – так этому горю еще пособить можно. Та корона к нам в пруд попала и лежит на дне; мы ее тотчас и добыть можем. Ты только расстели свой платок на берегу».

Нырнула она со своими двенадцатью утятами и несколько мгновений спустя всплыла снова: она сидела внутри самой короны, а двенадцать ее утят плыли кругом, подложив свои клювы под корону и поддерживая ее на поверхности воды. Они подплыли к берегу и положили корону на платок.

И представить себе нельзя, что это была за корона, когда ее осветило солнце, и она заблестала тысячами драгоценных камней! Портной связал свой платок четырьмя концами в узелок и отнес корону к королю, который себя не помнил от радости и повесил портному золотую цепь на шею.

Когда башмачник увидел, что первая проделка ему не удалась, он задумал и другую; явился к королю и сказал: «Господин король, портной-то теперь уж так вознесся, что хвалится, будто сумеет из воску слепить весь королевский замок со всем, что в замке находится».

Король позвал портного и приказал ему вылепить из воску весь королевский замок со всем, что в нем и около него находилось, а если не вылепит или не будет хватать в его слепке хоть одного гвоздя в стене, то придется ему всю жизнь просидеть в подземелье.

Портной подумал: «Ну, дело-то не к лучшему идет! Это уж никому не под силу сделать!» – вскинул узел за спину и пошел из города.

Когда он подошел к дуплистому дереву, то присел у корня его и опустил голову на грудь.

Пчелы полетели из улья, и пчелиная матка стала его спрашивать: «Почему это у тебя голова на плечах не держится? Или шея ослабла?» – «Эх, не знаешь ты, какое горе мне сердце давит», – отвечал портной и рассказал ей, чего от него король потребовал. Пчелы стали между собой жужжать и гудеть, и пчелиная матка сказала:

«Ступай себе домой, приходи опять утром в это же время да принеси с собою большое покрывало – все ладно будет».

Он и вернулся домой, а пчелы полетели к королевскому замку, влетели в его открытые окна, оползли все уголки его и самым тщательным образом все обозрели.

Потом они полетели в улей и так быстро сделали восковой слепок замка, что он словно разом вырос и поднялся.

Уже к вечеру все было готово, а когда портной пришел на другое утро, то увидел перед собою все это прекрасное здание. И вылеплено оно было гвоздок в гвоздок, черепичка в черепичку; при этом было оно тонко исполнено, бело как снег и очень приятно пахло медом.

Портной осторожно завернул это дивное произведение в свое покрывало и принес его к королю, который надивиться ему не мог, поставил его в самом большом из своих покоев и подарил портному большой каменный дом в награду.

Но башмачник не унывал и в третий раз пошел к королю. Он сказал: «Господин король, портному-то шепнул кто-то, что на дворе вашего замка вода в фонтане не бьет; так он похвастал, что может фонтан тот заставить в вышину выше человеческого роста бить, да еще притом и струя его, как хрусталь, чиста будет». Позвал король портного к себе и говорит ему: «Если завтра же утром не станет у меня вода во дворе струею бить, то на этом же самом дворе палач сократит твое тело на целую голову».

Бедняга-портной и раздумывать не стал и поспешил за городские ворота: а так как теперь опасность грозила его жизни, то слезы так и катились у него по щекам.

Между тем как он, грустный, шел по дороге, к нему подбежал жеребенок, которого он когда-то выпустил на волю и который успел превратиться в славного гнедого конька. «Настало теперь время, – сказал он, – когда и я могу тебе отплатить за твое доброе дело. Я уже знаю, что тебя печалит; садись же поскорее на меня верхом – я теперь таких двоих снести могу».

Портной словно ожил от этих слов: разом вскочил на коня, а конь во весь мах помчался к городу и прямо во двор замка. Там он с быстротой молнии три раза обежал кругом фонтана и затем пал наземь. И вдруг что-то страшно грохнуло: кусок земли с середины двора взлетел мигом вверх и перелетел через замок. И тотчас вслед за тем струя воды вышиною с человека на коне стала бить вверх и была чиста, как хрусталь, и солнце играло в ней своими разноцветными лучами.

Когда король это увидел, он вскочил от изумления, подошел к портняге и обнял его в присутствии всех.

Однако же счастье было непродолжительно. У короля дочерей было много, и притом одна красивее другой, а сына не было ни одного. И вот злой башмачник в четвертый раз пошел к королю и сказал: «Господин король, портной-то все не унимается в своем высокомерии. Теперь вот хвастает, что если бы он захотел, то аист тебе сразу бы сына за пазухой принес!»

Король приказал позвать портного и сказал: «Если ты так делаешь, что мне через девять дней будет сын принесен, то я выдам за тебя свою старшую дочь».

«Велика награда, – подумал про себя портняга, – чего-чего из-за нее не сделал бы... Только вишни-то эти уж очень высоко висят: полезешь за ними, да подломится ветка – пожалуй, и лоб расшибешь!»

Пошел он домой, сел на свой рабочий стол, поджав ноги, и стал обдумывать, что ему делать. «Нет! – воскликнул он наконец. – Так жить нельзя спокойно! Надо отсюда уехать!» Связал свой узелок и поспешил выйти из города.

Как вышел на луга, так и увидел там своего приятеля аиста, который, словно ученый муж, важно расхаживал взад и вперед, иногда приостанавливался, достаивал лягушку своего особого внимания и наконец ее проглатывал.

Аист подошел к портному и с ним поздоровался. «Вижу я, что у тебя котомка за плечами; зачем же ты задумал покинуть город?» Портной рассказал ему, чего король от него потребовал, а он исполнить не может, и пожаловался на свою горькую участь.

«Ну, ты из-за этого не очень тужи, – сказал аист, – в этой беде я тебе помогу. Давным-давно уже ношу я в этот город младенцев в пеленках, отчего же мне и принца не принести? Ступай себе домой и будь спокоен. От нынешнего дня через девять дней приходи в королевский замок – и я туда же прибуду».

Пошел портняга домой и в назначенное время направился в замок. Вскоре после того прилетел и аист и постучался в окно. Портной отворил ему, и долговязый кум осторожно вошел в окошко и пошел размеренными шагами по гладкому мраморному полу; в длинном клюве его был ребенок, прелестный, как ангелочек, он протягивал ручонки к королеве.

Аист положил ей ребенка на колени, и она его целовала и миловала, и была вне себя от радости. Аист же перед отлетом снял с

себя свою дорожную сумку и передал ее королеве. Сумка набита была свертками с цветными сахарными горошинками, и королева разделила их между своими маленькими дочками.

А старшей ничего не досталось – ей дали веселого портного в мужья. «Ну, – сказал он, – теперь мне все кажется, что Бог мне на шапку послал! Видно, права была матушка, когда говорила: кто на Бога надеется да счастьем не обделен, тому пропадать не приходится».

Пришлось башмачнику тачать те башмаки, в которых портняга отплясывал на своей свадьбе; а затем ему приказано было навсегда покинуть город.

Пошел он по дороге к лесу, и она привела его к виселице; изморенный дневным жаром, терзаемый злобой и ненавистью, он бросился на землю около виселицы.

Но чуть только он закрыл глаза, собираясь заснуть, оба ворона, сидевшие на головах висельников, со зловещим карканьем слетели к нему и выклевали ему очи.

Обезумевший от боли и ужаса, он устремился в лес да там, вероятно, и сгинул, потому что с той поры никто его не видывал и о нем ничего не слыхивал.

На первый взгляд может показаться, что в сказке «Два странника» фигура доброго, оптимистичного портняги воплощает сознательную часть, а фигура башмачника – Теневую, или компенсаторную, и на самом деле так интерпретируют ее все, кто применяет юнгианский подход к изучению сказок, считая эту сказку типичной, где воплощены Эго и Тень. Мне думается, что в какой-то мере так оно и есть, но по моему опыту, если вы начнете с такой гипотезы, она приведет вас в тупик; следовательно, я бы хотела вас предостеречь от употребления юнгианских терминов и приклеивания их к мифологическим фигурам, говоря: это – Эго, то – Тень, а вот это – Анима, ибо вы увидите, что такое соответствие лишь частичное, затем возникают противоречия и, в конце концов, искажения, – если люди не оставляют своих попыток втиснуть сказочные фигуры в рамки конкретной формы. Чем делать такие скоропалительные выводы, лучше посмотрите на эти две фигуры и на их функции в сказке, а также на способ их констелляции по отношению к другим сказочным персонажам и следуйте правилу – не интерпретировать никакие архетипические фигуры вне сказочного контекста. Тогда мы придем к несколько иному выво-

ду по сравнению с тем, который вытекает из произвольного взгляда на них как на Эго и Тень.

Портняга – очень хорошо известный сказочный персонаж. В известной сказке братьев Гримм «Храбрый портняжка»¹² есть некоторые похожие вещи, ибо портняжка в этой сказке тоже веселый и добродушный, невысокого роста, хрупкий и не очень сильный физически; при этом он одолевает великанов, а впоследствии хитростью побеждает свирепого вепря. В этой сказке злой вепрь нападает на портняжку, но тому удается ловко укрыться за деревом, в которое вепрь вонзает свои клыки и уже не может освободиться. Благодаря этой амплификации мы можем прийти к выводу, что портной в сказках имеет какую-то связь с архетипом трикстера, который побеждает врагов, превосходя их умом, хитростью и смекалкой.

Согласно средневековым идеям практически все ремесла имели связь с определенными планетами, причем каждое ремесло развивалось под влиянием своей планеты. Меркурий, наряду с некоторыми другими ремеслами, покровительствовал поварам и портным. Таким образом, профессия портного связана с Гермесом или Меркурием, то есть с богом-трикстером, обладающим всеми присущими этому богу качествами: разносторонним умом, смекалкой и изменчивостью. В те времена обучались ремеслу портного, как правило, невысокие, физически слабые мужчины, которые компенсировали отсутствие физической силы искусством и хитростью. Более того, портной шил одежду другим людям. Как правило, в наших интерпретациях одежда связана с Персоной, и в какой-то мере так оно и есть, ибо мы ей прикрываем «обнаженную истину» нашей личности, предъявляя окружающему миру более пристойную внешнюю сторону, более привлекательную по сравнению с тем, какие мы есть на самом деле. Идея, что одежда представляет собой Персону, прекрасно проиллюстрирована в сказке Г.Х. Андерсена «Новое платье короля». Король назначил высокую награду тому, кто сошьет ему наилучшее платье, и тогда к нему пришел хитрый маленький портняжка и сказал, что он может сшить совершенно особый, изысканный, великолепный наряд, обладающий такой волшебной силой, которую могут оценить только честные и порядочные люди. Король заказал ему одежду. Он ее не видел, но никому не выдавал своей тайны, и по городу поползли слухи, что

¹² The Complete Grimms Fairy Tales, p. 112 и далее.

вскоре король появится в новом волшебном наряде. Когда он вышел к народу, все стали выражать свое восхищение, и лишь один маленький мальчик воскликнул: «А король-то голый!» И тогда все стали хохотать. И здесь портной является трикстером, который демонстрирует людям глупость королевской Персоны.

С другой стороны, если подумать о культовых мистериях Поздней Античности и о ритуалах инициации во многих цивилизациях, можно увидеть, что люди одеваются не для демонстрации Персоны, а для выражения своей истинной установки. Например, в эпоху раннего христианства во время обрядов крещения людей с головой окунали в купель, а затем давали им белые одежды¹³, чтобы тем самым показать окружающим появление у них новой непорочной установки, или же их беспристрастного отношения. В инициациях митраизма¹⁴ и мистериях в честь богини Исида¹⁵,

¹³ Англ. *candid* – от лат. *candidus* – ослепительно белый, белоснежный.

¹⁴ Митраизм – древний тайный культ, основанный на поклонении Митре, одному из древнеиранских богов. Считался посредником между людьми и богами, богом-спасителем. Митраизм распространился в эллинистическом мире и Римской империи; в II–IV вв. был одним из главных соперников христианства. – *Примеч. пер.*

¹⁵ Исида – в египетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности и супружеской верности, богиня мореплавания, дочь Геба и Нут, сестра и супруга Осириса. Исида помогала Осирису цивилизовать Египет и обучила женщин жать, прясть и ткать, лечить болезни и учредила институт брака. Когда Осирис отправился странствовать по свету, Исида заменила его и мудро правила страной. Услышав о смерти Осириса от руки бога зла Сета, Исида пришла в смятение. Она обрезала волосы, надела траурные одежды и начала поиски его тела. Дети рассказали Исиде, что видели плывущий по течению Нила ящик с телом Осириса. Вода вынесла его под дерево, росшее на берегу близ Библа, которое стало стремительно расти и вскоре гроб полностью скрылся в его стволе. Узнав об этом, царь Библа приказал срубить дерево и привезти во дворец, где его использовали как опору для крыши в виде колонны. Исида, догадавшись обо всем, устремилась в Библ. Она бедно оделась и села у колодца в центре города. Когда служанки царицы пришли к колодцу, Исида заплела им волосы и окутала таким благоуханием, что вскоре царица послала за ней и взяла воспитательницей своего сына. Каждую ночь Исида помещала царское дитя в огонь бессмертия, а сама, обернувшись ласточкой, летала вокруг колонны с телом мужа. Увидев сына в языках пламени, царица издала такой пронзительный крик, что ребенок утратил бессмертие, а Исида раскрыла себя и попросила отдать ей колонну. Получив тело супруга, Исида укрыла его в болоте. Однако Сет нашел тело и разрезал на четырнадцать кусков, которые рассеял по всей стране. С помощью богов Исида нашла все куски, кроме пениса, проглоченного рыбой. По одной из версий, Исида собрала тело и возродила Осириса к жизни, используя свою целительную силу, и зачала от него бога неба и солнца Гора.

Исида была настолько популярна в Египте, что со временем приобрела черты других богинь. Ее почитали как покровительницу рожениц, определяющую судьбу новорожденных царей. Культ богини был также распространен в Древней Греции, Риме и даже повлиял на христианское искусство. – *Примеч. пер.*

инициирующиеся юноши надевали характерные белые одежды, служа как бы воплощением бога солнца, чтобы продемонстрировать другим людям происходящую с ними внутреннюю архетипическую трансформацию. В одной алхимической притче дух Меркурий описан как цирюльник. Своими ножницами он создает практически необходимой правильной формы – то есть он придает форму самим людям, а не их одежде, а значит, он «перекраивает», трансформирует людей, является как бы психотерапевтом, который приводит их в надлежащее правильное состояние¹⁶.

¹⁶ Вполне возможно, что речь идет о видениях старца Зосимы, описанных Юнгом в его работе «Симолы превращения в Мессе». По Юнгу, другие имена жреца – «медный человек» и «цирюльник»: «Некоторое удивление вызывает термин “цирюльник”, поскольку о бритве или стрижке речи нигде не идет. В то же время в видениях Зосимы упоминается скальпирование, и в нашем контексте оно должно быть напрямую связано с античными ритуалами свежевания и их магическим значением... Вообще, свежевание в соответствующих ритуалах символизирует превращение, переход из худшего состояния в лучшее, а следовательно – обновление и возрождение... Стрижка волос с давних пор связывалась с освящением, т.е. духовным превращением или инициацией. Жрецы Иисиды брились наголо, а тонзура, как известно, принята еще и сегодня. Тот факт, что стрижка волос воспринималась в качестве “симптома” превращения, можно объяснить древним представлением, проводившим аналогию между претерпевшим превращение человеком и новорожденным ребенком (неофит) с еще безволосой головой. В одном первобытном мифе герой теряет все свои волосы в период “инкубации” – пребывания во чреве морского чудовища – из-за царившего там зноя (поистине “чудовищного”!). А если существует обычай выбривать тонзуру, восходящий к этим древним представлениям, то, разумеется, не обойтись без ритуального цирюльника. В Древнем Египте цирюльники были людьми относительно зажиточными, что должно указывать на процветание их ремесла... Примечательно, что с цирюльником мы встречаемся и в другой алхимической “мистерии” – “Химической свадьбе”... Из печатных изданий мне известно лишь одно: редкий итальянский фолиант XVI века. И здесь бритве по своему смыслу сопровождает инициацию и процесс превращения вообще. Сюда же относятся “бритие человека” и “ощипывание птицы”, упоминаемые ниже среди рецептов магических жертвоприношений.... Подобно Гермесу, Меркурий (или планетный дух Меркурий) – бог откровения, раскрывающий адептам тайны Искусства. Кроме того, он – “душа тел”, *anima vitalis*... Руланд определяет его как “духа, ставшего землей”. Меркурий есть дух, проникающий в глубины телесного мира и преобразующий его. ...Меркурий символизируется змеем... Из многочисленных текстов явствует, что Меркурий – это одновременно вода и огонь; а вода и огонь, со своей стороны, характеризуют природу духа. Мотив умерщвления мечом часто встречается в алхимических трактатах. Меч может расчленять “философское яйцо”, пронзая “короля”... Он может рубить на части дракона или *corpus*, изображаемое в виде человеческого тела с отрубленными головой и конечностями. Мечом отсекаются и лапы льва, о чем только что упоминалось. Алхимический меч осуществляет *solutio* или *separatio elementorum* [разрешение или разделение элементов], в результате чего восстанавливается изначальное состояние хаоса и возникает возможность произвести новое, более совершенное тело посредством нового *impressio formae* или *imaginatio* [запечатления формы или воображения]. Вот почему меч *occidit et vivificat* [убивает и животворит] – (см. с. 36)

Таким образом, мы можем сказать, что портной имеет связь с архетипической силой, способной трансформировать человека и придать ему новую установку, – с той силой, которая связана с интеллектом и способностью перехитрить других. Его врагом становится великан. Великаны, известные своими огромными размерами и своей выдающейся глупостью, в основном воплощают сильные, неуправляемые эмоции. Как только человек оказывается во власти аффекта, он становится глупым. В мифологии великаны (гиганты) связаны с землетрясениями. Вепрь с его агрессивными клыками воплощает агрессивную установку, и портной знает, как с этим справиться. Он тоже воплощает типичные человеческие черты: смекалку и острый ум, которые помогают справиться с примитивными эмоциями и достичь высокого уровня осознания.

Кроме того, в сказке «Два странника» портняга – очень набожный человек, ибо, когда ему становится очень трудно, он молится Богу, в которого очень верит и на которого очень надеется, ибо по натуре оптимист и твердо верит, что Образ Божий поможет ему пройти через все испытания. Поэтому мы можем прийти к выводу, что присущий человеку способ справляться с эмоциями умом и хитростью в данном случае сочетается с христианской религиозной установкой, христианским *Weltanschauung*¹⁷.

Башмачник тоже имеет связь с внешним облачением, но только с обувью, а это значит, что нужно выделить, в чем состоит

(со с. 35) и то же самое говорится об *aqua permanens sive mercurialis* [воде вечной или ртутиевой]. Меркурий и наделяет жизнью, и разрушает старую форму. Меч, который в церковной символике исходит из уст апокалиптического Сына человеческого, согласно Евр. 4: 12, есть Логос, Слово Божье, иначе говоря Христос. Естественно, эта аналогия пришлась алхимикам весьма кстати: им всегда было мучительно трудно найти подходящие слова для выражения своих фантазий. И Меркурий был их Посредником и Спасителем, их Сыном макрокосма, *filius macrocosmi* (в противоположность Христу как *filius microcosmi*), Разрешителем и Разделителем. Так что и Меркурий – меч, ибо он есть “дух проникающий” (*penetrabilior ancipiti gladio*). Герхард Дорн, алхимик XVI в., говорит, что в дольном мире меч превратился в Христа, Спасителя нашего, после чего развивает свою мысль следующим образом: прообраз меча, функционирующего как орудие разделения и рассечения (как раз этой функции отводится в алхимии значительная роль), – огненный меч ангела, отсекающий наших прародителей от рая, как вытекает из вышеприведенного текста Дорна (*angelo gladium irae eriperet*). Мотив разделения мечом встречается также в гнозисе офитов. Здесь дольный мир рисуется окруженным огненным кольцом, охватывающим разом и рай – но рай отделяется от этого кольца “огненным мечом”. Речь здесь идет о превращении жизненного духа, обретающегося в человеке, который в конечном счете получает божественный облик». – *Примеч. пер.*

¹⁷ *Weltanschauung* (нем.) – мировоззрение. – *Примеч. пер.*

общее характерное различие в символике одежды и обуви. Если одежда воплощает установки, то их интерпретация может зависеть от той части тела, которую прикрывает конкретная одежда. Можно сказать, что штаны должны ассоциироваться с сексуальной установкой, а бюстгальтер – с материнской установкой. Есть немецкая пословица, которая звучит либо как «рубаха ближе к телу, чем кафтан», либо как «своя кожа рубахи дороже»¹⁸; вторая пословица точно передает психологический смысл: одежда, которая ближе к телу, воплощает более сокровенную установку. Утверждалось, что нога представляет собой фаллический символ, которому нужна конкретная поддержка; тогда обувь символизирует женский орган, в который погружена нога.

Сексуальная сторона образа башмачника неявно связана с символикой ноги, но это для нас не очень важно: мы можем полагать, что люди, относящиеся к социальному слою, изображенному в этой сказке, выражались бы более прямо и откровенно и говорили бы о сексе, если бы считали, что именно о нем идет речь, поэтому эта символика в данной сказке имеет несколько иное значение. Если мы начнем с гипотезы, что обувь – это просто часть экипировки человека, которая покрывает его ноги, и что обутыми ногами человек стоит на земле и соприкасается с ней, то обувь символизирует *точку зрения (standpoint)* или *отношение к реальности*. Подтверждением тому служит много очевидных фактов. Немцы говорят, что, если человек становится взрослым, он «снимает свои детские ботинки»¹⁹, а в Швейцарии говорят, что он «надевает ботинки своего отца» или «идет по стопам своего отца»²⁰, – то есть принимает такую же установку. Кроме того, наблюдается связь обуви и со стремлением к власти, ибо если человек хочет утвердиться в своей власти и подавить другого, он «наступает ему на горло» (*puts one's foot down*), как поступал солдат викториан-

¹⁸ Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Ермак: Астрель, 2005. – *Примеч. пер.*

¹⁹ Русским аналогом скорее всего является выражение «он вырос из коротких штанишек». – *Примеч. пер.*

²⁰ В России есть поговорка: «старые башмаки никогда не жмут». А в скандинавском обряде был башмак, сшитый специально, с соблюдением разных магических правил. Именно он символизировал приобщение к роду нового человека, принятие его не только членами семьи, но и мифическим предком. Во время священнодействия приемный сын надевал этот башмак вслед за отцом, «вступал в его след», становясь в полном смысле слова «наследником». Вряд ли случайно русские слова так хорошо ложатся в описание подробностей совсем, казалось бы, чужого обряда. – *Примеч. пер.*

ской эпохи, ставя ногу на горло поверженного врага. В немецком языке есть выражение «подкаблучник» (*Pantoffelheld*)²¹, которое относится к мужчине, находящемуся в полном подчинении у своей жены – она наступает ему на горло, и он совершенно теряет свою самостоятельность и во всем слушается только ее. Таким образом, мы могли бы сказать, что наша точка зрения по отношению к конкретной реальности всегда имеет связь с утверждением своей силы, ибо мы не можем принять какую-то точку зрения, не самоутвердившись в той или иной мере; когда речь заходит о реальности, мы должны сделать выбор и чему-то отдать предпочтение. Поэтому башмачник должен воплощать архетипическую фигуру, похожую на портного, но в особенности сосредоточенную на своем отношении к реальности.

Профессия башмачника (сапожника) считается одной из самых простых, даже проще, чем профессия портного, хотя социальное положение и того и другого нельзя назвать высоким и достигающим уровня буржуа. Есть много сказок и легенд, в которых подчеркивается низкий социальный уровень башмачника. Из легенды о святом Антонии²² мы знаем, что, к нему явился Божий

²¹ От нем. *Pantoffel* – домашняя туфля; *Held* – герой. У древних германцев жених мог обращаться к опекуну невесты только через посредников. Если переговоры с посредником проходили удачно, то к опекуну являлся и сам жених. Начинался торг. Мужчину выкупал будущую жену. Обговаривались условия, но опекун никогда не давал сразу окончательно ответа. В следующий раз жених должен был явиться в дом невесты с башмаком. Он преподносил его даме сердца. Если девушка надевала его на ногу, то это означало, что невеста дает согласие на безоговорочное подчинение своему будущему мужу. Отсюда и произошло видоизмененное позже выражение «оказаться под каблуком у мужа». – *Примеч. пер.*

²² Святой Антоний, или Антоний Великий (ок. 251 – ок. 356), также Авва Антоний, Антоний Египетский, основатель первых монашеских общин. Происходил из знатного египетского рода, говорил только на коптском языке и всю жизнь прожил в родной стране.

Афанасий Александрийский в Житии Св. Антония рассказывает о своем следующее. Святой с детских лет отличался исключительным благочестием. Когда умерли его родители, Антонию было всего двадцать лет, и у него на руках осталась малолетняя сестра. И все же, вняв евангельскому слову – «...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим» (Мф. 19: 21), подвижник раздал свое имение, поручил воспитание сестры надежным людям и ушел в пустыню. Антоний жил в гробнице, а затем ушел еще дальше, поселился в развалинах и здесь предавался аскезе. Автор подробно описывает дьявольские козни, которые пришлось преодолевать святому; однажды Антоний до такой степени изнемог в борьбе с «нечистым», что его приняли за мертвого. В конце концов Антоний восторжествовал над Дьяволом, слава о его чудесах распространилась повсюду, у него появились многочисленные ученики и последователи. Прославился Антоний и в борьбе с арианами. Слава Антония как основателя (см. с. 39)

ангел, и тот решил, что совершил нечто очень важное и стал великим святым, но однажды ангел ему поведал, что в Александрии есть еще более святой человек. Почувствовав ревность, Антоний захотел увидеть этого человека, и тогда ангел привел его в бедный квартал Александрии, в жалкую лачугу, где жил старый башмачник со своей несчастной женой; он сидел и тачал обувь. Святой Антоний удивился, но вступил с ним в разговор, желая узнать, в чем же этот человек более свят, чем он, и стал спрашивать его о религиозных взглядах и вообще об отношении к религии; однако башмачник лишь взглянул на него и сказал, что он просто шьет обувь, чтобы заработать немного денег, потому что ему нужно прокормить жену и детей. Тогда у святого Антония наступило просветление. Эта история служит иллюстрацией того, что установка башмачника, в отличие от святого Антония, связана с реальностью, тогда как Антоний лишь стремился повысить степень своей святости. У башмачника была абсолютно человеческая, смиренная связь с реальностью, отсутствующая у большинства святых; именно об этом ангел и говорил святому Антонию. Существует одна известная поговорка: «башмачник, не теряй своего умения» (*shoemaker, stick to your tools*), ибо если он его утратит, то ухудшится все, что касается его отношения к реальности, ибо нам следует быть совершенно реалистичными и не переступать через свои ограничения. Башмачник так и поступает и, согласно пословице, поступает правильно.

В сказке «Два странника» после скитаний по лесу в кульминационной точке развития сюжета башмачник и портной поступают в услужение королю, и там башмачник начинает плести интриги; и все заканчивается тем, что портняга женится на принцессе, но не становится королем, как это обычно бывает. В других волшебных сказках простой человек женится на принцессе, и подразумевается, что благодаря своему браку он станет новым королем, но здесь вместо этого аист приносит королю сына, который станет его наследником (а вовсе не портняга), если, конечно, королевский

(со с. 38) монашества, а также подробно разработанные демонологические мотивы, которыми отличается жития святого, способствовали популярности произведения Афанасия Александрийского. Культ Антония особенно распространен в Западной церкви. В XI веке был учрежден орден святого Антония. Житие Св. Антония нашло широкое отражение в западноевропейской иконографии (в том числе работы Босха, Рубенса, Д. Тенирса старшего и др.), его использовал в «Искусении святого Антония» Г. Флобер. — *Примеч. пер.*

сын не умрет, что совершенно невероятно, принимая во внимание сказочную обстановку. Наверное, нам следовало бы себя спросить, что вообще значит, если простой человек, как, например, крестьянин, портной, башмачник, какой-нибудь дурачок или единственный сын вдовы, женится на принцессе и тем самым становится будущим королем; поэтому нам следует углубиться в символику фигуры короля.

На тему символики королевской фигуры я отсылаю вас к труду Юнга *Mysterium Coniunctionis*, в котором этой теме посвящена целая глава²³. Король (или царь) на примитивном уровне является воплощением или носителем мистической жизненной энергии нации или племени, и потому, как вы можете прочитать у Фрэзера в главе «Умиравший Бог»²⁴, здоровье, а также физическая и духовная сила царя являются гарантией силы и здоровья племени, и как только король становится импотентом или заболевает, его должны убить. По истечении определенного числа лет правления его следует сместить, так как носитель этой жизненной энергии всегда должен быть молодым. Он является воплощением Образа Бога, жизнеспособной силы племени. Среди шиллуков²⁵ в верховьях Белого Нила этот обычай проявляется в том, что, когда наступает время убить старого царя, его запирают в хижине вместе с девственницей и вместе с ней морят голодом до самой смерти, а напротив этой хижины ставят так называемый трон (низкий примитивный стул) и сажают на него его преемника: в момент смерти дух жизни старого царя переходит в тело нового царя. С этих пор он становится царем и носителем царской власти.

Повторяю, сделав скоропалительный вывод, мы могли бы сказать, что король обладает всеми свойствами символа Самости, но по существу такое утверждение является слишком общим и

²³ The Collected Works of C.G. Jung, trans. R.F.C. Hull (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1957–1979) 14, chap. 4. (Рус. перевод: Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997.)

²⁴ James G. Frazer, *The Golden Bough*, Part 3: *The Dying God* (London: Macmillan and Co, 1919), chap. 1. (Рус. перевод: Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1984.)

²⁵ Шиллук – народ в Судане, отн. к подгруппе народов луо. Наиболее многочисленная группа из негроидных народностей – 430–450 тыс. чел. Говорят на языке шиллук, относящемся к северо-западной группе нилотских языков. Основные занятия – скотоводство и земледелие, а также охота и рыболовство. Живут в поселениях. Придерживаются традиционных верований, есть христиане (в основном католики) и мусульмане-сунниты. – *Примеч. пер.*

неточным, хотя фигура короля воплощает жизненное начало, Образ Бога и центр психической и духовной организации и в этом смысле несет на себе проекцию Самости – регулирующего и управляющего центра, определяющего целостность и полноту. Но это не соответствует действительности, ибо нам уже известно, что архетип Самости не может так сильно зависеть от времени. Кроме того, у нас есть образ умирающего короля, который должен быть смещен с трона, что не соответствует представлению о Самости как о регулирующем центре психики, который должен продолжать функционировать. Следовательно, каким образом он может оставаться на месте и при этом не служить воплощением Самости? Ответ можно найти в ритуале шиллуков, о котором я уже вам говорила. Царь – это не Самость, а сформулированный сознанием символ этого архетипа. Царем нашей цивилизации является Христос, он является символом Самости, то есть специально выделенным аспектом Самости, доминирующим в нашей цивилизации, он Царь Царей, доминирующее содержание психики. Я бы сказала, что Будда – это подобным же образом выделенный аспект символа Самости в буддийской цивилизации. Таким образом, король – это не архетип Самости, а символ Самости, который стал основным доминирующим воплощением Самости в цивилизации.

Похоже, существует архетипический универсально достоверный закон (*archetypal law of general validity*), который заключается в том, что любая символика, созданная и сформированная в коллективном сознании, со временем иссыкает и сопротивляется обновлению вследствие некоторой инертности сознания. Самые глубокие внутренние переживания через десять-двадцать лет отчасти утрачивают свою силу и, в особенности на коллективных уровнях психики, самые важные религиозные символы имеют тенденцию к истощению. Возьмите, например, детей, которые должны постоянно быть связаны с символом Христа и с христианством и которым уже в шестилетнем возрасте становится скучно, так что они перестают это воспринимать, закрывают свой внутренний слух, ибо для них все это становится неким подобием девиза, лозунга и утрачивает свои нуминозные качества и свою ценность. Кроме того, некоторые пасторы и священники говорили мне, что практически невозможно каждый раз писать вдохновенную проповедь, ибо бывают дни, когда сказывается усталость или, может быть, кто-то из них поссорился с женой, – то есть когда налицо

все признаки энергетического истощения. Если бы Христос был для такого пастора абсолютно нуминозной фигурой, этого бы не произошло. Похоже, трагизм ситуации состоит в том, что человеческое сознание имеет склонность к односторонности и однозначности и не всегда способно гибко реагировать на внутренние процессы, поэтому некоторые избитые истины остаются в нем слишком долго.

Тот же закон можно применить для описания внутренней эволюции человека – некто имеет внутреннее переживание и какое-то время живет им, но затем жизнь изменяется, и отношение к нему тоже должно измениться, однако все это остается незаметным, пока в сновидениях не проявляется необходимость новой адаптации. В среднем возрасте сознание имеет тенденцию настаивать на определенных установках и не скоро замечает изменения внутреннего направления жизни, сознание тоже должно измениться с приближением смерти. Это же относится и к религиозному содержанию, поскольку оно, становясь осознанным и вербализованным, утрачивает свою непосредственную новизну и нуминозность, и по этой причине великие религиозные системы испытывают стремление к обновлению: или же происходит их полное изменение, или привносится новое истолкование, восстанавливающее их непосредственное воздействие и изначальный религиозный смысл. Фигура стареющего короля, которого нужно заменить новым, символизирует этот общий психологический закон. Все, что удалось достичь, по всеобщему признанию, в каком-то смысле было на это обречено; нужна была только мудрость, чтобы это понять, и постоянная готовность к тому, чтобы изменить установку. Но подобно тому, как отдельный человек имеет склонность к привычным установкам, коллективу это присуще даже в большей мере. Тогда вам придется противостоять инерции, которая может быть опасной для содержания. Именно к этому имеет отношение таинство обновления короля.

В сказке король имеет и другую характерную черту: он представляет собой не только глубинную надежду цивилизации, но и служит воплощением религиозной фигуры. Прикладывалось немало усилий, чтобы избежать время от времени возникающей трагедии, связанной со смертью правителя, и эти усилия были связаны с удвоением власти, то есть с тем, чтобы наделить шамана властью *наряду* с царем. Шаман не был особенно вовлечен в земную деятельность племени, ибо его задача заключалась в том, чтобы

совладать с актуальным религиозным переживанием. Следовательно, во многих примитивных племенах существует разногласие между царем и шаманом, который, как «серый кардинал», стоит за спиной царя или оказывается подавленным абсолютной властью монарха. В нашей собственной истории возникали серьезные конфликты, когда католическая церковь попыталась завладеть верховной властью и подчинить себе короля или когда те или иные короли пытались заменить собой Папу или же подчинить его себе и распространить свою власть на религиозную жизнь католической церкви. Идея, стоящая за разделением власти, заключалась в сохранении такого порядка, при котором религиозная сторона была бы способна к обновлению и вместе с тем светская власть могла бы нести свои функции. Таким образом, было бы возможно поддерживать напряжение противоположностей, тенденцию к сохранению непрерывности сознания и необходимости постоянного внутреннего обновления. Недостаток этой идеи заключается в опасности конфликта и расщепления энергии на два потока, которые на самом деле сосуществуют в нашей психике.

В сказках часто бывает так, что новым королем становится простой человек после многочисленных перипетий, пройдя через множество испытаний. Мы должны очень хорошо понять, что это значит. Если королем становится принц, он наследует право на престол, и мы могли бы сказать, что обновление происходит внутри одной и той же доминанты, как, например, изменение Устава ордена францисканцев-миноритов святым Франциском Ассизским внутри католической церкви²⁶. Это случилось в тот период, когда католической церкви грозила опасность, и тогда св. Франциск создал Устав ордена миноритов для организации своего собственного движения, но вместе с тем это движение существовало в рамках католической церкви: оно стало движением обновления духовной жизни. Этот пример можно считать историческим эпизодом, сказочным воплощением которого является восшествие на королевский престол принца. С другой стороны, в сказках часто бывает так, что королем вдруг становится неизвестный человек; в таких случаях обновление доминанты коллективного сознания

²⁶ Святой Франциск из итальянского города Ассизи (1181–1226) известен как монах-основатель нищенствующего ордена (францисканцев-миноритов) римско-католической и англиканской церкви. Он основал Третий орден покаяния (терциарии) и переработал Устав для Первого ордена. Известен как покровитель зверей, птиц и живой природы. – *Примеч. пер.*

происходит с той стороны (как социологической, так и архетипической), с которой оно меньше всего ожидается. Таким примером служит догмат о Вознесении Пресвятой Девы Марии, ибо в некоторых теологических кругах к нему относились презрительно, однако Папа провозгласил, что согласно общенародному желанию такой догмат должен существовать. При этом он столкнулся с очень сильной оппозицией и обратился к видениям Девы Марии, которые имели место в Фатиме в Португалии²⁷; таким образом, догмат о Вознесении Пресвятой Девы Марии основывается больше на чувственном отношении простых людей, чем на теологической мысли. Говорят, что у самого Папы были видения (хотя официально это не утверждается). То есть символ появился из такого неожиданного источника, как бессознательное Папы; обновление приходит оттуда, откуда его не ждут.

В общем, мы можем прийти к выводу, что если в сказке говорится о том, что королем становится простолюдин, значит в ней описан процесс обновления коллективного бессознательного. Этот процесс внезапно начинается в неизвестной, официально презируемой части коллективной психики, то есть среди простолюдинов, ибо, как это ни покажется странным, люди из более низких социальных слоев гораздо больше, чем образованные люди, страдают от воздействия глубинных архетипических течений. Например, есть много свидетельств тому, что в университетах и во всех научных кругах слишком много внимания уделяется современной технике и ее влиянию на людей, и очень мало – проблемам окружающей среды и связи человека с природой. Правящие классы это осознают, но простой крестьянский мальчик, который покинул свою деревню и ушел работать на фабрику, – нет, но ведь именно поэтому он страдает, приходит в отчаяние и начинает ненавидеть своих товарищей, не осознавая того, что он страдает от болезни нашего времени. В его психике может конstellироваться жажда изменения отношения к действительности, которая находит такое внешнее символическое выражение. Он может превозмочь свое расстройство, решившись на обновление, однако он

²⁷ В португальском городе Фатима в 1917 году с мая по октябрь Пресвятая Дева Мария являлась трем детям 7–10 лет каждый тринадцатый день месяца. Она являлась в венце из терна, и ее сердце пылало пламенем. В одном из явлений она просила молиться о возвращении России к вере. С тех пор 13 мая отмечается праздник Фатимы, которую называют «Наша Госпожа из Фатимы» или «Наша Госпожа Роз из Фатимы». – *Примеч. пер.*

воспринимает действительность на очень примитивном уровне и может попытаться найти столь же примитивное лекарство от своей болезни. Это либо символически демонстративное поведение, или же, почувствовав, что его жизнь не имеет никакого смысла, он будет напиваться до мертвецкого состояния. Таким образом, мы видим, что настроения, скрытые желания и потребности простых людей в ясной форме выражают потребности всего современного населения. Когда у меня проходят анализ эти простые люди, я всегда поражаюсь, насколько в их сновидениях много архетипического материала, который, видимо, больше относится к проблемам нашего времени, чем найденный в сновидениях образованных людей. Бедная девушка, всегда печальная и встревоженная, с туманным будущим, не осознает, почему она может быть жертвой нашего времени, и в ее сновидениях могут очень четко и ясно проявляться проблемы сегодняшнего дня. Можно было бы назвать эти сны видениями времени, которые возникают в душе у сновидцев. Вот что можно узнать, анализируя необразованного просто-го человека!

Мне бы хотелось это показать на примере. С одной школьной учительницей произошел следующий случай. Она отправилась в соседний город на заседание антропософского общества в некотором соборе, который пользуется мировой известностью. Когда закончилось собрание, которое проводил местный проповедник, и она вышла из собора, ей привиделось, словно наступил конец света. Темные тучи, обрамлявшие небо, содрогнулись, и на самом верху соборной башни показалась бронзовая фигура Смерти верхом на лошади. Раздался голос: «На землю нисходит Смерть и начинает свое победоносное шествие». Башня начала содрогаться, как дрожала от страха эта женщина в детстве, сотрясалась и фигура Смерти. Женщина вернулась в зал со словами: «Выйдите и увидите – Смерть вышла на свободу». Она хотела сказать, что теперь болезни и войны приведут к множеству человеческих жертв, но, снова выйдя из собора, она увидела, что после сошествия Смерти на землю башня перестала содрогаться, и теперь на ее верху стояла каменная статуя прекрасной женщины, которая больше не вызывала угрозы.

Можно рассматривать и понимать это видение с индивидуальной точки зрения: у женщины была очень сильная христианская установка с присущими ей идеями о самоуничтожении; она никогда не позволяла себе ничего [греховного], и у нее было тай-

ное желание умереть. Так как она совершенно не думала о себе, то всегда настраивала себя на то, чтобы помогать другим, полностью отказываясь от своей жизни, строя ее на основе принципа смерти, и в результате полностью себя похоронила вследствие христианской установки послушания. Это был индивидуальный способ видения, высший принцип бытия, присущий христианской установке, которая скорее способствовала смерти, чем жизни. Она жила *imitatio Christi*²⁸, что означает, что человек должен умереть в возрасте тридцати – тридцати двух лет, не ощущая при жизни ничего, кроме горечи и страданий. Кроме того, она была одержима Анимусом и совершенно исключала фемининную сторону жизни, отсутствие которой, опять же, соответствует христианской установке.

В ее видении принцип смерти заменила фигура женского Божества. Поэтому это видение имеет индивидуальный смысл. Более того, в то время вышеупомянутая учительница решила, что у нее начинается рак. С другой стороны, это видение демонстрирует проблему нашего времени во всех ее проявлениях, даже в связи с догматом о Вознесении Девы Марии. Эта женщина разделяла коллективную судьбу, и коллективное бессознательное совершенно неприкрыто проявлялось в ее индивидуальном бессознательном. Ей приснился сон, что однажды, сидя на улице, она услышала гудение и, подняв голову, увидела огромный круглый диск, летящий по небу, – металлического паука, внутри которого были человеческие существа. Изнутри паука раздавались звуки гимна или молитвы с примерно такими словами: «Опустите нас на землю, вознесите нас на небеса»; объект, напоминающий НЛО, продолжал парить над зданием Парламента, и люди внутри были так испуганы, что все быстро подписали мирный договор, а затем сновидица обнаружила, что она совершенно раздета. У нее была шизоидная личность, однако на поверхностном уровне здесь проявлялась общая ситуация нашего времени. Эти случаи можно рассматривать в качестве примеров наивных снов или видений.

Кроме того, я анализировала одну поденщицу, склонную к суициду и совершенно убежденную в том, что посещавшие ее видения были религиозными откровениями, которые очень важно рассказать миру. Она решила написать их краткое содержание и

²⁸ *Imitatio Christi* (лат.) – подражая Христу – Примеч. пер.

направить Уолту Диснею, а из нескольких ее рассказов можно было заключить, что идея была не так уж плоха. Но случившиеся у нее видения, которые она хотела использовать таким вот образом, явно были предназначены для того, чтобы избавить ее от сложностей современной жизни. В данном случае проблема заключалась в том, что у этой женщины не хватало образования, чтобы как следует выразить свою идею и донести до читателя, а следовательно, идея не находила своего выражения и стала вызывать болезненные симптомы. Таким людям нужно оказывать конкретную помощь, однако основная проблема в том, хватит ли у них жизненных сил. Я рекомендовала женщине пойти учиться в «клуб-школу Мигро»²⁹, а затем устроиться на работу и проявлять терпение по отношению к своим видениям: таким образом у нее в жизни появилось бы занятие и некая цель. К сожалению, у людей шизоидного типа часто не хватает энергии, поэтому им можно помочь, только тратя на них свои жизненные силы или найдя другого человека, который на это способен, но часто такие люди пребывают в жалком физическом состоянии и не могут выразить свое внутреннее содержание. В истории известны такие люди, как, например, Якоб Бёме³⁰, который был сапожником и записывал религиозные откровения, основанные на своих видениях, хотя легко понять, что он не был достаточно образован, чтобы придать им

²⁹ «Мигро» – один из самых больших холдингов в Швейцарии, который располагает самой большой сетью супермаркетов и самым большим количеством наемных работников. Само это слово образовано в результате сочетания двух французских слов: *mi* (половина, или полпути) и *gros* (оптовая торговля). То есть здесь отпускная цена товара находится в интервале между оптовой и розничной. «Мигро» был основан Готтлибом Дуттвейлером в 1925 году. Основная идея – связать напрямую производителей и продавца, т.е. избежать удорожания товара из-за посредников, принесла Дуттвейлеру успех и прибыль – сейчас нет ни одной швейцарской деревни без своего «Мигро». Но он не остановился на достигнутом, а решил нести свет в массы и организовал при концерне «клуб-школу Мигро», которая давала возможность даже небогатым людям посещать кружки, учить языки, заниматься спортом. Такие «клуб-школы» разбросаны по всей Швейцарии. – *Примеч. пер.*

³⁰ Якоб Бёме (1575–1624) – немецкий теософ-мистик. Психологическим основанием его системы были зрительные и слуховые галлюцинации, которыми он страдал и считал видениями и внушениями свыше. Его биография и произведения дают богатый материал для патологии мистических переживаний. Бёме объяснял дуализм добра и зла существованием трех начал в мире и боге – положительного, отрицательного и примиряющего. Эта идея, содержащая в зародыше диалектические представления, была извлечена из мистики Бёме и развита немецкими философами-идеалистами. Гегель называл Бёме своим предшественником. Якоб Бёме не получил фундаментального образования, он был сапожником и в свои последние годы вел жизнь странствующего философа. – *Примеч. пер.*

надлежащую форму. Но он оказал огромное воздействие на своих современников, и его внутренние переживания оказали большое влияние на других людей. Такие латентные «Якобы Бёме» встречаются гораздо чаще, чем нам известно.

Итак, если такие конstellляции в обществе обладают достаточной силой, могут произойти некоторые события, как, например, в христианской религии, когда на протяжении одной ночи, как это, собственно и было, в нижних социальных слоях населения возникла совершенно новая религиозная установка. В первое время христианство не достигало высших слоев в Римской империи; оно стало распространяться среди рабов. Тогда у людей были видения Христа и личные откровения, которые распространялись среди простых людей, как пламя от попавшей искры, и в которых выражалась их надежда на освобождение от рабства, – эти откровения получали новую цель: это было обновление, происходящее снизу. Царя сменял рабочий или раб, и такая замена стала доминирующим символом. Она даже нашла буквальное выражение в описании Христа как Царя царей и вместе с тем слуги простого человека³¹.

В нашей сказке король еще не смещен с трона. Портняга не становится наследным принцем, но женится на старшей принцессе и становится членом королевской семьи; и портняга, и башмачник в одно и то же время были королевскими слугами. Поэтому, если мы посмотрим на всю структуру в целом, то увидим, что король не является ни хорошим, ни плохим, но его силы уже идут на убыль, – к такому выводу можно прийти, зная, что ему требуется помощь, чтобы иметь сына, и что у него была потеряна корона. Таким образом, он уже приближается к состоянию низложенного короля, но при этом в нем еще достаточно сил, чтобы сохранять свое положение и управлять королевским двором; в области коллективного бессознательного и его преобладающих проявлений возникают два противоположных фактора и настраивают короля противоположным образом. Доверие короля сначала завоевывает башмачник, а затем портняга. Первый играет дьявольскую роль, роль Люцифера, подобно Сатане из Книги Иова, который жалуется Богу на Иова, говоря, что тот богат, а поэтому на-

³¹ См. Откровение Иоанна Богослова, 17: 14: «Они будут вести брань с Агнцем, и Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые и избранные и верные». – *Примеч. пер.*

божен и благочестив, но давайте лишим его всего его богатства и посмотрим, что будет! В значительно меньшем масштабе точно так же поступает башмачник: как только он завоевывает доверие короля, портняга начинает испытывать на себе огромное давление сверху.

Сказать, что портняга воплощает область сознания, а башмачник – Тень, – значит совершить слишком резкий переход в наших умозаключениях; с тем же успехом можно было бы сказать, что они оба являются Тенью короля. Любой сказочный персонаж является Тенью какого-то другого сказочного персонажа; все персонажи сравниваются друг с другом, и все сказочные фигуры выполняют компенсаторную функцию. Таким образом, здесь можно употребить термин Тень *cum grano salis*³².

Можно предположить, что король воплощает доминирующий символ нашей эры – эры христианства, хотя я не могу сказать точно, какой именно эпохи: XVI, XVII или XVIII века. В сказках трудно определить конкретный исторический период, даже если в ней присутствуют внешние характерные признаки. Если в сказке упоминаются пистолеты, это может служить неким указанием, но не точным доказательством. Существование сказок, напоминающих миф об Амуре и Психее, говорит о том, что основным структурам таких сказок может быть две тысячи лет или даже больше, поэтому «возраст» сказки скорее можно достоверно определить по некоторым внутренним признакам, чем внешним, то есть исходя из их архетипической структуры. Мы могли бы сказать, что король воплощает доминирующую христианскую установку, которая еще не достигла того уровня, когда от нее следует полностью отказаться или полностью обновить, но вместе с тем в данный момент она уже не так сильна, как прежде. В образе двух странников воплощаются два архетипических фактора, два бога: Меркурий и Сатурн, которые констеллировались в королевских придворных, и еще неизвестно, кто из них возьмет верх. В сказках, где отсутствует Тень, имеет место раздвоение архетипического персонажа, так что одна его часть является Тенью другой части. Все комплексы и более общие структуры – то есть коллективные комплексы, которые мы называем ар-

³² *Cum grano salis* (лат.) – досл. «с крупинкой соли», т.е. иронически, насмешливо или критически, с некоторой поправкой, с известной оговоркой, с осторожностью. – *Примеч. пер.*

хетипами, – имеют полярную структуру и, следовательно, темную и светлую сторону. Можно сказать, что по форме архетип состоит из двух частей, одна из которых светлая, а другая – темная. Так, например, архетип Великой Матери включает в себя ведьму, дьявольскую мать, прекрасную пожилую мудрую женщину и богиню, воплощающую плодородие. В архетипе духа сочетаются мудрый старец и деструктивный или демонический колдун, который присутствует в очень многих сказках. Архетип короля может указывать на репродуктивный рост и мощь племени или нации, или же это может быть старик, удушающий новую жизнь, а потому его нужно сместить с трона. Герой должен нести с собой обновление – или же быть великим разрушителем, и притом он может совмещать в себе оба этих качества. Любая архетипическая фигура имеет свою Тень. Мы не знаем, как этот архетип воплощается в бессознательном, но когда он достигает границы сознания, проявляется его двойственность. Только когда на объект попадает свет, он отбрасывает Тень.

Возможно, комплексы в бессознательном являются нейтральными – *complexio oppositorum*³³ – и тогда, в свете падающего на объект луча сознания, у них появляется тенденция к раздвоению – на «да» и «нет», на плюс и минус. Мотив близнецов в мифологии указывает на постоянное присутствие двойственности: один из них интроверт, другой экстраверт, один мужского пола, другой женского, один более духовный, другой более инстинктивный, но ни один из них не лучше другого с точки зрения морали; и тогда возникает миф, в котором один из них добрый, а другой – злой. Если в сознании существует этическая установка, то становится различимой двойственная установка близнецов, однако такое сознание нельзя назвать ни этическим, ни моральным. Иудео-христианская традиция обострила этический конфликт, а следовательно, в нашей цивилизации существует традиция выносить моральные суждения, однако она ведет к этическому разделению. Если происходит раздвоение архетипической фигуры, значит происходит и раздвоение ее моральной оценки; она оказывается не только доброй или злой, но и светлой или темной; таким образом, благодаря нашей религиозной системе обостряется и этическая чувствительность.

³³ *Complexio oppositorum* (лат.) – соединение противоположностей. – Примеч. пер.

Полярность «экстраверт – интроверт» также воплощается в фигурах портняги и башмачника. Башмачник предусмотрительно взял запас хлеба на семь дней, тогда как легкомысленный портняга не подумал об этом: для него просто заканчивается одна ситуация и начинается другая, исход которой он не предвидит; в этом отношении к жизни они противоположны друг другу. Если мы свяжем это с символикой короля как христианской доминанты, то получается, что конstellлируются две фигуры, одна из которых тяготеет к неприветливой интроверсии, а другая – к легковесной экстраверсии. Относится ли это к нашей фантазии, или же появление этой проблемы было предопределено христианством? Я думаю, что верно второе. В христианской символике, особенно что касается американских ветвей христианства (для которых в значительной мере характерны экстравертные устремления), можно заметить присущее ей жизнелюбие, огромное доверие к Богу, фундаментальный христианский оптимизм. И все это присуще одной разновидности христианской установки, так как в христианстве Бог считается добрым, а зло представлено лишь отсутствием добра, и таким образом у человека формируется доверительная установка к себе и Богу, склонность игнорировать зло, считая его нереальным, отрицать его присутствие в себе и в других. В кальвинизме³⁴ и других пессимистических ответвлениях христианской веры мы сталкиваемся с противоположным развитием: с совершенно небожественной, немилосердной строгостью этических установок и темным, меланхоличным настроем. Такое мышление присуще людям типа башмачника, которые всегда учитывают сложности реальной жизни. Если вы изучали такие аскетические течения христианства, то знаете, что они не приносят радости: люди обязаны грустить, каяться в грехах, не должны получать

³⁴ Кальвинизм – одно из направлений протестантизма, сформулированное французским теологом и проповедником Жаном Кальвином (1509–1564). Центральная идея кальвинизма – суверенитет Бога, верховная власть Бога во всем. Из этого следует главное отличие кальвинизма от других направлений христианской веры (католицизма, православия, евангелического протестантизма и пр.) – толкование Библии на основе только Библии. Любое место Священного Писания толкуется кальвинистами не с позиций какого-либо человеческого авторитета (будь то Папа Римский, православный священник, пастор, руководитель какой-то религиозной организации и т.п.), а исключительно на основе слова Божьего. Спасение человека, по Кальвину, предопределено Богом, и хотя добрые дела для спасения не нужны, но только ими определяется вера. Отсюда происходит проблема Божественного избрания, которую трудно разрешить с позиций земного человека. – *Примеч. пер.*

удовольствие даже от еды, ибо такое чревоугодничество вызовет недовольство Иисуса Христа. Такие люди богаты, «прочно стоят на земле обеими ногами», они скептически, реалистичны и недоверчивы. Они больше погружены во тьму этого мира по сравнению с остальными, так как их делает такими ровно их соблюдение предосторожности по отношению к злу и темной стороне жизни. Оптимисты стремятся не замечать трудностей и за это бывают наказаны «исподтишка»: либо они подвергаются нападкам других людей, либо прорывается их собственная пагубная Тень.

Таким образом, мы можем сказать, что образ портняги символизирует обыкновенную наивную установку, характерную для христианского мира, с надеждой на будущее и верой в Бога, тогда как образ башмачника символизирует прямо противоположное: Тень этой установки. Обе эти тенденции были в свое время при-сути христианской цивилизации.

Каждый мощный энергетически заряженный символ Самости объединяет противоположности, но если он теряет свою силу, то прекращает выполнять свою функцию, и противоположности начинают распадаться. Если бы король был полон сил, а в нашем случае это не так, он мог бы примирить башмачника и портнягу, употребив всю свою власть, чтобы они не ссорились, а сотрудничали; появление между ними враждебности (т.е. их противостояние) свидетельствует о слабости короля. В данном случае его доверием пользуется башмачник, он выслушивает его злые намеки и измышления и затем ставит в затруднительное положение портнягу. Король не просто управляет государством, — что он, собственно, и должен делать, — а слушает все, что ему говорят. В результате все кончается хорошо, но не совсем так, как ожидалось. Мы могли бы сказать, что здесь по-прежнему воплощается мощная доминанта коллективного сознания, однако она несколько утратила свою силу на то, чтобы должным образом соединить противоположности, так как они стали отделяться друг от друга и противостоять друг другу. Такое ослабление доминанты относится и к нашей современной цивилизации в тех ее областях, где противоположности вступают между собой в конфликт. Это можно проиллюстрировать нижеследующей схемой.

Если король постепенно теряет свою силу, то расстояние между противоположностями увеличивается, напряжение возрастает, и король в нерешительности колеблется между ними, сначала оказывая доверие одному из них, а затем другому: энер-

гия объединяющего символа становится меньше. Это не следует относить к индивидуальной психологии, но аналогия с индивидуальным развитием все же присутствует: если установка Эго обладает достаточной силой и не сопротивляется инстинктам, она может соединять противоположности. В жизни человека бывают периоды, когда он живет полноценной жизнью и проблема противоположностей не обостряется. Он знает, что у него есть Тень и что она всегда имеет свой отрицательный и положительный полюс, но при этом противоположности особенно его не беспокоят. Затем, по той или иной причине, Эго спотыкается, попадает в тупик, теряет возможность действовать, а также свои творческие способности, и тогда противоположности разъединяются и возникают самые разные конфликты. Тем самым Эго колеблется между двумя противоположностями, как тот король, в попытке идентифицироваться с какой-то одной из сторон. Оно не может оставаться у власти в своем центре, на престоле, а начинает пропитываться злословием, прислушиваться к наговорам, стремясь принять чью-то сторону.

Все это типично для аналитической ситуации, но также является нормой и в обычной жизни, а именно когда Эго не объединяется с глубинными слоями инстинктивной личности, а начинает разрываться между противоположностями. Если бы Эго могло

вступить в прямой контакт с Самостью, которая является объединяющим символом, то конфликт бы угас и Эго продолжало бы функционировать в целостности. Это нормальный процесс взаимодействия противоположностей, и опять же, здесь основной движущей силой является поток жизни, а Эго способствует ему или его несет течение, исходящее от целого. Конфликт никогда полностью не разрешается, однако снижается уровень вовлеченных в него эмоций; посредством страданий человек перерастает этот конфликт и оказывается поглощен новой формой жизни, которая возникает благодаря бесстрастному взгляду на судьбу под другим углом зрения.

Портняга и башмачник странствуют вместе: у первого отличное настроение, а второго одолевает зависть и одиночество; из-за этого в лесу разворачивается настоящая трагедия: башмачник взял реванш и отомстил портняге. Башмачник – мрачный интроверт, как Прометей; он предусмотрительно берет с собой больше хлеба, чем портняга – экстраверт с чертами Эпиметея, который учится всему только на собственном опыте³⁵. Такая разница характерна для интроверта и экстраверта: первый неизменно беспокоится, стараясь предусмотреть все до мелочей, и часто впадает в пессимизм. Второй наоборот, сперва попадает в трудную ситуацию, а потом, оглядываясь назад, понимает, как из нее трудно выбраться, и долго оправдывается, что никогда бы не подумал, что будет так плохо, ведь ничто и не предвещало опасности. Естественно, обе установки деструктивны, так как являются односторонними. В данном случае, когда они оба скитались по лесу и сильно проголодались, у башмачника остался хлеб, которым он делится с портнягой в обмен на его глаза; то есть в силу своей ревности он пытается лишить своего беспечного спутника здоровья и нормального ощущения жизни.

Можно было бы сказать, что так развиваются отношения противоположностей в бессознательном: меланхоличная, подозрительная интровертированная установка одной стороны ослепляет другую сторону и лишает ее способности видеть мир. Например, успешный бизнесмен – ярко выраженный экстраверт – постепенно становится все более мрачным и подозрительным, потому что не уделяет внимания интровертированной части сво-

³⁵ Эпиметей, несмотря на предостережения своего брата Прометея, принял в дар от Зевса сосуд, в котором были заключены людские пороки, несчастья и болезни. – *Примеч. пер.*

ей личности. Если он не обратится к этой Теневой фигуре и не отважится узнать, отчего у него портится настроение, он «ослепнет» и станет совершать ошибку за ошибкой, ибо Тень будет заставлять его изменить установку если не добровольно, то принудительно. Либо его станут преследовать неудачи в бизнесе, либо он заболит, и таким образом будет вынужден обратить внимание на другую сторону своей личности и развивать ее. Мне вспоминается один адвокат, очень экстравертированный тип, он был очень успешен, пользуясь своей экстравертированной установкой, но со временем он все чаще стал чувствовать себя несчастным, и у него постоянно портилось настроение. Однажды в разговоре я попыталась намекнуть, что ему было бы совсем неплохо остаться в выходные одному и познакомиться с другой стороной своей личности. Однако он не захотел воспользоваться моим предложением, оправдавшись тем, что, как только он остается один, он впадает в меланхолию и чувствует себя подавленным и измученным. Затем с ним произошел несчастный случай, и из-за серьезного перелома бедра он целых восемь месяцев был буквально прикован к больничной койке; таким образом для него неотвратимо наступили те одинокие выходные, которых он всячески избегал, – другая сторона сама собой взяла верх. Именно таков механизм отношений между противоположностями, которые в данном случае воплощают фигуры башмачника и портняги; именно эти отношения приводят к тому, что в конечном счете слепой портняга обнаруживает себя лежащим у подмостков виселицы.

Виселица с двумя повешенными представляет собой интересный мотив, который нам нужно обязательно рассмотреть. Обычай казнить злостных преступников посредством повешения на дереве существует с очень древних времен. Изначально такая казнь считалась жертвоприношением. Например, древние германцы вешали заключенных, принося их в жертву богу Вотану³⁶. Они вешали не только преступников, но и пленников, захваченных в бою. Победитель говорил своему пленнику: «А теперь я принесу тебя в жертву богу Вотану». Вотан сам был богом, который был повешен на дереве; девять дней и девять ночей он ос-

³⁶ Вотан (или Один) – в мифологии древних германцев бог ветра и бурь, позднее бог войны, покровитель торговли, мореплавания, поэзии, магии, верховное божество ряда германских племен. Культ Вотана (Одина) был особенно развит в скандинавских странах. – *Примеч. пер.*

тавался висящим на дереве Иггдрасиль³⁷, а затем нашел руны и обрел тайную мудрость. Повешение человека на дереве в качестве жертвоприношения было в обычае древних германцев. В христианстве эта идея выражается в распятии Христа, а в пантеоне народов Малой Азии есть бог Аттис, который был повешен на ели, и во время весенних праздничных шествий люди несли с собой шесты с привязанными к ним фигурами Аттиса, символизовавшие его повешение на дереве.

Нам следует понять, что скрывается за идеей умерщвления врага, но не ради возмездия или правосудия, а чтобы принести его в жертву богам: это более архаичная форма убийства. Мне думается, что в данном случае идея жертвоприношения является более важной и более глубокой, чем просто наказание. Если нужно бороться против демонических сил зла, присутствующих в человеке, то больше всего поражает следующее. Когда люди причиняют себе и другим много вреда не из-за каких-то своих мелких пороков, вроде лени или болтливости, что может быть практически у каждого человека, и когда причиненный вред становится особенно серьезным, мы назовем такое пагубное поведение бесчеловечным, в особенности если речь идет о ком-то, кто находится в состоянии невроза или психоза. Иногда в таких состояниях деструктивное поведение выглядит настолько холодным и жутким и кажется демоническим и при этом настолько «божественным», что тем, кто это видит, становится страшно – их бросает в жар или в холод; такое в высшей степени ужасное зрелище вызывает шок, и такие же безжалостные силы зла в человеке побуждают его совершить хладнокровное убийство.

³⁷ Иггдрасиль (или Иггдрасил) – Мировое дерево в германо-скандинавской мифологии, исполинский ясень, в виде которого скандинавы представляли себе вселенную. Иггдрасиль покоится на трех корнях: один простирается к людям (в Мидгард), другой к великанам-ётунам (в Ётунхейм), третий в Нифльхейм, то есть преисподнюю. Под ветвями его правят асы, а под первым из корней находится колодец Урд'ар, у которого живут три норны. Их зовут Урд (прошлое), Верданди (настоящее) и Скульд (будущее), они поддерживают вечную свежесть и молодость дерева. Под вторым корнем – источник мудрости, возле которого живет грозный великан Мимир, самый могучий из всех великанов, он стережет воды источника и никому не дает из него напиться. По легендам Один отдал свой правый глаз, чтобы испить воды из этого источника. Под третьим корнем – колодец Гвергельмир, из которого текут реки, создавшие землю. Дословно «Иггдрасиль» означает «скакун Игга» (Игг – один из эпитетов Одина), имя Мирового дерева представляет собой типичный для эддической поэзии кеннинг (метафора). Существует мнение, что имя указывает на эпизод добычи рун Одином, когда он провисел, пригвожденный к Мировому дереву, девять суток (аналогичный кеннинг для висельницы – «скакун висельника»). – *Примеч. пер.*

Я никогда не имела дел с людьми, которые действительно кого-нибудь убивали, но мне встречались такие, которые могли бы это совершить. При одной мысли появляется дрожь и навязчивая мысль: «От них надо держаться подальше», и вместе с тем возникает чувство, что в этом человеке уже присутствует нечто божественное, не свойственное человеку. Мы употребляем слово «бесчеловечный», но в равной степени можно сказать и «демонический», и «божественный». Существует поверье, распространенное у примитивных народов: тот, кто совершил выдающееся преступление, сделал это не сам, а исполнил то, что мог совершить только Бог. В момент убийства убийца идентифицируется с образом Бога и уже не ощущает себя человеком. Убийца становится инструментом Божественной темноты. В это время он ведет себя как одержимый. Сам факт, что кто-то вообразил, что может убить другого, не является нормой и выходит за рамки представлений о человеческой природе, и в этом смысле его поступок обретает демонические или божественные черты. Например, именно поэтому при ритуальных казнях в примитивных племенах можно наблюдать, что никто не проявляет по отношению к отправляемому на смерть преступнику ни малейших признаков морального осуждения; казнь – неизбежное последствие его поступков. У примитивных народов, говорят, когда человек совершает такое деяние, он как будто становится божеством, разделяя мучительную судьбу Бога, и когда его четвертуют, вешают, расчлениают и т.д., к нему относятся как Богу. Нельзя жить в человеческом обществе и вместе с тем вести себя как божество, которое может убивать *ad libitum*³⁸.

Я прочитала в газете о том, как казнили одного североамериканского индейца – знахаря. Он стал запрашивать слишком высокую плату за свои услуги, и настолько поработил людей своего племени, что при этом почувствовал себя сверхчеловеком. У одной вдовы он отобрал все имущество, чем практически ее разорил – таким образом он вышел за привычные человеческие рамки. Через некоторое время в народе пошли пересуды о его поведении, но в то же время недовольство еще не достигло своего накала, поэтому никто открыто ничего не говорил. Знахарь продолжал вести себя по-прежнему и, чувствуя, что соплеменники начинают относиться к нему с подозрением, становился все более требова-

³⁸ *Ad libitum* (лат.) – по своему усмотрению. – Примеч. пер.

тельным, возможно, компенсируя тем самым внутреннюю нерешительность. Он заявлял, что лучше, чем он, знахаря нет и т.п., пока наконец в племени не поползли слухи, что он одержим злым духом, и эти слухи распространялись все шире.

Однажды старейшины племени сообщили знахарю о том, что племя убеждено в его одержимости злом. Так как знахарь ничего не отрицал, его отправили в пустыню, чтобы испытать, так ли это на самом деле. Старейшины на песке вычерчивали разные магические символы, и все знахари, которые вызывали духов, сказали им, что этот человек одержим злыми демонами и что они хотят его спасти. Обвиняемый знахарь молился вместе с другими. Так как не последовало никакого ответа, он был приговорен к казни через четвертование четырьмя лошадьми. Он сам согласился со своим приговором. Для него не существовало моральной проблемы: потеряв человечность, он просто оказался во власти сил зла, от которых не мог освободиться. Это поведение является естественным по отношению к существующим в человеке демоническим силам: такое впечатление, что оно соответствует психологической истине подобных явлений. Возможно, оно помогает понять, почему в древние времена преступников часто казнили так, словно их идентифицировали с Богом; считалось, что они находятся во власти темного божества, а значит, должны разделить его горькую судьбу.

Символика повешенного на дереве бога, виселицы и креста является очень глубокой. Такая участь обычно выпадает самой интересной части Божественного в человеке; человеколюбивую, благотворную ипостась божества обычно ждет трагедия повешения, но именно она оказывается у истоков новой цивилизации, – как в мифе о Вотане этот бог, повешенный на дереве, открыл руны, и это открытие подразумевало прогресс в человеческом сознании. В своем труде *Alchemical Studies*³⁹ в главе «Философское дерево» Юнг показывает, что дерево символизирует человеческую жизнь и внутренний процесс осознания. Можно было бы сказать, что в психике оно символизирует нечто такое, что у нас внутри растет и развивается, оставаясь ненарушенным вне зависимости от того, что делает Эго; это стремление к индивидуации, которое возникает и продолжается независимо от нашего сознания. В странах Европы, когда рождается ребенок, сажают дерево, которое

³⁹ The Collected Works of C.G. Jung 13, chap. 5.

должно умереть одновременно со смертью человека. Так выражается идея, что рост дерева проходит как человеческая жизнь, что дерево несет жизнь, как несут свет огни рождественской елки, и что солнце, поднимающееся над вершиной дерева, символизирует повышение уровня осознания. Существует много мифологических историй, в которых дерево уподобляется человеческой жизни или в которых дерево воплощается в образе человека-дерева. Самость – это дерево, которое по своим масштабам превосходит человеческое Эго.

Наша жизнь отчасти протекает как драма, написанная в жанре романа-биографии, однако за ней стоит таинственный процесс роста, который происходит по своим законам и стоит за кулисами жизненных перипетий, начиная с детства и до самой старости. С мифологической точки зрения чем более развитым становится человек, антропос, тем больше он похож на дерево. Мотив повешенного на дереве божества в образе человека отражает трагедию человеческого бытия: сознательный человек постоянно рвется на свободу, стараясь освободиться и действовать осознанно и независимо, а затем происходит его болезненное возвращение во внутреннюю несвободу. В этой борьбе раскрывается трагическая констелляция, которая воплощается в такой болезненной форме. Именно поэтому вся христианская философия приносит с собой трагический взгляд на жизнь: следуя Христу, мы должны признать свое умерщвление и подавить в себе импульсы роста. Основная идея заключается в том, что жизнь основывается на конфликте и стремится к духовности, которая не наступает сама по себе, а достигается путем страданий. Та же самая идея, но в более архаичной форме представлена в мифе о Вотане – боге, повешенном на дереве. Вотан – вечный скиталец, странствующий по земле; это импульсивный, порывистый, яростный бог поэтического вдохновения, то есть той части человеческой личности, которая живет в неустанном движении и поиске и испытывает эмоциональные взрывы. И после того, как этот бог провисел на дереве девять дней и девять ночей, он открыл руны – письма, благодаря которым родилась цивилизация, основанная на соответствующей письменности.

Когда сознательная и животная часть человеческой личности вступают в конфликт с внутренним процессом роста, распятый человек мучительно страдает; как раз в такой ситуации бог оказывается повешенным на дереве и пригвожденным насильно к бес-

сознательному развитию, откуда он хочет вырваться, но не может. Мы оказываемся пригвожденными к чему-то более масштабному, чем мы сами, что распространяется за наши границы и не позволяет нам двигаться дальше.

В мифе об Аттисе, который много старше мифа о распятом христианском боге, эта психологическая ситуация представлена особенно своеобразно. Аттис, возлюбленный сын Великой Матери, воплощающий вечную, нестареющую божественную юность, представляет паттерн *puer aeternus*, вечно прекрасного юного бога, который никогда не грустит, ему не знакомы человеческие ограничения, увядание и смерть. Многие молодые люди, имеющие ярко выраженный материнский комплекс, подобно этому богу, в какой-то момент понимают, что сама жизнь не позволяет им оставаться вечно молодыми; юность должна закончиться. Их будущее видится блестящим, полным изобилия, славы и богатства; но мы знаем, что ничто никогда не продолжается вечно – всему наступит конец из-за воздействия темной стороны жизни. А потому этот юный бог всегда умирает рано, пригвожденный к дереву, которое снова становится ему матерью. Материнское начало, которое прежде его породило, забирает его к себе обратно таким ужасным образом, и там его настигает увядание и смерть.

Иногда нечто подобное становится заметно у юношей, которые должны жениться или выбрать профессию или которые вдруг открыли, что юность закончилась и что им придется принять обычную человеческую судьбу. В это время многие из них предпочитают умереть либо на войне, либо в результате несчастного случая – лишь бы не становиться старым. В критический период, между тридцатью и сорока годами, дерево растет против их желания, их внутреннее развитие уже не сочетается с сознательной установкой, а происходит наперекор ей, и в этот период они переживают нечто подобное смерти. Такое переживание должно повлечь за собой изменение установки, но может означать и реальную физическую смерть, похожую на замаскированное самоубийство, так как Эго не может сдать своих позиций, – в тот критический момент, когда они жертвуют процессом внутреннего развития, который обернулся против них. Если внутренний рост становится врагом сознания, значит нечто внутри человека хочет его перерасти, значит он должен умереть; своевольная сознательная личность должна быть предана смерти и подчинена процессу внутреннего развития.

Другой аспект повешения как средства убийства заключается в том, что в большинстве мифологических систем воздух – среда обитания разных духов; так, например, Вотан и его армия духов умерших людей летали по воздуху, особенно в бурные ночи. Следовательно, повесив человека, вы тем самым превращаете его в духа, и теперь он должен парить в воздухе вместе с Вотаном и другими духами умерших. В период культа Диониса на повешенных на дереве помещали дары, исходя из идеи, что Дионис – это дух, который должен их увидеть; таким образом дары возносились бы вверх и попадали к живущим там духам. В нашем разговорном языке есть выражение «подвешенное состояние», которое может послужить хорошей иллюстрацией. Когда внутренний психологический конфликт развивается все больше и больше, жизнь человека оказывается «подвешенной»; обе противоположности становятся равноправными, «да» и «нет» имеют одинаковый вес, и жизнь не может продолжаться дальше. Вы хотите пойти с правой ноги, а вас не слушается левая, и наоборот; тогда ситуация становится безвыходной, что означает полную остановку потока жизни и мучительные переживания. Пребывание в тупиковой конфликтной ситуации, в которой ничего не происходит, представляет собой самую мучительную форму страдания.

Когда башмачник ослепил портнягу под виселицей с двумя повешенными, мы могли бы сказать, что эта ситуация символизирует безысходность: конфликт, при котором процесс жизни остановился. Противоположности столкнулись между собой, и жизнь зашла в тупик. Два трупа на виселице служат отражением того, что отношения между башмачником и портнягой пришли в состояние бесплодной подвешенности. Естественно, соотнеся всю сказку с состоянием коллективной психики эпохи христианства, нам следует задаться вопросом, что значат эти двое повешенных. Если бы был только один повешенный, ответ был бы близким к тому, что речь идет о скрытом символе Христа, основном символе христианства, боге, распятом на кресте. Но в данном случае на виселице двое казненных, а следовательно, мы хотим выяснить, кем может быть второй повешенный.

Есть несколько сказок, особенно в собрании братьев Гримм, в которых идет речь о злом духе, пригвожденном к дереву или к стене. Или же двое повешенных могут одновременно указывать на Христа, распятого на кресте, и на Вотана, повешенного на дереве: то есть на доброго бога, распятого на кресте, и на иного бога, по-

вешенного на дереве. Это не так уж далеко от истины, ибо мотив двух божеств, пригвожденных к дереву или кресту, содержится во многих христианских легендах, легендах о рыцарях Круглого стола и короле Артуре и о Святом Граале, в которых Парсифаль находит не только Чашу Грааля с кровью Христа, но и оленя – или голову оленя, прибитую к дубу, откуда он должен ее снять. В основной легенде он ничего не забывает и сначала находит Грааль, а затем голову оленя и приносит *ее* божественному фемининному персонажу. Или же олень является воплощением сил зла, которые губят лес; они представляют собой Тень Христа. Таким образом, олень со своими прекрасными рогами, совершенно ненужными выростами, которые мешают ему двигаться и которые предназначены только для того, чтобы привлечь внимание самки, представляет собой Тень христианского учения, это невероятное высокомерие и надменность, присущие всем нам, которые оказываются самой худшей Теневой установкой, распространяемой христианским учением.

Например, высокомерная Тень часто проявляется в процессе анализа, когда, прикрываясь христианской моралью и добротой к своим собратьям, мы не признаемся в том, что думаем, а вместо этого высказываем разные негативные мнения и суждения, так как придерживаемся слащавой христианской установки, пока происходящее само не проявится в сновидениях. Пациент не говорит о своем сопротивлении, потому что боится усложнить ситуацию, но как бы то ни было, он аналитику «прощает все». Это высокомерие! Гораздо лучше, если бы он сказал: «Я презираю вас за то и за это; что скажете?» Это было бы по-человечески скромно и достойно. Но не выраженная напрямую, негативная реакция прячется под личиной «невзыскательности» и высокомерной установки: мол «аналитик – тоже человек, и у него есть свои недостатки». Таков яд ложных христианских убеждений. Я часто сталкивалась с подобными людьми, и меня возмущала их слащавая добродетель, я бы предпочла, чтобы они вели себя более естественно и прямо говорили, что думают, чтобы можно было достичь уровня обычного человеческого понимания. Такую Тень христианской установки в средневековых легендах символизирует прибитая к дубу голова оленя. Если кто-то в принципе «не осуждает» своих человеческих собратьев, проявляя к ним «всепрощение», это ничего не меняет; негативное высокомерие сохраняется долгие годы! На протяжении трех-четырех лет анализа люди боятся высказать

свое негативное отношение к аналитику, им не хватает мужества даже ради приличий обсудить по существу, что происходит, так как они не уверены, что их правильно поймут, и боятся, что это будет не по-христиански. Затем опорой для их постоянной позитивной установки «вежливости и всепрощения» становится негативное высокомерие. Если процесс анализа останавливается, можно быть совершенно уверенным, что произошло нечто подобное. Вам никогда не удастся это уловить, но все вышеуказанное здесь присутствует, мешая отношениям развиваться как в лучшую, так и в худшую сторону. Благодаря откровенному диалогу отношения могут восстановиться, и тогда возобновится процесс анализа. Именно здесь обычно нужно прервать процесс и, быть может, направить пациента к своему коллеге; как правило, в таком случае возникает сильный эмоциональный взрыв, который дает материал для дальнейшей работы. Обычно у сознательной личности существует ложная установка с идеей, что «с этим я могу справиться самостоятельно», а потому внутреннему развитию человека мешают предвзятость и узость мышления.

Когда портняга сидит под виселицей, на голову к каждому из висельников садится ворон, и два ворона вступают в разговор. Первый ворон сказал, что роса, которая нынешней ночью падала с виселицы, обладает особым качеством – возвращать зрение каждому, кто ею омоет глаза, и если бы это знали слепцы, они могли бы снова получить зрение, а им это даже и в голову не приходит. Здесь имеет место общее и архетипическое представление, которое встречается во многих цивилизациях и религиозных верованиях, о том, что останки казненного преступника обладают огромной исцеляющей силой. Это подтверждает мысль, что казнь является обожествлением, что преступник обладал высокомерием, взяв на себя миссию богов, и теперь эта миссия снова возвращается к ним. И то, что было пагубно для живого человека, в Запредельном становится благотворным, позитивным, возвращая на прежнее место свои качества. Восстанавливается оптимальное соотношение между человеческим и божественным, и благодаря ему рождается исцеляющая сила, а потому веревку, на которой повесили человека, использовали как лекарство. «Возьмите кусок веревки, на которой повесили человека, или гвозди, которыми его прибили к дереву, и получите прекрасное лечебное средство». Той же самой идее отвечает целительная сила, которой обладают мощи святых. Сам факт, что к казненным преступникам во многом от-

носились так же, как к святым, говорит о том, насколько общей является эта идея.

Вороны, которые в германской мифологии являются птицами Вотана, а в среднеземноморской мифологии – птицами Аполлона, воплощают способность к обожествлению. Аполлон был покровителем Дельфийского оракула, он возвещал истину; то же самое относится к Вотану. Считалось, что черные птицы, вороны и вороны, являются вещими, то есть что они знают будущее и могут сообщить тайну и скрытую истину. Отчасти это поверье возникло потому, что стаи ворон собираются на полях сражений или у дома, в котором кто-то умирает. При виде скопления воронов и ворон люди говорят, что кто-то умрет, и вороны об этом знают. Из этой зацепки рождается проекция, что они знают истину и могут предсказывать будущее. У Вотана было два ворона, Хугин и Мунин⁴⁰, которые были для него источниками тайных знаний. Вообще птицы символизируют интуитивное предчувствие. Они созданы для того, чтобы летать в воздухе, в среде духовного мира, а значит, имеют связь с произвольными мыслями, которые раскрываются как истины. Эти две птицы – духи истинности и правдивости. В конце сказки башмачник оказывается под виселицей, и вороны выклевают ему глаза. Птицы воплощают ту невидимую истину бессознательного, которая исполняется сама; башмачник пришел к своему финалу, подчиняясь не человеческой власти, а власти бессознательной истины.

Наблюдая за бессознательными процессами, мы видим, что отмщение за злые дела исходит не от других людей; человек получает наказание изнутри. В конечном счете убийца убивает самого себя. Эта ужасная истина подтверждается снова и снова. Часто мы испытываем потрясение из-за несправедливостей человеческой жизни, когда злые люди процветают, а добрые – нет, но с психологической точки зрения это не так, и только мысль о том, какая опасность ждет этих людей, вызывает дрожь. Злые люди могут пользоваться внешним успехом, но при этом они несут жуткое психологическое наказание.

Как-то Юнг рассказывал о женщине, которая совершила убийство. Она тайком положила яд в еду другой женщине, кото-

⁴⁰ На плечах древнего бога скандинавов и германцев Вотана (Одина) всегда сидели два ворона – Хугин и Мунин («мысль», т.е. мыслящий, и «память», т.е. помнящий), которые летают по всему свету и сообщают ему обо всем, что они видели. – *Примеч. пер.*

рая вступила в любовную связь с ее любовником. Когда она пришла исповедаться, то была очень расстроена. Она чувствовала себя изолированной от общества, ибо люди неизвестно почему стали ее избегать. От нее ушла вся прислуга и все работники, никто не хотел с ней иметь дело, никто не хотел жить с ней рядом. Она была совсем одна. Каждый день она ездила верхом, но ее лошадь вдруг стала брыкаться и не позволила ей сесть в седло. Однажды утром она позвала свою собаку, но та, тихо скуля и поджав хвост, пошла прочь. Эта женщина медленно и жестоко сама разрушала себя изнутри. Такая скрытая истина, закон внутренней истины в нашей сказке воплощается посредством воронов, которые символизируют дух истины и вместе с тем имеют связь с исцеляющей силой. В мифе об Аполлоне и Корониде⁴¹, в союзе которых родился Асклепий, очень важную роль тоже сыграл вещий ворон. Именно вороны привлекли внимание портняги к исцеляющей росе, способной вернуть ему зрение.

Образ росы в основном несет на себе проекцию проявления воздействия божественной благодати. Известна библейская история о Гедеоновой шерсти, на которой выпадает роса⁴², – таким образом Бог дал понять, что Он благоволит Израилю. Благодать также символически истолковывается как Святой Дух, сходящий на Деву Марию⁴³. В цивилизации североамериканских индейцев роса и дождь являются знаками величайшего благословения, от которого зависит плодородие почвы. Наверное, нужно было родиться

⁴¹ Коронида (др.-греч. *Korōnis*; *korōnē* – «ворона» или «ворон»), дочь Флегия, одна из возлюбленных Аполлона. Будучи беременна Асклепием, Коронида влюбилась в Исхия, сына Элата. Ворона рассказала Аполлону об измене Корониды, и тот, вспыхнув яростью, превратил Корониду в ворону, причем заклятие было столь пылким и сильным, что опалило вороне перья. Поэтому с тех пор все вороны черные. – *Примеч. пер.*

⁴² Книга Судей 6: 36–40: «И сказал Гедеон Богу: если Ты спасешь Израиля рукою моею, как говорил Ты, то вот, я расстелю здесь на гумне стриженую шерсть: если роса будет только на шерсти, а на всей земле сухо, то буду знать, что спасешь рукою моею Израиля, как говорил Ты. Так и сделалось: на другой день, встав рано, он стал выжимать шерсть и выжал из шерсти росы целую чашу воды. И сказал Гедеон Богу: не прогневайся на меня, если еще раз скажу и еще только однажды сделаю испытание над шерстью: пусть будет сухо на одной только шерсти, а на всей земле пусть будет роса. Бог так и сделал в ту ночь: только на шерсти было сухо, а на всей земле была роса». – *Примеч. пер.*

⁴³ На протяжении веков церковь осознала, что Мария, «исполненная благодати» Божьей (ср. Лк. 1: 28), получила искупление уже в момент своего зачатия, несмотря на то что была зачата «естественным образом». Это исповедует догмат о непорочном зачатии Богородицы, провозглашенный в 1854 г. Папой Пием IX (катехизис католической церкви, 490). – *Примеч. пер.*

в такой стране, чтобы воспринимать росу и дождь как проявление божественной благодати, ибо вода возвращает к жизни все живое. А в данном случае, когда грешники получили расплату за свои грехи, на них снова сходит Божественная благодать: в Запредельном происходит примирение противоположностей, а потому роса имеет исцеляющую силу. С точки зрения психологии роса представляет собой самое начало объективного психологического инсайта во время такого состояния подвешенности.

Давайте вернемся к конфликту, когда он достигает своей кульминации. Существует состояние подвешенности, в котором все остановилось, Эго пребывает в нерешительности между «да» и «нет», и человек мучается, так как поток жизни остановился и все усилия безрезультатны. В такой момент Эго сдается, считая этот конфликт неразрешимым, – именно таким, который своими силами разрешить невозможно, – и тогда оно подчиняется чему-то объективному, какому-то знаку Свыше, который является для него очевидным. Мы говорим, что подчиняемся тому, что говорят нам сны. Ни аналитик, ни пациент не могут сказать больше, однако может ли психика сама создать какой-то материал или подать какой-то знак, который укажет на истину? Остаются только сны и фантазии, именно их воплощением служит роса. Они представляют собой объективное проявление существующей психики, исходящее из ее глубины, которое можно изучать и которое восстанавливает видение того, что происходит. Если вы можете понять скрытые намеки, которые содержатся в сновидении, ваши глаза откроются снова, и вы получите новое представление о жизни и осмыслите ее на ином уровне. В такой момент может помочь только руководство бессознательного, которое сотворит осеняющую нас исцеляющую росу. Именно поэтому портняга окропил росой свои ослепшие глаза, снова стал зрячим и благодаря Богу отправился в город к королю. В алхимии «божественная» влага тоже считается средством исцеления слепоты.

Затем следуют четыре испытания, когда портняга не садится на молодого жеребенка, отпускает на волю аиста и выводок утят вместо того, чтобы приготовить из них себе еду, и не разоряет пчелиное гнездо, чтобы добыть себе мед. Затем он становится придворным портным, и башмачник, который раньше него оказался на королевской службе, клеветает на него. Поэтому портняге приходится найти золотую корону, которую ему утка достает

со дна пруда, затем пчелы помогают ему вылепить из воска копию королевского замка, жеребенок помогает ему соорудить фонтан выше человеческого роста с чистой, как хрусталь, водой, а затем аист приносит наследника-мальчика королю, у которого до сих пор рождались только дочери. Задач четыре, четыре – это число, которое обычно символизирует целостность. Если вы прочли много сказок, то знаете, что это ненормально, ибо, как правило, бывает только три задачи, но затем всегда происходит четвертое событие – но это событие, а не испытание и не задача. Но в данном случае есть четыре испытания и никаких последующих событий; ведь можно было бы говорить о событии, если бы портняга стал королем.

Жеребенок пробежал три круга, и после этого забил фонтан высотой выше человеческого роста. Лошадь символизирует прирученную жизненную энергию, либидо, которое может привести в действие фонтан бессознательной энергии. Только если мы полностью сосредоточимся на своем инстинктивном бессознательном, оно станет источником жизненной влаги. Некоторые люди, которым было предложено написать что-то на заданную тему, называют ее глупой и говорят, что она не вызывает в них никакого отклика, но если в этом направлении начинает действовать поток либидо, у них открывается внутреннее побуждение к творчеству. Многие ленивцы ждут наступления вдохновения до восьмидесятилетнего возраста и не могут дожидаться; но бывают ситуации, когда нужно не выжидать, а делать первые шаги и вкладывать свои жизненные силы в решение задачи еще до того, как раскроется ее смысл.

Другая задача заключается в том, чтобы достать из пруда королевскую корону. Ее решает утка с двумя утятами. В Древней Греции утка была птицей богини любви, а у шаманов некоторых племен, живущих за полярным кругом, утка является проводником шамана в прошлое и запредельное. Она может перемещаться по земле, воде и воздуху; именно поэтому она является проводником в бессознательное. Королевская корона символизирует функцию короля как воплощения завершенной целостности, которая может сдерживать напряжение противоположностей. Пара утят уже символизирует объединение противоположностей. Добро и зло противостоят друг другу в образе портняги и башмачника, но портняга побеждает, ибо с почтением относится к силе, направленной на объединение противоположностей.

Мотив дворца из воска несколько странный и удивительный. Сам по себе дворец является материнским, фемининным символом. Он защищает королевскую семью и является ее оплотом. Он часто имеет форму мандалы и таким образом привносит идею целостности в земную реальность – то есть выполняет функцию фемининного начала. В нашей сказке копию такого дворца создают из воска пчелы. Пчелы, как и некоторые другие насекомые, всегда привлекали человеческий разум своим организованным инстинктивным поведением. В пчелином рое невероятно развито бессознательное сотрудничество, и при этом мы считаем пчел совершенно бессознательными, хотя они имеют достаточно развитую нервную систему. Покойный Карл фон Фриш⁴⁴ описал потрясающие эксперименты, которые он ставил над пчелами. Они могут различать цвета и показывают друг другу, где нектар. Пчела летит, описывая большой круг, и находит нектар, но при этом она не спешит обратно в гнездо, а полетит прямо и характерными движениями брюшка и крыльев будет показывать другим пчелам дорогу к медоносу. Удалось обнаружить, что система ориентации пчел связана с поляризацией солнечного света. Бессознательное инстинктивное поведение пчел вызывает изумление, и, следовательно, они часто символизируют гармоничную деятельность безо всякой разумной организации.

Наша социальная жизнь гораздо сложнее, чем у пчел, однако и у нас в ее основе лежат инстинкты. Инстинктивную основу составляют ритуалы, которые уходят своими корнями в глубокую древность. Однако с развитием сознания эти архаические ритуалы подверглись амплификации, а иногда и рациональной организации. Инстинктивное единение, связанное с общей задачей и окружением, представляет собой идеальное сочетание, при котором религиозный архетип просто соединяет людей вместе, и они действуют сообща, находясь в гармонии с природой. В такой деятельности человек всегда терялся и находился снова, – это можно обнаружить во всех древних сообществах. В дзен-буддизме существовали группы людей, объединенные одним действующим

⁴⁴ Карл Риттер фон Фриш (1886–1982) – австрийский зоолог, получивший известность благодаря исследованиям поведения животных. Он изучал коммуникацию пчел с помощью так называемого «танца». В 1973 году совместно с двумя другими этологами Конрадом Лоренцем и Николасом Тинбергеном стал лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине «за открытия, связанные с созданием и установлением индивидуальной и групповой модели поведения». – *Примеч. ред.*

символом; они имели прочную социальную организацию, которая опиралась на минимальное количество внешних норм. В нашей цивилизации таким примером являются мистериальные культы эпохи Поздней Античности. Мы очень мало знаем об инициации Апулея в мистерии Исиды. Он должен быть посвящен на самую высокую ступень, однако ему не хватало денег; тогда во сне Осирис ему сказал, чтобы он пошел к жрецу и попросил того о посвящении, а жрецу тоже приснился сон, сообщивший ему, что он должен снизить плату за совершение ритуала. Таким образом бог сформировал сообщество, и тогда и жрец, и вся религиозная организация подчинились архетипической власти. Пока сообщество функционирует таким образом, и человеку, и культурной жизни в группе присуща реальная свобода. Поэтому мы можем сказать, что строительство пчелами воскового дворца представляет собой модель восстановления государственной власти.

Затем аист – самая религиозная птица, которая согласно древней иудейской традиции приносит новорожденных. В своем труде *Alchemical Studies*⁴⁵ Юнг цитирует много текстов об аисте. Он обсуждает алхимическую картину дерева жизни, высоко в ветвях которого находится аист. Мистериальное мифологическое значение образа аиста в иудейской традиции возвращает нас к Книге Иеремии 8: 7: «И аист под небом знает свои определенные времена, и горлица, и ласточка, и журавль наблюдают время, когда им прилететь; а народ Мой не знает определения Господня». Аист воплощает нечто, имеющее божественное определение свыше, от которого он не может уклониться, как дикие гуси, которые играют ту же роль в восточной мифологии. Поведенческий паттерн аиста производит впечатление подчинения тайному ходу вещей, доступному лишь для божественного разума. Зимой аисты живут в Северной Африке. Есть два вида аистов: одни мигрируют из Европы в Африку через Испанию, другие – через (бывшую) Югославию. В основном они летят над сушей. Был проведен такой эксперимент: взяли яйца аистов, пролетающих через Испанию, и яйца аистов, пролетающих через Югославию, вывели птенцов из тех и других, вырастили аистов вместе, а затем дали им возможность совершенно самостоятельно выбрать путь. Аисты, которые относились к «испанской группе», когда пришло время, инстинктивно полетели в Африку над Испанией, аисты, относивши-

⁴⁵ The Collected Works of C.G. Jung 13, para. 417.

еся к «югославской группе», полетели над Югославией. Каждый полетел своим путем, в соответствии с паттерном, характерным для его вида, даже в полном одиночестве, руководствуясь только инстинктивным внутренним побуждением. Благодаря этим наблюдениям родилась идея, что аисты – божественные птицы, которые подчиняются своим собственным законам, не руководствуясь суждениями Эго, а следовательно, они воплощают деятельность в соответствии с внутренней истиной и внутренней сущностью. Благодаря этому, а также поверью, что аист ненавидит и убивает змей, он считался символом Христа – в качестве трансцендентной функции, то есть проявления бессознательного в виде примиряющего символа – божественного младенца. В нашей сказке его воздействие состоит в создании обновленной формы доминирующего сознания – нового короля.

В отличие от обычных сказочных сюжетов, портняга не стал королем и остался при дворе, а башмачника ждет суровое наказание. Его отвели в лесную чащу, где вороны выклевали ему глаза, и он заблудился. В большинстве сказок носители зла наказываются жестокой смертью; это обстоятельство позже вызывало много нареканий, так как люди считали, что детям не нужно об этом слушать. С юнгианской точки зрения следует отметить, что носители зла, которые несут наказание, – это не реальные люди. Дети инстинктивно это знают. Это архетипические фигуры, которые совершенно разрушительным образом губят нашу человечность, и поэтому для их подавления требуется жесткая и грубая сила. Мы не можем оставаться равнодушными и попустительствовать алкоголизму, наркозависимости или другим наклонностям, которые представляют угрозу жизни. Мы должны их *окончательно* остановить. Именно поэтому так жестоко наказываются в сказках мифические носители зла и именно поэтому нам становится спокойнее, когда мы узнаем, что они наказаны. Предотвращение преступности – совсем другая тема, в которую я не хочу сейчас углубляться.

Анима между героями-соперниками

В следующей сказке поднимается та же тема, что и в сказке «Два странника», здесь двое главных действующих лиц более ярко и характерно воплощают противоположности с точки зрения этики. В общих чертах содержание сказки таково:

Фердинанд Верный и Фердинанд Неверный ⁴⁶

Жили на белом свете муж с женой, и пока они были богаты, детей у них не было; когда же обеднели, родился у них маленький сынок. Но они никак не могли сыскать себе крестного, и муж решился идти в ближнее местечко и там поискать.

По пути повстречался ему бедняк и спросил, куда он идет. Муж и сказал ему, что идет искать себе крестного, что он беден и потому никто не желает к нему идти в кумовья. «О! – сказал бедняк. – Ты беден, и я беден, так давай я у тебя крестить буду! Я настолько беден, что ничего не могу дать ребенку; а ты ступай да скажи матери, чтобы она несла ребенка в церковь».

Когда муж с женой пришли в церковь, бедняк уже их там ожидал и назвал ребенка Верным Фердинандом. Когда они шли из церкви, бедняк сказал: «Разойдемся по домам; я не могу вам ничего дать и вы ничего не должны давать мне».

Но он дал родильнице ключ, сказав, чтобы по приходе домой она отдала его отцу на хранение, пока ребенку не исполнится полных четырнадцать лет: тогда он пусть пойдет и найдет замок, к двери которого тот ключ подойдет, и все, что в том замке окажется, за ним навсегда и останется.

Когда мальчику минуло еще всего семь лет, – а росту-то он был большого, – пошел он однажды играть с другими детьми, и ста-

⁴⁶ The Complete Grimms Fairy Tales, p. 566 и далее.

ли они хвалиться, сколько кто получил от крестного, а он не мог ничем похвалиться.

Вернулся он домой с досадой и сказал отцу: «Разве я ничего не получил от крестного?» – «О да! – сказал отец. – Ты получил ключ от замка; как пойдешь да разыщешь его, так и отопрешь тем ключом».

Вот и пошел мальчик и стал смотреть и разыскивать, и ни о каком замке не было ни слуху ни духу.

Семь лет спустя, когда ему минуло четырнадцать лет, пошел он еще раз на розыски замка и видит: стоит замок. Когда он отворил дверь ключом, то ничего в нем не нашел, кроме белой лошади. Юноша так обрадовался этой находке, что тотчас вскочил на коня и погнал к отцу. «Вот, – сказал он, – теперь у меня есть конь, теперь и я поеду странствовать».

И точно, поехал он из дому и, проезжая по дороге, увидел, что лежит на дороге перо для письма; хотел было он его поднять, но потом опять про себя подумал: «Пусть себе лежит! Куда ни приеду, везде найду перо для письма, коли будет нужно».

Когда он от пера отъехал, то услышал, что кто-то зовет его: «Фердинанд Верный, возьми меня с собой!» Он оглянулся, никого не увидел, вернулся к перу и поднял его.

Несколько времени спустя пришлось ему проезжать мимо воды, и видит он: лежит на берегу рыба и широко разевает рот, вдыхая в себя воздух.

Вот и сказал он: «Ну, рыбинка, я помогу тебе в воду спуститься», – взял ее за хвост и швырнул в воду.

Тогда высунула рыбка голову из воды и сказала: «Ты мне помог из грязи в воду попасть, так и я дам тебе флейту. Как будешь в беде, поиграй на ней – я приду к тебе на помощь, и если ты что уронишь в воду, то я тебе тотчас из воды достану».

Поехал он далее, и попался ему человек навстречу, да и спросил, куда он едет. «А вот, в ближайшее местечко». – «А как тебя звать?» – «Фердинанд Верный». – «Ну, так у нас почти одинаковые имена: меня зовут Фердинанд Неверный».

И направились они в ближайшее местечко, в гостиницу. Только что и было плохо, так это то, что Фердинанд Неверный с помощью разного колдовства знал всегда, что другой думает и что собирается делать.

В гостинице, куда оба Фердинанда приехали, была служанка, очень хорошенькая, и держала себя очень мило; она полюбила Фердинанда Верного, потому что он был юноша красивый, и спросила его, далеко ли он собрался.

«Да так, хочу поездить».

Тогда она посоветовала ему остаться и сказала, что есть в их городе король, который охотно возьмет его к себе на службу в слуги или в фореиторы. Фердинанд отвечал, что не хотелось бы ему так идти и самому предлагать свои услуги. А девушка отвечала ему: «О, коли так, я и сама все это за тебя сделаю».

И вот пошла она к королю и спросила его, не желает ли он взять к себе на службу красивого слугу.

Король был очень рад этому предложению, велел Фердинанду явиться ко двору и хотел его взять к себе в слуги. Но Фердинанд предпочел быть фореитором, потому что ему не хотелось расставаться со своим белым конем; король и взял его в фореиторы.

Когда Фердинанд Неверный это увидел, то сказал девушке: «Не поможешь ли ты и мне поступить на место?» – «Отчего же? Помогу и тебе», – сказала девушка, а сама подумала: «С этим нельзя ссориться, потому что ему доверять нельзя».

И она пошла к королю и выхлопотала ему место слуги. Когда он однажды утром одевал своего короля, тот стал вздыхать и говорить жалобно: «О, если бы моя милая могла быть со мной!»

А Фердинанд Неверный, как услышал это, так и сказал королю: «Да, ведь у вас есть фореитор; вот его и пошлите туда за вашей милой, чтобы он ее привез; а если не привезет, так и снесите ему голову с плеч».

Приказал король позвать к себе Фердинанда Верного и сказал ему, что у него там-то и там-то есть милая и что он должен ее к нему привезти; а не привезет – голову ему долой!

Фердинанд Верный пошел в стойло к своему белому коню и стал на судьбу жаловаться: «Ох, что я за несчастный!»

Тут и сказал кто-то позади него: «Фердинанд Верный, чего ты плачешь?» Он оглянулся, никого не увидел и продолжал жаловаться: «Ох, мой милый конь, видно, придется мне с тобою расстаться, придется умирать!»

И опять кто-то его окликнул: «Фердинанд Верный, что ты плачешь?»

Тут только он заметил, что это его конь говорит, и спросил его: «Так это ты, мой конек? И неужели ты говорить можешь? – И добавил: – Я вот должен туда-то и туда-то ехать и привезти королю невесту, так не знаешь ли, как мне за это взяться?»

Отвечал ему белый конь: «Ступай ты к королю и скажи, что если он даст тебе то, что ты попросишь, то ты ему привезешь невесту».

ту: коли даст полный корабль мяса да полный корабль хлеба, то это дело должно удаться. Там за морем живут громадные великаны, и если ты им не привезешь мяса, то они тебя самого растерзают; а еще водятся там большие птицы, которые выклюют тебе глаза, если ты им не припасешь хлеба».

Вот и приказал король всем мясникам бить скот и всем пекарям печь хлебы, чтобы наполнить корабли.

Когда они были наполнены, конь сказал Фердинанду Верному: «Ну, теперь садись на меня и бери меня с собой на корабль, и если придут великаны, то отдай им мясо, а как птицы прилетят, отдай им хлеб. Тогда они тебе ничего не сделают и еще помогать станут, когда придешь к тому замку, в котором та принцесса лежит в глубоком сне, смотри – не разбуди ее, а захвати с собою двух великанов и вели им отнести ее на кровати на корабль».

И все именно так случилось, как конь сказал.

И великанам, и птицам Фердинанд Верный отдал то, что привез для них: и великаны были очень довольны, и снесли принцессу на кровати на корабль. И когда она прибыла к королю, то сказала, что не может остаться, если не будут ей доставлены ее писанья, которые она забыла в замке.

Тогда был позван Фердинанд Верный по наущению Фердинанда Неверного, и король велел ему принести те писанья из замка, а если не принесет, то будет казнен. Вот и пошел он снова в конюшню и начал жаловаться, говоря: «О, милый мой конек, опять меня посылают, как мне быть?» Тогда сказал белый конь, что по-прежнему корабль придется нагрузить полным грузом. И поехал он снова, как и в прошлый раз, и великанов, и птиц насытил мясом и хлебом и тем смирил их.

Когда они подошли к замку, конь сказал ему, что он должен туда войти и пройти в самую спальню принцессы, там на столе и лежат ее писанья.

Пошел Фердинанд Верный и добыл те писанья. Когда они плыли обратно на корабле, Фердинанд уронил свое перо в воду, и конь сказал ему: «Ну, в этом я тебе не могу помочь». Тогда Фердинанд вспомнил о своей флейте, начал на ней играть, и вот всплыла рыба, держа перо во рту, и подала его Фердинанду. Затем он отвез бумаги в замок, где и была сыграна свадьба.

Однако же принцесса не могла полюбить короля, он ей не нравился, потому что был безносый, а Фердинанд Верный ей понравился и полюбился.

Когда однажды собрались к королю все его придворные, то королева сказала им, что она умеет фокусы показывать. «Вот, – говорит, – снесу человеку голову и опять ее к месту приставлю, не желает ли кто испытать?»

Однако же никто не решался испытать на себе этот фокус, и опять пришлось вызваться Фердинанду Верному по наущению Фердинанда Неверного. И точно, снесла ему королева голову и опять на место приставила, и залечила, и только остался у него на шее значок, вроде красной ниточки.

Тут и сказал ей король: «Скажи, моя милая, где ты этому искусству научилась?» – «Да, – сказала она, – я в этом искусна; не хочешь ли ты мое искусство на себе испытать?» – «Отчего же не испытать?» – сказал он.

И снесла она ему голову, а на место ее не приставила, будто бы потому, что она ее приставить не сумела или сама голова на плечах у него не держалась. Так и похоронили короля, а королева вышла за Фердинанда Верного.

А Фердинанд все продолжал ездить на своем белом коне, и когда однажды он на нем ехал, тот сказал ему, чтобы он поехал на другое поле и трижды объехал кругом его.

Когда тот это выполнил, белый конь стал на задние ноги и оборотился королевичем.

Это сказка относительно неполная, и в ней есть странные, не слишком уместные элементы. Например, перо для письма, наверное, было взято из какой-то другой сказки, в которой оно имело связь с повествованием. У этой очень старой европейской сказки есть множество версий, которые восходят к средневековой иудейской легенде, относящейся к XII веку, о рабби Йоханане⁴⁷, который должен был найти невесту царю Соломону⁴⁸. В той легенде вероломной и деструктивной фигурой является не мужчина, а жадная жена рабби, которую интересуют только деньги и которая в конце концов погибает. Кроме того, в конце легенды царя не обезглавливают. В древней рукописи также присутствует основная идея, что мужчине, который должен выполнять для царя осо-

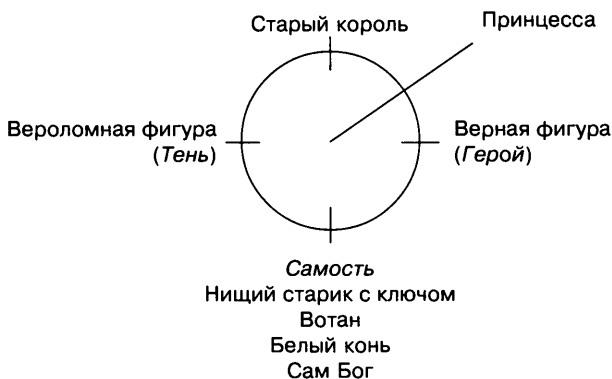
⁴⁷ Рабби Йоханан – известный в иудейской традиции мудрец, величайший учитель Торы III века н.э., его учение вошло в основу Иерусалимского Талмуда. – *Примеч. ред.*

⁴⁸ J. Bolte and G. Polivka, *Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm* (Leipzig: Diederichs Verlag, 1913–1932), vol. 3, p. 32.

бые задания, постоянно строят козни вероломные недоброжелатели. Этот мотив имеет свои истоки в древних легендах. Хотя по форме изложения эта сказка является специфически немецкой, ее можно найти и в Италии, и в России, и в Скандинавии.

В данном случае наше внимание приковано к проблеме Тени: снова двое мужчин странствуют вместе, снова оба попадают на королевскую службу, и снова потом один из них пытается опорочить другого. Можно подумать, что это не такая уж добрая сказка, что в ней нет ничего особенно нового, и вообще удивительно, зачем только я ее выбрала. Однако благодаря некоторым характерным особенностям этой сказки мы сможем продвинуться еще дальше в понимании проблемы Тени.

В первой главе я приводила диаграмму, которую мы можем теперь несколько видоизменить для условий этой сказки.

Юнг показал, что обновление может дать только четвертый фактор, который называется Самостью. В предыдущей сказке король в какой-то мере неполноценный, так как не может произвести на свет наследника, но тем не менее он продолжает оставаться королем и в конце сказки не лишается трона. Данная сказка встречается и в более традиционном и классическом варианте, где короля свергают, и он тоже в какой-то мере неполноценный: у него нет носа, а следовательно, он не привлекает внимание принцессы.

Нос – это орган обоняния, а следовательно, он имеет очень тесную связь с функцией интуиции. Можно только сказать, что

фондовый брокер должен иметь «нюх» (англ. *flair*, от франц. *flairer* – «пахнуть») на колебания курсов в биржевых торгах и использовать этот «нюх», чтобы предвидеть развитие ситуации. Также вы можете в каких-то случаях «чувствовать недоброе», или что-то может «дурно пахнуть». Есть много разговорных и даже нелитературных выражений, где употребляется слово «пахнуть»⁴⁹, обычно связанных с интуитивными представлениями, которые нельзя получить с помощью одного обоняния. Следовательно, можно было бы сказать, что у короля утрачена его инстинктивная интуиция; он лишен инстинктивного предчувствия, как правильно поступить, – то есть он не находится в гармонии со своим бессознательным.

Как вам, наверное, известно, в коре головного мозга большинства млекопитающих более развита область, ответственная за функцию обоняния; отсюда следует вывод, что животные более чувствительны к запахам по сравнению с человеком, которого в этом отношении можно считать неполноценным. Очевидно, в пользу развития одних областей мозга и соответствующих им функций другими функциями в процессе эволюции пришлось пожертвовать, и существует теория, что человеческий интеллект сформировался в ущерб обонянию. Современным людям не настолько необходимо острое зрение и способность различать тонкие запахи, насколько они были нужны их далеким предкам для выживания, и вполне возможно, что какие-то способности человеком были эволюционно утрачены, для того чтобы за их счет смогли развиваться другие функции мозга, ибо некая способность, утраченная на одном каком-то уровне, образно выражаясь, может возвратиться на более высоком уровне. Эта способность может стать психологической функцией, которую впоследствии заменит интуиция, таким образом, утраченное физическое ощущение может превратиться в психологическое ощущение. Следовательно, если у короля отсутствует нос, значит он утратил свою природную способность различать хорошие и плохие запахи, потому что он испытал пагубное влияние Фердинанда Неверного и потерял способность «чувствовать недоброе». Более того, он разлучился со своей возлюбленной принцессой и сам не может ее вернуть. Как правило, невеста не хочет выходить замуж за жениха, если у него не хватает

⁴⁹ Подробнее об употреблении нелитературных выражений можно прочитать в книге Л. Арбатского «Ругайтесь правильно. Довольно толковый словарь русской брани» (М.: Яуза: Эксмо-Пресс, 1999). – *Примеч. пер.*

мужества прийти к ней самому и добиться ее внимания собственными силами.

Символ Самости, который позволяет найти выход из положения, воплощается не в образе короля, а в образе нищего старика. Этот никому не известный старик, который исчезает сразу после крещения ребенка, направляет его к говорящей белой лошади, в обличье которой также оказывается заколдованный принц, стремящийся освободиться от колдовских чар. В других версиях сказки впоследствии оказывается, что нищий старик, который дал белого коня Фердинанду Верному, – это и есть белый конь. И. Вольте и Г. Поливка в пятитомном труде комментариев с параллельными текстами к сказкам братьев Гримм (*Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm*)⁵⁰ – исследуют связи сказок братьев Гримм со сказками других стран, а также приводят датировку наиболее старых рукописей и т.д. В их коллекции параллельных текстов по одной из версий сказки нищий старик является конем, а по другой – даже самим Богом.

В сказках часто говорится о боге, который скитался по земле, а некоторые из них так и начинаются: «В незапамятные времена, когда бог еще скитался по земле...» Идея, что бог имеет земную сущность и ходит по земле как обычный человек, вступает в противоречие с нашей идеей Бога. Однако в фольклоре часто прослеживается сюжет, в котором бог принимает облик незнакомца – например, старика, с которым встречается сказочный герой в лесной чаще. Есть интересные амплификации образа непознаваемого Бога Отца и белой лошади. Древний германский бог Вотан – это бог, который бродил среди людей. Однажды он явился в королевский дворец в сером или серо-голубом плаще и шляпе, надвинутой на ослепший глаз. Он попросил еды и ночлега и рассказал много поразительных историй, а после этого внезапно исчез, и только потом люди догадались, кто это мог быть. По другой легенде Вотан отправился в кузницу подковать своего коня, и кузнец вдруг видит, как белый конь перепрыгивает через высокую стену и исчезает. Иногда Вотан скачет на белом коне о восьми ногах по имени Слейпнир, который является животным воплощением самого бога. Поэтому мы можем заметить определенную связь между древним языческим образом Во-

⁵⁰ J. Bolte and G. Polivka, *Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm*, vol. 3, p. 32.

тана, который в нашей сказке снова оказывается компенсаторным воплощением фигуры христианского Бога.

Есть и другая связь: в нашей сказке у нищего старика есть ключ, который он передает ребенку, и мальчик этим ключом открывает все двери. По другой версии сказки главного героя звали не Фердинанд Верный, а Петр, а про Петра мы знаем, что он был учеником Христа и что ему Христос передал ключи от Небесного Царства⁵¹. Святой Петр всегда вызывал симпатию у простых людей, так как он был им ближе и понятнее Христа. Есть много сказок, в которых святой Петр странствует вместе с Христом и при этом совершает глупые поступки (и Бог ему указывает на это), он вспыльчив и всегда выставляет себя дураком. В одном из преданий Иисус и Петр странствуют почти без денег и достают еду, не платя за нее. Иисус хитростью устраивает Петра спать на полу, а не на кровати. К утру хозяин постоялого двора накидывается на Петра, потому что тот не заплатил за ночлег. Есть много вариаций таких сказок, в которых святой Петр играет роль Теневой фигуры: он является более человечным и более глупым, чем Христос. В религии, которая стала слишком высоко духовной, теряется связь с Божественным образом; поэтому фантазиями простых людей были созданы такие темы, чтобы компенсировать отсутствие этой связи. Святой Петр – наивный парень, человечный в полном смысле этого слова, в каком-то смысле слепок божественной фигуры, но обладающий такими качествами, которые мы не отважимся приписать божеству. В евангелиях святой Петр предает Христа в самый критический момент, но искупает свое предательство наивной преданностью своему учителю. Из-за своей вспыльчивости он отрезал ухо Мальхусу, одному из служителей первосвященника Анны, которого Христос исцелил. Поэтому Петр служит воплощением более простых человеческих качеств, которые отсутствуют в образе Христа, и несмотря на это Иисус благоволит ему и дает ему ключи от Небесного Царства, наделяя полномочиями открывать Небесные врата.

Исследователи истории фольклора считают, что святой Петр унаследовал много черт римского бога Януса, имя которого легло

⁵¹ См. Евангелие от Матфея 16: 15–19: «Он [Иисус] говорит им: а вы за кого почитаете Меня? ...Петр... сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живого. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты... потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты – Петр [греч. "камень"], и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного...» – *Примеч. ред.*

в основу названия первого зимнего месяца – января. Кроме того, он является привратником и держит в своих руках конец и начало бытия, а его лица обращены в противоположные стороны. Ему посвящен месяц январь, ибо в это время заканчивается один год и начинается другой. В дохристианскую эпоху в Древнем Риме Янус был первым богом, который сотворил мир. Это был бог, в котором сосуществовали и соединялись противоположности – начало и конец и у которого были ключи. Святой Петр унаследовал некоторые черты этой древней архетипической фигуры, ибо он обладал способностью смотреть в противоположные стороны и имел ключи.

Если король является воплощением доминирующего коллективного сознания, он должен воплощать доминирующую религиозную установку и ее символику, а следовательно, повстречавшийся старик, давший имя новому королю, может считаться более архаичной фигурой Бога, которая обладает теми чертами, которые уже утрачены в доминанте. Более древний образ Бога имел следующие черты: он был вспыльчив, каким был ветхозаветный Яхве до своего перехода в Новый Завет, он также был импульсивным, мог скитаться по земле, вступать в общение с людьми и так далее. Он был ближе к человеку в своем несовершенстве по сравнению с Божественной фигурой христианской религии, он был ближе и для нашего человеческого восприятия.

Именно эта несовершенная и более архаичная фигура Бога обладает в сказке тайной силой, способной защитить героя и постепенно вывести из него нового короля.

Фердинанд Неверный, фигура на левой части диаграммы, – это злоумышленник и клеветник, которому присуща регрессивная тенденция, связанная с намерением погубить новую символическую доминанту сознания, но он не добивается успеха. Однако решающую роль играет не поединок между двумя Фердинандами. Идея, основанная на борьбе между ними и поиске победителя, была бы слишком примитивной: тогда проблема Тени имела бы решение. Но это не так; в разрешении конфликта участвует совершенно иной фактор. Вместе с тем главная роль в сюжете принадлежит не нищему старику и не белой лошади, даже притом, что в конце сказки белый конь избавляется от колдовского заклятия. Нового короля создает пятый персонаж, принцесса, которая отказывается стать женой старого короля и предпочитает Фердинанда Верного. Она полностью изменяет ситуацию, оказавшись в самом центре сказочных событий.

Все остальные мотивы интерпретировать относительно просто. Первая проблема – Фердинанду приходится ждать, пока ему не исполнится четырнадцать лет, то есть пока не наступит пубертатный возраст. Считалось, что в этот период мальчик становится более-менее взрослым. В XVI веке многие мальчики двенадцати лет были офицерами в голландской армии. Таким образом создавалась идея своевременности и правильно выбранного момента, когда откроется истина, и человеку приходилось ждать, когда придет пора или пройдет определенный срок, то есть произойдут внутренние или внешние перемены.

Замок – это обезличенный фемининный символ, который иногда служит воплощением Анимы. Замок строится людьми, а следовательно, он представляет собой особый аспект материнского образа, образа Анимы и богини-матери, который был создан в прошлых цивилизациях и в котором теперь следует найти новое содержание. Иногда замки и дворцы символизируют организацию фантазии, например в детских играх. Иногда люди строят дворец, замок или крепость в своем активном воображении, а потом долго там живут. Они создают особую обстановку, в рамках которой они чувствуют себя более защищенными. Чем менее благоприятные внешние условия, тем больше ребенок хочет уйти в такую крепость, за стенами которой он может жить собственной жизнью. В данном случае в замке формируется новый образ – обновленный образ Бога. Герой является носителем нового Солнца. В хорошо известном средневековом стихотворении «Гелианд»⁵² Христос изображается скачущим на белом коне. Он является носителем нового света, а конь воплощает инстинктивное либидо, направленное к обновленному сознанию. В нашей сказке конь может говорить и превращается в другого королевича.

Утраченное принцессой писание и мотив потерянного пера для письма нам следует принять только как существующую данность; фигура Анимы связана с утерянным писаньем, и герою нужно какое-то средство, чтобы писать. Следовательно, можно го-

⁵² «Гелианд» (*Heliand*) – «Спаситель». Весьма важный литературный памятник, древнесаксонская поэма IX в., неизвестного автора. Происхождением своим обязана, вероятно, императору Людовику Благочестивому, желавшему познакомить саксов с христианским вероучением. По преданию Людовик поручил одному саксу, уже славившемуся в своем народе как поэт, пересказать саксонскими стихами содержание Ветхого и Нового Завета. По другой, более поздней версии предания поэт был простым крестьянином, который во сне получил повеление свыше сочинить эту поэму. – *Примеч. пер.*

ворить о некой связи с поэтическим творчеством. Поскольку сказка имеет такую «вотаническую» основу, нам следует помнить, что Вотан – это бог поэзии и поэтического творчества, и, возможно, творческая сила Анимы потерялась вместе с ней и ее снова нужно обнаружить посредством обновления религиозной установки.

Утраченное принцессой писание должно иметь отношение к тайной традиции, так как это писание находится у Анимы в дальних землях, т.е. в бессознательном, и это писание следует вернуть в область сознания. В эпоху христианства время от времени неожиданно появлялись новые писания, представлявшие собой попытки иных толкований христианского вероучения. Можно предположить, что этими документами являются рукописи альбигойцев⁵³ и катаров⁵⁴, а может быть – легенда о Святом Граале (попытка оживить христианскую истину в поэтическом ключе). Или это

⁵³ Альбигойцы, Церковь Альби (город на юге Франции) – название распространенного в Южной Европе религиозного течения «добрых людей» (катаров). Религиозное течение альбигойцев (фр. *L'Eglise d'amour*, т.е. Церкви любви) усвоило религиозные принципы раннего христианства в соединении с мистическими учениями о Граале, имело среди приверженцев верующих различных вероисповеданий, в том числе католиков, а также последователей различных гностических сект. Существует мнение о происхождении альбигойцев от болгарского течения богомилов, малоазийских павликиан и общих их скифско-славянских предшественников, т.н. «андреевцев» (по имени основателя апостола Андрея Первозванного). Они проповедовали апостольское христианство и вели простую, строго нравственную и уединенную жизнь. Поэтому их называли сначала «добрыми людьми» (фр. *les bons hommes*), но «людьми темными» (фр. *hommes obscurs*). – *Примеч. пер.*

⁵⁴ Катары (от др.-греч. *katharós* – «чистый, ясный») – религиозное движение в Западной Европе в XI–XIV веках. По мнению современных исследователей, это слово было придумано в 1163 году в рейнских землях клириком Экбертом из Шонау. Особенное распространение катаризм получил на юге Франции (альбигойцы), в северной Италии, на северо-востоке Испании и в некоторых землях Германии. Катаризм не являлся принципиально новым мировоззрением, возникшим в Средние века. Богословские принципы, впоследствии характерные для катаризма, можно найти также у первых учителей христианства, испытавших влияние гностицизма и неоплатонизма (Ориген Александрийский). Это движение было представлено различными общинами, не обязательно связанными между собой и иногда отличавшимися доктриной и образом жизни, но тем не менее представлявшими некое единство в области структуры и обряда, как во временных рамках – между X и XV столетиями, так и в географических – между Малой Азией и Западной Европой. В Восточной Европе и Малой Азии к таким общинам относят богомилов. Богомилы Византии и Балкан, а также катары Италии, Франции и Лангедока представляли собой одну и ту же церковь. Для катарских текстов характерно отсутствие отсылок к текстам нехристианских религий. Даже в наиболее радикальных своих положениях (напр., о дуализме или о перевоплощениях) они апеллируют только к христианским первоисточникам и апокрифам. Теология катаров оперирует теми же понятиями, что и католическая теология, «то приблизаясь, то удаляясь в их толковании от генеральной линии христианства». – *Примеч. пер.*

были писания гностиков, ибо такие тайные учения не могли проповедоваться открыто и подавлялись вследствие особой непреклонности, твердости и неизменности христианского вероучения. Мы можем заключить, что писание может быть связано с каким-то таким еретическим течением и содержаться в сфере Анимы, которая хочет их достать и настаивает на том, что они ей крайне необходимы. Кроме того, принцесса должна обладать магической силой, ибо она знает, как обезглавить человека и снова его оживить, приставив обратно голову, поэтому писание может содержать в себе тайный магический рецепт. В общем оно представляет собой неформальное и не признанное официально знание. В магии содержится много античных традиций, которые продолжают до сих пор. Юнг однажды показал книгу колдовства, которую швейцарский крестьянин использовал для магических заклинаний: она представляла собой настоящую латинскую молитву богине Венере, переписанную от руки в Средние века и по-прежнему применяемую с той же самой целью. Существуют и традиции из германского языческого прошлого. Можно было бы предположить, что писание связано с устойчивой тайной традицией, представляющей собой нечто такое, с чем часто ассоциируется Анима. Дело в том, что, являясь компенсаторной фигурой, Анима всегда вбирает в себя все, что не нравится сознанию, чем оно пренебрегает и оставляет без внимания и что вместе с тем заслуживает внимания, а потому это следует сохранить.

Так как у сказочного героя есть перо для письма, создается такое впечатление, что в один прекрасный день он должен написать, например, какие-то новые толкования бессознательного. Вся работа со сказочным материалом заключается в психологической интерпретации религиозных и фольклорных традиций, чтобы мы могли восстановить свою связь с сознательной установкой. Сказки несут некий смысл, и, слушая их, вы можете восстановить свою связь с живущими в них традициями, — именно поэтому я их обсуждаю. Всегда существует вопрос о том, как достигают сознания тайные писания Анимы. Мужчинам снится, что их Анима — очень образованная женщина, у которой много книг. Эту тему можно развить в активном воображении, в котором некое примитивное религиозное учение воспроизводится в весьма помпезной форме: «Слушайте, все народы, внимай, земля, я возвещаю новую истину». Следовательно, мужчины очень не любят давать волю своей Аниме, не позволяя ей что-то написать, потому что у нее дурной

вкус. Чтобы ее слушать, необходимо настоящее мужество. Если появится фигура Анимуса, или великого шамана, то он будет говорить точно так же. Эти помпезные декларации великой истины достаточно здравомыслящие люди воспринимают с крайним отворачиванием. Люди же, у которых вкус не столь развит, попадают под их влияние, и это по-прежнему плохо, потому что большинство людей заражается этими декларациями. Вам ничего не нужно делать – просто не терять мужества и объективности, чтобы позволить Аниме возвестить свою истину (как она это умеет) и узнать, в чем состоит ее цель. Эта архаичная форма возвещения великой истины не соответствует современной писательской идее, правда, некоторые современные поэты ее используют, и Ницше иногда позволяет Заратустре возвещать истины именно в такой форме. По моим представлениям, Анима хранит некоторые писания, которые спрятаны в у нее в замке.

Есть еще одна странная проблема, требующая внимания: почему затруднения, вызванные Тенью, не приводят к схватке, а выход из положения обеспечивается каким-то иным фактором. Здесь есть некий намек на проблему человека, связанную с его индивидуальной Тенью. Насколько я поняла, если человек осознанно решает бороться с Тенью и принимает ее всерьез, без болтовни и надувательства, она полностью уходит в конфликт. Если Эго принимает одностороннее этическое решение и одностороннюю моральную установку и вступает в реальный конфликт с Тенью, конфликт никаким образом не может быть разрешен. Это одна из проблем нашей цивилизации.

В самых примитивных цивилизациях люди никогда не вступают в серьезный конфликт с Тенью, ибо в таком случае они будут бездумно переходить от одной установки к другой, и левая рука не будет знать, что делает правая. Об этом можно узнать из рассказов о деятельности миссионеров. Они что-то делают для племени, и это хорошо прививается, но затем приобретает характер эпидемии, и тогда к миссионерам просыпается ненависть и их убивают: возникает противодействие их влиянию. После этого племя сожалеет о содеянном, но на самом деле дикари не бывают расстроены и подавлены произошедшим, и жизнь продолжается. Это крайний случай того, что случается с нами постоянно. Конфликт с Тенью не обостряется, так как наша установка может изменяться, и это помогает нам в жизни. Мы стараемся быть хорошими и при этом совершаем всевозможные плохие поступки, кото-

рых вовсе не замечаем, или же, если замечаем, нам приходится извиняться и оправдываться, например, тем, что болела голова, или мы обвиняем другого человека, или просто забываем о том, что сделали, – именно так мы обычно относимся к проблемам Тени. На самом деле я не критикую подобное поведение, ибо так устроена жизнь. У человека есть Тень, великая инстинктивная сила, и если мы не хотим оказаться в тупике неразрешимых проблем, нам следует научиться не обращать внимания на некоторые вещи, чтобы иметь возможность как-то продвигаться в жизни. Вы получите от окружающих и признание, и критику, но если не забираться слишком высоко, то можно балансировать на некотором уровне, оставляя конфликт неразрешенным. Есть люди более педантичные и этически чувствительные, в таком случае ситуация осложняется, но если они знают психологию, то справиться с проблемой становится значительно легче.

Однако люди, исповедующие христианство, не могут долго вести себя гибко и бросают вызов неразрешимым проблемам. Всегда существуют «да» и «нет», и левая рука использует всевозможные ухищрения и уловки, и потому жизнь заходит в тупик, – человек не может продолжать жить спокойно, так как стремится быть слишком совершенным, но это стремление односторонне. Сознательно жить в соответствии с христианскими идеалами – значит принять мученическую жизнь и мученическую смерть, – именно так бы ответила ранняя христианская церковь. Тогда бы нам предстояло отстаивать права заключенных в Китае⁵⁵, положив за них все, включая жизнь, или что-нибудь в этом духе. Обычные люди в своей массе назовут это дуростью, и это говорит о том, что в ком-то действует комплекс спасителя, тем не менее большинство уклоняется от героических действий, говоря, что до тех пор, пока проблема зла не подойдет к ним вплотную, они не будут ее решать, а пусть это делают другие. Идеалистически настроенный молодой человек решил отправиться на остров, где американцы проводили испытание атомной бомбы, чтобы помешать им. Большинство людей сочли бы, что он просто ненормальный, что его идеализм подобен идиотизму, однако на самом деле он пытался жить *imitatio Christi*⁵⁶. Следовательно, мы сталкиваемся с противоречием: либо надо жить в соответствии с этическими обязательствами и таким образом

⁵⁵ Скорее всего, в данном случае речь идет о маоистском режиме в Китае. – Примеч. пер.

⁵⁶ *Imitatio Christi* (лат.) – подражая Христу. – Примеч. пер.

принять смерть, либо, если не хотим доходить до крайности, мы регрессируем и продолжаем играть с обеими возможностями. Этот конфликт, присущий христианской религии, определяет нашу жизнь: как далеко мы зайдем? Если мы зайдем слишком далеко и обострим проблему Тени, то окажемся в тупиковой ситуации: что делать – принять на себя роль мученика или же немного смошенничать и проживать свою Тень, стараясь не смотреть на нее слишком пристально и сохранив тем самым здоровую защиту.

История о молодом человеке, который захотел быть убитым в знак протеста против испытаний атомной бомбы, – это типичный пример человека с фанатичными этическими убеждениями, из-за которых он оказался в тупике, придя к необходимости умереть за свои убеждения – погибнуть от рук мирового зла. Ежедневно проводя анализ, вы сталкиваетесь с такими конфликтами; люди хотят быть порядочными и поэтому отрываются от своих корней, а потом не понимают, как им жить дальше. Мужчина сталкивается с соблазном вступить в любовную связь на стороне и успокаивает себя тем, что так делают все, мол зачем поднимать из-за этого шум; но оправдываясь таким образом, он фактически уходит и прячется от самого себя, а потом сожалеет. Но когда ревнивая жена устраивает ему сцену, он снова регрессирует. Другие люди, которые подвергаются подобному искушению, пытаются проверить себя на прочность и говорят, что они не такие, как казалось раньше, но тем самым подавляют Теневую тенденцию и вступают с ней в борьбу. Если искушение минимально, они добиваются успеха, но если оно очень сильно, они впадают в уныние, чувствуют усталость и не знают, как жить дальше. Тогда в сновидениях Тень приходит в бешенство, ибо она не нашла себе выход. Это может вызвать такую потерю либидо, что их жизнь останавливается. Мужчина делается невротичным, так как другая часть его личности не признает его решений и постоянно приходит от них в ярость. Также его начинают посещать ипохондрические фантазии и депрессия, портится настроение и он перестает получать удовольствие от своей работы. Это очень часто бывает у людей, которые пытаются быть слишком нравственными. Или же муж будет взбешен поведением своей жены, и его ярость будет местью Тени за то, что ею пренебрегли. В таких случаях любое поведение мужчины будет неправильным; оно обусловлено раздражением из-за того, что уступает Тени и тем самым ее отвергает: если он ей уступит, значит он убогий, а если нет, то из-за нее

он оказывается в подвешенном состоянии. Именно такую психологическую ситуацию я бы назвала основным Теневым конфликтом. Никакие «за» и «против» не способствуют его разрешению. Если человек не может чуть измениться или смишенничать, основной Теневой конфликт, присущий человеческой природе, становится неразрешимым, ибо он приводит к тому, что человек не может совершить правильный поступок. В таких случаях слабые люди ищут чьей-то поддержки, или спрашивают совета, или отрицают само наличие конфликта, говоря, что это сущий пустяк. К сожалению, так бывает часто и не обещает ничего хорошего, и тогда вы снова имеете прежнюю регрессию, при которой левая рука не знает, что делает правая.

В сказке говорится, что такой конфликт приходится выдерживать до тех пор, пока его не удастся разрешить творчески. Творческое решение должно быть каким-то неожиданным, конфликт должен разрешаться на ином уровне. В данном случае таким сказочным образом является фигура Анимы, которая неожиданно переворачивает всю ситуацию и делает королем другого человека. То есть разрешение конфликта приходит из бессознательного, которое не принимает ни ту ни другую сторону: оно просто переворачивает всю ситуацию – безносый король, третья сторона в конфликте, о которой никто не думает, должен уйти, и таким образом ситуация изменяется, и картина выглядит уже совершенно иначе. Это модель творческого решения Теневой проблемы, к которому, собственно, мы и стремимся: выстрадать конфликт до тех пор, пока не случится нечто неожиданное и не переведет всю ситуацию на другой уровень. Тогда можно было бы сказать, что конфликт не разрешился, а перешел в иную плоскость. По-другому его вообще нельзя было бы разрешить. Нужно пройти через распятие без каких бы то ни было поползновений со стороны Эго в сторону «да» или «нет». Это может продолжаться недели или месяцы. Эго не может снять такое напряжение противоположностей, ибо творчески разрешить Теневой конфликт – значит отказаться от Эго и его норм и противоречий. Оно означает полностью подчиниться неизвестным силам, существующим в человеческой психике. Вспомним слова распятого на кресте Христа: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»⁵⁷

В сказке эти неизвестные силы воплощаются в третьей фигуре, фигуре Анимы, которая изменяет всю ситуацию. Если бы Фер-

⁵⁷ Евангелие от Матфея 27: 46, от Марка 15: 34. – *Примеч. пер.*

динанд Верный заигрывал с фигурой Анимы, говоря, что он ее любит, и спрашивал ее о том, как поступить со старым королем, это бы не было собственно решением конфликта. Но в сказке показано, что у него и не было никакого намерения стать королем. Он остался на своем месте, на котором ему были видны противоположности, а так как он сам не думал о том, чтобы избавиться от короля, то тем самым дал возможность принцессе сказать: «Я не люблю этого старого короля. Пусть он так и будет обезглавленным».

Если Анима хочет покончить с мужчиной, она лишает его головы, – разумеется, не буквально, а психологически, и тогда он выходит из себя. Одержимость Анимой представляет собой огромную опасность для мужчины и часто возникает у тех из них, кто не может выдержать столкновения противоположностей. Вторая опасность состоит в убежденности, что Анима или какая-то другая фигура из бессознательного разрешит конфликт сама по себе. Это самая большая опасность, с которой сталкиваются студенты, изучающие юнгианскую психологию. Мы знаем из книг Юнга, из лекций по психологии и из своего собственного опыта: когда возникает такой конфликт, у нас появляется рациональное ожидание его разрешения, и мы говорим: «Я знаю, что Анима его разрешит». При этом мы совершенно забываем, что прежде всего нам придется полностью прожить конфликт Эго.

В сказке не говорится ничего о том, что случилось с Фердинандом Неверным, – он просто исчезает из сказочного сюжета. Вместо этого рассказывается о превращении белого коня, в других версиях сказки этим конем был нищий старик, который дал ключ Фердинанду. В скрытой форме эти два образа представляют собой воплощение древнего германского бога Вотана. Получается так, словно богоподобная фигура поглотила злого Фердинанда. Данное обстоятельство действительно говорит в пользу того, что острый конфликт между добром и злом, созданный христианским вероучением, заменяется возрождением язычества. Оно символизирует регрессию к варварству – ту самую регрессию, которую все мы недавно на себе испытали. В нашей версии и некоторых других версиях сказки белый конь превращается в неизвестного королевича или принца. Такое превращение может воплощать вероятный прогресс в будущем – возможность развития новой установки, трансцендентной по отношению к христианскому конфликту. Однако неопределенность образа королевича говорит о том, что на такой исход есть лишь слабая надежда, которая еще не вошла в наше культурное сознание.

Верный Иоганн, посредник

В следующей сказке этот сказочный персонаж⁵⁸ предстает перед нами в совершенно ином свете.

Верный Иоганн⁵⁹

Жил-был однажды старый король, и заболел он, и пришло ему в голову, что лежит он на смертном одре и ему с него уже не подняться. Тогда сказал он: «Позовите ко мне моего неизменно верного Иоганна!» Этот Иоганн был его любимым слугой, и так его звали потому, что он всю жизнь служил королю верой и правдой.

Когда же тот явился к постели больного, король сказал ему: «Вернейший Иоганн, я чувствую, что мой конец приближается, и нет у меня никакой иной заботы, кроме заботы о сыне: он еще совсем юноша и не всегда сумеет жить по разуму, и если ты мне не пообещаешь наставить его всему, что он должен знать, да не захочешь быть ему опекуном, то мне не придется закрыть глаза спокойно».

Тогда ответил верный Иоганн: «Я его не покину и буду служить ему верой и правдой, хотя бы пришлось за то поплатиться жизнью».

На это король сказал: «Ну, значит, я могу умереть спокойно и с миром. – И затем продолжал: – После моей смерти ты должен показать ему весь замок – все покои, залы и подвалы и все сокровища, какие в них хранятся; но самого крайнего покоя в длинном коридоре ты ему не показывай – того, в котором сокрыто изображение королевны с золотой крыши. Как только он увидит это изобра-

⁵⁸ Вероятно, речь идет о спасительной богоподобной фигуре аиста в сказке «Два странника» или белого коня в сказке «Фердинанд Верный и Фердинанд Неверный». – *Примеч. ред.*

⁵⁹ The Complete Grimms Fairy Tales, p. 43 и далее.

жение, то воспламенится к королевне страстной любовью; пожалуй, еще в обморок упадет да из-за нее во всякие опасности полезет. От всего этого ты обязан его оберечь».

Верный Иоганн еще раз поклялся старому королю, что исполнит его завет, и тот стал мало-помалу затихать, склонился головой на подушку и скончался.

Когда старого короля схоронили, верный Иоганн рассказал молодому королю о том, в чем он поклялся его отцу на смертном одре, и добавил: «Все обещанное ему я выполню добросовестно и буду тебе так же верно служить, как служил ему, хотя бы это стоило мне жизни».

Когда же обычное время траура миновало, верный Иоганн сказал королю: «Ну, теперь пора тебе осмотреть все, что ты унаследовал; я покажу тебе весь замок твоего отца». И он повел его всюду, вверх и вниз, и показал ему все богатства и все дивные покои замка; не показал только одного покоя, в котором было сокрыто изображение королевны с золотой крыши.

А это изображение было так поставлено, что, если отворить дверь, оно прямо бросалось в глаза; притом оно было так превосходно сделано, что его можно было принять за живое существо, и надо было сознаться, что во всем свете ничего не было ни милее, ни прекраснее этого женского образа.

Юный король не мог, конечно, не заметить, что верный Иоганн все проходит мимо одной двери, и спросил: «Отчего же ты мне эту не отпираешь?»

«За этой дверью, – ответил Иоганн, – есть нечто такое, чего ты можешь испугаться».

Но король сказал ему: «Я весь замок видел, а потому желаю знать, что там за дверью!» Он подошел к двери и хотел ее отворить силой. Тогда верный Иоганн стал его удерживать и сказал: «Я отцу твоему перед его кончиной обещал, что ты не увидишь скрытое в этом покое; я знаю, что и тебя и меня это могло бы привести к великим бедствиям». – «О нет! – отвечал юный король. – Если я не проникну в этот покой, то я наверно погибну: я и день и ночь буду жить в вечной тревоге, пока своими глазами не увижу того, что там скрыто. С места не сойду, так и знай, пока ты мне не отомкнешь этой двери!»

Тогда верный Иоганн увидел, что решение короля непреклонно, и с великой скорбью и тяжкими вздохами выискал в толстой связке заветный ключ. Отомкнув дверь, он поспешил войти первый и

думал прикрыть изображение, чтобы оно не бросилось в глаза юному королю, но все было напрасно! Король приподнялся на цыпочки и глянул ему через плечо. И как только увидел он изображение красавицы-королевны, которое было прекрасно и притом все блистало золотом и драгоценными камнями, так и грянулся в обморок.

Верный Иоганн поднял его, снес на постель и стал тревожиться: «Вот стряслась беда! Господи Боже, что из этого выйдет?!» И стал помаленьку отпаивать короля вином, пока тот совсем не пришел в себя.

Первым словом короля было: «Ах! Кто же эта красавица?» – «Это королевна с золотой крыши», – отвечал верный Иоганн. «Моя любовь к ней так велика, – сказал юный король, – что если бы у каждого листка на дереве был свой язык, то и все они вместе не могли бы выразить моей любви; жизнь свою я посвящу тому, чтобы добиться ее руки. Ты мой вернейший слуга, и ты мне должен в этом деле помочь».

Верный слуга долго обдумывал, как бы ему приступить к этому делу, потому что мудрено было добиться даже возможности повидать королевну.

Наконец он все-таки придумал способ действий и сказал королю: «Эта королевна живет в золотом доме: столы, стулья, блюда, чаши, кубки и вся домашняя утварь у нее золотые. У тебя в сокровищнице есть пять бочек золота; так прикажи твоим золотых дел мастерам одну из этих бочек золота перековать во всякую посуду и утварь, изготовить из этого золота всяких птиц, лесных и разных диковинных зверей. Ей это понравится, и мы с тобой все это захватим с собой и пойдем к ней попытать счастья».

Король тотчас приказал созвать всех мастеров со своего королевства, заставил их работать день и ночь, пока, наконец, они не переработали все золото во множество прекрасных вещей. Когда все это было погружено на корабль, верный Иоганн надел купеческое платье, и юный король тоже должен был следовать его примеру, чтобы их никто не мог узнать. Затем они поплыли по морю и плыли по нему, пока не доплыли до города, в котором жила королевна с золотой крыши.

Верный Иоганн попросил короля остаться на корабле и ждать его возвращения. «Легко может быть, – сказал он, – что я королевну приведу с собой на корабль, а потому позаботьтесь, чтобы все привести в порядок, всю золотую утварь расставьте и весь корабль приукрасьте». Затем он набрал в свой фартучек различных золо-

тых предметов, сошел с корабля на сушу и направился к королевскому замку.

Когда он вступил во двор замка, то увидел, что у колодца сидит красивая девушка с двумя золотыми ведрами в руках и черпает этими ведрами воду. Она уже хотела отойти от колодца, наполнив ведра ярко блиставшей на солнце водой, но обернувшись, увидела чужака и спросила, кто он таков. Он ответил: «Я купец» – и, приоткрыв свой фартучек, дал ей одним глазком глянуть на свой товар. Тогда она воскликнула: «Ах, какие славные золотые вещи!» – и ведра поставила на землю, и стала весь товар перебирать, штука за штукой.

Тут она сказала: «Это все нужно показать королевне, которая так любит всякие золотые вещи! Она у вас все сейчас купит». И она взяла его за руку и повела вверх по лестнице замка, потому что была прислужницей королевны.

Когда сама королевна взглянула на товар, она осталась им очень довольна и сказала: «Это все так прекрасно сработано, что я у тебя сразу все скуплю». Но верный Иоганн отвечал: «Я только слуга богатого купца, и то, что у меня здесь захвачено с собой, ничтожно в сравнении с тем, что находится у моего господина на корабле! То уж точно можно назвать и самым дорогим, и самым художественным из всего, что когда-либо было сделано из золота». Она было захотела, чтобы ей все принесли в замок, но он отвечал: «На это пришлось бы потратить много дней, да, признаться, у вас в замке, пожалуй, не нашлось бы и места расставить столько сокровищ». Это, конечно, еще более возбудило ее любопытство и желание, так что она, наконец, сказала: «Веди меня на корабль, – я сама хочу видеть сокровища твоего господина».

Тогда верный Иоганн повел ее к кораблю и был рад-радешенек, а король, увидев ее, убедился в том, что ее красота была еще выше красоты ее изображения. Он просто думал, что у него сердце разорвется на части!

Вот она вошла на корабль, и король ввел ее в каюту, а верный Иоганн остался на палубе около кормчего и приказал отчалить: «Поставьте все паруса – пусть корабль мчится по волнам, как птица по воздуху». А король-то между тем показывал ей в каюте всю золотую утварь, каждую штуку отдельно – блюда, чаши и кубки, птиц золотых, лесного и всякого диковинного зверя.

Много часов прошло в этом обзоре, и в великом своем удовольствии она и не заметила, что корабль давно уже плыл по морю.

Когда королевна осмотрела последнюю вещь, она поблагодарила купца и собралась домой; но, приблизясь к борту корабля, увидела себя вдали от берега: корабль на всех парусах летел в открытом море. «Ах! – воскликнула она в испуге. – Меня обманули, меня похитили, и я попалась в руки купца! О, лучше уж умереть!»

Король взял ее за руку и сказал: «Я не купец, а король, и по роду своему не ниже тебя. И если я решился похитить тебя хитростью, так это лишь по чрезмерной любви к тебе. Впервые увидав твое изображение, я даже в обморок упал!» Когда королевна с золотой крыши это услышала, она утешилась и ощутила в сердце склонность к нему, и охотно согласилась стать его супругой.

Случилось, однако же, что в то время, когда они мчались в открытом море, верный Иоганн, сидевший на носу корабля и кое-что наигрывавший на скрипке, увидел у себя над головой в воздухе трех воронов, которые летели вслед за кораблем с родины королевны. Тогда он перестал играть и стал прислушиваться, о чем они между собой переговаривались (он хорошо понимал их язык).

Один ворон воскликнул: «Эге, вот он и везет к себе королевну с золотой крыши». – «Да, – сказал другой, – везет-то везет, да довезет ли?» Третий вступился: «А все же она у него в руках и сидит у него в каюте». Тогда опять первый повел речь: «А что проку? Чуть они причалят к берегу, ему навстречу выбежит конь золотисто-рыжей масти, и король захочет на него сесть, и если ему это удастся, то конь взмахнет с ним вместе на воздух и никогда ему не видать больше своей суженой».

Второй ворон спросил: «А разве спасенья нет?» – «О, да! Вот если другой вместо короля успеет вскочить на коня, вытащит из кобуры пистоль и насмерть убьет рыжего коня, тогда юный король спасен. Да кто это ведать может? И если даже проведает и скажет королю, то окаменеет от пальцев ноги до колена».

Тогда заговорил второй ворон: «Я, пожалуй, и больше этого знаю. Если конь и будет убит, юный король все же не добьется руки своей невесты. Когда они вместе вступят в замок, там на блюде будет лежать богатая свадебная рубаха для жениха, на вид златотканая, а на самом-то деле – сплошная смола да сера! Как он ее на себя наденет, так она и прожжет его до мозга костей!»

Третий ворон вступился: «Неужели и спасенья нет?» – «Как не быть? – отвечал второй. – Стоит только кому-нибудь, надев рукавицы, схватить эту рубаху и швырнуть ее в огонь – и она сгорит, а юный король будет спасен! Да что в том проку? Ведь

тот, кто это ведаёт, да королю скажет, окаменеет от колен до самого сердца».

Тогда заговорил третий: «Я больше того знаю! Если даже женихова рубаша и будет сожжена, все же ему не видать своей невесты: когда после свадьбы начнется пляска и юная королева станет танцевать, она вдруг побледнеет и упадет замертво, и если кто-нибудь не догадается поднять ее и из правой ее груди высосать три капли крови и выплюнуть их, то она умрет. Ну а если кто, предавши, выдаст эту тайну, тот весь окаменеет, от маковки до мизинчика на ноге».

Потолковав обо всем этом между собою, вороны полетели далее, а верный Иоганн отлично уразумел всю их беседу, но с той поры затих и загрустил. Он понимал, что если он не откроет своему господину слышанное им, то юному королю грозят великие бедствия, а если откроет – сам должен поплатиться жизнью.

Наконец он сказал себе: «Хоть самому погибнуть, а надо постоять за своего господина!»

Как только они причалили к берегу, случилось именно то, что предсказал ворон: откуда ни возмись, явился перед королем чудный конь золотисто-рыжей масти. «Вот и отлично! – сказал король. – На этом коне и поеду я в замок». И занес было ногу в стремя, но верный Иоганн быстро вскочил в седло, выхватил пистоль из кобуры и положил коня на месте.

Тогда воскликнули все остальные слуги короля, которые, конечно, не очень были расположены к верному Иоганну: «Какой срам – убить такого красивого коня! Ведь он назначен был везти короля с берега в замок!» Однако же король сказал: «Извольте молчать и оставьте его в покое; это вернейший мой Иоганн, и кто знает, почему он так поступил?»

Вот вступили они в замок, и там в одной из зал на блюде лежала совсем готовая рубаша для жениха и с первого взгляда казалась сотканной из серебра и золота. Юный король поспешил к блюду и хотел уже взять рубашу с блюда, но верный Иоганн отстранил его, скомкал рубашу в своих рукавицах, быстро поднес к огню и дал сгореть дотла.

Остальные слуги стали опять ворчать и говорили: «Что же это такое? Вот уж он и королевскую рубашу сжег!» Но юный король и тут сказал: «Кто знает, почему именно так нужно, – оставьте его, ведь это мой вернейший Иоганн».

Вот и свадьбу стали играть: началась обычная пляска, и невеста стала также принимать в ней участие, а Иоганн все внимательно за ней следил и смотрел ей в лицо. Вдруг видит – она побледнела и замертво упала на пол. Тогда он поскорее подскочил к ней, подхватил ее на руки, снес в отдельную комнату, положил ее, стал около нее на колени и, высосав у нее из правой груди три капельки крови, выплюнул их. Она тотчас стала дышать и очнулась; но юный король все видел, и не зная, зачем так поступил верный Иоганн, прогневался на него и воскликнул: «Бросьте его в темницу!»

На другое утро суд судил верного Иоганна, и его повели на виселицу. Когда он уже стоял на верхней ступени лестницы и неминуемо должен был принять казнь, то сказал: «Каждый осужденный на смерть имеет право на слово перед казнью, могу ли я воспользоваться этим правом?» – «Да, – сказал король, – конечно можешь!»

Тогда верный Иоганн сказал: «Я осужден несправедливо: я всегда оставался тебе верен». И затем рассказал, как он на море подслушал беседу трех воронов и как сообразно с этим он вынужден был поступать.

Тогда король воскликнул: «О, мой вернейший Иоганн, ты помилован! Помилован! Сведите его поскорее сюда!»

Но верный Иоганн при последних словах своей речи пал на землю мертвый и обратился в камень.

Король и королева много о нем горевали, и король все говорил: «Ах, как это я мог так дурно вознаградить за такую великую преданность!» И приказал окаменелое изображение Иоганна поставить в своей опочивальне рядом с кроватью. Как только, бывало, взглянет на него, так и заплачет и скажет: «Ах, если бы я мог вновь оживить тебя, мой преданнейший слуга Иоганн!»

По прошествии некоторого времени королева родила близнецов, двух мальчиков, которые стали подрастать и радовать своих родителей. Однажды, когда королева была в церкви и близнецы сидели и играли в опочивальне отца, тот еще раз в глубокой скорби взглянул на окаменелого Иоганна и воскликнул: «Ах, если бы я мог вновь оживить тебя, мой преданнейший Иоганн!»

И вдруг камень заговорил: «Да, ты можешь оживить меня, если пожертвуешь тем, что для тебя милее всего на свете». – «О, все, что только есть у меня, – воскликнул король, – всем я для тебя готов пожертвовать!» И камень продолжал говорить: «Если ты собствен-

ной рукой отрубил головы твоим двум сыновьям и вымажешь меня их кровью, тогда я оживу вновь».

Король сначала испугался, услышав, что он должен собственной рукой умертвить своих милых детей, но потом вспомнил о великой преданности верного Иоганна и о том, что ради его спасения тот пожертвовал своей жизнью, выхватил меч и отрубил детям головы. И когда он их кровью обмазал окаменевшего Иоганна, жизнь вернулась в камень, и верный Иоганн стал перед ним снова бодрый и здоровый.

Он сказал королю: «Твоя верность мне не может остаться без награды!» – и с этими словами взял головы детей, приставил их на прежнее место, смазал разрезы их же кровью, – и те вмиг ожили, стали прыгать кругом и играть, как будто с ними ничего и не произошло дурного.

Король очень обрадовался, и когда увидел, что королева возвращается из церкви, то спрятал и верного Иоганна, и обоих детей в большой шкаф.

Когда та вошла, он спросил ее: «Молилась ли ты в церкви?» – «Да, – отвечала она, – но я постоянно думала о верном Иоганне, который из-за нас накликал на себя беду». Тогда сказал он: «Милая жена! Мы можем возратить ему жизнь, но дорогой ценой – ценой жизни наших обоих сыновей!»

Королева побледнела и ужаснулась в сердце своем, однако сказала: «Мы обязаны для него это сделать ради его великой преданности». Тогда он обрадовался, что и она думает с ним заодно, подошел к шкафу, отпер его и вывел из него и детей, и верного Иоганна и сказал: «Богу хвала! И он спасен, и наши сыночки возвращены нам!» Тут только рассказал он королеве, как было дело. И с той поры они жили в великом благополучии до самой смерти.

В первой сказке портняга и башмачник также служат воплощением архетипических противоположностей: добра и зла. Кроме того, аист приносит нового короля, который является примиряющим символом. В сказке «Фердинанд Верный и Фердинанд Неверный» благодаря влиянию нищего старика на одного из героев (Фердинанда Верного) он становится королем, а другой персонаж (Фердинанд Неверный) просто исчезает из сказочного сюжета. В сказке о верном Иоганне ситуация развивается еще дальше: так как старого короля не нужно свергать (ибо он уже при смерти), в сказке воплощается следующая стадия развития ситуации, когда король умирает естественной смертью. И есть молодой ко-

роль, королевич, и по своей функции образ верного Иоганна во многом аналогичен образу аиста. Иоганн «создает» молодого короля, и образ башмачника присутствует только в очень странной форме – в наличии проекции короля на Иоганна, в котором он ошибочно видит злоумышленника. Яд в сказке можно было рассматривать как проекцию короля, но вместе с тем он воплощается в отравленной крови его невесты, в образе рыжего коня и рубахи для жениха. Ядовитый элемент, который в первой сказке представлен в образе башмачника, на этот раз оказывается содержащимся в невесте, из которой он должен быть удален, пока она представляет собой фигуру Анимы. Ее яд является причиной всех недоразумений; именно из-за него король на время потерял доверие к своему верному слуге.

Имя Иоганн помогает раскрыть истину, так как это имя появилось из иудейской легенды о рабби Йоханане, который помогает царю Соломону достать невесту. Если имя пришло из этой легенды, оно позволяет нам увидеть, что Иоганн, создатель нового короля, – это персонаж, который служит воплощением образа жреца или шамана. Силы зла сосредоточены в Аниме.

Она, королевна с золотой крыши, явно одержима колдовскими чарами, способными погубить каждого, кто захочет к ней приблизиться. Эти злые чары нужно изгнать до того, как король может на ней жениться и остаться целым и невредимым. Эта тема является архетипической, а идея заключается в том, что прекрасная девушка, которая каким-то образом была заколдована или у нее в теле присутствует яд, убивающий всякого, кто к ней приблизится, остается заколдованной до тех пор, пока кто-то не догадается, как изгнать эту нечистую силу, – эта идея является общим элементом многих восточных легенд. В северных европейских странах невеста часто «становится ядовитой» вследствие ее тайной связи с живущим в лесах языческим демоном, и эта связь заставляет ее убивать мужчин. Пока король не сможет покончить с этой связью или убить демона или злого духа, овладевшего Анимой, он не может ее добиться.

Если бы мы попытались интерпретировать этот мотив психологически, то могли бы сказать, что Анима обладает функцией, которая осуществляет связь с более глубокими слоями бессознательного. Она представляет собой мост к коллективному бессознательному. Иначе говоря, если мужчина пытается осознать настроение или фантазии, которые исподволь на него воздействуют,

если он над этим размышляет, то тем самым он проникает в более глубокие слои бессознательного. Ему следует спросить: «Почему я выхожу из себя?» Если мужчина себе задаст такой вопрос, он узнает, что стоит за его Анимой, и поймет, что она предназначена в невесты демону. С психологической точки зрения можно сказать, что Анима отравлена бессознательными импульсами, которые стремятся стать осознанными, а поскольку они таковыми не являются, то вместо осознания попадают в эмоциональную сферу мужчины и влияют на его настроение, поэтому, чтобы выявить в себе демонические силы, он должен пройти по мосту своих эмоций. Как правило, многие из импульсов представляют собой религиозные идеи, божественные фигуры, которые погрузились в бессознательное и должны получить доступ к сознанию. Мы можем сказать, что это не что иное, как религиозные связи, которые должны были оставаться бессознательными, ибо все, что не поддается интеграции, попадает в сферу Анимы, а следовательно, очищение Анимы, вообще говоря, означает пересмотр религиозных проблем. Как типичная женщина, Анима впитывает все, что витает в воздухе, все веяния новой эпохи, ибо, будучи менее ригидной и предвзятой, чем мужское сознание, она открывается возможностям нового *Zeitgeist*⁶⁰ и, в постоянном беспокойстве относительно всего, что смогла захватить, лепит свое сознание заново.

Я была знакома с одним ученым, который, на мой взгляд, имел достаточно ригидное научное *Weltanschauung*⁶¹ и оказался полностью подавлен *Zeitgeist*. Он в значительной мере позволял себе игнорировать открытия современной физики и добросовестно, чисто механически продолжал разрабатывать свои старые идеи. Я ему рассказывала о психологических находках и пыталась довести до его сознания, что открытия современных ученых в области физики и других естественных наук могут решительно перевернуть наши представления о мире и о материи, но он в таких случаях делался очень раздраженным и однажды сказал, что если эти открытия подтвердятся, то он застрелится. Думая, что это не самый лучший выход, я спросила у него, почему нельзя посмотреть на это с другой стороны и признать, что все сказанное соответствует действительности. Почему это вызывает шквал эмоций? Подобная фемининная реакция в попытке отстоять свою неправо-

⁶⁰ *Zeitgeist* (нем.) – дух времени. – Примеч. пер.

⁶¹ *Weltanschauung* (нем.) – мировоззрение. – Примеч. пер.

ту напоминает чисто женский каприз. Мир не рухнет, если изменятся идеи. На это мужчина сказал, что по его глубокому убеждению следует истину, которую он узнал еще студентом, донести до будущих поколений и что он чувствует себя ответственным за то, чтобы хранить эти идеи, а если узнает, что они были неправильными, то для него было бы бесчестно продолжать жить; тогда нужно застрелиться.

Это пример типичной позиции логоса у мужчин, достаточно косных в своей религиозной установке, и может послужить объяснением, почему такие мужчины более консервативны и не желают менять свои убеждения с той легкостью, с которой это делают женщины. Женщины говорят: «Почему бы и нет?» Поменять убеждения – легко! Все зависит от того, под каким углом посмотреть на факты. Но если сказать женщине: «Давайте поговорим о любви. Как насчет полигамных отношений?» – происходит землетрясение! Мужчина скажет: «Почему бы и нет?» Попробовать – легко! Женщина вскипает от эмоций, узнав об изменении формы социальной жизни, ибо это значит поколебать основы, на которых держится ее мир, и любые изменения могут *уже ее* побудить застрелиться. На самом деле, мужчинам и женщинам следует знать друг о друге эту разницу, чтобы лучше друг друга понимать, потому что и те и другие не могут вести себя иначе. Женщинам легче играть с идеями и убеждениями, ибо для них идея – не вопрос жизни и смерти, и именно в этом состоит положительное женское влияние на мужскую психику.

Женщина может дополнить ментальность мужчины той легкостью, с которой она впитывает в себя все новое, чтобы дать это ему. Она вдохновляет мужчину, который должен работать; эта форма отношений противоположна биологической, когда мужчина оплодотворяет женщину, которая вынашивает плод своего чрева. Именно поэтому в реальности часто женщины вдохновляют мужчин, а в психике мужчин ту же функцию выполняет Анима, – она приносит зерна новых идей, которые обычно витают в воздухе до тех пор, пока он не сможет начать развивать их самостоятельно. Все это достаточно утомительный процесс, и Аниму делает ядовитой именно то, что она приносит эти зерна идей, эти творческие импульсы в совершенно необработанном, непродуманном виде и в странной форме, что видно по ее речи. Как выглядит «новая истина», можно, например, прочитать на страницах популярных теософских или религиозных изданий. Если вы интересуетесь

подобной литературой, то легко заметите, как непоследовательно и необдуманно выражает Анима новые идеи, отравляя их ядом своих эмоций: самое плохое, что вы никогда не сможете ни принять их, ни отвергнуть. Это абсолютная чушь, однако с долей истины, которая в некотором роде вдохновляет. Вы пишете, будучи на подъеме, но когда перечитываете то, что уже написано, то видите, что сноски не так точны, как казалось, что материал подан сумбурно, работа выглядит неряшливо и неаккуратно. Вы сталкиваетесь с типичным извращением идей наполненной ядом Анимы, однако в них есть и капли вдохновения. Ответственному мужчине, который любит истину, естественно, все это очень не понравится, но ему придется с этим смириться и что-то для этого сделать, иначе он лишит себя возможности развиваться.

Следовательно, встает вопрос о критическом мышлении, об очищении Анимы и о формировании чувственного отношения к бессознательному. Вдохновение, наполненное новыми идеями, выраженными в самой грубой форме, как сырой материал, находится по другую сторону от сознания – там, где золото смешалось с грязью, и мужчина должен тщательно промыть и просеять все ценное, чтобы они остались в чистом виде. Ядовитое влияние Анимы проявляется в том, что она всегда старается заставить мужчину думать, что он – великий пророк, возвещающий новую истину, или наоборот. Скорее ее можно сравнить с истерической лгуньей, которая слегка преувеличивает или искажает суть дела. Самый простой способ заметить, что мужчина находится под влиянием Анимы, – увидеть, когда он начинает лгать, ибо в тот самый момент власть над ним получает Анима, которая всегда полна лжи и маленьких искажений: это ее яд, от которого в нашей сказке надлежит избавить королевну, прежде чем она сможет продолжать свой путь, предначертанный судьбой.

В сказке ясно показана ситуация, когда умирает старый король: уходит доминирующее начало коллективного сознания, которое он воплощает, – и при этом отсутствует фемининное начало, ибо в самом начале сказки нет ни королевы, ни другого женского персонажа, кроме хранящегося в тайне и запертого в дальней комнате дворца портрета королевны с золотой крыши. Значит, картина, представленная в начале сказки, говорит о том, что Анима полностью подавлена и связи с фемининным началом нет или она скрыта. Более того, женщина, изображенная на портрете, живет на другом берегу великого моря, то есть далеко от сознания.

Ясно, что эта сказка является относительно поздней версией и должна давать представление о сравнительно недавнем состоянии христианской цивилизации в наших странах, ибо нет никаких сомнений в том, что здесь отсутствует фемининное начало. В католичестве архетип матери воплощает Дева Мария, но в протестантизме связь с фемининностью обрывается, а потому фемининное начало вообще не находит своего воплощения.

Мотив запретной комнаты, в которой спрятана позитивная лучезарная фигура, встречается во многих волшебных сказках. Она символизирует подавленный комплекс, то есть живой психологический фактор, с которым сознание не хочет вступать в контакт. Находясь на самом верху, королева с золотой крыши кажется фигурой весьма возвышенной, ибо она спускается с крыши, а не выходит из подвала; этот образ слишком духовный и слишком возвышенный. Он соответствует христианской цивилизации, в которой вытесненной из жизни оказывается фемининная фигура Земной Матери, – такой, какой она присутствует в языческих культах. Так как материнский образ воплощается в Деве Марии, которая является символом красоты и чистоты, а вовсе не колдовства, злобы, коварства и животных влечений, мы можем сказать, что христианство было полностью отделено от низших уровней фемининности, то есть от ее Теневого аспекта, и что признание получила только высшая, светлая часть фемининности, воплотившаяся в символе Девы Марии. Папа назвал ее *domina rerum*⁶², владительницей природы, следовательно, к ней начинает возвращаться ее Теневая часть, но, естественно, ее раскрытие таит в себе опасность. В данном случае вы видите классическую ситуацию, присущую нашей цивилизации: управляющее начало утрачивает свою силу и остается скрытым даже *образ* фемининности вместе с его темной сущностью.

Вместе с королем живет странный персонаж – верный Иоганн, который во многом определяет развитие всего сказочного сюжета, и сначала мы должны понять, что он делает и что заставляет его страдать. Он открывает запретную комнату, что, как вы могли заметить, было не очень разумно, ибо он нарушил слово, данное королю на его смертном одре, – но он так поступает

⁶² *Domina rerum* – «владычица небес», с такими словами Апулей обращается в молитве к богине Исиде в своих «Метаморфозах»: считается, что верховная владычица всего сущего Исида с младенцем Гором на руках была одним из прообразов Богоматери. – *Примеч. ред.*

вынужденно. У него есть ключи; он – ключевой персонаж; он является воплощением трансцендентной функции. Его действия символизируют странные манипуляции бессознательного, которое действует всегда исподволь, ведет окольными путями, так, что вы никогда не знаете, где вы находитесь. В 18-й Суре Корана⁶³ которую Юнг интерпретирует в своей работе *Alchemical Studies*⁶⁴, Хидр⁶⁵ выступает как первый ангел у трона Аллаха, мессиянская фигура, которая не находит божественного воплощения и в ка-

⁶³ Коран, 18: 65–82 (пер. Н.О. Осамнова): 65. Они встретили одного из Наших рабов, которому Мы даровали милость и обучили его знанию, что с нами. 66. Муса спросил его: «Не последовать ли мне за тобой, чтобы ты научил меня тому, что дано тебе знать о прямом пути?» 67. [Наш раб] ответил: «У тебя не хватит терпения [учиться] у меня. 68. Да и как тебе [внимать] терпеливо тому, в чем ты не разбираешься?» 69. [Муса] сказал: «Если на то будет воля Аллаха, ты убедишься, что я терпелив и не ослушаюсь ни в чем твоего веления». 70. [Наш раб] сказал: «Если последуешь за мной, то не спрашивай меня ни о чем, пока я сам не заговорю с тобой [о моих поступках]». 71. И они вдвоем двинулись в путь. И вот, когда они были на корабле, [Наш раб] сделал [в нем] пробоину. [Муса] спросил: «Ты сделал пробоину, чтобы потопить тех, кто на корабле? Ты совершил предосудительный поступок». 72. [Наш раб] спросил: «Разве не говорил я тебе, что ты не сможешь терпеливо сносить мои поступки?» 73. [Муса] сказал: «Не кори меня за то, что я запамätывал, и не будь суров со мной за то, что я сделал». 74. Они [опять] двинулись в путь [и шли], пока не встретили мальчика. [Наш раб] убил его, и [Муса] спросил: «Неужели ты убил невинного человека, а не в возмездие за [убиенную] душу? Ты поступил предосудительно». 75. [Тот] сказал: «Разве не говорил я тебе, что ты не снесешь терпеливо мои поступки?» 76. [Муса] сказал: «Если я впредь спрошу тебя о чем-либо, то не сопутствуй мне. Вот тебе мои извинения». 77. Они вновь пустились в путь. Пришли они в какое-то селение и попросили жителей накормить их, но те отказались оказать им гостеприимство. А в селении том они набрали на [покосившуюся] стену, готовую рухнуть. [Наш раб] выпрямил ее, и [Муса] сказал: «При желании ты мог бы получить за это мзду». 78. Тот ответил: «Настала пора нам расстаться. А теперь я растолкую тебе [мои поступки], к которым ты не смог отнестись с терпением. 79. Что касается корабля, то он принадлежал беднякам, труженикам моря. Я хотел [временно] испортить его, поскольку [владельцам корабля] угрожал царь, силой отбиравший все суда. 80. Что же касается мальчика, то его отец и мать были верующими, и мы остерегались, что им повредит [перед Богом] его послушание и неверие. 81. И мы хотели, чтобы Господь взамен этого [ребенка] даровал им сына, который был бы чище [душой] и милосерднее. 82. Что же касается стены, то она была собственностью двух мальчиков-сирот из того города. Под стеной был зарыт клад, принадлежавший им [по наследству]. Отец их был праведным мужем, и твой Господь пожелал, чтобы они извлекли клад по милости Господа твоего, достигнув совершеннолетия. Я поступал не по своему усмотрению. Вот толкование тех поступков, с которыми ты не мог смириться терпеливо». – *Примеч. пер.*

⁶⁴ The Collected Works of C.G. Jung 9i, chap. 3.

⁶⁵ Хидр (Хизр, Хизир) – пророк или праведник, душе которого Аллах дал способность принимать человеческий облик и помогать людям, и он может творить чудеса. В Коране это имя не упоминается, но комментаторы почти единодушно отождествляют его с «рабом аллаха» – действующим лицом рассказа о путешествии Мусы (18: 60–82). См. также примеч. 63. – *Примеч. ред.*

ком-то смысле представляет параллель гностической идее Логоса. Он является проводником и помощником людей. На Ближнем Востоке эта фигура до сих пор является реалистичной, и простые люди все еще в него верят. От него зависят повороты доброй и злой судьбы. Он появляется в сновидениях современных мусульман; они говорят, что если к вам в дом придет чужестранец, вам следует быть с ним учтивым, так как это может быть Хидр. Он представляет собой образ Бога, который посещает людей на земле, тем самым он компенсирует удаленность Аллаха.

Хидр встречается Мусу⁶⁶, который просит взять его с собой в странствие. Хидр не хочет этого делать, ибо, по его мнению, Муса не может отказаться от правил, по которым он живет, и это принесет беду, но Муса обещает безоговорочно принимать все, что сделает Хидр. Когда они были в деревне, Хидр сделал пробоину в корабле, поэтому все могли утонуть, и Муса осудил его. Хидр ему ответил, что предупреждал Мусу, чтобы он терпеливо сносил его поступки, и Муса обещал ему впредь не говорить ни слова. Затем они встретили прекрасного мальчика, которого Хидр убил, и снова Муса стал жаловаться и выговаривать Хидру. Затем они пришли в селение, где увидели покосившуюся стену, он исправил стену, и снова Муса не смог придержать язык за зубами. Тогда Хидр сказал, что им придется расстаться, но сначала он растолкует Мусе свои поступки. Он потопил корабль, потому что знал, что его владельцу угрожал грабитель и что потом его можно будет отремонтировать. Мальчик, который встретился им на пути, был готов совершить преступление, и убив его, Хидр тем самым спас его душу. Он выправил стену в селении, потому что под стеной лежали сокровища, которые принадлежат двум мальчикам, которые еще не достигли совершеннолетия. Поэтому Муса должен понять, насколько он заблуждался, не понимая мотивов действий Хидра. Такое поведение можно рассматривать как символ неизведанной высшей мудрости бессознательного, которой никогда не сможет достичь наше рациональное мышление. Эго-сознание постоянно борется, рационально отвергает высшую мудрость бессознательного, которая, подобно змее, выбирает окольные пути и учитывает все, что мы не знаем и не принимаем во внимание, поэтому всегда бунтуем против нее.

⁶⁶ Муса – так в мусульманской традиции звучит имя ветхозаветного пророка Моисея, который вывел еврейский народ из Египта по слову Божьему в обетованную землю. – *Примеч. ред.*

Фигура Иоганна представляет собой поразительный аналог алхимической фигуры Меркурия, друга царя, ближайшего друга алхимика, который иногда принимает облик слуги, а иногда облик хозяина. Кроме того, Меркурий возмущает алхимика своими парадоксальными идеями и своим странным поведением, а потому, когда алхимик пытается иметь дело с Меркурием, он чувствует себя полным дураком, ибо Меркурий всегда его разыгрывает, – и это очень похоже на воплощение бессознательного в образ слуги, такого как верный Иоганн. Советы, которые он дает королевичу, по существу оказываются алхимическими: он убеждает королевича изготовить из золота фигуры зверей, птиц и рыб, а также посуду и всякую утварь, чтобы привлечь внимание королевны. Он готовит ловушку, в которую хочет заманить Аниму.

В примитивных племенах было принято устраивать ловушки для духов, чтобы в них попадались духи недавно умерших людей из их племени, иначе согласно поверью они превратятся в привидения. Считается, что эти духи утратили свое чувство будущего, а потому для них строят миниатюрные подобия хижин, в которых ранее жили эти люди, и располагают их между могилой и бывшей хижинкой умершего. В эту миниатюрную хижину входят духи, не замечая, что это не настоящий дом. Королевну с золотой крыши удалось завлечь с помощью такой же магии.

Современным психологическим аналогом ловушки Анимы могло бы считаться активное воображение, с помощью которого можно привлечь содержание бессознательного. Если вам удалось создать верный символ – нарисовать его, или записать свои фантазии, или применить собственно метод активного воображения, то в той или иной мере вы можете конstellлировать свое бессознательное. В противном случае формирование связи между сознанием и бессознательным будет чересчур медленным. Например, человеку с определенной сознательной установкой приснился сон, который мы интерпретировали, и если эта интерпретация была правильной, на нее возникнет реакция, и сознание изменит свои идеи и установки. Изменение сознания окажет влияние на следующий сон, и таким образом происходит некоторая обратная связь. Если по той или иной причине этот процесс нужно ускорить, или давление бессознательного становится столь сильным, что нужно сделать несколько больше, чтобы спасти сознание от переполнения эмоциями, или сознание заблокировано, то мы пытаемся сознательно, даже с учетом остающегося на периферии бессознательного,

позволить процессу развиваться в бодрствующем состоянии, представляя его и работая с ним в этом состоянии. Эти усилия оказывают констеллирующее воздействие на бессознательные процессы. Я была поражена, когда впервые увидела, насколько продуктивнее сочетать анализ сновидений с методом активного воображения, чем использовать только анализ сновидений.

У меня был пациент-алкоголик, пьющий, и потому его состояние создавало внешнюю и внутреннюю угрозу. У него в сновидениях снова и снова появлялся образ его умершего школьного друга, у которого был очень высокий интеллект, но при этом он был невротиком, если не шизофреником, – такой тип шизофрении можно было бы назвать «моральной невменяемостью». Его мышление не было затронуто болезнью, однако этическая сфера личности была разрушена. Начались проблемы с законом, он пытался совершить самоубийство, и после, когда попал в тюрьму, это ему удалось. Так как образ друга почти каждую ночь появлялся в сновидениях моего пациента, я сказала ему, что такая фигура должна быть где-то внутри его личности (ибо он сам тоже не видел смысла в жизни), что нужно что-то делать с его пьянством и что ему следует противостоять этой Теневой фигуре. Мужчина согласился, но делать ничего не стал. Когда мы подсчитали, как часто он видел во сне образ этого человека, оказалось, что это происходило в среднем три раза в неделю.

Спустя какое-то время мое терпение лопнуло, и я сказала пациенту, что пора разобраться с этой фигурой, используя метод активного воображения; и будучи человеком наивным и в этом отношении очень способным, он добился успеха. Он спросил своего друга, почему тот постоянно его раздражает и лишает покоя, и друг ответил, что все психологическое лечение – это сплошное надувательство, мол ты боялся заболеть раком печени и хотел спасти свою шкуру, – вот, собственно, и все, что ты хотел, стало быть, ты просто трус. Пациент защищался, но так как по уровню интеллекта он существенно уступал своему другу, то спустя некоторое время он не нашелся, что ответить, и сдался, согласившись с тем, что друг был прав. Это произошло часов в пять после полудня. Ночью он спал, а часов в восемь утра проснулся от ужасной боли в сердце. Он вызвал врача, так как был уже при смерти. Врач приехал, осмотрел его и сделал электрокардиограмму, но, как выяснилось, на самом деле это был чисто психологический приступ, который чуть его не убил!

Он повторил работу с активным воображением, и я предупредила, чтобы он не забывал о доводах, которые предъявляет сердце. Его друг спорил с ним на интеллектуальном уровне, где всегда есть «за» и «против», но есть возможность *выбора*, что подразумевает сердце и чувства. Я попросила его повторить разговор с другом. Он это сделал и сказал ему: «Послушай, я подумал над тем, что ты сказал». «Ну нет, – ответил друг, – когда ты со мной разговаривал, твоей душой управляли из Цюриха!» Интеллект его друга обладал пагубной силой. Но мой пациент ответил, что сердечный приступ был у него самого, независимо от управляющего центра в Цюрихе, и что его сердце не выдержало именно разговора с ним, его другом. На этот раз друг оказался побежден, и разговор закончился, так как ему было уже нечего сказать. Ночью мужчине приснилось, что он был на похоронах этого друга.

В течение последующего анализа, который продолжался полтора года, эта фигура появилась только один раз, а не приходила в среднем три раза в неделю, как было раньше. Таким образом, метод активного воображения, если его применять правильно, действительно оказывает воздействие на бессознательное. Активное воображение гораздо эффективнее интерпретации сновидений, и приведенный выше случай показывает, как правильное формирование символической фигуры позволило в символическом диалоге уловить циничную Тень и оказать реальное воздействие на бессознательное. Естественно, это воздействие идет на том же уровне, что и в древней магии, которую всегда применяли для воздействия на психологическое состояние, – по существу, это одна и та же практика, однако магия имеет внешнюю цель. Если бы этот мужчина обладал средневековой ментальностью, я бы сказала, что столь частое появление в сновидениях друга означает, что его преследует призрак друга; но поскольку он был современным человеком, этот призрак находился у него внутри.

Мы выявили различие между черной и белой магией, которое заключается в том, что черная магия применяется в эгоистических целях. Влюбленная женщина использует любовное зелье, но именно Эго пытается поддержать ее эгоистические требования. Существует и белая магия в форме заклинаний для изгнания нечистой силы, но она отвечает духовным целям. Активное воображение целиком создается изнутри и выглядит точно так же, хотя иногда оно оказывает и внешнее воздействие; на самом деле этот метод следует применять только для работы с внутренним состо-

нием человека. По опыту Юнга, когда он применял этот метод в своей работе с образами живых людей, тот человек тоже испытывал на себе некое воздействие, хотя не мог объяснить, в чем оно заключалось. Но именно поэтому с живыми образами этот метод применять опасно, и мы стремимся удержаться от этого. Вы можете говорить со своей *проекцией* на живого человека, но не обращаться прямо к человеку. Если вы кого-то сильно ненавидите и хотите над этим поработать, вам следует воплотить свою ненависть в какой-то образ и говорить с этим образом, но ни в коем случае *не* с живым человеком.

У меня была пациентка, у которой развился перенос вплоть до обожания по отношению к друзьям – супружеской паре, с которыми она сначала была в дружеских отношениях, а затем стала испытывать к ним жгучую ненависть. Ей всегда хотелось видеть этих людей, и все это кончалось тем, что она становилась разочарованной и расстроенной. Очевидно, это была проекция: у них было много общего Теневого содержания. Затем она что-то услышала краем уха об активном воображении, однако в ее представлении активное воображение означало, что надо представить себе мужчину, а затем на него напасть, вступить с ним в борьбу и в конечном счете его убить. После этого она почувствовала сильное облегчение и легла спать, и ей приснилось, что ее схватила ведьма и заточила темницу. Я спросила ее, что она делала, предположив, что в течение дня что-то могло произойти, и тогда она мне рассказала о своем псевдоактивном воображении. Из ее сновидений было ясно видно, что она занималась черной магией, а вовсе не активным воображением. Она могла воплотить свою ненависть или аффект в какой-то образ, и тогда все было бы в порядке, – главное, чтобы у нее было два своих образа, один из которых – образ «женщины, которая ненавидит». Тогда она могла бы спросить эту женщину, почему она хочет убить мужчину, и это бы работало. Манипуляция образом другого человека является серьезнейшей ошибкой, которая приводит к обратному воздействию – эффекту бумеранга. Пациентка не избавилась от ненависти, а оказалась одержимой архетипом ведьмы и еще глубже ушла в бессознательное. Если вы хотите работать над отношениями с реальным человеком и не хотите вовлекаться в магические манипуляции, то вам следует вступить в контакт со своим воплощенным аффектом. Однако вам следует держать его внутри контейнера собственной личности и не распространять на другого человека.

В тех случаях, когда у вас есть возможность наблюдать эффект воздействия колдовских чар, то вы можете убедиться в том, что колдовство представляет собой пагубное внешнее воздействие, и более того, оно причиняет вред самому человеку, занимающемуся колдовством, делая его даже более бессознательным, и при этом не происходит никакого исцеляющего воздействия. В процессе активного воображения Эго должно избавиться от своего эмоционального содержания и оставаться объективным наблюдателем. Эго должно сказать: «А теперь давай посмотрим на мое воздействие», – поэтому первый шаг заключается именно в его дезидентификации, когда Эго становится объективным сторонним наблюдателем. Пациентка идентифицировалась со своей ненавистью, тогда как она должна была дезидентифицироваться с ней. Именно этот процесс мы называем *Auseinandersetzung*⁶⁷, то есть «выяснение отношений друг с другом порознь», и в первую очередь – «порознь». Это замечательно соответствует методу активного воображения. Я нахожусь порознь со своей ненавистью или со своей огромной любовью, а затем я обсуждаю *это чувство*, но при этом я оставляю в покое объект, иначе это означало бы, что я занимаюсь черной магией. Объект вашей ненависти или любви представляет собой нечто, привлекающее к себе бессознательную ненависть или любовь, и благодаря этому у вас появляются *мысли, направленные на исполнение желаний*, – то есть все происходящее полностью противоположно процессу активного воображения. Люди думают о том, что они любят, или о том, что им хотелось бы сделать, и уверены в том, что это активное воображение, но, увы, это магия, и воздействие, которое она производит, имеет все характерные признаки *abaissement du niveau mental*⁶⁸ – оно может даже привести к психозу.

Если мы чем-то огорчены или расстроены, у нас внутри все время продолжается дискуссия, однако это пассивное воображение, которое совершенно отличается от сложного искусства, связанного с тем, чтобы находиться порознь, дезидентифицироваться со своими чувствами и объективно смотреть на отношения с объектом. Если люди часами могут заниматься активным воображением, это совершенно неправильно; при правильном приме-

⁶⁷ *Auseinandersetzung* (нем.) – спор, дискуссия, столкновение: *setzen* – сидеть, *auseinander* – врозь, друг против друга. – *Примеч. ред.*

⁶⁸ *Abaissement du niveau mental* (фр.) – понижение уровня сознания. – *Примеч. пер.*

нии этого метода человек чувствует себя измученным по истечении десяти минут, ибо в таком случае он затрачивает реальные усилия, а не пускает процесс «на самотек».

Мы не знаем точно, как на другого человека может воздействовать описанный выше метод черной магии. Другой человек может иметь такой же комплекс и оказаться под его влиянием. Именно таков механизм черной магии в примитивных племенах: у кого-то есть фотография недруга, в которую он втыкает булавку и т.п. Если вы увлекаетесь активным воображением, связанным с черной магией, то становитесь от него зависимым и заходите все дальше и дальше, – все, что сначала было неподконтрольным, потом не удается остановить.

Эрнст фон Бельц, врач из Токио, рассказывал мне случай об одной японке, страдавшей шизофренией, в которую «вселился дух» лисы⁶⁹. Эта довольно полная и недалекая женщина приехала из маленькой деревеньки. Обычно она сидела в углу, а спустя некоторое время говорила: «Вот, пришло!» – и тогда у нее из груди вырывался лисий лай, который становился все более громким. Глаза ее приобретали блеск и даже сверкали, и она становилась очень смышленной и хитрой и могла обмануть любого врача. Она могла рассказывать самые разные вещи о своем доме, которые были абсолютно правильными. Затем спустя какое-то время она снова начинала лаять, припадок заканчивался, и она снова превращалась в глупую толстушку, которой была раньше.

Этот случай можно считать классическим. Шизофреники так много «плавают» в коллективном бессознательном, что попадают в чье-то другое бессознательное, и тогда их взгляд на мир становится совершенно удивительным. Однажды мне пришлось наблюдать одного мужчину в психиатрической клинике. Он сказал, что у него раздвоение личности и любезно попросил меня прийти. Я подумала, что это может быть интересно, и навестила его; сначала он был тихим, спокойным и рассудительным и мог говорить о том, что с ним произошло. А затем он заявил: «Эти врачи – самые непроходимые дураки! Они в этой палате поставили капельницу одному больному кататонической шизофренией, который ничего не ел, но я сразу понял, в чем дело, и сказал им, что они могли бы

⁶⁹ Ernst von Baelz, *Über Besessenheit und verwandte Zustände* (Vienna: Perles, 1907). (См. также: фон Франц. М.-Л. Избавление от колдовства в волшебных сказках. М.: Независимая фирма «Класс», 2007. – *Примеч. пер.*)

дать этому человеку всю его еду, только для этого ее нужно налить в бутылку». Большинство врачей не обратили внимания на его слова, сказав: как может судить об этом еще один бедняга-сумасшедший! Но один молодой врач еврей сказал: «А почему бы не попробовать?» – и мужчина действительно стал принимать еду из бутылки! В своей книге *Wisdom, Madness and Folly*⁷⁰ Джон Кастенс рассказывает о похожем случае, когда один пациент «телепатически» знал, что приснилось другому пациенту в ту же самую ночь. Такие люди плавают в схожих эмбриональных водах, а следовательно, находятся в прямом контакте. Но в нижних слоях психики у них царит полная несуразица.

В нашей сказке верный Иоганн советует привлечь внимание королевны с помощью маленьких золотых фигурок. Это мне тоже кажется некой разновидностью активного воображения, новой и в чем-то совершенно иной формой магии. Но на более высоком психологическом уровне это соответствует прежней основной идее, что создаются определенные символы или символические формы, способствующие констелляции и «заманиванию» бессознательного.

⁷⁰ John Custance, *Wisdom, Madness and Folly* (London: Victor Gollancz, 1953).

Камень или статуя

Таким образом, верный Иоганн оказывается неким воплощением той части бессознательного, которая имеет тенденцию формировать новое состояние сознания. Мы могли бы назвать его творческим духом бессознательного – и таким образом превратить его в сказочный аналог алхимической фигуры Меркурия, который является творческим духом природных глубин или, что в общем-то одно и то же, глубин бессознательного. Мы могли бы сказать, что он является воплощением, по Юнгу, трансцендентной функции, которая объединяет противоположности.

После похищения королевны король вместе со своей невестой оказывается на корабле, и как будто бы все удалось. Но затем верный Иоганн услышал разговор трех воронов, которые предсказывали опасности и также говорили о том, что нужно предпринять, чтобы избежать осложнений. Кроме того, эти вороны предупредили, что если человек, который спасет короля, расскажет кому-то о том, что узнал, он превратится в камень. Следовательно, было необходимо, чтобы король полностью доверял верному Иоганну, то есть испытывал к нему такую же слепую веру, которой Хидр требовал от Мусы: не задавать вопросов, таких как «зачем?» и «почему?» – а также не ставить никаких точек над *i*. Верный Иоганн, который предположил, что, разумеется, молодой король не сможет принять безоговорочно все условия, подразумевающие полное, слепое доверие ко всем его поступкам, принял решение спасти короля. Я могу опустить разговор трех воронов, так как он похож на разговор двух воронов на виселице, но я не могу не обсудить самих воронов. В данном случае здесь несколько воронов, птиц, которые принадлежат богу солнца и которые к тому же являются вещими. Таким образом, у них есть связь с парапсихологическими событиями и телепатией. Они могут заглядывать в будущее и узнавать тайные мысли.

Они больше воплощают маскулинное начало, чем вóроны, воплощающие фемининное начало.

В нашей сказке наблюдается триада, которая указывает на триаду образов Бога, существовавшую в дохристианские времена в германской и кельтской традициях, а позднее они соединились и слились в христианскую Троицу. В третьей части «Божественной комедии» Данте «Ад» у Дьявола три головы, которые смотрят в трех направлениях; согласно интерпретации Юнга, они представляют собой отражение верхней триады, то есть Троицы. Двойной треугольник представляет собой символ целостности. Если его разрезать пополам, мы получим вверху христианскую традицию в воплощении Троицы и дьявольское трио внизу. Именно поэтому потусторонний мир в фольклоре, компенсирующий то место, которое занимает христианство в коллективном сознании, появляется в виде языческой триады. В германских странах эта триада связана с богом Вотаном, который часто появляется в сопровождении двух других богов.

Вóроны имеют более общую черту: они не являются ни хорошими, ни плохими, они – воплощение самой природы; они выражают истину точно так же, как находит свое выражение бессознательное. Естественно, антропоморфизм побуждает нас сказать, что бессознательное является благотворным, ибо функция принятия решений принадлежит сознанию. Так как вóроны разговаривали между собой, а не с верным Иоганном, они никак не планировали побудить сознание их понять. Они просто общались между собой, и вы могли их подслушать; бессознательное как бы совершенно безразлично к тому, сможет спастись молодой король или нет.

Но верный Иоганн мобилизовал все свои возможности, чтобы его спасти. Королю грозили следующие три опасности: 1) рыжий конь; как только король на него сядет, он взмахнет в воздух и скроется из глаз, и чтобы этого не произошло, его нужно убить из пистоля, находящегося в кобуре конской упряжи; 2) свадебная златотканая рубаха; она сожжет короля, как только он ее наденет; 3) три капли яда из груди невесты. Все три опасности связаны с местом возвращения. Часто в волшебных сказках герой или героиня отправляются в дальний путь – на глубокий уровень бессознательного – и потом, когда возвращаются обратно, их подстерегает опасность. Хотя, конечно же, существуют опасности и на пути к цели, но опасности, ожидающие героя по возвращении, как пра-

вило, имеют несколько иной характер. Мы должны увидеть, что означают эти разные уровни бессознательного.

Большинство людей, которые интерпретируют волшебные сказки свободно, называют путешествие через океан к королевне с золотой крыши движением к бессознательному, но такую интерпретацию нельзя назвать правильной, ибо персонажи пребывали в бессознательном с самого начала сказки. Так как и король, и верный Иоганн, и королевич – все они находятся в бессознательном, мы не можем просто опустить это обстоятельство, а должны себя спросить: что значат эти разные королевства. В некоторых волшебных сказках их оказывается больше трех: король отправляется в одну страну за другой. Следовательно, нам нужно иметь в виду, что существуют не только эти два королевства, а даже три, четыре или пять пунктов назначения на всем пути следования короля. Я бы сказала, что исходное королевство, в котором начинается действие сказки, имеет связь с сознанием, точнее, оно имеет связь с сознательным состоянием – но так, как оно видится из бессознательного.

Давайте условимся, что в данном случае мы понимаем под сознанием уровень коллективного сознания, который раскрывается в газетах и других изданиях, посвященных проблемам духовности и другим современным проблемам, то есть мы принимаем его таким, каким оно себя видит. Мы всегда пытаемся осознать состояние своего сознания, рассказывая о нем и т.п., когда находимся внутри самой этой сферы. Но если мы станем обращать внимание на сновидения или на работы художников, которые черпают свое вдохновение непосредственно из бессознательного, без особой рефлексии, то получим иной образ состояния сознания. Мы получим отраженный образ, некое подобие фотоснимка: как выглядит бессознательное с позиции сознания. Можно сказать, что это одно из свойств всех сновидений. Допустим, в сновидении вы ведете себя как дурак или как герой, и затем вы можете сказать, что таким вы себя совершенно не воспринимаете, но так вас видит бессознательное, – это фотография вашего Эго, снятая из бессознательного. Это одно из свойств, благодаря которым такая картинка вообще раскрывает происходящее в волшебных сказках: она изображает состояние сознания, но наблюдаемое из бессознательного. На первом фотоснимке управляющее начало коллективного сознания стареет или умирает, что можно представить в виде мрачной газетной статьи, в которой говорится, что наша цивили-

зация нуждается в обновлении, которое может наступить, но может и не наступить. Но в данном случае фотография говорит, что оно наступит, старый король умирает, и образ Анимы отвергается и удаляется на большое расстояние – и так далее. В данной ситуации Анима видится только как образ (портрет), существующий в трехмерной реальности. И так как он больше не существует как психологическая реальность, он затем удаляется из сознания в бессознательное, которое является царством Анимы. Опасности появляются при попытке объединить эти две реальности по возвращении.

Путешествие можно сравнить с развитием личности человека, проходящего анализ: часто, когда люди только начинают проходить анализ, в их сновидениях появляется странный иной мир с Анимой и Тенью. И в процессе анализа происходит обсуждение тех фактов, которые создают ситуацию внутреннего психологического контейнера (алхимической реторты). А это значит, что аналитические отношения – это не те отношения, которые складываются между людьми в обычной жизни, а особые отношения между двумя людьми, которые целиком сосредоточились на бессознательном и не обращают внимания на прочие события, которые происходят в жизни. Пациент может сказать, что у него проблемы в отношениях с женой или в профессиональной области и т.п., но вы не обращаете внимания на то, как ситуация выглядит извне, и смотрите на нее изнутри, по возможности исключая влияние внешних обстоятельств. Это можно сравнить с алхимическим процессом, происходящим в колбе или реторте. То есть создается довольно искусственная среда, где на проблемы человека смотрят как на процесс сновидения, происходящий в человеческой психике, и в реторте как раз находятся эти потенциальные силы, которые станут действовать в будущем. Мы создаем эту искусственную ситуацию с целью погружения вглубь себя.

Иногда люди интерпретировали волшебные сказки как вневременные явления, в которых события длятся вечно и в которых коллективное бессознательное стареет и умирает, но я этому не верю. Проанализировав много европейских, японских, китайских и африканских сказок, мы можем увидеть, что «вечной» в волшебных сказках является, так сказать, только базовая структура. В них всегда присутствует колдун, принц или король, ведьма и помощники-животные; но особенности сюжета или ситуации отвечают особенностям состояния сознания. Таким образом, если вы

сравните европейские сказки с японскими, то увидите тех же персонажей, но в совершенно иной окружающей обстановке. А если еще дальше пойти в этом же направлении, то вы поймете, что не сможете интерпретировать японскую волшебную сказку, не зная ничего о японской цивилизации, о японском образе мышления, не зная о дзен-буддизме и самураях, причем это знание должно касаться не только хронологии событий, но и коллективного сознания японцев, – только тогда вы сможете понять японскую волшебную сказку. Я бы пошла еще дальше, сказав, что мы бы могли определять «возраст» сказок, но скажу откровенно, мне никогда не удавалось датировать их с точностью до столетия, обычно сказки я отношу к промежутку в два-три столетия, ибо то, что в них описано, отражает состояние коллективного сознания, на основе которого мы определяем их возраст, с некоторым запозданием. Так как постепенное разрушение христианской символики длится уже около тысячи лет, с тех пор медленно изменяется и коллективное бессознательное. Таким образом, совершенно естественно, что если вы рассматриваете сказку, компенсирующую христианское сознание, было бы очень сложно поместить ее в исторический контекст, хотя я думаю, что и ее в конце концов мы можем датировать довольно точно, что я и сделаю чуть позже. Поэтому если бессознательное, «фотографируя» состояние сознания, помещает это изображение в более общую картину, гораздо менее подверженную временным изменениям, то при виде ситуации, когда умирает старый король, вполне естественно, у читателей в конце концов может создаться впечатление, что цивилизации всегда разрушались и умирали *sub specie aeternitatus*⁷¹. Смерть старого короля – классическая ситуация в жизни людей, когда ожидаются особые обстоятельства, которые могут гарантировать какие-то общие изменения в социальной жизни.

Сновидение в процессе анализа отчасти представляет собой индивидуальную реакцию человека, а кроме того бессознательное раскрывает состояние коллективной психики и показывает его как вечную проблему, которая к тому же несет на себе структурный след своего времени. Родная мать является основой драматургии индивидуальной семьи, но за этой драмой стоят архетипические

⁷¹ *Sub specie aeternitatus* (лат.) – с точки зрения вечности. Выражение заимствовано из «Этики» Спинозы, доказывающего, что «природе разума свойственно постигать вещи под некоторой формой вечности» (Этика, ч. V, 29–31). – *Примеч. пер.*

сновидения, которые свидетельствуют о том, что общая проблема молодых людей – необходимость оторваться от матери, и форма такого отделения является особой для каждого конкретного мужчины. Поэтому можно сказать, что это содержание и сказок, и сновидений отчасти является вневременным, а отчасти – специфичным для данного времени, ибо ни сон, ни сказку нельзя считать в полной мере бессознательными. Наиболее корректно было бы называть сновидения продуктами бессознательного, однако они являются феноменами, присущими периферии сознания, – бессознательными являются лишь те сновидения, которые вы не можете запомнить. В волшебных сказках вечность бессознательного сочетается с относительной хронологичностью сознания, так как они не являются совершенно бессознательными.

Волшебные сказки, «написанные» авторами, нельзя считать подлинными волшебными сказками, ибо на их содержание в той или иной мере накладывает отпечаток личность автора. Сказки Андерсена отражают характерные религиозные проблемы его страны. У него был дар, позволяющий показывать, что происходит в глубине психики, и таким образом писать почти настоящие волшебные сказки, однако он был чрезвычайно невротичен, так и не смог отделиться от своей матери и никогда не был женат. Почти все его сказки пропитаны ощущением трагизма из-за невозможности формирования связи с Анимой, – так же точно эта связь не могла сформироваться в его собственной жизни. Он не смог освободиться от личных проблем. Хотя авторские поэтические сказки было бы очень интересно изучать, я от этого воздерживаюсь, так как, насколько вижу по реальной жизни, ни один художник не может полностью освободиться от груза индивидуальности, а значит, это будет совершенно иная категория сказок. В фольклоре перед нами истинный «скелет», костяк, который служит основой драматизации более общих феноменов.

Проблема возвращения после странствия будет актуальна до тех пор, пока существует проблема бессознательного. В таких ситуациях люди ожидают конкретного внешнего решения и считают его вполне уместным: например, ответа на вопрос, следует ли жениться или сменить профессию, – но дело не в этом. Нам нужно осознать бессознательные процессы, но при этом не следует преждевременно «пришпиливать» их к внешней ситуации. Очень рациональный человек всегда будет настаивать на том, чтобы интерпретация сновидения была точной и односторонней, и будет воз-

мушен, если она останется неясной и их символика не будет расшифрована. Он потребует, чтобы ему в нескольких словах объяснили, что сие означает, ибо хочет совместить внутреннее состояние с внешней реальностью.

В таких случаях вам следует настаивать на своей интерпретации, оставить все как есть и не искать других решений. Тем самым вы можете достичь покоя внутри себя и жить в нем. Однако затем появляется «проблема коня золотисто-рыжей масти», потому что, естественно, во внешней реальности ничего не изменилось и проблема практического смысла остается. Так бывает с пациентами-иностранцами, которые приезжают сюда, в Швейцарию, обсуждают свою семейную ситуацию и прорабатывают ее на психологическом уровне. Но затем им нужно вернуться домой, и они раздумывают, а не вернутся ли они буквально на «развалины», то есть что все будет уже не так. И дома ситуация меняется именно в силу изменений, произошедших с пациентом. Иногда, возвратившись, пациент говорит: «За это время моя мать должна была измениться», не осознавая того, что он сам изменился и ровно это меняет дело. То же самое происходит с людьми, которые не покидают своей страны. Анализ формирует некую искусственную обстановку, и когда человек возвращается назад, к трудностям настоящей жизни, возникает вопрос: как связать анализ с реальностью? Несмотря на то, что полезно смотреть на свое состояние как на чисто психологическую картину, спустя какое-то время вам придется сопоставить оба своих состояния, и тогда мы сталкиваемся с опасностью возникновения новых проблем и новых кризисов. В том особом состоянии, в области, отражающей состояние сознания, обнаруживается Анима – только как образ, а не как живая трехмерная реальность.

Теперь король и верный Иоганн прибыли в чужую страну и сталкиваются с реальностью живой Анимы. Это значит, что они встречают ее во вневременной неструктурированной области бессознательного. Например, в конкретной ситуации, когда мужчина лишен контакта со своими глубокими чувствами и глубинными эмоциональными уровнями, его Анима не будет для него живой, он о ней только фантазирует. Часто приходится встречать мужчин, имеющих образное отношение к бессознательному. Они могут признать, что бессознательное содержит множество символов и мотивов, но если вы попытаетесь подвести их к тому, что эти символы и мотивы влияют на реальную жизнь и на сознание, жи-

вущее своей собственной жизнью, и что если неправильно себя вести, то Анима заболевает, – тогда их рационализм побеждает, ибо они не в состоянии признать, что бессознательное может способствовать болезни или побуждать их мчаться на бешеной скорости по шоссе. Допустим, человек, находящийся в пограничном состоянии, слышит голоса. Если вы скажете, что это проявления бессознательного, к которым следует прислушаться, и он согласится с тем, что голоса не являются характерным патологическим симптомом, это уже неплохо. Но если вы скажете, что голоса следует считать высшим авторитетом, которому нужно подчиниться, то часто человек заболевает или же с ним происходит несчастный случай, прежде чем он согласится с вами и уступит, так как это означает сделать шаг вперед.

Художники и другие люди искусства зачастую охотно соглашались с мыслью, что именно бессознательное дало им вдохновение, которое они проецируют, создавая свои картины или литературные произведения, но при этом они страшно стыдятся проходить анализ. По их мнению, он погубит их творческие способности. Однако на самом деле они боятся принять за реальность свои творения, опасаясь, что статуя богини Венеры может сойти с пьедестала и заключить их в свои каменные объятия. Они думают, что это *их* произведение, а потому оно не может двигаться, ибо это продукт *их* творчества и он не имеет права ожить и обнять их. Они узнают этот образ, но отказывают ему в праве быть живой реальностью, которая могла бы войти в их жизнь. Все это наводит нас на мысль о времени появления нашей волшебной сказки. «Проблема возвращения» возникает, как только появляется вопрос, какое отношение все это имеет к действительности, к нашей реальной жизни. В данном случае Аниму можно распознать в образе королевы с золотой крыши, которая находится высоко, тогда как рыжий конь представляет ее с совершенно другой стороны. Существующая в реальности Анима, с одной стороны, имеет сексуальную привлекательность, а с другой – воплощает нечто божественное. Беатриче у Данте могла бы быть такой королевой с золотой крыши, живущей на самом верху, тогда как в самом низу он бы обнаружил ведьму, танцующую с Дьяволом. И Дева Мария, и Мария-блудница являются двумя сторонами одной Анимы. Как блудница она воплощает привлекательность для противоположного пола, выражая эмоциональный призыв и вызывая сексуальное влечение, а на самом верху она воплощает все то, что Данте гово-

рит о Беатриче. Это Венера *Ourania* (небесная Венера) и Венера *Pandemos* (мирская Венера), божественная и плебейская⁷². Символом одной из них является голубь, а другой – воробей. В Аниме содержится эта двойственность, и эта двойственность состоит не в разделении на духовное и телесное, а находится в самой ее сути, где-то между противоположностями. Мужчину эти противоположности разрывают надвое: он испытывает, с одной стороны, характерные эмоции, вызванные естественным влечением к противоположному полу, а с другой – внутреннее переживание самого высокого порядка.

В лекции, посвященной Жерару де Нервалю⁷³, Юнг рассказал нам о том, как Нерваль страстно влюбился в парижскую *midnette*⁷⁴. Он хотел посвящать ей свои стихотворения (как Данте), ибо она казалась ему Богиней. Но вместе с тем, будучи под сильным влиянием французского реализма с его циничными и пошлыми представлениями о любви, он назвал ее *une personne ordinaire de notre siècle*⁷⁵ и не смог постичь парадокс, как обычная маленькая женщина может быть и Богиней тоже. Он совершил какую-то неловкость по отношению к девушке – быть может, слегка задел ее чувства, – но, как ему кажется, он сделал нечто ужасное, так как не мог примириться с этим противоречием. Он скрылся от нее, и затем в своем произведении «Аврелия»⁷⁶ описал, как ему приснилось, что он пришел в сад, в котором обнаружил расколотую на части женскую статую, – то есть его душа окаменела и распалась, потому что он бросил девушку.

⁷² *Pándēmos / Ouranía* (др.-греч.) – всенародная / небесная – два эпитета Венеры, или Афродиты. Древние греки различали два образа этой богини любви – всенародную и доступную, олицетворявшую земную любовь и покровительствовавшую проституции, и богиню возвышенной любви и наук, происходящую как бы от неба. – *Примеч. ред.*

⁷³ Жерар де Нерваль (настоящее имя Жерар Лабрюни; 1808–1855) – французский поэт-романтик, испытывавший сильное влияние немецких романтиков. Эротизм, фантастика и культ «искусства для искусства» галантной богемы были у Нерваля формой отрешения от земной реальности. Мистические искания, мечты о совершенной женщине нашли наиболее тонкое выражение в повести «Мечта и действительность» (1855). Последние годы Нерваля были омрачены нуждой, кроме того, он страдал психическим недугом. В результате Нерваль кончил жизнь самоубийством, повесившись в одном из парижских закоулков. – *Примеч. пер.*

⁷⁴ *Midnette* (фр.) – белешвейка. – *Примеч. пер.*

⁷⁵ *Une personne ordinaire de notre siècle* (фр.) – обыкновенный человек нашего времени. – *Примеч. пер.*

⁷⁶ См.: Жерар де Нерваль. Сильвия, Октавия, Изиды, Аврелия. М., 1912. – *Примеч. пер.*

Одна дама пыталась вмешаться и решить их проблему. Она подумала, что любовный пыл молодого человека как-то связан с его поступком, и устроила ему встречу с этой девушкой. Девушка пришла, они обменялись рукопожатиями, и он испытал серьезное потрясение, когда она грустно и с укором посмотрела на него, – тем не менее они не смогли воссоединиться. Вскоре девушка умерла, а сам Нерваль повесился⁷⁷. Этот случай может послужить примером того, как человек становится жертвой своей неспособности выдержать парадоксальность Анимы. Она представляет собой психическую сущность, живущую между двумя мирами, – это не богиня и не *femme ordinaire*⁷⁸, а жизненная сила, которая появляется на разных уровнях реальности. Мы могли бы сказать, что эта девушка – воплощение его Анимы и к ней нужно относиться так, как относятся к Аниме. Но на это мужчина может ответить: «Хорошо, но все-таки, как быть – ложиться с ней в постель или почтительно соблюдать дистанцию?» – ибо сознание всегда хочет четко определить, что есть что. Поэтому самое главное – не вовлекаться в проблему и не отвечать прямо, а просто сказать, что это – жизненная энергия, которую следует почитать в той форме, в которой она проявляется, и при этом следует подождать, чтобы увидеть происходящее под другим углом. Но Эго-сознание говорит: «А давай-ка, мы ей позвоним? Или нам можно на нее только смотреть?» Это рациональная проблема, ведь обязательно наступит другое состояние; но сознание говорит, что должно быть «или – или», и тогда люди сходят с ума, потому что их сознание становится односторонним и они могут воспринимать Аниму только так, а не иначе, и другой взгляд становится невозможен.

В нашей сказке в первой попытке обнаружить Аниму, соответственно, используются золотые предметы – безделушки. Если бы верный Иоганн попытался взять ее силой, у него бы ничего не получилось, – к ней нужен правильный подход с применением соответствующих средств, позволяющих сыграть на ее одиночестве. Однако впоследствии, когда они возвращаются домой, рыжий конь будет рваться прочь, чтобы унести короля: это прорыв

⁷⁷ Подробнее об этом эпизоде можно прочитать в книге М.-Л. фон Франц «Вечный юноша. *Puer Aeternus*» (М.: Независимая фирма «Класс», 2009). – *Примеч. пер.*

⁷⁸ *Femme ordinaire* (фр.) – обыкновенная женщина. – *Примеч. пер.*

инстинктивного сексуального влечения, которое в данном случае воплощается в образе коня, а не золотой крыши. Естественно, хотя об этом в сказке не говорится прямо, рыжий конь представляет чувства самой королевны. Этот конь уносит всадника не в болото (это было бы проявлением сексуального влечения), а «взвьется в воздух» – подобно Пегасу, который отрывает человека от земли и от повседневной реальности. Физическая страсть, если она действительно порождается Анимой, не запускает ход реальных событий, так как Анима – это образ и божественная сторона Анимы вызывает одержимость и заставляет уйти далеко за пределы реальности. Хорошо известный факт: если у молодой пары сексуальные отношения в полном порядке, как говорится, «на высоте», они в буквальном смысле отрываются от «земной» жизни, так как существующая между ними страсть увлекает их в заоблачные выси, прочь от этой довольно тонкой и неуловимой промежуточной установки, позволяющей сознанию прочно стоять на земле.

В связи с предвзятым отношением христианства к инстинктивному полюсу проекции Анимы наблюдается также противоположная тенденция, связанная с возможностью лишиться человеческой чувственности; в особенности если речь идет, например, о дочерях и сыновьях священников, которые были воспитаны в обстановке ханжества и сами приобрели склонность к фальши. Можно себе представить, как их уносит «темная лошадка» в качестве компенсации одиночества королевны с золотой крыши. Подобная опасность возникает при соприкосновении с Анимой, ибо эта сторона жизни может унести человека далеко прочь, и воспрепятствовать этому можно только с помощью грубой силы. Но в нашей сказке единственное решение заключается в том, чтобы застрелить коня. Это радикальное действие, которое в анализе соответствовало бы следующему высказыванию: «Ни то ни другое не подлежит обсуждению!» Хотя молодому королю не приходится убивать коня, это должен сделать верный Иоганн, а значит, верный Иоганн воплощает трансцендентную функцию, стремление к высшему осознанию. То есть сознание ничего не решает, скорее бессознательное останавливает само себя.

Интересно, что в седле коня есть кобура с пистолем. По мнению Фрейда, инстинктивные влечения были односторонними, и сознанию приходилось с ними как-то справляться или сублимировать их. Юнг был уверен, что бессознательные влечения содержат и способность к самопожертвованию. В его труде «Символы

трансформации»⁷⁹ в главе, посвященной жертве, мы находим объяснение этому феномену. (Когда Юнг писал эту работу, он уже отделился от Фрейда.) Если посмотреть на поведение животных в природе, это кажется совершенно очевидным, ибо животные в своем обычном состоянии не переусердствуют в спаривании, не переедают и в своем соперничестве не убивают друг с друга, а это значит, природные инстинкты имеют собственные ограничения. Влечения не являются односторонними, в них содержится внутренняя возможность самопожертвования. Все то же самое относится и к человеческим чувствам, ибо они имеют свои границы и переходят в безумие лишь тогда, когда сознание с присущей ему дьявольской односторонностью оказывает на них пагубное воздействие. Возьмите сына священника, который, оказавшись в университетском городке, полностью вышел из-под контроля, то есть его унес буйный рыжий конь. Если он не интеллеktуал и не невротик, то спустя некоторое время наш донжуан устанет от такой жизни, захочет более стабильных отношений и станет больше времени посвящать учебе; то есть первый бунт закончится. Но если он станет поборником свободных отношений, то скоро переусердствует и выйдет далеко за рамки своей природы. Такие люди могут осознать, что пора наконец себя обуздать, но упорно продолжают жить по-старому, тогда сама природа их делает импотентами. Несколько раз мне случалось видеть, как это происходит. Словно бессознательное валит коня с ног, говоря: «Если ты меня не слушаешь, я его убью». Сексуальность, ограничивающая сама себя, иногда бывает очень жестокой. Это ограничение может быть вызвано какой-нибудь болезнью. Анализ мог бы показать, что природа захотела наложить ограничения и что требование пожертвовать сексуальностью не было услышано: побуждение к индивидуации посредством жертвоприношения может ограничить одностороннее инстинктивное влечение, которое слишком нарушило равновесие.

Иногда по своей природе инстинкт отвечает реакции «все или ничего», и сознание должно вмешаться, адаптируясь к нормальному (умеренному) использованию инстинкта. Кроме сексуальной области, мы можем показать это на примере агрессии. Очень агрессивные люди вообще имеют склонность биться голо-

⁷⁹ The Collected Works of C.G. Jung 5, chap. 8, p. 394. (Рус. перевод: Юнг К.Г. Символы трансформации. М.: PentaGraphic, 2000. Глава VIII. Жертва.)

вой о стену. Они получали взбучки от родителей и учителей и очень хорошо знают, что такое подавление. Тогда они ощущают пагубную сущность агрессии, а потому ее подавляют, но впоследствии анализ показывает, что они каким-то образом должны высвободить ее снова. Кроме того, такие люди не знают, как дать сдачи, ибо уверены, что дать сдачи – значит зайти слишком далеко. Поэтому они предпочитают вообще не выступать, и потому, естественно, становятся неудачниками и копят в себе обиду, так как живут ниже уровня своих притязаний, или же у них развивается идея преследования. Или же такие люди вдруг впадают в агрессию, причем заходят слишком далеко и говорят, что не нужно пытаться ничего делать, так как любая попытка все равно закончится неудачей. Им нужно научиться искусству осознанного, постепенного выпуска пара, каждый раз понемногу, совсем по чуть-чуть. Если вы снимете крышку с чайника, из него вырвется обжигающая струя пара. Чтобы выпускать пар небольшими порциями, постепенно, в большей степени нужен самоконтроль, чем в случае реакции «все или ничего», ибо тогда сознание участвует в формировании адекватной доли цивилизованного поведения. Это золотая середина между инстинктивным «все или ничего», и она находится в гармонии с бессознательным побуждением к индивидуации.

Верный Иоганн высасывает яд из груди королевы – только он один может справиться с содержащимся в ней злом. Мужская Анима, когда она появляется впервые, – это сама природа, настоящая жизнь, в которой есть и добро, и зло. Это очень распространенный сказочный мотив «девушки-отравительницы», убивающей своего возлюбленного в первую брачную ночь. Анима действительно может погубить мужчину, искушая его жить безрассудной жизнью, удовлетворяя свои желания и отказавшись от всех своих человеческих ценностей. В нашей сказке верный Иоганн обезвреживает воздействие этого яда, но король не понимает, что делает его слуга.

Верный Иоганн решает за молодого короля все его проблемы, но тот постепенно начинает его подозревать в злом умысле, – в результате Иоганн превращается в каменную статую. Чувствуется, что в самой сути этого эпизода лежит колдовское заклятье, но какова причина, мы так и не узнаем, даже дочитав внимательно сказку до самого конца. Поэтому чуть позже я приведу другую сказку, «Два брата», герой которой несет ответственность за про-

исходящее и превращается в камень задолго до финала, так что в дальнейшем выясняется почему.

Если рассматривать верного Иоганна как некий закон или побуждение, существующее в коллективном бессознательном в отношении формирования доминанты коллективного сознания, «создателя нового короля», а значит – олицетворения трансцендентной функции или Самости, то кажется странным, что, выполняя свою задачу, ему приходится окаменеть. Но если в сознании присутствует ложная установка, то послания бессознательного, если даже их видят и слышат, оказываются неправильно понятыми и под воздействием сознания застывают как камень. Если подумать о развитии сознания в нашей христианской цивилизации, то сам факт, что молодая королевская чета берет статую верного Иоганна к себе в спальню, является типичной: она там стоит, напоминая королю и королеве об их постыдном поведении, и каждый раз, глядя на эту статую, они горюют и чувствуют себя виноватыми, несчастными и подавленными.

Можно было бы сказать, что Зигмунд Фрейд обнаружил окаменевшего верного Иоганна в спальне нашей цивилизации, ибо открытие жизненного начала в бессознательном сперва предстало в виде некоего ископаемого, мертвой окаменелости, недоступной для ассимиляции. Таким образом в королевской спальне остается неразрешенная проблема. Сам Фрейд никогда не видел в бессознательном жизненного творческого начала, считая его областью, в которой находится вытесненное содержание, отвергнутое сознанием. Он был первым, кому удалось выявить, что в нашей цивилизации есть преграда, о которую мы все спотыкаемся и которая в основном проявляется в отношениях между полами. Однако он не пошел дальше утверждения о самом наличии такого препятствия, – он рассматривал бессознательное только в его негативном и деструктивном смысле и как причину горя короля и королевы. Так случилось, что Фрейд был первым, кто столкнулся с тем, что в каком-то смысле произошло в конце христианской эры: мы открыли закон, который оказался камнем преткновения в области сексуальных отношений.

Юнг сделал шаг вперед, открыв, что каменная статуя, которая является препятствием, служит воплощением динамического начала, которое может ожить в качестве живого элемента некой религиозной основы, но только если принести ему в жертву детей. В каком-то смысле отношения между полами можно считать сей-

смографом, который реагирует на любые колебания. С нашей точки зрения большинство нарушений в сексуальной сфере и в отношениях между полами не столько сами являются проблемой, сколько указывают на наличие более глубоко лежащих проблем. Например, обычно в случаях женской фригидности истинная проблема заключается в одержимости Анимусом. Если ее решать только на уровне сексуальности, то не удастся проникнуть на глубину ее корней. Любой вид психологических нарушений в основном указывает либо на проблемы в социальной адаптации, либо на нежелание жить, либо на затруднения в сексуальной сфере, — то есть на проблемы в тех областях жизни, где требуется инстинктивная реакция, ибо именно таким реакциям требуется помощь со стороны жизнеспособных и важных архетипических паттернов. Это архетипические ситуации, в которых человеку нужно ощущать себя целостной личностью. Если у него невротическое расщепление, в такой ситуации оно обязательно даст о себе знать. Король и королева не могут полностью соединиться, так как между ними находится окаменевшая фигура, которая смотрит на них с укоризной и внушает им такое чувство вины, что они оба не могут наслаждаться совместной жизнью.

Если хотя бы вкратце рассмотреть символику камня и статуи, то в алхимической традиции и то и другое имеет более положительное значение. Вообще говоря, камень символизирует интрапсихический образ Бога во всей его целостности, образ спасителя, богочеловека, который по своему описанию часто оказывается даже более совершенным, чем Христос. Символические значения статуи в основном те же самые: она символизирует воскресшего богочеловека, или антропоса, воскресшего Осириса, а также полноту соединения духа и материи. В нашей современной западной цивилизации этот важный центральный религиозный символ был утрачен, вытеснен, побежден рационализмом и материализмом. Именно поэтому он появляется в сказке как блок, препятствующий полному соединению королевской четы в королевской опочивальне.

Превращение в камень верного Иоганна можно наблюдать везде, где доминирующий закон сознания не признает все время изменяющийся характер бессознательного, ибо неспособность видеть оказывает такое воздействие на бессознательное, которое заставляет его окаменеть: эта неспособность видения порождает нереалистичную и ригидную точку зрения. Всякий раз, когда мы

теоретизируем в отношении бессознательного и чем больше считаем слова только средством описания, тем больше превращаем бессознательное в камень, и тогда оно уже не может проявляться в качестве жизненной силы. Воздействие любой теории может сделать его статичным, не давая возможности его спонтанному проявлению.

В нашей сказке верного Иоганна все же удалось спасти после того, как он превратился в камень. Он говорит королю, чтобы тот отрубил головы двум своим мальчикам-близнецам и окропил их кровью его статую, пока отсутствует королева. После этого верный Иоганн оживает и возвращает жизнь детям, которых принесли в жертву. Образ детей связан с некими сознательными установками, которые оставляют верного Иоганна в окаменевшем состоянии, поэтому детей нужно убить. Однако нам следует иметь в виду, что речь идет именно о детях, а не каких-то других сказочных персонажах, и понимать, что значит ребенок с точки зрения короля. Ребенок – это воплощение будущего короля и вместе с тем человек, которого король больше всего любит. Архетипическая идея о жертвоприношении сына является точно такой же, как в ветхозаветной истории об Аврааме и Исааке, ибо Авраам, конечно, предпочел бы убить себя: жертвоприношение Исаака – олицетворение величайшей жертвы, которую вообще возможно принести.

Тем самым мы говорим, что в этот момент верный Иоганн раскрывает свою истинную сущность – образ Бога, – ибо мы знаем, что только Богу можно принести в жертву собственного ребенка. С другой стороны, образ ребенка всегда имеет двойное значение: с мифологической точки зрения он может воплощать и Самиость, и – в зависимости от нюансов и контекста – инфантильную Тень. Разумеется, это одно и то же, так как вы могли бы сказать, что осуществлению Самости всегда сопутствует наивность, подлинность и целостность реакции ребенка. Но возникает вопрос: «Остаюсь ли я все еще слишком инфантильным, или же я снова должен стать ребенком?» Вспомним слова Христа: «...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»⁸⁰. Но сначала человек должен стать взрослым, и только потом – ребенком. Иногда можно заметить, что христианская цивилизация предпочитала внушать человеку веру в то, что он должен оставаться малым агнцем Иисуса, чтобы войти в Цар-

⁸⁰ Евангелие от Матфея 18: 3. – *Примеч. пер.*

ство Небесное, но по существу от него требовалось именно восстанав-
ливать у себя способность безропотно подчиняться Самости.

Однако сначала нам следует выявить свою инфантильную
Тень и увидеть, что за этой наивностью скрывается также нез-
релая детская установка. Заметить этот парадокс очень трудно.
В двойственности мотива ребенка отражается тот факт, что ребен-
ку свойственны две стороны: инфантильность и спонтанность.
Фрейдистский анализ имеет тенденцию уничтожить любой вид
спонтанности под видом идеи покончить с инфантилизмом. Такое
объяснение может быть пагубным, ибо, хотя такой подход помога-
ет человеку избавиться от любых форм инфантильного поведения,
вместе с тем он избавляет человека от любых форм проявления
спонтанности – и в том числе творчества – и приводит к появле-
нию тупой установки, лишенной всякой непосредственности, жи-
вости, к ограниченной форме сознания, когда человек постоян-
но себя спрашивает, как в его поведении проявляется Эдипов ком-
плекс или комплекс Электры.

Если сказка не оказала на человека должного воздействия,
он чувствует себя так, словно старый король снова начинает уми-
рать, и та же самая проблема повторяется *ad infinitum*⁸¹ – то есть
тот же конфликт продолжается, не давая никакого результата.
Раньше король имел только одно конкретное желание: он захо-
тел увидеть, что находится в запертой комнате, а затем захотел
обладать объектом, изображенным на картине, и верный Иоганн
сделал для него все возможное. Однако сам король не внес ни-
какого вклада в то, чтобы получить Аниму. Если посмотреть на
сказку с этой точки зрения, то можно было бы сказать, что он
был абсолютно счастлив оттого, что у него есть такой старый
слуга, который делает для него все. Но при этом король не сде-
лал единственного, что от него требовалось, а именно – он не
поверил верному Иоганну. Возможно, это было к счастью, ибо
таким образом он стал пробуждаться к жизни. Он спрашивает:
«Почему все это происходит?» А затем искупает свое бездей-
ствие в прошлом, принося в жертву своих детей.

С психологической точки зрения это означает принести в
жертву незрелое сознательное поведение. Эго всегда занято какой-
нибудь чепухой, поэтому чрезвычайно важно отказаться от того,
что Эго хочет и считает правильным, и смириться с тем, что про-

⁸¹ *Ad infinitum* (лат.) – до бесконечности. – *Примеч. пер.*

исходит. На самом деле Это не полностью жертвует *собой*, а лишь своей инфантильностью. В пользу этой настоящей жертвы говорит тот факт, что король испугался, узнав о том, что он должен убить двух своих любимых сыновей. В волшебных сказках чрезвычайно экономно употребляются эпитеты, отражающие чувства, и в них присутствует очень мало психологических замечаний или высказываний относительно чувств. Но в сказке говорится, что сначала король испугался при мысли, что придется убить детей, однако затем, вспомнив о том, как был предан ему верный Иоганн, который отдал за него свою жизнь, он взял свой меч и отрубил детям головы. Следовательно, можно сказать, что с тех пор, как верный Иоганн превратился в каменную статую, у него развилась чувственная функция. Он должен был страдать все это время, пока жили дети, и хотя в его спальне стояла каменная статуя, каждый раз при виде ее он плакал и хотел оживить. Вероятно, в этом и заключается наступление у него зрелости: когда, наконец, верный Иоганн попросил его совершить жертву, он с готовностью это сделал. Пока его дети росли, короля изнутри сжигало пламя его страданий, а затем, когда наступил чудесный момент и статуя заговорила, король приходит к решению, что возвращение к жизни верного Иоганна значит для него больше всего на свете. В этом решении отражается следующее: если для человека утрачено значение Самости, то для него утрачивает смысл все остальное, ибо то, что утрачено, не может заменить ничего, кроме обновленной связи с Самостью.

Пока совершалось жертвоприношение, королева была в церкви. Когда она вернулась, король ее испытал, спросив, как бы поступила она. Королева полностью согласилась с тем, что он сделал. Ее пребывание в церкви могло бы означать, что она до сих пор руководствуется настоящей религиозной установкой; очевидно, что для королевы она по-прежнему остается живым принципом. Она находится в лоне церкви; Анима является христианской; проблемы существуют только в мужском сознании. Если вы анализируете современных мужчин, которые говорят, что не верят в христианскую догму, то часто видите, что их Анима все еще ходит в церковь, так как все эти персонажи сохранили свою связь с далеким прошлым. Внутри нашей психики присутствуют все эти уровни наряду со сказочными персонажами, не столь современными, как наше сознание. Отчасти мы остаемся в Средневековье, отчасти в Античности, а отчасти сидим голыми на деревьях.

Другая сторона проблемы заключается в самом короле: *он* получил все от верного Иоганна, *он* должен заплатить по счетам, *он* получил все, что хотел, *он* просто принимал дары от своего верного слуги. Естественно, за все должен заплатить именно он, а не королева. Судьба королевы обычна и недраматична и не несет для нас никакого послания посредством этой волшебной сказки. Как правило, женщины не осознают остроты противоположностей и могут проскользнуть мимо них. Таким образом, если у женщины не слишком развит отцовский комплекс и не слишком сильный Анимус, то, как правило, эта проблема не открывается для нее в полной мере. Женщина живет больше в контексте непрерывности жизни, «не думая о том, что существуют противоположности».

Вы могли бы сказать, что женщина, существующая внутри мужчины, представляет собой то же самое: Анима проявляет интерес к жизни, но только не к проблеме добра и зла, то есть истины и ее противоположности. Это закон Логоса, которому больше привержены мужчины и который ставит эту проблему более остро. В иудейской цивилизации нет женщин-богинь, все законы исходят от Яхве; вы либо ему подчиняетесь, либо нет, и *именно это* порождает проблему ответной этической реакции. В религии древних греков есть много богинь и богов, и этические проблемы оказываются не столь острыми.

Далее я исследую две волшебные сказки братьев Гримм, которые аналогичны друг другу: «Два брата» и «Золотые дети». В обеих сказках есть персонажи, представляющие собой пары противоположностей одного уровня. При этом нет ни слуги, ни короля, но один из персонажей женится, другой остается одиноким, как, например, в сказке «Верный Иоганн». В данном случае было бы даже более вероятно, если бы сформировалась брачная четверичность, но этого не происходит. Поэтому мы сосредоточим свое внимание на том, что могла бы значить одинокая фигура.

Два брата ⁸²

Некогда жили-были два брата – бедный и богатый. Богатый был золотых дел мастер и злой-презлой; бедный только тем и питался, что метлы вязал, но при этом был и добр, и честен.

⁸² The Complete Grimms Fairy Tales, *The Two Brothers*, p. 290 и далее.

У бедняка было двое деток – близнецы, похожие друг на друга, что две капли воды. Эти мальчишки частенько приходили в дом к богатому, и иногда перепадало им в пищу кое-что из того, что там выбрасывалось.

Вот и случилось однажды, что бедняк пошел в лес за хворостом и вдруг увидел птицу, совсем золотую да такую красивую, какой ему еще отродясь не приходилось видеть. Поднял он камешек и швырнул в ту птицу, и попал в нее очень удачно: упало от птицы на землю одно золотое перышко, а сама птица улетела.

Поднял бедняк то перышко, принес его к своему брату, и тот, посмотрев на перо, сказал: «Это чистое золото», – и дал ему за перо хорошие деньги.

На другое утро полез было бедняк на березу, чтобы срубить с нее пару веток; и та же самая птица слетела с той березы, а когда бедняк стал кругом озираться, то нашел на дереве и гнездо ее, а в том гнезде яйцо, совсем золотое.

Он захватил яйцо домой и принес его к своему брату; тот опять то же сказал: «Это чистое золото», – и заплатил ему за яйцо на вес золота. А потом и добавил: «Недурно бы добыть и самую эту птицу».

Бедняк и в третий раз пошел в лес и опять увидел золотую птицу на ветке одного дерева, сбил ее с ветки камнем и принес к брату, который ему за это дал целую кучу денег. «Ну, теперь я, пожалуй, могу и разжиться!» – сказал бедняк и вернулся домой очень довольный.

Богатый брат был умен и хитер и знал очень хорошо, что это была за птица. Он призвал к себе жену и сказал: «Изжарь мне эту золотую птицу и позаботься о том, чтобы ничто из нее не пропало! Меня забирает охота съесть ее всю целиком».

А птица-то была не простая и такой диковинной породы, что кому удавалось съесть ее сердце и печень, тот каждое утро находил у себя под изголовьем по золотому. Жена изготовила птицу как следует, воткнула на вертел и стала ее жарить.

Вот и случилось, что в то время как птица была на огне, а жена богатого брата должна была на минуту отлучиться из кухни ради других работ, в кухню вбежали дети бедняка, стали около вертела и раза два его повернули.

И когда из нутра птицы вывалились два каких-то кусочка и упали на противень, один из мальчиков сказал: «Съедем эти два кусочка, я же так голоден, да притом никто этого не заметит».

И съели вдвоем эти оба кусочка; а тут и жена богача вернулась, увидела, что они что-то едят, и спросила: «Что вы сейчас ели?» –

«Съели два кусочка, – которые из нутра у птицы выпали», – отвечали мальчишки. «Это были сердце и печень!» – в испуге воскликнула она, и для того, чтобы муж ее не заметил этой убыли и на нее не прогневался, она заколола скорее петушка, вынула из него сердце и печень и подложила к золотой птице. Когда птица изжарилась, она подала ее своему мужу на стол, и тот ее съел всю целиком, без всякого остатка. Когда же на другое утро он сунул руку под изголовье, думая из-под него вытащить золотой, там никакого золотого не оказалось.

А оба мальчика и постичь не могли, откуда им такое счастье выпало на долю: на другое утро, когда они стали вставать, что-то тяжелое упало на землю и зазвенело, и когда они подняли упавшее из-под их изголовья, то увидели, что это были два золотых. Они принесли их отцу, который был очень удивлен и спросил их: «Как это могло случиться?»

Когда же они на следующее утро опять нашли два золотых, и то же самое стало повторяться каждое утро, тогда отец пошел к брату своему и рассказал ему о диковинном происшествии.

Богатый брат тотчас сообразил, как это могло произойти, и понял, что мальчишки съели сердце и печень от золотой птицы. И вот, чтобы отомстить им за это, и просто потому, что он был завистлив и жестокосерден, он сказал своему брату: «Твои дети с нечистым знаются; берегись же, не бери этого золота, и их самих ни часу не держи в своем доме, потому что уж нечистый имеет над ними власть и самого тебя тоже в руки заберет».

Так как отец боялся нечистого, то, хотя и скрепя сердце, однако же вывел близнецов в лес и с великой грустью покинул их там на произвол судьбы.

Вот и стали оба мальчика бегать кругом по лесу и искать дороги домой, но найти не могли и все более и более путались.

Наконец повстречали они охотника, который спросил их: «Чьи вы дети?» – «Мы дети бедного метельщика», – и рассказали ему, как отец не захотел их держать дома только потому, что они находили каждое утро по золотому под своим изголовьем. «Ну, тут я еще ничего дурного не вижу, – сказал охотник, – если только вы при этом останетесь честными и не станете лениться».

Так как мальчишки этому доброму человеку понравились, да притом у него своих детей не было, то он принял их к себе в дом и сказал: «Я заменю вам отца и воспитаю вас до возраста».

Стали они у него обучаться его промыслу, а те золотые, которые каждый из них находил при вставании под изголовьем, он стал собирать и приберегать для них на будущее.

Когда они выросли большие, воспитатель взял их с собою в лес и сказал: «Сегодня вы должны показать, выучились ли вы стрелять, чтобы я мог принять вас в охотники».

Пришли они с ним на звериный лаз и долго бродили, и все никакая дичь не появлялась. Глянул охотник вверх и увидел в вышине станицу белоснежных гусей, которая летела, как и всегда, треугольником. «А ну-ка, – сказал он одному из мальчиков, – подстрели мне с каждого угла по одному гусю». Тот поступил по приказу, и это было для него пробным выстрелом.

Вскоре после того налетела еще станица и летела она в виде цифры два; тогда приказал охотник другому брату также подстрелить с обоих концов станицы по одной птице, и тому тоже удался его пробный выстрел.

«Ну, – сказал обоим братьям их воспитатель, – теперь я вас принимаю в охотники, так как вижу, что вы оба опытные стрелки».

Затем оба брата ушли вместе в лес, посоветовались между собой и о чем-то условились.

И когда они вечером сели за ужин, то сказали своему воспитателю: «Мы не прикоснемся к кушанью и не проглотим ни глотка, пока вы не исполните нашу просьбу». – «А в чем же ваша просьба?» Они же отвечали: «Мы теперь у вас обучились, нам надо испытать себя в свете; а потому позвольте нам отправиться постранствовать».

Тут сказал им старик с радостью: «Вы говорите, как brave охотники; то, чего вы желаете, было и моим желанием; ступайте, странствуйте – и будь вам во всем удача!» И затем они стали весело пить и есть вместе. Когда наступил назначенный день, воспитатель подарил каждому из братьев по хорошему ружью и по собаке и позволил взять из сбереженных им червонцев, сколько им было угодно.

Затем он проводил их некоторую часть пути и при прощании подарил им еще блестящий охотничий нож и сказал: «Когда вам случится разойтись на пути, то воткните этот нож на распутье в дерево; по этому ножу, возвратясь к тому дереву, каждый из вас может судить, как посчастливилось отсутствующему брату: сторона ножа, обращенная в сторону его пути, заржавеет, если он умер, а пока он жив, до тех пор клинок ножа все будет блестеть».

Оба брата пошли вместе путем-дорогой и пришли в лес такой большой, что они в целый день не могли из него выбраться.

Пришлось им в лесу и ночь ночевать, и питаться только тем, что у них было с собою захвачено в охотничью сумку. Так шли они лесом и еще один день и все же не могли из него выбраться. Есть у

них уже было нечего, и потому один из них сказал: «Надо нам пострелять чего-нибудь, а не то, пожалуй, придется нам голод терпеть», – зарядил свое ружье и стал кругом озираться.

Видит, бежит мимо матерый заяц; охотник в него прицелился, но заяц крикнул ему:

Сжался, егерь, надо мной!

Два зайчонка – выкуп мой!

Тотчас прыгнул заяц в кусты и вынес оттуда двух зайчат; а эти зверьки так весело играли и были такие славные, что у братьев-охотников не хватило духу их убить.

Они оставили их при себе, и оба зайчонка побежали за ними следом. Вскоре после того мимо них побежала лисица; они было хотели ту лису подстрелить, но и лисица закричала:

Сжался, егерь, надо мной!

Два лисенка – выкуп мой!

И она принесла двух лисят, а братья-охотники и их тоже убить не решились, а оставили при себе вместе с зайчатами, и те тоже за ними побежали следом.

Немного спустя вышел волк из чащи леса, оба охотника в него нацелились; но и волк закричал также:

Сжался, егерь, надо мной!

Два волчонка – выкуп мой!

И двух волчат братья-охотники присоединили к остальным зверям, и те тоже за ними следом побежали.

Потом повстречался им медведь, который тоже не прочь был пожить еще на белом свете, и крикнул охотникам:

Сжался, егерь, надо мной!

Медвежата – выкуп мой!

И еще два медвежонка были присоединены к остальным зверям, и таким образом всех зверей у охотников оказалось уже восемь.

Кто же еще наконец вышел им навстречу? Вышел лев, потрясая своей гривой. Но охотники не оробели и в него прицелились; тогда и лев тоже сказал:

Сжался, егерь, надо мной!

Мои львята – выкуп мой!

И он также принес им своих львят; и вот у братьев-охотников оказались: два львенка, два медвежонка, два волчонка, два лисенка и два зайчонка, которые шли за ними следом и служили им.

А между тем их все же мучил голод, и они сказали лисицам своим: «А ну-ка, вы, пролазы, достаньте нам чего-нибудь поесть, вы

ведь от природы лукавы и вороваты». Те отвечали: «Невдалеке отсюда лежит деревня, в которой мы уже не одну курицу потаскали; мы вам туда дорогу укажем».

Вот и пошли они в деревню, купили себе кое-чего поесть, приказали и зверей своих покормить и пошли далее своим путем-дорогою.

Лисицы же отлично знали в том околотке дворы, где водились куры, и всюду могли давать самые верные указания братьям-охотникам.

Так походили-побродили братья вместе, но не могли себе нигде сыскать такой службы, на которую им можно было бы поступить обоим, и порешили наконец: «Видно, нам суждено расстаться».

Они поделили зверей между собой, так что каждый получил на свою долю по льву, по медведю, по волку, по лисице и по зайцу; затем они распрощались, поклялись братски любить друг друга до смертного часа и вонзили в дерево на распутье тот нож, который был им дан воспитателем; и пошел один из них от того дерева на восток, а другой – на запад.

Младший вместе со своими зверями пришел в город, который был весь затянут черной материей. Он вошел в одну из гостиниц и спросил у хозяина, не возьмется ли тот приютить у себя его зверей.

Хозяин гостиницы отвел для них хлев, у которого в стене была дыра. Заяц тотчас из той дыры вылез, добыл себе кочан капусты, а лиса принесла себе курочку и, съевши ее, не поленилась сходить и за петушком; только волк, медведь и лев не могли из этой дыры выйти, потому что были слишком велики.

Тогда хозяин гостиницы отвел их на поле, где на траве паслась корова, и дал им наесться досыта.

Когда звери были накормлены, охотник спросил у хозяина: «Почему весь город завешан черной материей?» – «А потому, что завтра единственная дочь нашего короля должна умереть». – «Да что же она, при смерти лежит больная, что ли?» – спросил охотник. – «Нет, и живехонька, и здоровехонька; а все же должна умереть». – «Да почему же?» – спросил охотник. «А вот видишь ту высокую гору перед городом? На ней живет дракон, которому каждый год мы должны давать по невинной девушке, а если бы не давали, он бы опустошил всю нашу страну. Теперь уж всех девушек принесли ему в жертву, осталась только одна королевская дочь. Но и той нет пощады, и ее должны мы завтра отдать дракону на съеденье!» – «Да отчего же не убьют дракона?» – спросил охотник. «О, многие рыцари уже пыта-

лись это сделать; но только напрасно загубили свою жизнь. Недаром тому, кто победит этого дракона, король пообещал дочь в жены отдать, а по смерти своей – и все свое королевство».

Охотник ничего не сказал более, но на другое утро захватил с собой своих зверей и взошел с ними на драконову гору.

На вершине ее стояла кирха, и в ней на жертвеннике три полных кубка, а при них и подпись: «Кто эти три кубка выпьет, тот будет самым сильным из всех сильных людей на свете и станет свободно владеть тем мечом, который зарыт под порогом входной двери».

Охотник не сразу решился выпить из тех кубков, а вышел из кирхи и разыскал меч, зарытый в земле; но даже и с места его стронуть не мог. Тогда он вновь вернулся в кирху, осушил те кубки и почуял себя настолько сильным, что мог взять тот меч в руки и владеть им совершенно свободно.

Когда же наступил тот час, в который юную деву предстояло предать дракону, сам король и его дворецкий вместе со всем двором вывели королевну за город.

Издали она увидела охотника на драконовой горе, и ей показалось, что это сам дракон ее ожидает; она было и всходить-то на гору не хотела, но, наконец, вспомнив, что весь город должен из-за нее погибнуть, она была вынуждена пойти на этот тяжкий подвиг.

Тогда король и его придворные вернулись домой, исполненные великой горести; а дворецкий короля должен был остаться на месте и издали наблюдать за всем происходившим на горе.

Когда королевна поднялась на гору, она увидела там не дракона, а молодого охотника, который старался ее утешить и сказал, что он думает ее спасти, ввел в кирху и запер в ней.

Немного спустя с великим шумом и грохотом налетел семиглавый дракон. Увидев охотника, он удивился и сказал: «Зачем ты тут на горе?» – «А затем, что хочу с тобою биться!» – смело отвечал охотник. «Много уж перебывало здесь удалцов-рыцарей, которые за свою смелость поплатились жизнью, и с тобою я тоже скоро расправлюсь!» – насмешливо сказал змей и стал пыхать на него пламенем из своих семи пастей.

Пламя было такое сильное, что от него сухая трава загоралась, и, вероятно, охотник задохнулся бы от жара и дыма, если бы не бежали его звери и не погасили пламя.

Тогда дракон набросился на самого охотника, но тот взмахнул мечом так, что в воздухе засвистало, и разом отрубил ему три башки долой. Дракон разъярился, поднялся в воздух, стал снова

пыхать пламенем на охотника и собирался еще раз на него устремиться, но охотник еще раз взмахнул мечом и отрубил дракону еще три головы.

Чудовище сразу ослабло и пало наземь, но все еще наступало на охотника; однако же тот, собравшись с последними силами, отрубил дракону хвост и так как уж не мог более сражаться, то призвал всех своих зверей, и те растерзали дракона на части.

Когда битва с драконом была окончена, охотник отворил двери кирхи и нашел королевну распростертой на полу: она лишилась чувств от страха и ужаса во время битвы охотника с драконом.

Он ее вынес на воздух, и когда она пришла в себя и открыла глаза, он показал ей растерзанного дракона и сказал: «Ты от него избавлена!» Королевна обрадовалась и сказала: «Теперь ты будешь мне дражайшим супругом, так как отец мой обещал меня выдать замуж за того, кто убьет дракона».

Затем она сняла с себя свое коралловое ожерелье и разделила его между зверями в награду за оказанную ими помощь, и при этом льву досталась часть ожерелья с золотым замочком. А свой носовой платочек, на котором было вышито имя королевны, она подарила охотнику, который подошел к растерзанному дракону и из семи пастей повырезал языки, завернул в платочек королевны и тщательно их припрятал. Однако же, утомленный битвой с драконом и измученный пламенем, которым тот его обдавал, охотник почувствовал себя в таком изнеможении, что сказал королевне: «Мы с тобой так изнурены и утомлены, что недурно было бы нам прилечь отдохнуть».

Королевна с ним согласилась, и они прилегли на голой земле; а охотник сказал льву: «Посмотри, чтобы никто не напал на нас во время сна», – и, сказав это, заснул вместе с королевной.

Лев и сел около них, но он тоже был так утомлен битвой, что подозвал медведя и сказал: «Ложись рядом со мной; надо мне немного поспать, и если кто подойдет, разбуди меня».

Медведь и прилег около него; но он был тоже утомлен и позвал волка. «Приляг около меня, – сказал он ему, – я только немного сосну, и если кто появится, разбуди меня».

Волк лег около медведя, но так как и он был утомлен, то подозвал лисицу и сказал: «Ложись рядом со мной, дай мне поспать немного, а если что случится, то разбуди меня».

Лисица легла около него, но она была тоже настолько утомлена, что позвала зайца и сказала: «Ложись рядом, дай мне поспать немного, а если кто подойдет, то разбуди меня».

Прилег заяц около лисицы, но и он, бедняжка, был тоже утомлен, и так как он никому не мог поручить сторожить, то просто заснул.

Заснули и королевна, и охотник, и лев, и медведь, и волк, и лисица, и заяц – и все спали крепким, крепким сном.

Тем временем дворецкий, который должен был за всем следить издали, когда увидел, что дракон не отлетает и не уносит королевны и все на горе спокойно, собрался с духом и взошел на гору.

Он увидел там разрубленного на куски и в клочья разорванного дракона, а недалеко от него – спящих рядом королевну, охотника и всех его зверей...

И все были погружены в глубокий сон.

А так как он сам был человек злой и безбожный, то он вынул меч, отрубил охотнику голову; королевну же подхватил на руки и понес с горы.

Тогда она проснулась и пришла в ужас; но дворецкий сказал ей: «Ты в моей полной власти! Ты должна будешь сказать, что не он убил дракона, а я!» – «Не могу! – сказала она. – Не ты это сделал, а охотник и его звери!»

Дворецкий выхватил свой меч и грозил убить ее в случае, если она не повинется его воле, и тем вынудил у нее обещание ему повиноваться. Затем он привел королевну к королю, который не мог опомниться от радости, когда увидел в живых милое свое дитяtko, преданное на растерзание чудовищу. Дворецкий сказал ему: «Я убил дракона и дочь твою, девицу, и все царство твое от чудовища избавил; а потому требую себе в награду руку твоей дочери, как было тобой обещано».

Король спросил у дочери: «Правду ли он говорит?» – «Должно быть, правду, – отвечала она уклончиво, – но я выговариваю себе разрешение отложить свадьбу на один год и на один день».

В этот промежуток времени она надеялась получить хоть какие-нибудь сведения о своем милом охотнике.

Между тем на драконовой горе все звери все еще лежали рядом около своего убитого господина и спали глубоким сном.

Прилетел большой шмель и сел зайцу на нос; но заяц обмахнулся лапкой и продолжал спать. Шмель прилетел вторично и уселся там же, но заяц опять-таки обмахнулся лапкой и все-таки спал. Прилетел шмель в третий раз и пребольно ужалил его в нос, так что тот проснулся. И чуть только он проснулся, как разбудил лисицу, а лисица – волка, волк – медведя, медведь – льва.

Когда же лев проснулся и увидел, что королевны нет, а его господин лежит убитый, то он начал страшно рычать и воскликнул: «Кто мог это совершить? Медведь, зачем ты меня не разбудил?» Медведь спросил у волка: «Волк, ты почему меня не разбудил? – а волк задал тот же вопрос лисице, лисица – зайцу.

Один бедный заяц ни на кого не мог сослаться, и все сложили вину на него.

Они готовы уже были растерзать его, но он взмолился о пощаде и стал просить: «Не губите вы меня, я сумею оживить нашего господина. Я знаю гору, на которой растет такой корень, что кто его во рту держит, тот исцеляется от всех болезней и всяких ран. Но только до той горы двести часов пути».

Лев сказал ему на это: «В двадцать четыре часа ты должен сбегать туда и обратно и тот корень принести с собой».

Заяц тотчас же пустился в путь и через двадцать четыре часа действительно вернулся с корнем.

Лев приставил охотнику голову на место, а заяц ткнул ему корень в рот, и мигом все опять срослось, и сердце стало биться, и жизнь к нему возвратилась.

Тогда охотник очнулся от сна и ужаснулся, не видя около себя королевны, он подумал: «Верно, она ушла во время моего сна, чтобы от меня избавиться».

Лев впопыхах приставил своему господину голову лицом назад, но тот в своей великой печали этого и не заметил; и только уж в полдень, когда ему захотелось поесть, он увидел, что голова у него перевернута, никак не мог понять причины такого странного превращения и стал у зверей спрашивать, что могло с ним произойти во время сна.

Тогда и рассказал ему лев, что все они от утомления около него заснули, а при своем пробуждении нашли его мертвым, с отрубленной головой; затем рассказал, как заяц принес жизненный корень, а он впопыхах приставил голову наоборот, лицом к спине, но с удовольствием готов исправить свою ошибку.

Он и действительно сорвал охотнику голову, перевернул ее, а заяц заживил ему раны и укрепил голову на плечах при помощи своего корня.

Но охотник запечалился, пошел скитаться по белу свету и всюду заставлял своих зверей плясать перед зрителями.

И случилось так, что он ровно год спустя опять пришел в тот самый город, где он спас королевну от дракона, и увидел, что весь город обвешан красной материей.

И спросил он у хозяина гостиницы: «Что все это значит? Ровно год тому назад ваш город был весь увешан черным... Почему же теперь он увешан красной материей?» – «Год тому назад, – отвечал хозяин гостиницы, – нашу королевну приходилось отдать на съедение дракону. Но дворецкий нашего короля с тем чудовищем сразился и убил его, и завтра должно происходить их венчание. Вот почему тогда город был весь увешан черным, а нынче украшен яркой красной материей».

На другой день, когда уже надлежало праздновать свадьбу королевны, охотник в обеденное время сказал хозяину гостиницы: «А как ты полагаешь, господин хозяин, могу я сегодня здесь у тебя поесть хлеба с королевского стола?» – «Ну, – сказал хозяин, – я, пожалуй, не прочь побиться об заклад на сто червонцев, что этого никогда не будет». Охотник принял заклад и выложил на стол кошелек со ста золотыми. Потом позвал зайца и сказал: «Ступай, мой милый попрыгун, и принеси мне того хлеба, который ест сам король».

Заяц был между зверьми младший и не смел никому передать своего поручения, а должен был сам его исполнить. «Э-э, – подумал он, – пожалуй, если я пойду так-то один по улицам, мясницкие собаки побегут за мной следом».

Как он думал, так и случилось: собаки пустились за ним бежать по улицам и уже было почти совсем добрались до его красивой шкурки. Но заяц тут как пошел чесать, да и укрылся в будку часового, так что тот и не заметил, как это произошло.

Подбежали к будке и собаки: очень хотелось им зайца из нее вытащить; но солдат был на часах; видно, шутить не любил и так угостил их прикладом, что они с визгом и ревом бросились врассыпную.

Чуть только заметил заяц, что путь ему открыт, помчался он в королевский замок и прямехонько к королевне, сел у нее под стулом да лапкой-то ее чуть-чуть за ножку.

А она и говорит: «Пошла прочь!» – думала, что это ее собачонка. А заяц-то опять ее за ножку лапкой, и она опять-таки: «Да пошла же прочь!» – все еще думая, что это собачка.

Но заяц опять за свое – и третий раз ее за ножку лапкой; тут только заглянула она под стул и узнала зайца по своему ожерелью.

Вот и взяла она его к себе на руки, отнесла в свою комнату и сказала: «Милый зайчик! Чего ты желаешь?» Тот отвечал: «Господин мой, тот самый, что убил дракона, прибыл сюда и через меня просит, чтобы ты прислала ему того хлеба, который сам король ест».

Королевна очень обрадовалась и приказала позвать к себе булочника, а булочнику велела принести того хлеба, который сам король изволит кушать.

Зайчик и сказал при этом: «Но уж прикажи булочнику, чтобы он мне и снес этот хлеб до дому, а то мясницкие собаки опять за мной погонятся».

Булочник снес ему хлеб до дверей комнаты самого хозяина, а там уж заяц поднялся на задние лапы, а в передние взял хлеб и поднес его своему господину.

«Видишь, господин хозяин, – сказал охотник, – сто червонцев теперь мои».

Хозяин был очень удивлен этим, а охотник опять-таки сказал: «Ну вот, господин хозяин, хлеб с королевского стола у меня теперь есть; но мне захотелось отведать королевского жаркого».

Хозяин проворчал: «Ну, это еще посмотрим», – однако же биться об заклад не захотел.

Позвал охотник лисицу и сказал: «Лисонька! Ступай и принеси мне жаркого, которое сам король кушает».

Лисица недаром слывет пронырой, пошла она по углам и закоулкам, так что ее ни одна собака не увидала, пробралась к королевне, села под ее стулом да лапкой ее за ножку!

Та взглянула под стул и узнала лисицу по ее ожерелью.

«Милая лисонька, – сказала королевна, – чего ты от меня желаешь?»

Та отвечала: «Господин мой, тот самый, что убил дракона, прибыл сюда и прислал через меня просить того жаркого, что сам король ест».

Позвала королевна повара, заказала ему изготовить жаркое, как его королю на стол подают, и отнести вслед за лисой до самых дверей гостиницы.

Тут уж лисица приняла блюдо из рук повара, сначала обмахнула хвостом мух, которые обсели жаркое, и затем поднесла его своему господину.

«Вот видишь, господин хозяин, – сказал охотник, – хлеб и жаркое королевские у меня теперь есть; но хочу еще к этому и блюдо зелени, как его сам король кушает».

Позвал он волка, сказал: «Милый волчок, ступай и принеси мне блюдо зелени, как его сам король изволит кушать».

Волк пошел прямехонько к замку, потому что ему некого было бояться, и когда он пришел в комнату королевны, то дернул ее легонько сзади за платье, так что она оглянулась.

Королевна и его узнала по своему ожерелью и повела к себе, и сказала: «Милый волчок, чего ты от меня желаешь?» – «Мой господин, – отвечал волк, – тот самый, который дракона убил, прибыл сюда и через меня желает получить блюдо зелени в том виде, как его сам король кушает».

Приказала королевна повару приготовить блюдо зелени, как его сам король изволит кушать, и отнести вслед за волком до самых дверей гостиницы; там принял волк блюдо от повара и отнес его своему господину.

«Вот видишь, господин хозяин, – сказал охотник, – теперь у меня и хлеб, и мясо, и зелень с королевского стола; ну, а я желаю еще отведать и королевского пирожного».

Позвал он медведя и сказал ему: «Мишенька, ты до сладкого и сам охотник! Ступай-ка да принеси мне пирожного, как его сам король изволит кушать».

Поскакал медведь к замку, и всякий встречный уступал ему дорогу; когда же он дошел до замковой стражи, та взяла было ружья наперевес и не хотела впускать его в замок. Но он на задние лапы поднялся, а передними направо и налево стал наделять всех такими сильными оплеушинами, что вся стража рассыпалась, а он прямехонько прошел к королевне, стал позади нее, да и заворчал легонько.

Та оглянувшись, узнала и медведя по ожерелью, позвала его в свою комнату и сказала: «Милый мишенька, чего ты от меня желаешь?» – «Господин мой, – отвечал медведь, – тот самый, который убил дракона, прибыл сюда и просит через меня переслать ему пирожного, того самого, которое король кушает».

Королевна позвала кондитера и приказала ему испечь пирожное по вкусу короля и снести его вслед за медведем до самых дверей гостиницы. Там медведь сначала слизнул с блюда те сахарные катышки, которые с пирожного скатились, а затем, став на задние лапы, взял у кондитера блюдо и снес его своему господину.

«Видишь, господин хозяин, – сказал охотник, – вот у меня теперь и хлеб, и мясо, и зелень, и пирожное с королевского стола; но мне еще хочется попить того винца, которое сам король пьет».

Позвал он своего льва и сказал ему: «Милый лев! Ты, я знаю, не прочь выпить, так ступай же и принеси мне вина, какое сам король изволит пить».

Пошел лев по улицам, и все встречные люди бежали от него опрометью.

Когда же он пришел к замку и стража хотела загородить ему дорогу, то он только разок рывкнул – и все сразу разбежались.

Постучал он своим хвостом в дверь королевского замка, и сама королевна ему отворила.

Она не испугалась льва только потому, что узнала золотой замочек от своего ожерелья на шее льва, позвала его в свою комнату и сказала: «Милый лев, чего ты от меня желаешь?» – «Господин мой, – отвечал лев, – тот самый, что убил дракона, прибыл сюда. Он просит прислать ему через меня того вина, которое сам король пьет».

Королевна приказала позвать кравчего, и тот должен был принести льву вина, которое сам король пьет.

«Нет, я лучше сам с ним пойду, – сказал лев, – и посмотрю, чтобы он дал мне настоящего». И пошел с кравчим в погреб.

И когда они туда сошли, кравчий хотел было нацедить ему вина, которое пили королевские слуги, но лев сказал: «Постой! Я сначала вино-то отведаю!»

Нацедил себе полмеры и хлопнул ее разом. «Нет, – сказал он, – это не то вино».

Кравчий посмотрел на него исподлобья и хотел нацедить из другой бочки, из которой угощали вином королевского дворецкого. «Стой! – сказал лев. – Я вино сначала сам отведаю», – нацедил полмеры и выпил одним духом. «Это получше, – сказал он, – но это все еще не то вино».

Тут кравчий озлился и проворчал: «Этакая глупая животина, а туда же – вина разбирает!»

Но лев дал ему такого подзатыльника, что тот грохнулся на-земь, и когда поднялся на ноги, тогда уж, не говоря ни слова, провёл льва в совсем отдельный погребок.

Там стояло королевское вино, исключительно предназначенное для короля лично.

Лев сначала нацедил себе полмеры этого вина, отведал его, тогда уж сказал: «Да, это может быть и настоящее».

Затем он приказал кравчему нацедить этого королевского вина шесть бутылок.

Вот поднялись они из погреба, и когда лев вышел на свежий воздух, то покачивался из стороны в сторону и был немного навеселе; кравчий должен был снести ему вино до самых дверей гостиной, и только там лев взял у него корзину с бутылками из рук и передал ее своему господину.

«Вот видишь, господин хозяин, – сказал охотник, – у меня тут и хлеб, и мясо, и зелень, и пирожное, и вино – все с королевского стола; вот я теперь и сяду за стол с моими зверями», – и сел за стол, и стал есть и пить и веселиться, видя, что королевна его не забыла и что он ей мил по-прежнему.

Окончив свой пир, охотник сказал: «Господин хозяин, вот я теперь поел и попил, как сам король изволит пить и есть. Ну, а теперь пойду к королевскому двору и возьму королевну за себя замуж». – «Да как же это может случиться? – сказал хозяин. – Ведь у нее уж есть жених, и сегодня назначен день ее сговора».

Тут охотник вытащил из кармана тот платочек, который королевна дала ему на драконовой горе (в нем и были завернуты семь языков чудовища), и сказал: «Мне поможет в этом деле то, что я держу в руке».

Посмотрел хозяин на платочек и сказал: «Ну, уж чему другому, а этому я не поверю! Бьюсь об заклад своим двором и домом!»

На это в ответ охотник вынул кошелек с тысячей червонцев, положил его на стол и сказал: «Вот что я ставлю со своей стороны!»

Тем временем король, сев за свой королевский стол, сказал дочери-королевне: «Что было нужно всем этим диким зверям, которые к тебе приходили сегодня и взад и вперед расхаживали по моему королевскому замку?»

Королевна отвечала: «Этого я сказать не смею, лучше вы сами пошлите за господином этих зверей и прикажите позвать его сюда».

Король послал одного из слуг своих в гостиницу и приказал позвать чужеземца во дворец.

Слуга пришел как раз в то самое время, когда хозяин с охотником побились об заклад.

Охотник и сказал хозяину: «Видишь, король сам посылает за мной слугу и приглашает меня; но я так спроста не пойду. – И сказал слуге: – Попроси короля, чтобы он прислал мне свое королевское платье, карету, запряженную шестеркой лошадей, и при ней слуг, которые бы меня сопровождали».

Услышав такой ответ, король сказал дочери: «Что мне следует делать?» Она отвечала: «Прикажите привезти, как он того желает, – лучше будет».

Вот и послал король свое королевское платье, карету с шестеркой лошадей и слугами к охотнику.

Когда тот все это увидел, то сказал хозяину: «Видишь ли, вот теперь и повезут меня, как я сам того пожелал», – и надел ко-

ролевское платье, взял платочек с языками дракона и поехал к королю.

Видит король, что он подъезжает к замку, и говорит дочери: «Как мне его принять?» А она ему в ответ: «Выйдите ему сами навстречу – так лучше будет».

Вот и вышел король ему навстречу и взвел его наверх, и все звери последовали за охотником.

Король указал ему место рядом с собой и своей дочерью; а дворецкий сидел на другом конце стола как жених и пока что не узнавал охотника. Во время обеда вынесли семь голов дракона напоказ, и король сказал: «Эти семь голов отрубил дракону мой дворецкий, а потому я и отдаю ему сегодня дочь в замужество».

Тогда охотник поднялся с места, открыл все семь пастей дракона, заглянул в них и сказал: «А куда же девались семь языков дракона?»

Тут дворецкий перепугался, побледнел и не знал, что ему ответить; наконец он проговорил с перепугу: «Да у драконов языков то вовсе и не бывает». – «Хорошо было бы, если бы их вовсе не было у лжецов, – сказал охотник, – а языки дракона должны служить доказательством победы».

Он развернул платочек, показал все семь языков, каждый из них вложил в ту пасть, из которой они были вырезаны, и каждый пришелся как раз в меру.

Затем он показал платочек королевне и спросил ее, кому она тот платочек дала.

А королевна отвечала: «Тому, кто убил дракона». Тут подошел он к себе все свое зверье, с каждого из них снял части ожерелья королевы, а у льва снял с шеи золотой замочек, показал королевне и спросил, кому принадлежит ожерелье.

Королевна отвечала: «Ожерелье и замочек принадлежали мне, и я все это поделила между зверьми, которые тебе помогли справиться с драконом».

Только тогда уже охотник сказал: «Когда я, утомленный битвой с драконом, прилег отдохнуть и заснул, пришел дворецкий и отрубил мне голову; затем он унес с горы королеву и заставил ее признать себя победителем дракона; а что он солгал, тому служат доказательством языки дракона, платочек и ожерелье».

Тут же он рассказал, как звери исцелили его при помощи дивного целебного корня, как он целый год скитался с ними по белу свету и наконец опять сюда пришел и узнал об обмане дворцового из рассказа хозяина гостиницы.

«Точно ли правда, что этот человек убил дракона?» – спросил король у своей дочери.

«Точно правда, – отвечала дочь, – теперь я могу обнаружить позорное деяние дворецкого, так как оно выяснилось помимо меня, а ранее не могла, потому он вынудил у меня обещание никому не открывать этой тайны. Потому-то я и выговорила себе условие – сыграть свадьбу не ранее, как спустя год и день».

Тут король приказал позвать своих двенадцать советников, которые должны были произнести приговор над дворецким, и те приговорили злодея к жестокой казни: привязать его к четырем волам и гнать их в разные стороны, пока не разорвут его на части; а за охотника он выдал свою дочь замуж, и все свое королевство поручил ему в управление.

Свадьба была сыграна превеселая, и молодой король призвал на свадьбу своего отца и своего воспитателя и наградил их большими богатствами.

Не забыл он и хозяина гостиницы, приказал его позвать и сказал ему: «Видишь, господин хозяин, я на королевне-то женился и потому твой дом и двор теперь мне принадлежат». – «Да, так и по всей справедливости следует», – сказал хозяин.

Но молодой король ответил: «На милости образца нет: твой двор и дом пусть тебе остаются, да к ним в придачу дарю еще тебе и тысячу червонцев».

Вот и зажил молодой король со своей королевой припеваючи. Он часто выезжал на охоту, потому что очень охоту любил, и его верные звери должны были за ним следовать.

Поблизости же к городу находился лес, о котором ходили недобрые слухи. Рассказывали в народе, что кто в него случайно зайдет, тому не легко из него выбраться.

Но молодому королю очень хотелось в нем поохотиться, и он до тех пор приставал к своему тестю-королю, пока тот ему это не разрешил. Вот и выехал он на охоту с большой свитой.

Когда он подъехал к лесу, то увидел в лесу как снег белую лань и сказал своим людям: «Постойте здесь, пока я вернусь к вам, я хочу на эту красотку поохотиться».

Сказав это, он въехал в лес, и только его звери последовали за ним. Свита юного короля простояла и прождала его до вечера, но он не появлялся из леса; тогда свита вернулась домой и рассказала молодой королеве, что ее супруг погнался в волшебном лесу за белой ланью и не вернулся оттуда.

И та очень стала тревожиться о своем супруге. А он ехал да ехал по следу за белой ланью и никак не мог ее нагнать; когда ему казалось, что он приблизился к ней как раз на выстрел, она вдруг быстро от него ускользала и наконец совсем сгнула вдали. Тут только он заметил, что далеко заехал в лес; он взял охотничий рог, стал трубить, но никто не отозвался на его призыв, потому что его свита не могла его услышать.

Ночь тем временем уже наступила, и он увидел ясно, что ему не вернуться домой в тот день, а потому сошел с коня, развел огонь под деревом и собрался под ним переночевать.

Сел он у огня, и звери его полегли кругом, и вдруг ему почудился человеческий голос. Стал он кругом озираться – и ничего не видел. Но вот снова услышал он как будто вздохи чьи-то у себя над головою, глянул вверх и увидел на дереве старушоночку, которая потихоньку стонала и повторяла: «У-у-у! Как мне холодно!» Он и скажи ей: «Сойди, тетка, вниз и обогрейся, коли тебе холодно». Но та отвечала: «Нет, твои звери меня кусать станут». – «Ничего они тебе не сделают, тетка, сходи смело».

А старушонка-то была ведьма и сказала: «Я тебе скину прутик с дерева, ударь их тем прутиком по спине; тогда они мне никакого вреда не сделают».

И точно, скинула ему прутик, и как только он своих зверей тем прутиком ударил, так они тотчас присмирели и превратились в камни. Обезопасив себя таким образом от зверей, ведьма живо спрыгнула с дерева и его коснулась прутом и превратила в камень. И стала она смеяться, и стащила молодого короля и его зверей в глубокий ров, где уже много лежало таких же камней.

Когда же юный король совсем не вернулся домой, страх и тревога молодой королевы стали все более и более возрастать.

А тут как раз еще случилось, что другой-то брат, который при разлуке направился на восток, пришел в то же королевство. Он все искал себе службы и никакой не находил, и пришлось ему скитаться по белу свету и показывать людям, как его звери пляшут.

Вот и вздумалось ему, что надо бы взглянуть на ножик, который они с братом при расставании вонзили в дерево; ему захотелось узнать, как живет его брату.

Когда он пришел к дереву, то увидел, что нож с братниной стороны наполовину заржавел, а наполовину все еще блестит.

Он перепугался и подумал: «Верно, моего брата постигло большое несчастье; но, может быть, я еще могу спасти его, ведь одна половинка ножа еще блестит».

Он тотчас направился со своими зверьми на запад, и когда пришел к городским воротам, городская стража выступила к нему навстречу и спросила, не прикажет ли он оповестить свою супругу о своем прибытии – молодая королева, мол, уже два дня в большой тревоге по поводу его отсутствия и опасается того, что он погиб в волшебном лесу.

Стража-то приняла его за своего молодого короля, до такой степени он был на него похож, и за ним точно так же шли дикие звери, как и за братом его.

Юноша сразу понял, что речь идет о его брате, и подумал: «Лучше всего будет мне выдать себя за брата, тогда легче мне будет и спасти его». Поэтому он дозволил страже проводить себя до замка и был там принят с великою радостью.

Юная королева приняла его за своего супруга и спросила, почему он так долго находился в отсутствии. «Я заблудился в лесу, – отвечал он, – и никак не мог из того леса выбраться».

Так и жил он в замке еще дня два и тем временем разузнал все, что касалось заколдованного леса, и наконец сказал: «Я еще раз должен туда съездить поохотиться».

Как ни старались старый король и молодая королева отговорить его от этого намерения, он настоял на своем и выехал на охоту с большой свитой.

Когда он прибыл в лес, с ним случилось все точно так же, как и с его братом: он точно так же увидел белоснежную лань и сказал своим людям: «Останьтесь здесь и подождите, пока я вернусь», – въехал в лес, и звери его за ним же побежали.

Точно так же не мог он нагнать этой лани и забрался так далеко в лес, что должен был в нем заночевать. И когда он развел огонь, точно так же услышал, как кто-то над ним стонет: «У-у-у, как мне холодно!»

Глянул вверх – и та же самая ведьма сидела на дереве среди ветвей. «Коли тебе холодно, так сходи сюда, тетка, да и грейся!» – «Нет, – отвечала она, – твои звери искушают меня». – «Они тебя не тронут». – «А вот я тебе отсюда скину прутик, – сказала ведьма, – ты их тем прутиком хлестни, так они и точно меня не тронут».

Но охотник не доверился старухе и сказал: «Зверей своих я твоим прутиком хлестать не стану; сходи сюда сама, а не то я тебя стащу с дерева». Тогда уж она ему крикнула: «Мало ли чего ты захочешь! Да и что ты не можешь сделать?» – «А вот что: не сойдешь доброй волей, так я тебя выстрелом собою с дерева». – «Стреляй, пожалуйста, я твоих пуль-то и не боюсь вовсе!»

Он прицелился в нее и выстрелил, но ведьма была заговорена против всяких свинцовых пуль, она громко и раскатисто рассмеялась и сказала:

«Небось, не попадешь в меня!»

Но он был малый не промах: оборвал три серебряных пуговицы со своей одежды, зарядил ими ружье (а против серебряной пули она заговорена не была), и чуть только выстрелил, ведьма с визгом грохнулась с дерева.

Тогда он наступил на нее ногою и сказал: «Старая ведьма, если ты тотчас не скажешь мне, куда ты подевала моего брата, то я тебя сейчас схвачу в охапку и брошу в огонь!»

Ведьма перепугалась, стала просить пощады и сказала: «Он вместе со своими зверьми лежит окаменелый во рву». Тогда он вынудил ее за собой следовать, грозил ей и сказал: «Старая чертовка, ты теперь должна вновь оживить и моего брата, и всех тех, кто с ним вместе брошен тобой в этот ров! Не то тебе одна дорога – в огонь!»

Она взяла какой-то прутик в руки, прикоснулась им к камням: и ожил его брат со своими зверьми, и многие другие – купцы, ремесленники, пастухи; все поднялись изо рва, поблагодарили охотника за свое освобождение и разбрелись в разные стороны.

А братья-близнецы, свидевшись после долгой разлуки, целовались и обнимались, и от души радовались.

Затем схватили они ведьму, связали и бросили в огонь, и когда она сгорела, тогда и лес сам собой поредел и просветлел, так что можно было сквозь него видеть издали замок королевский.

Вот и пошли оба брата вместе домой и на пути рассказывали друг другу все, что с ними случилось.

Когда же младший сказал, что он теперь вместо старого короля владеет всей страной, то старший заметил ему: «Я в этом убедился, когда пришел в ваш город и меня там за тебя приняли; мне оказывали всякие королевские почести, а молодая королева приняла меня за своего супруга и заставила сидеть с собою рядом за столом».

Как услышал об этом младший брат, так и вскипел ревностью, и в гневе выхватил меч, отсек им голову брату.

Когда же тот пал на землю мертвый и младший брат увидел его кровь, лившуюся обильною струей, тогда его обуяло раскаяние. «Брат мой меня от ведьмы спас, – воскликнул он с громкими рыданиями, – а я отплатил ему тем, что убил его!»

Но тут подошел к нему заяц и предложил ему сбегать за корнем жизни; побежал и принес корень еще вовремя: мертвый ожил, и даже следа его раны не осталось.

Затем они пошли далее, и младший сказал: «Ты на меня похож, как две капли воды, на тебе такое же королевское платье, как на мне, и такие же звери идут вслед за тобой, вот мы и войдем в двое противоположных ворот города и прибудем к старому королю с противоположных сторон».

На том они и расстались; и вот к старому королю одновременно пришли две стражи от двух противоположных ворот города, и каждая из них возвестила, что молодой король со своими зверьми прибыл с охоты. Король сказал: «Быть не может! Ведь эти ворота отстоят друг от друга на час пути!»

Между тем оба брата с двух разных сторон вступили в ворота королевского замка, и оба поднялись наверх одновременно. Тут король, обратясь к дочери, сказал: «Скажи ты мне, который из них твой супруг? Они оба на одно лицо, и я различить их не берусь!»

Она заметалась в страхе, потому что и сама не могла отличить одного брата от другого; но вспомнила наконец об ожерелье, которое она поделила между зверьми, стала искать его и нашла на одном из львов свой золотой замочек...

Тогда она радостно воскликнула: «Кому этот лев служит, тот и есть мой настоящий супруг!»

Молодой король на это рассмеялся. «Точно, этот и есть настоящий!» – сказал он, и все они вместе сели за стол, стали есть, пить и веселиться.

Золотые дети ⁸³

У одного бедняка и его жены не было за душой ничего, кроме маленькой хижины, а питались они от рыбной ловли: что добудут, то и съедят.

Случилось, однако же, что однажды, когда муж сидел у воды и сеть свою закидывал, он выловил рыбу, совсем золотую.

И в то время как он в изумлении ту рыбу рассматривал, стала рыба говорить и сказала: «Слушай-ка, рыбак, если ты меня опятьпустишь в воду, то я твою крошечную хижину обращу в богатейший замок».

⁸³ The Complete Grimms Fairy Tales, *The Gold Children*, p. 388 и далее.

Рыбак отвечал ей: «А что мне в твоём замке, когда у меня есть нечего». – «И о том я позабочусь, – продолжала рыба, – в замке будет такой шкаф, как его отворишь, так и увидишь: там блюда поставлены с лучшими кушаньями, и ешь, сколько хочешь». – «Ну, коли так, – сказал рыбак, – так я могу тебе сделать в твоё удовольствие». – «Только помни, – сказала рыба, – один уговор: никому на свете, кто бы он ни был, не рассказывай, откуда взялось такое счастье. Скажешь хоть единое слово – тогда все пропало».

Бросил рыбак диковинную рыбу в воду и пошел домой... И что же?

На том месте, на котором была его бедная хижина, теперь стоял большой замок.

Поглазел он на этот замок, вошел в него и увидел, что жена его, разодетая в красивое платье, сидит в богатой горнице.

Лицо у нее было очень довольное, и она сказала: «Муженек! Откуда все это взялось? Все это мне очень нравится». – «Так-то так, – сказал муж, – и мне тоже нравится, но и голод меня тоже порядком мучит, и ты давай-ка мне что-нибудь поесть». – «Да нет у меня ничего, – отвечала жена, – притом же в новом доме я и разыскать ничего не могу». – «И искать нечего, – сказал муж, – вон стоит большой шкаф, вот ты его и отпри».

Чуть только она отперла шкаф, видит: стоят там и красуются и мясо, и овощи, и пирожные, и вина.

Тут жена не выдержала, вскрикнула от радости: «Вот уж точно все, чего душа пожелает!» – и они тотчас сели за стол и принялись оба в своё удовольствие пить и есть.

Когда же насытились, жена спросила: «Однако, муженек, откуда все это богатство?» – «Не спрашивай меня об этом, – отвечал ей муж, – сказать этого я не смею, и если кому-нибудь открою, то наше счастье сразу пропадет». – «Ладно, – сказала жена, – коли я не должна этого знать, так и знать не желаю».

Но сказала она это не от души, и ни днем, ни ночью не давала ему покоя и мучила и раздражала его своими вопросами до тех пор, пока он не потерял терпенье и не высказал ей, что все к ним пришло от диковинной золотой рыбы, пойманной им и за этот выкуп отпущенной на волю.

И как только он это высказал, исчез прекрасный замок со своим шкафом и очутились и муж, и жена опять в своей старой рыбацкой хижине.

Муж опять должен был приняться за своё ремесло и рыбачить. На его счастье золотая рыба опять попалась ему в сети. «Слышь-

ка, – сказала ему рыба, – если ты меня еще разпустишь, то я тебе верну тот же замок с тем же шкафом, полным всякой снеди; но берегись – ни за что никому не выдавай своей тайны, не то опять все потеряешь». – «Да уж поостерегусь», – отвечал рыбак и опять пустил рыбу в воду.

А дома опять все было так же богато и прекрасно, и жена была в великой радости от наступившего счастья.

Но любопытство по-прежнему не давало ей покоя, и денька два спустя она опять стала расспрашивать, откуда все взялось и как он этого добился.

Муж молчал и держался некоторое время, но потом она так его доняла, что он наконец взбесился и выдал ей тайну.

В тот же миг исчез замок, и они снова очутились в старой хижине. «Вот на же тебе! – сказал ей муж. – Теперь мы опять можем зубы на полку сложить». – «Ах, – сказала жена, – я уж лучше откажусь от богатства, коли мне не позволено будет узнать, откуда оно взялось... Этак я и не успокоюсь».

Муж опять пошел рыбачить, и несколько времени спустя опять вытащил ту же золотую рыбу и в третий раз. «Слышь-ка, – сказала ему рыба, – вижу я, что мне суждено постоянно попадаться в твои руки; возьми же ты меня к себе домой и разрежь меня на шесть частей; две дай съесть твоей жене, две – твоей лошади, а две схорони в землю, тогда увидишь, какое тебе из этого произойдет благополучие».

Муж, понятно, захватил с собою рыбу домой и выполнил все точно так, как она приказала.

Вот и случилось, что из двух частей рыбы, зарытых в землю, выросли две золотые лилии; лошадь, съев две другие части, принесла ему пару золотых жеребят, а жена рыбака родила двоих детей-близнецов, тоже золотых.

Стали дети подрастать, становиться большими и хорошеть; с ними вместе росли и лилии, и жеребята.

И сказали дети отцу: «Батюшка, мы хотим сесть на наших золотых коней и поехать странствовать по белу свету». – «Не знаю, как я это перенесу, когда вы от меня уедете, и вестей от вас не будет», – отвечал им отец.

Дети сказали: «Эти две золотые лилии останутся здесь, и по ним вы всегда будете знать, каково нам живется на белом свете – будут они свежи, значит, и мы живы; если они поблекнут, значит, мы нездоровы, а если опадут, то значит, что уж нас нет в живых».

Они поехали странствовать и прибыли в гостиницу; в той гостинице было много всякого люда в сборе, и когда все они увидели золотых близнецов, то стали смеяться и издеваться над ними.

Один из близнецов, услышав эти насмешки, застыдился, повернул коня и вернулся к отцу, отказавшись от намеренья странствовать по свету, другой же поехал далее и достиг большого леса.

И когда уж он собирался в тот лес въезжать, люди стали поговаривать: «Не следовало бы вам через тот лес проезжать, потому что он полнехонек разбойников, от которых вам несдобровать, и даже может случиться, когда они заметят, что и вы сами золотой, и конь у вас золотой же, что они вас убьют!»

Но он не дал уstrasить себя и сказал: «Я должен и обязан через этот лес проехать».

При этом взял он несколько медвежьих шкур и прикрыл ими себя и своего коня так, что золота было совсем не видать; затем смело пустился в лес.

Проехав немного, слышал он шорох в кустарниках и различил голоса, которые между собой переговаривались.

С одной стороны слышалось: «Вот он едет!» – а с другой: «Ну его! Это какой-то оборванец, и гол, и беден, как церковная крыса, – стоит ли его трогать?» Так и проехал молодец через весь лес вполне благополучно.

Однажды приехал он в деревню и увидел там девушку, такую красавицу, что она показалась ему лучше всех на свете.

Возгоревшись такой сильной любовью, он пошел прямо к ней и сказал: «Я полюбил тебя от всего сердца – хочешь ли ты быть моей женой?»

Он и девушке понравился настолько, что та, нимало не сомневаясь, согласилась и сказала: «Да, я согласна быть твоей женой и буду верна тебе до гроба».

Вот и назначили они день свадьбы, и в самое то время, когда пир был в разгаре, прибыл отец невесты, и когда увидел, что дочь его празднует свадьбу, то очень удивился и сказал: «А где же жених?»

Она показала ему на жениха, который все еще был окутан своими медвежьими шкурами. «Никогда не допущу, чтобы простой охотник женился на моей дочери!» – сказал отец и собирался его убить.

Но невеста стала просить отца и сказала: «Он мне муж, и я его сердечно люблю», – и так укротила гнев отца.

Однако же он еще не мог успокоиться, так что и на следующее утро, ранешенько поднявшись, он захотел видеть мужа своей дочери и своими глазами убедиться в том, что он простой бедняк и проходимец.

Заглянув в спальню дочери, он увидел на постели красивого молодого человека, с ног до головы золотого, и все его медвежьих шкуры на полу около кровати.

Тогда он потихоньку удалился и подумал: «Как это хорошо, что я все же сумел совладать со своим гневом – иначе я совершил бы большое преступление».

А молодцу тем временем снилось, что он выезжает на охоту и охотится за превосходным оленем, и когда он поутру проснулся, то сказал своей новобрачной: «Я хочу ехать на охоту».

Та за него побоялась и просила его не ездить, и говорила: «С тобой легко может приключиться какое-нибудь несчастье». Но он отвечал ей: «Я должен и обязан ехать».

Он поднялся с постели и выехал в лес, и вскоре перед ним явился чудный олень: ни дать ни взять, как во сне ему снилось.

Он в него прицелился и уже собирался стрелять, но олень пустился бежать.

Он погнался за ним через пень и колоду и гнался целый день, не чувствуя утомления; а вечером олень скрылся у него из глаз. И когда молодец огляделся кругом, то увидел перед собой маленькую избушку, а в избушке – ведьму.

Он постучался у двери, и вышла к нему старушка с вопросом: «Чего ты тут бродишь так поздно в дремучем лесу?» Он спросил ее: «А не видала ли ты оленя?» – «Да, видала, – отвечала ведьма, – я того оленя знаю».

В это время выбежала из избушки собачонка и стала громко лаять на молодца. «Замолчишь ли ты, злая жаба? – крикнул он на нее. – Замолчи, не то пристрелю тебя!» – «Как, мою собачку пристрелишь?» – гневно крикнула ведьма и обернула молодца в камень придорожный.

И тщетно ждала новобрачная его возвращения, и думала: «Верно, случилось с ним то, чего я так опасалась и что так тяготило мое сердце предчувствиями».

А между тем брат молодца, оставшийся дома, глянул как-то на золотые лилии и увидел, что одна из них вдруг опала. «Боже мой! – сказал он. – С братом случилось большое несчастье – я должен сейчас же ехать на поиски его, и может быть, мне еще удастся его спас-

ти!» – «Останься дома, – сказал отец, – ведь если я еще и тебя потеряю, что я тогда стану делать?» Но тот стоял на своем: «Я должен и обязан ехать».

Сел он на своего золотого коня и поехал, и прибыл в тот лес, в котором его брат камнем лежал.

Старая ведьма вышла к нему из избушки, окликнула его и тоже хотела околдовать, но он знал, что нужно делать, не приблизился к ней, а крикнул ей издали: «Я пристрелю тебя сейчас же, если ты не оживишь моего брата!»

Ведьма очень неохотно ткнула пальцем в камень, и камень тотчас обернулся прежним добрым молодцем.

Оба брата, снова свидевшись, обрадовались друг другу, целовались и миловались, и поехали из леса вместе – один домой, к отцу, другой – к своей новобрачной.

И сказал отец молодцу: «Я и до твоего приезда уже знал о том, что ты спас своего брата, потому что золотая лилия опять поднялась и расцвела».

И так они стали жить и поживать в довольстве и в добре до самой своей смерти.

Нам эти сказки понадобятся лишь для того, чтобы пролить некий свет на сказку о верном Иоганне и на проблему Тени, опустив при этом все остальные детали. Мы сталкиваемся с интересным мотивом золотой птицы (или рыбы), которая способствует рождению братьев или превращает их в магические фигуры. Птица (или рыба) воплощает единое начало; это истинный символ Самости, который исходит из глубин бессознательного, а не из интуитивной идеи целостности, и это унитарное начало является первопричиной дуализма, существующего в мире сознания.

В сказке о верном Иоганне зло присутствует только на втором плане: это яд, которым отравлена королевна с золотой крыши и который из нее высасывает верный Иоганн. В этой сказке старый король умирает, не причиняя другим никаких осложнений, однако зло настолько сохраняет свою активность, что в конце сказки верный Иоганн превращается в камень. В сказке о портняге и башмачнике последнего выгоняют из королевского дворца: он остается один и оказывается под виселицей. Но в сказке о верном Иоганне зло присутствует в яде и действует как колдовское заклятие. В последних двух сказках зло принимает иное обличье: оно воплощено в образе ведьмы.

Сравнивая все эти сказки и всматриваясь в образ ведьмы, мы могли бы задаться вопросом: как и почему эта старуха становится причиной разрушения единого начала? Легко поверить, что бессознательное не может проявляться, если ложная установка сознания порождает зло. Именно об этом мы все время говорим людям, – что они могут иметь ложную сознательную установку, а потому проявления бессознательного становятся бесполезными, и оно снижает свою активность. Активность бессознательного, которая снизилась до полной бездеятельности, может вызывать лишь чувство вины и невротические симптомы. Но если мы посмотрим на эту ситуацию более внимательно, то иногда можем убедиться в том, что она оказывается сложнее, чем кажется. Как можно увидеть, читая сказку «Золотые дети», зло исходит из ложной установки сознания не напрямую, а из существующего в бессознательном, но оставленного без внимания архетипа – то есть от ведьмы.

Фигура ведьмы – это одна из божественных сторон Великой Матери. Это Великая Мать, которой пренебрегли, Богиня Земли в ее разрушительном воплощении. Египетскую Богиню Мать, Исиду, называют великой чародейкой и великой ведьмой. Находясь в состоянии гнева, она превращается в ведьму, а будучи благосклонной, она становится заботливой, всепрощающей матерью, которая дает рождение богам. В такой фигуре сочетаются обе части архетипа матери, ибо у нее есть и темная, и светлая сторона: колдовская и благосклонно-материнская. Индийская богиня Кали⁸⁴ тоже олицетворяет эту двойственность: она может и дарить жизнь, и приносить смерть и великие разрушения.

В волшебных сказках, которые возникают под влиянием преимущественно христианской цивилизации, архетип Великой Матери, как и все остальные архетипы, расщепляется надвое. Так, например, Дева Мария разлучена со своей Теневой стороной и воплощает только светлую сторону материнского образа. Следо-

⁸⁴ Кали (санскр. *kālī* – «черная») – темная и яростная аватара Парвати, темная сторона Шакти и разрушительная ипостась Шивы. Богиня-мать, символ разрушения. Кали разрушает невежество, поддерживает мировой порядок, благословляет и освобождает тех, кто стремится познать божественное. В Ведах ее имя связано с Агни, богом огня. Этимология имени Кали связана с понятиями «время» и «черный». Впервые имя Кали встречается в Ригведе. Также известна как Каликамата («черная земная мать»), Каларати («черная ночь»), среди тамилы – как Коттавей. Калике/Калика – форма имени Кали. Кали изображается в виде худой четырехрукой длинноволосой женщины с голубой кожей. Одета в шкуру пантеры и пояс из человеческих рук. У нее три глаза. В верхней левой руке держит окровавленный меч, в нижней левой – голову демона. – *Примеч. пер.*

вательно, как отмечает Юнг, именно в тот период, когда фигура Девы Марии стала более значимой, началась охота на ведьм. Так как символ Великой Матери был односторонним, его темная сторона проецировалась на женщин, и из-за этой проекции, собственно, и началась охота на ведьм. Поскольку Тень Великой Матери не содержалась в символах официального религиозного культа Богини, единый образ матери распался, породив образ доброй матери и также образ ведьмы-колдуньи. Как показал Альберт Дитрих в своей книге «Мать-Земля»⁸⁵, в волшебных сказках присутствует множество персонажей-ведьм. Например, одной из них является фигура *бабушки Дьявола*, или *Великой Матери*⁸⁶. Таким образом, в волшебных сказках Дьявол проявляется вместе со старухой, то есть со своей собственной матерью, Великой Земной Матерью.

В основе популярности Черных Мадонн лежит та же проблема, ибо они также имеют связь с черной богиней Исидой. Согласно легенде о Черной Мадонне из Айнзидельна⁸⁷ в монастыре, где хранилась статуя мадонны, произошел пожар, и с тех пор статуя почернела. Но можно увидеть, что это не так. Ее чернота обладает более мощным воздействием и большей магической силой, чем

⁸⁵ Albrecht Dietrich, *Mutter Erde: Ein Versuch über Volksreligion* (Leipzig und Berlin, 1905).

⁸⁶ В оригинале эта часть фразы **devil's grandmother, or great mother** (курсив авт.) имеет прямую архетипическую коннотацию: англ. **grand** – большой, великий; **mother** – мать, при сложении **grand** и **mother** получается **grandmother** – бабушка, которое дословно переводится как Великая Мать (**Great Mother**). – *Примеч. пер.*

⁸⁷ Айнзидельн (нем. *Einsiedeln* – «прибежище отшельника») – крупный монастырь и самое известное место паломничества в Швейцарии. В 828 г. здесь поселился святой Мегинрат (или Майнрат), проводя время в уединении и молитвах в диком лесу и кормясь пищей, что приносили ему два лесных ворона. В 861 г. двое разбойников, позарившихся на таинственные сокровища, убили отшельника. Два преданных ворона полетели за злодеями в Цюрих, кружа над их головами и каркая так громко, что привлекли к ним внимание. Убийц схватили, они сознались и были казнены. А келью Мегинрата в далекой чаще стали заселять новые монахи. Постепенно келья развалилась, остался маленький алтарь, перед которым когда-то молился святой. Над ним была возведена небольшая часовня. В 934 г. сюда приехал Эберхард, настоятель собора в Страсбурге, и убедил монахов организовать бенедиктинскую общину, став их первым аббатом. К 1286 г. часовня Богоматери, построенная на развалинах кельи, уже была центром паломничества. Здесь находилась статуя Девы Марии в романском стиле, подаренная Мегинрату настоятельницей Цюрихского женского монастыря Хильдегардой, но в 1468 г. она была повреждена во время пожара, и ее заменили новой статуей Девы Марии с Младенцем Иисусом. Эта поздняя статуя, высотой 1,25 м, потемневшая за столетия от копоти свечей, стала главной реликвией для паломников и известна как Черная Мадонна. – *Примеч. ред.*

если бы она оставалась обычной белой статуей. В данном случае архетип Земной Матери «вошел с черного хода», так как, если архетип исключается догматическим вероучением, он непременно возвратится с черного хода. Презираемый коллективным сознанием, архетип в нашей сказке становится чем-то ужасным, и фемининное злое начало не трогает самого короля, а поражает верного Иоганна. Верный Иоганн прежде всего подвергается воздействию зла, а король – во вторую очередь, ибо он должен пожертвовать своими детьми. Вместе с тем это типичное архетипическое событие обязательно нужно иметь в виду, когда мы проводим индивидуальный анализ. Невротические комплексы человека воздействуют сразу, как только в бессознательном отвергается какое-то содержание; тогда расщепление действует «из-за угла», и отторгнутое содержание поражает кого-то еще.

Например, мужчина с негативным материнским комплексом находится под сильным воздействием своих честолюбивых, но полусознаваемых планов и стремления к власти, которые явно приносят ему успех в жизни, но при этом его не покидает смутное ощущение, что в его жизни что-то не так, особенно в отношениях с женщинами. В процессе анализа выясняется, что стремление к власти, как злой дикий зверь, набросилось на его сексуальную сферу. Будучи в бессознательном, оно наносит вред как бы только одной стороне жизни, но при этом не причиняет прямого вреда сознанию. Однако при анализе сновидений можно увидеть, что в бессознательном присутствуют два фактора, между которыми происходит столкновение, ибо в сновидении борются два бессознательных элемента, и вы чувствуете, что сознание здесь как бы ни при чем. Но так как оно содержит некую ложную установку, то косвенно несет ответственность за этот конфликт.

В сфере сознания у людей часто проявляется подобный не прямой конфликт: они говорят, что хотят вступить в брак, но у них никак не получается это сделать: что-то в бессознательном их останавливает. По их мнению, у них нет никаких конфликтов, но что-то не складывается, и они не понимают почему. В таком случае вы можете видеть, что их Эрос подвергается нападкам со стороны другого бессознательного фактора и разрушение происходит само собой в бессознательном. Сознание отвечает за него лишь косвенно, а значит, вам нужно идти окольным путем и следовать сновидениям. В такой ситуации сознание не причиняет никакого особенного вреда, – старый король никогда не причинял вреда

верному Иоганну – но при этом очевидно, что в королевстве совсем забыли о некоей силе, которая сначала поражает верного Иоганна, а затем – молодого короля.

В нашей новой сказке о золотых детях вы видите, как мстит сам архетип Великой Матери, нападая на трансцендентную функцию, то есть на процесс осознания, процесс индивидуации, и это намного хуже, чем если бы нападение было совершено непосредственно на область сознания.

Концепция подавления в таком случае применима далеко не всегда. Часто пробел в осознании или непонимание какого-то фактора оказывает прямое разрушительное воздействие на процесс индивидуации. С другой стороны, можно сказать, что при самом жестоком неврозе в его кульминации также проявляется возможность исцеления. С этой точки зрения важно найти область, которая поражена больше всего, ибо именно там находится причина расстройства и побуждение к индивидуации. Архетип фемининности, на который в христианской цивилизации меньше всего обращают внимания, нарушает процесс индивидуации, и всю проблему в целом нужно обсуждать заново именно с этих позиций.

Сказка о золотых детях поднимает еще одну проблему. В отличие от предыдущей сказки, где присутствовали образы молодого короля и верного Иоганна, здесь перед нами братья одного возраста и равного социального положения. Опять же, они являются Тенью друг друга (не следует забывать о том, что эта Тень является только родственной), но в этой сказке они – близнецы, и при этом у каждого из них свое отношение к жизни. Один из братьев остается дома, испытывая отвращение к превратностям внешнего мира, а другой отправляется в мир. Есть похожая древнеегипетская сказка о двух братьях, Анубисе и Бате⁸⁸: один из них посвя-

⁸⁸ Под влиянием мифа об Осирисе была создана «Сказка о двух братьях» – Бате и Анупу (Анубисе). Бату пытается соблазнить коварная жена Анубиса; ложно обвиненный, он уходит жить в долину кедров, оставив свое сердце на вершине громадного кедра. Боги сотворили для него жену, красотой которой соблазняется сам фараон и делает ее своей наложницей. По приказанию строптивой женщины кедр срубают, и Бата погибает. При помощи Анубиса Бата оживает вновь в образе бога-быка, его опять пытаются убить по слову неугомонной женщины, но из капель его крови вырастают две персеи (дерево, на котором растут съедобные плоды, называемые авокадо), их срубают по капризу все той же фараоновой наложницы, но щепка срубленной персеи попадает ей в рот и оплодотворяет ее, тем самым Бата теперь воплощается в сына фараона. Он становится любимцем и наследником фараона и после его смерти правит страной много лет. См.: Повесть о Петеесе III. Древнеегипетская проза / Пер. М.А. Коростовцева. М., 1978. – *Примеч. ред.*

щен миру, а другой становится отшельником⁸⁹. Близнец, который отправляется в мир, женится, ибо он воплощает ту часть сознания, которая стремится жить полноценной жизнью и быть вовлеченным в ее поток. А так как Анима всегда создает хитросплетения и путаницу, и Майя⁹⁰ вовлекает его в жизнь, где присутствуют и добро и зло, естественно, именно он женится на королевне. Он становится мишенью для зла, скрытого за Анимой, игрушкой в руках богини жизни и смерти, ведьмы, именно благодаря стремлению быть вовлеченным в круговорот жизни и смерти. Чтобы достичь состояния осознания, он готов рисковать жизнью.

Если вы анализируете пожилых людей, которые первую половину жизни старались избежать ее превратностей, то представляете себе, в какой мере непрожитая жизнь нарушает и искажает осознание и в какой мере отсутствие рискованных поступков, когда человек боится принять решение и вступить в безнадежный конфликт, препятствует возможной индивидуации. С другой стороны, тот, кто вступает в безнадежный конфликт и пытается выплыть в потоке жизни, в конечном счете превращается в камень. Он превращается в камень в более глубоком смысле, следуя самому закону жизни, Великой Матери, которая становится воплощением закона смерти. Поэтому человек, который отваживается на риск, превращается в камень, – и ровно поэтому тот, кто стоит в стороне от потока жизни и не вовлекается в него физически или духовно, становится величайшим освободителем, способным покончить с ведьмой, потому что видит ее насквозь, а значит, может положить конец пагубному воздействию Анимы и освободить своего брата.

Если говорить о нашей цивилизации, мне этот сюжет видится следующим образом. Христианская цивилизация является относительно экстравертированной по сравнению с восточными цивилизациями, а следовательно, официальная религиозная символика включает в себя фигуру активного брата. В своем труде *Mysterium Coniunctionis*⁹¹ в главе, посвященной королю и королеве, Юнг обсуждает текст Рипли, английского алхимика XV века. В тексте сначала речь идет о союзе короля и королевы, которые

⁸⁹ Altägyptische Märchen, *Die Märchen der Weltliteratur*, series published by Diederichs Verlag (Jena, 1927), p. 89.

⁹⁰ Майя – в индуизме богиня обольщения и обмана. – *Примеч. ред.*

⁹¹ The Collected Works of C.G. Jung 14, para. 525 и след. (Рус. перевод: Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997.)

дают рождение «философскому» младенцу, философскому камню. Однако, будучи священнослужителем, Рипли затем привносит необычное второе *coniunctio*, ибо он, несомненно, находился под влиянием брака Агнца с Церковью, и это обстоятельство, как отмечает Юнг, позволяет увидеть различие между алхимическим образом и христианским символом Самости. Почему после первого *coniunctio* (соединения сознательного и бессознательного начала) следует второе соединение, трудно понять, если не видеть, что новая доминанта сознания должна объединиться с *corpus mysticum*⁹² человечества.

У одиноких алхимиков отсутствует мотив брака Агнца, ибо в нем содержится идея конечного принесения человека в жертву обществу, – идея, которая отсутствует в алхимии. Алхимический философский камень – это отшельническая идея, цель, стоящая перед одиноким человеком. Их философский камень представляет собой соединение противоположностей, *внутренней* маскулинности и фемининности. Но в обществе или сообществе камень не принадлежит никому; скорее он похож на сокровище, которое человек нашел в поле и снова спрятал. Поэтому эта прекрасная жемчужина – философский камень – остается чудодетственной тайной отдельного человека, хотя старые мастера говорили, что они не скрывают свой секрет. То, что в камне скрыта тайна, и то, что в нем ее нет, можно объяснить следующим образом: это две противоположности, в которых процесс индивидуации достигает своего пика. Когда во время этих процессов рождается новый символ божества, то божество либо приносится в жертву укреплению сообщества, либо сохраняется в тайне в душе отдельного человека.

Если бы Юнг основал секту юнгианцев, то можно было бы сказать, что короля принесли в жертву во втором *coniunctio*. Этот факт говорил бы о создании нового сообщества и о возвращении к жизни организации, подобной тайному масонскому братству, что поднимает весьма насущную проблему. Нам могут заявить: «То, чем вы занимаетесь, очень хорошо, но что это даст Европе? Как это поможет в ситуации, в которой тот или иной человек оказался сейчас? Кому-то метод подошел, но необходимо все построить так, чтобы помощь коснулась и широких социальных слоев». То есть это значит, что мы должны дать общие рекомендации, хо-

⁹² *Corpus mysticum* (лат.) – мистическое тело. – Примеч. пер.

рошо понятные всем, и передать в массы ради спасения христианской цивилизации. Но это второе *coniunctio* погубит изначальный символ, ибо тогда индивидуальный символ вступит в брак с сообществом. Такой была христианская идея: Христос вступает в брак с Церковью, и их брачный союз будет продолжаться до конца дней, – и тогда в конечном счете процесс индивидуации будет принесен в жертву новому сообществу. Противоположная идея состоит в том, что найденный символ должен быть скрыт и что не следует вступать в брак с этим миром и сообществом, чтобы символ оставался тайной одного человека, алхимика, отшельника, поэтически изложена в Мундака упанишаде:

Две птицы, соединенные вместе, друзья,
 льнут к одному и тому же дереву,
Одна из них поедает сладкую ягоду,
 другая смотрит [на это], не поедая.⁹³

В одном их гавайских мифов мужчина (фигура вроде нашего Адама) был совершенным в Запредельном, но затем он был призван на землю. Но на землю спустилась лишь одна его половина, именно поэтому в этой цивилизации Адама называют полчеловеком. Миф повествует далее, что в конце света он обретет свою вторую половину. В некоторых примитивных цивилизациях существует поверье, что у каждого человека есть свой брат-близнец – его плацента. Плаценту после рождения ребенка высушивали, и тот носил ее на шее, таким образом «близнец» оставался с человеком на протяжении всей жизни, как дух Запредельного, чтобы в момент смерти обе половины снова смогли воссоединиться.

В Мундака упанишаде далее говорится:

На том же дереве – человек, погруженный [в горести мира],
 ослепленный, скорбит о [своем] бессилии.
Когда же он зрит другого – возлюбленного владыку и его величие,
 то освобождается от скорби.
Когда видящий видит златоцветного творца, владыку, пурушу,
 источник Брахмана,

⁹³ *The Upanishads*, ed. Max Müller (London: Oxford University Press, 1926), vol. 1, part 2, p. 38. (Рус. перевод: Упанишады / [Пер., предисл. и комментарии А.Я. Сыркина]. М.: Наука, 1967.)

То сведущий, страхнув [с себя] добро и зло, незапятнанный,
он достигает высшего единства.⁹⁴

А вот что сказано в Шветашватара упанишаде:

[Существуют] нерожденная, единая, красная, белая и черная,
производящая многочисленное потомство, подобное [ей];
И один нерожденный, любящий, лежит рядом;
другой нерожденный покидает ее
[меч, который брат положит между собой
и женой своего брата], вкусив наслаждение.⁹⁵

В жизни человек принимает то, что для него предназначено.
Все это амплифицировано в отрывке из Майтри упанишады:

Видящий [это] не видит смерти, ни болезни, ни страдания;
Видящий [это] видит все, он всюду достигает всего
[объективно, а не через субъективное воздействие на него],
он становится всем во всем [он становится брахманом].
Наделенный глазом,двигающийся во сне, [крепко]
спящий и находящийся за пределами сна –
Таковы четыре разных его состояния [Самости];
четвертое – высшее среди них.
Одной своей стопой Брахман движется в [первых] трех
и тремя стопами движется в последнем.
Вкушая истинное [в четвертом состоянии] и ложное
[в состоянии трех], великий Атман обретает
двойственную природу, великий Атман
обретает двойственную природу.⁹⁶

Тогда два брата в нашей волшебной сказке становятся фигурами, воплощающими эти две стороны Самости. Два брата в сказке «Золотые дети» кажутся одним человеком, так как они близнецы, рожденные от одной рыбы. Конфликт существует, только пока существует сознание, и пока существует сознание, конфликт неизбежен, – но это только *кажущийся конфликт*. Следует помнить об их тайном единстве и о том, что под этим подразумевается.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Ibid., p. 250.

⁹⁶ Ibid., p. 345.

Часть вторая

Зло

Примитивные уровни зла

С какой бы позиции мы ни рассуждали, уже сам факт, что сказки отражают содержание коллективного бессознательного, приведет нас, прежде чем мы начнем вникать в детали, к следующему общему вопросу: если это коллективный бессознательный материал, то могут ли в волшебных сказках присутствовать этические проблемы? Если да, это значит, что бессознательное принимает некую этическую и моральную сторону или направление, но такой вывод совершенно недопустим и не вписывается ни в какие рамки. Прежде чем мы начнем в этом разбираться, я советую обратиться к индивидуальному и коллективному бессознательному материалу, который можно наблюдать у отдельных людей – здесь мы найдем все необходимое, и поэтому я сошлюсь на статью Юнга «Совесть»⁹⁷, в которой он обсуждает нечто подобное и поднимает тот же вопрос, который я поставила перед вами. Теперь следует рассказать, как он на него ответил.

Несомненно, в человеческой деятельности в целом проявляется этическая тенденция. За исключением нескольких аномальных случаев можно считать, что везде, у каждой нации, структура человеческой психики включает в себя некую предрасположенность к тому, что Юнг назвал этической реакцией человека на свои собственные действия. Человеку небезразлично то, что он делает, но он постоянно имеет склонность выносить оценочные суждения относительно собственных действий и мотивов. Такие суждения могут различаться между собой, но одно то, что мы обладаем такой чувствительностью, заложено в общей человеческой природе. Однако более тщательный анализ показывает, что бессознательная мотивация отделена от сознательной сверхструктуры рефлексии, сознательного осмысления человеком соб-

⁹⁷ The Collected Works of C.G. Jung 10, chap. 6.

ственных мотивов и субъективных оценочных суждений. Таким образом, если мы анализируем в деталях человеческое существо, то совесть представляет собой очень сложный феномен, который привел к широко распространенной проблеме, известной теологам как проблема чистой и нечистой совести и даже отсутствия таковой, с вытекающими отсюда бессовестными намерениями и действиями, или присутствия ложного чувства вины. Есть другое мнение, утверждающие, что вся эта путаница вызвана сложными отношениями между бессознательной и сознательной частью психики, которые заложены в базовой структуре психики всего человечества.

Затем Юнг подробно обсуждает фрейдовское понятие Супер-Эго, объясняющее человеческие реакции, связанные с чувством вины, с чистой и нечистой совестью и другими этическими тенденциями, и указывает, что Супер-Эго совпадает с тем, что он сам называет коллективным моральным кодексом, который в нашем обществе поддерживается иудео-христианской патриархальной традицией. В индивидуальных случаях этот кодекс может отчасти действовать бессознательно и вызывать самые разные осложнения – чувство вины, душевную тяжесть, какие-то запреты или побуждения к действию, которые фрейдисты соединили вместе и назвали феноменом Супер-Эго.

В этом смысле мы, юнгианцы, не отрицаем этот феномен, ибо он существует и представляет собой коллективный моральный кодекс, который человек может как признавать сознательно либо бессознательно, так и полуосознанно вытеснять под давлением своих мотиваций. Однако при более тщательном рассмотрении в Супер-Эго можно увидеть исторически сложившуюся форму, а это значит, она отвечает не за все этические проблемы человечества, а только за их часть.

Иными словами, Юнг считает этическую реакцию человеческой психики не идентичной фрейдистскому Супер-Эго. Наоборот, эти два понятия часто сталкиваются между собой и оказываются там по разные стороны друг от друга. Согласно Юнгу, мы находимся под давлением двух факторов: коллективного этического кода, который является особым для каждой нации и, как правило, диктует наше этическое поведение, – и индивидуального морального побуждения, которое у каждого человека является субъективным и зачастую не совпадает с коллективным кодексом. Естественно, что там, где они совпадают, их трудно различить.

Например, предположим, что кто-то у вас вызвал сильную ярость, и вы чувствуете себя настолько разъяренным, что готовы его чуть ли не убить, но вы осознаете, что вы эту свою мысль лично никогда бы не привели в исполнение и даже не смогли бы. Что этому мешает: коллективный кодекс, лежащий у вас глубоко внутри, или же ваш личный этический кодекс, ваше чувство общности с другим человеком? В таком случае увидеть разницу очень трудно. В пользу индивидуального кодекса можно сказать, что, если бы даже не было свидетелей, а также уголовного наказания и морального запрета, человек все равно бы не совершил убийства, однако это было бы трудно доказать. Все дело заключается в том, что вы *не можете* это сделать, потому что кто-то внутри вас это запрещает. Несовместимость этих факторов: индивидуального побуждения к этической реакции и морального кодекса – становится очевидной, когда возникает так называемый конфликт долженствования. Юнг говорит, что в действительности нетрудно узнать, что человек должен делать, если у него не возникает конфликта долженствования. Сложность появляется в той ситуации, когда вы наполовину правы, наполовину нет и когда то, что вы делаете, отчасти является неправильным. Такая проблема, например, типична для врача, который стоит перед выбором: сказать или не сказать больному о том, что у него карцинома, рак? Если он не скажет, то совершит обман, а если скажет, это может вызвать у пациента страшное потрясение и причинить ему серьезный вред, – так как же ему поступить? Моральный кодекс не отвечает на такой вопрос. Одни мои коллеги утверждают, что врач никогда не должен сообщать больному диагноз, тогда как другие уверены, что, наоборот, лучше, если пациент будет знать правду, а перенесенное потрясение поможет ему в дальнейшем бороться против недуга. Однако не существует общего этического правила, и в этом состоит сущность конфликта долженствования: долг врача говорить правду и долг врача беречь больного.

Подобных случаев великое множество, можно привести и более сложные примеры, чтобы в конце концов осознать, что этический кодекс – это не единственное правило нашего поведения. В ряде случаев, даже если есть ясный ответ на вопрос, что надо делать, у вас может появиться сильное чувство, что такой поступок был бы *для вас* аморальным. Сначала вы находитесь в полной растерянности, а затем осознаете, что по существу есть только

две вещи, которые определяют человеческое поведение: коллективный этический код, который мы также называем фрейдистским Супер-Эго, и индивидуальная моральная реакция. Последняя относится к голосу бога или Бога: римляне называли его *genius*⁹⁸, Сократ называл его «мой даймонион»⁹⁹, а индейцы племени наскапи, живущие на полуострове Лабрадор, называли бы его Мистап'эо (*Mistap'eo*) – великий человек, живущий в каждом сердце. Иначе говоря, это фигура, которую мы бы назвали архетипом Самости, божественным центром психики, которая, естественно, в разных культурах имеет разные имена и коннотации. Если этот феномен возникает у человека внутри, то у него обычно появляется странное чувство уверенности в том, что он поступает правильно, независимо от того, что может сказать в отношении этого поступка коллективный кодекс. Причем обычно этот голос не только говорит человеку, что делать, но и придает ему убеждение, что человек может даже за это умереть, как это сделал Сократ и многие христианские мученики.

Если этот внутренний голос внушает нечто чрезвычайно благородное, полностью согласующееся с линией коллективного этического кодекса, то это никого не расстраивает, и человек будет думать, что он поступает хорошо, правильно, геройски, а также будет знать, если поступает не совсем так. Но, к сожалению, в жизни бывает, – и в повседневной аналитической работе мы все время с этим сталкиваемся, – что голос Бога или внутренней инстинктивной правды внушает нам такое, что с ходу вызывает шок. Мы встречаем подобное даже в Библии: представьте себе праведника Осию, которому Бог повелел жениться на проститутке!¹⁰⁰ Я уверена, что, случись это с простым клерком, будь он протестант, англиканец, католик или иудей, он бы сказал: «Уважаемый, это психологическая иллюзия; Бог просто *не мог* сказать ничего подобного», потому что, скорее всего, это теологи думают, что знают, что Бог может, а что Бог не может, и в данном случае перед нами очевидная ошибка, и это сказал Дьявол или Тень того человека или

⁹⁸ *Genius* (лат.) – гений, дух (присущий отдельному человеку, семье, месту и т.д.). – *Примеч. пер.*

⁹⁹ *Daimónion* (др.-греч.) – божество (преимущественно низшего порядка): демон, гений, дух. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁰ Книга Пророка Осии 1: 2: «И сказал Господь Осии: иди, возьми себе жену блудницу и детей блуда; ибо сильно блудодействует земля сия, отступивши от Господа». – *Примеч. ред.*

таким образом проявляется его сексуальная проблема, – сегодня бы сказали, например, что с Осией говорил не Бог, а его собственная сексуальная проблема, связанная с вытесненной Анимой.

Откуда это становится ясно, одному Богу известно, но им-то кажется, что они это знают. Быть, может, они с Богом на короткой ноге и обсуждали этот вопрос с Ним за обедом или за чашечкой кофе, а значит, абсолютно точно знают! Но тот, кто не хочет подчиняться такому знанию, которое есть не что иное, как традиционный моральный кодекс, сталкивается с огромными трудностями, ибо, если он честен, то он хочет знать! Он может сказать: да, быть может, именно моя дурацкая Анима заставляет меня почувствовать, что я должен жениться на проститутке, и кто может доказать, что это голос Бога? И тогда проблема становится очень сложной. Можно сказать, что у нее нет решения, хотя Юнг отмечает: если человек достаточно долго варится в котле такого конфликта, то каким-то образом его внутренняя жизнь, его внутреннее развитие проясняется, что дает ему некую определенность в продолжении своего пути, несмотря на риск совершить ошибку. Естественно, в этом нельзя быть уверенным до конца, но с юнгианской точки зрения человеку лучше всегда сохранять установку, позволяющую сомневаться в собственном поведении, то есть пытаться все сделать как можно лучше, но с готовностью допустить, что это было напрасно. Если вы интерпретируете сновидение с одной точки зрения, вы допускаете ошибку; тогда, рассмотрев его снова, вы можете подумать, что его можно было бы интерпретировать иначе, и вы это делаете! Это значит, что мы должны рисковать, и другого средства не существует. Но согласно юнгианской точке зрения, это – взрослая установка, позволяющая не цепляться за инфантильные, детсадовские правила.

Эти проблемы гораздо сложнее и тоньше, а потому их, естественно, нельзя увидеть в материале коллективного бессознательного волшебных сказок. В нем есть лишь ссылки на то, о чем Юнг упоминает в самом начале своей статьи, то есть о врожденной этической программе, встроенной в человеческую психику, которая ведет себя отчужденно-обезличенно и в своих проявлениях сильно отличается от того, что мы называем сознательной этической реакцией. Следующий пример поможет прочувствовать этот феномен.

Международный преступник, прикончивший десять или двенадцать человек, некое патологическое существо, которое

хладнокровно совершало убийство за убийством, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести, – этот человек, после того как убил неизвестного старика на одной из улиц Цюриха и украл его деньги, был наконец пойман. Адольф Гуггенбюль-Крейг должен был сообщить суду результаты психиатрической экспертизы, позволяющей определить, должен ли убийца отвечать за совершенное им деяние или нет. У доктора Гуггенбюля была интеллектуальная идея – исследовать сновидения этого человека, и он рассказал доктору Францу Риклину и мне содержание его сна, не рассказывая всего остального. Естественно, я не знала, что этот мужчина был патологическим убийцей, но сказала буквально следующее: «Руки прочь, оставьте его в покое, это погибшая душа!» По существу, сон был очень простой. Этот сон часто повторялся; в нем убийца вошел в прекрасный парк, где были большие качели. Он забрался на эти качели и стал раскачиваться вверх-вниз, все выше и выше, пока, наконец, качели не поднялись слишком высоко и он не упал на пустое место. Это был конец его сновидения.

Я подумала: «Боже мой, раскачиваться между противоположностями и находить в этом удовольствие, не проявляя никакой реакции, а видеть в этом только одну забаву!» И лизисом в последней фразе его сновидения было «падение на пустое место», безо всякой реакции: «Я проснулся и заплакал». То есть не было никакой эмоциональной реакции. Я могла сказать одно, что это – погибшая душа. Если перевести мои мысли на язык образов, я бы сказала, что Бог не вложил в него душу. В сновидении не было никакой попытки природы спасти этого человека, дав ему возможность испытать потрясение. Мы полагаем, что сновидения приходят от бессознательных инстинктов, то есть от природы. Его бессознательное говорит ему так же хладнокровно, как он убивает, что он погиб! Оно говорит это с его собственным хладнокровием, говорит ему на его же собственном уровне понимания.

Я рассказала эту историю как пример моральной реакции бессознательного. Это не тетушка, которая говорит: «Тебе нельзя то-то и то-то». Это не этическое Супер-Эго, которое определяет и задает правила поведения. Это природная реакция, причем сверхъестественно и жестоко объективная, но человеку никак не может помочь чувство, что это реакция является этической, ибо это бессознательное так отреагировало на вопиющую бесчеловечность убийства.

Следовательно, так называемая этическая реакция бессознательной психики иногда бывает очень объективной, и она отличается от наших этических норм. Однако Юнг в своей статье приводит и другой пример, из которого можно сделать вывод, что бессознательное бывает столь же моралистичным, как пожилая те-тушка или школьный учитель. Юнг рассказывает о бизнесмене, которому поступило предложение вступить в некое сомнительное предприятие. Мужчина не осознавал, что затея в общем-то опас-на, но все же захотел поставить свою подпись в документе, что со-глашается присоединиться к бизнесу. В эту же ночь ему приснил-ся сон, что его рука, которой он подписывал документ, стала гряз-ной. Он рассказал содержание этого сновидения во время сеанса, и Юнг предупредил, чтобы он не вступал в сомнительное пред-приятие. Выяснилось, что это было чистое мошенничество, за ко-торое его бы поймали и привлекли к ответственности. В отноше-нии данного конкретного случая можно сказать, что бессознатель-ное было в согласии с коллективным моральным кодексом. Поэто-му он смог получить ясное этическое предупреждение в общепри-нятом смысле этого слова, ибо ему было сказано: занявшись этим делом, ты запачкаешь руки. Таким образом, бессознательное пока-зывает, что у него есть много способов реакции. Иногда оно отве-чает как будто бы этически, а иногда оно жестоко-равнодушно по своей природе, как с тем убийцей. Между тем, если у человека раз-вита чувствительность, он может осознать, что в основном эта ре-акция в чем-то очень похожа на моральную, хотя это очень труд-но уловить в деталях.

Таким образом, можно сказать, что этическая реакция, даже если она исходит из слоев коллективного бессознательного чело-веческой психики, оказывается, во-первых, совершенно индиви-дуальной, а во-вторых – чрезвычайно специфической. Можно даже сказать, что у каждого человека свой этический уровень и своя собственная приобретенная реакция. Например, существуют толстокожие люди, которые могут совершать множество поступ-ков, которые мы бы назвали греховными. Они могут с улыбкой наступать на чужие мозоли, при этом не испытывая ни малейше-го ощущения неловкости. Другие люди не могут ничего добить-ся из-за опасения хотя бы на шаг отступить от своих внутренних правил, иначе им начинают сниться ужасные сны и они ощуща-ют внутренний протест. Таким образом, наряду с другими про-блемами, существуют в разной степени этически одаренные

люди. Естественно, этически чувствительным людям бывает очень трудно найти свой собственный внутренний путь, но вместе с тем у чувствительных наблюдаются наиболее сильные побуждения в процессе индивидуации по сравнению с нечувствительными. Если я вижу, что кто-то из людей, проходящих у меня анализ, обладает такой чувствительностью, я знаю, что с ним все в порядке, так как много проблем уже решается. Толстокожие, напротив, часто вызывают много беспокойства, так как они легко подавляют все, что им неприятно. В процессе анализа они иной раз позволяют себе высказывать самые немыслимые вещи, и тогда вы думаете, что теперь у вас появляется возможность их ухватить за Тень. Но, естественно, вы, как аналитик, терпеливо выжидаете, пока им что-нибудь не приснится. А им не снится вообще ничего! Бессознательное их простило. В таких случаях вы просто скрываете свое моральное негодование и молчите, потому что все ваши слова – пустой звук.

Однако в данном случае я не хочу затрагивать сверхсложные уровни этической проблемы. Я упомянула о них лишь для того, чтобы прояснить, что коллективный материал, о котором я сейчас собираюсь говорить, имеет более простую основу, чем все сложности, которые создаются на индивидуальном уровне. В течение многих лет я изучала сказки, размышляя над тем, возможно ли найти несколько общих правил человеческого поведения, которые бы действовали всегда. Меня очень привлекала идея найти некий общечеловеческий кодекс, простой и вместе с тем существующий вне национальных и индивидуальных различий, какие-то базовые правила человеческого поведения. Должна признаться, что я не нашла такого стандартного базового правила, то есть, точнее, я его нашла и вместе с тем не нашла его, ибо на этом месте мы всегда сталкиваемся с противоречием.

Я могла бы назвать сказки, в которых говорится, что, встретившись со злом, мы должны с ним бороться, но есть не меньше сказок, где сказано, что надо спастись бегством и не пытаться его одолеть. В каких-то сказках идет речь о том, что положено страдать, не отвечая ударом на удар; зато в других говорится прямо: не будь дураком, дай сдачи! Есть сказки, настаивающие, что если вы сталкиваетесь со злом, то самое лучшее – обвести его вокруг пальца; а другие утверждают: нет, будьте честны даже с чертом, даже с самим Дьяволом. Я бы могла привести все примеры, но в любом случае всегда будет по-разному. Есть множество сказок, в которых

говорится и то и другое. Это полное *complexion oppositorum*¹⁰¹, что просто означало, что *post eventum*¹⁰² я разочаровалась и пришла к выводу, что на самом деле так и есть, ведь это *коллективный* материал! Тогда как можно говорить о каком-то индивидуальном действии? Ибо если коллективный материал оказывается внутренне совершенно противоречивым, если наша этическая основа совершенно противоречива, только тогда у нас есть возможность иметь индивидуальную, ответственную, свободную, *сознательную* сверхструктуру над этими базовыми противоположностями. Тогда мы можем сказать, что человеку по природе свойственно поступать так или по-другому, но я собираюсь сделать только это, *tertium*¹⁰³, нечто третье, которое является проявлением моей индивидуальности. Если бы в базовом материале не было противоречий, не было бы возможности проявить индивидуальность. Таким образом, я успокоилась, открыв ужасную правду о том, как противоречиво все устроено!

Однако характерное для сказок противоречие, видимо, имеет одно исключение; оно заключается в том, что главный герой не должен пренебрегать советами помощников-животных. Мне удалось найти несколько случаев, когда отступление от этого правила приводит к неприятностям, но в контексте общего поведения не приводит к беде; вы можете какое-то время не слушать советов помогающего животного: лисы, волка или кошки. Но если вы поступаете наперекор этому совету, если вы не прислушиваетесь к словам помощника – зверя или птицы, кто бы они ни были, если какое-то животное дает вам совет, а вы ему не следуете, – тогда вам конец. В сотнях и сотнях сказок есть одно правило, у которого, видимо, нет исключений. Но когда мы анализируем то, что животные говорят, то опять сталкиваемся с полным противоречием: один говорит – надо бежать, другой говорит – драться, третий советует – соврать, а четвертый – сказать правду. С этической точки зрения животные поступают то так, то по-другому, но если вы будете делать им наперекор, вас ждет гибель. Это значит: быть послушным своему самому сокровенному внутреннему бытию, своему инстинктивному внутреннему разуму – самое важное по сравнению со всем остальным.

¹⁰¹ *Complexion oppositorum* (лат.) – соединение противоположностей. – Примеч. пер.

¹⁰² *Post eventum* (лат.) – в результате. – Примеч. пер.

¹⁰³ *Tertium* (лат.) – третье. – Примеч. пер.

В материале волшебных сказок всех времен и народов мне никогда не встречалась другая закономерность.

Есть еще кое-что важное, что я хочу кратко отметить и что мы могли заметить, рассматривая этические проблемы в волшебных сказках; это функция компенсации. По мнению Юнга, компенсация – это вообще одна из типичных черт деятельности человеческого бессознательного. В своей статье Юнг упоминает женщину, которая считала себя настоящей святой и которой каждую ночь снились самые грязные сексуальные непристойные сцены¹⁰⁴. Это самый простой пример проявления закона, который мы называем законом компенсации. Мы также знаем, что иногда людям, проживающим свою темную сторону и подавляющим свои лучшие качества Эго, снятся разнообразные сны о Христе, спасителях человечества и т.д. Хедвига Бойе написала книгу под названием «Люди с большой Тенью»¹⁰⁵. Ее автор – аналитик, которая специализируется на работе с заключенными; ее интересовали значительные фигуры. Чем больше убийств совершил заключенный, тем больший интерес он у нее вызывал. Она анализировала несколько таких людей, и самым поразительным было то, что многие из этих «бешеных собак» имели поразительно светлую Тень. В конце своей книги она цитирует сентиментальные, идеалистичные и весьма трогательные письма, которые эти закоренелые преступники писали на Рождество своим матерям. Читая их, можно убедиться, что они имеют инфантильную Тень безропотно-наивных, беззащитных мальчиков – типичный случай компенсации, так как в сознательной жизни они были безжалостными убийцами. Иногда ей удавалось извлекать из этого явления пользу: о, это была настоящая драма, полная слез и волнений, но она таки добивалась превращения убийц в их позитивную Тень. Затем их можно было выпускать на волю; так с ними и поступали.

Эти общие компенсаторные тенденции бессознательного отразились в волшебных сказках. Есть японская сказка, в которой говорилось, что счастливый исход возможен в случае, если мужчина побьет палкой некое должностное лицо, тогда он и найдет

¹⁰⁴ The Collected Works of C.G. Jung 10, chap. 6.

¹⁰⁵ Hedwig Boye, *Menschen mit großem Schatten* (Zürich: Büchergilde Gutenberg, 1945).

спрятанные сокровища. Я бы сказала, что такой мотив является типичным для этической установки страны, для которой совершенно непостижимо, чтобы кто-то мог бить палкой по голове государственного служащего. Но в сказке герою предстояло непременно это сделать, чтобы найти сокровища – предположительно в подполе у себя на кухне. Такая сказка не представляла бы особой ценности для швейцарских демократов, ибо нам не нужно объяснять, как полезно время от времени, образно говоря, бить палкой по голове должностных лиц, чтобы они не становились слишком заносчивыми и чванливыми. Однако для страны с жесткой социальной иерархией в такой волшебной сказке содержится шокирующая истина, о которой следует напоминать сознанию. Такие компенсаторные тенденции можно обнаружить во всех сказках, поэтому перед тем как закончить ее анализ или интерпретацию, я всегда себя спрашиваю: кому нужно рассказать такую сказку? Для кого она больше всего необходима? И вообще очень хорошо, что в народе рождаются такие сказки; именно поэтому их рассказывают с таким удовольствием.

Этот раздел, посвященный злу, я хочу начать с того, что называю злом «на примитивном уровне». Я не имею в виду ни примитивный уровень общества, ни примитивный народ, ни отдельную примитивную личность. Речь идет о примитивной ситуации у первобытных людей, которые до сих пор встречаются в разных уголках Земли. Для нас это прошлое, и оно отчасти уже превратилось в социальную проблему. Например, мы сейчас находим какие-то черты культуры каменного века у крестьян, которые живут в горах или в малодоступных горных долинах, поэтому речь идет и об общественно-исторической проблеме. Но в данном случае я имею в виду примитивного человека в совокупности с первобытным окружением, человека, который еще был непосредственно близок к природе в то время, когда определенные исторически возникшие социальные и религиозные надстройки еще не существовали. Я постараюсь вам показать сказки, в которых отражается этот базовый уровень представлений о том, что, вероятно, в те времена изначально человек считал злом.

Вы можете возразить, что я еще не дала определение тому, что такое зло, – я говорила о проблеме зла, как если бы мы знали, что она собой представляет. Я предпочла бы представить вам

некоторый практический материал, позволяющий увидеть, как эта проблема проявляется на разных уровнях. Нам будет удобнее ее обсуждать, если в нашем распоряжении будут факты, отражающие проблему зла в волшебных сказках или в этнологическом и фольклорном материале примитивного человека.

Кроме того, мне бы хотелось взглянуть на проблему еще с одной стороны. Зоолог Конрад Лоренц¹⁰⁶ опубликовал книгу о так называемом «зле»¹⁰⁷. Выражение «так называемое» подразумевает, что на самом деле это не зло. Сам он совершенно так не считал, и по его собственному мнению, агрессию не следует называть злом, и, он представил материал исключительно с точки зрения зоологии. Он обсуждает проблему самообороны и агрессии, а также проблему агрессии, которую он назвал внутривидовой, которая означает проявление агрессивных тенденций в паттернах поведения различных млекопитающих, птиц и рыб и других типов животных по отношению к особям того же вида, а также по отношению к врагам. У большинства животных враждебность проявляется к определенным видам, то есть тоже является видоспецифичной; поэтому на представителей невраждебных видов животные просто не обращают внимания. Кроме того, говоря о внутривидовой вражде, Лоренц имеет в виду борьбу за пищевые ресурсы, а также за те территории, которые делят между собой наиболее сильные самцы. Например, черный дрозд не обращает внимания на мышь, поселившуюся на его территории, но проявляет агрессию по отношению к другому самцу черного дрозда, и эта борьба между ними может стать смертельной.

Лоренц предполагает, что у людей сверхдифференцирована или сверхразвита тенденция к внутривидовой борьбе и в этом смысле человек представляет собой аномалию в животном мире. Лоренц говорит, что мы должны лучше осознать этот факт, если не хотим, чтобы произошло массовое самоубийство человечества, – и предлагает простейшие способы спасения на уровне животных инстинктов. Эти способы, по его мнению, не претендуют

¹⁰⁶ Конрад Лоренц (1903–1989) – выдающийся австрийский зоолог, основоположник этологии – науки о поведении животных, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине совместно с Николасом Тинбергеном и Карлом фон Фришем – см. примеч. 44 на с. 69), а также популяризатор науки; его книги переведены на многие языки. – *Примеч. ред.*

¹⁰⁷ Konrad Lorenz, *On Aggression* (New York: Harcourt Brace and World, 1966). (Рус. перевод: Лоренц К. Агрессия (Так называемое «зло»). М.: Прогресс-Универс, 1994.)

на то, чтобы решить все мировые проблемы, но вполне могут внести небольшой вклад в их решение. Одно из них – лучше узнать друг друга, ибо у животных, как только собраты лучше узнают друг друга, внутривидовая агрессия снижается. Когда одно животное привыкнет к запаху другого, оно уже не может его убить. Лоренц показал это на примере результатов своих экспериментов с крысами. Он взял крысу из одного крысиного клана и поместил ее во враждебный крысиный клан. Когда ее вернули назад, у нее был чужой запах и сородичи мгновенно растерзали ее. Однако если крысу сначала поместить в клетку так, чтобы другие крысы до нее не могли дотянуться, а могли бы за несколько дней к ней привыкнуть, то они бы потом ее не тронули. Это значит, что, попросту говоря, нам следует несколько дольше «привыкать» друг к другу.

Несомненно, идея оригинальна, хотя, как отмечает и сам Лоренц, это была лишь попытка решить общую задачу на уровне инстинктов. Я от всей души рекомендую прочитать эту книгу, ибо в ней очень хорошо показана проблема, которую мы сейчас собираемся рассмотреть, а именно: что представляло собой зло для примитивного человека и какова была его реакция на этот феномен.

Насколько мне известно, феномен зла в примитивных цивилизациях представляет собой нечто демоническое или аномальное, например, мощное сверхъестественное природное явление, которое не ставит никаких этических проблем, зато вызывает чисто практические – как его преодолеть или избежать. Возникает вопрос: нужно ли человеку бороться с этим явлением и одолевать его, или же ему нужно просто спасти свою жизнь? На этом уровне не проявляются такие субъективные вопросы, как, например, совершил ли человек ошибку, если допустил атаку посторонних сил, несет ли он ответственность за это явление?

Я приведу вам пример такой истории. Как правило, в своих исследованиях я пользуюсь материалом, взятым из собрания сказок мировой литературы *Die Märchen Weltliteratur* йенского издательства *Diederichs*, в нем можно найти том сказок практически каждой страны. Это произвольно выбранный материал, но то, что в нем так часто повторяются некоторые темы, может служить подтверждением феномена, который я хочу проиллюстрировать. Это предание взято мной из тома китайских сказок и относится к устной крестьянской традиции.

У подножия Лошадиной горы лежала деревня, где жил крестьянин. Он жил тем, что продавал кукурузу. Он возил ее на продажу на муле в маленький городок, что находился неподалеку. Однажды, слегка выпивши, он возвращался с рынка на своем муле и за поворотом дороги увидел чудовище. У него была огромная синяя морда, а его выпученные глаза, торчавшие из орбит, как у краба, испускали яркий свет. Его пасть была огромна – от уха до уха, и сам он был похож на чан с кровью, из которого торчали длинные, острые и кривые зубы. Чудовище сидело на берегу реки и склонилось к воде, чтобы напиться. Можно было слышать, как оно жадно глотало.

Крестьянин ужасно испугался, но, слава Богу, чудовище пока его не заметило, поэтому он быстро свернул к более короткому пути, которым иногда пользовались люди, и поскакал во весь опор. Но миновав поворот дороги, он услышал, как кто-то сзади его позвал. Он обернулся и увидел, что это соседский сын, и остановился. Тот сказал: «Старый Ли очень болен и уже долго не протянет, поэтому его сын попросил меня поехать на рынок и купить гроб, который я сейчас несу на спине. Можно мне дойти вместе с тобой?»

Крестьянин согласился, а мужчина его спросил, почему он решил поехать по этой дороге. Крестьянин с большим трудом ответил, что хотел ехать обычным путем, но увидел страшное, жуткое и ужасное чудовище, поэтому он убежал прочь.

Сосед сказал: «Когда я услышал, что ты мне сказал, я сам испугался и теперь боюсь возвращаться один. Ничего, если я сяду на мула вместе с тобой?»

Крестьянин согласился, и сосед вскарабкался на мула с ним рядом. Спустя какое-то время сосед спросил, как выглядит чудовище, но крестьянин ответил, что ему трудно об этом рассказать, и он ему все объяснит, когда вернется домой.

«Если не хочешь рассказывать, – сказал тот, – обернись назад и посмотри на меня; тогда сравнишь, похож ли я в чем-то на то чудовище».

Крестьянин ответил, что ему не нравятся такие глупые шутки, потому что человек не может быть похож на Дьявола.

Но мужчина настоял на своем и сказал: «Ну-ка, посмотри на меня!» Он потянул крестьянина за руку, тот обернулся и увидел,

¹⁰⁸ *Chinesische Märchen*, ed. Richard Wilhelm, MdW (Jena, 1919), no. 48: *Der Rossberggeist*.

что сзади сидит то самое чудовище, которое он видел на берегу реки. Он так испугался, что потерял сознание, упал с мула и остался лежать на дороге. Мул знал дорогу домой, и, когда люди увидели, что он вернулся без своего седока, они заподозрили, что случилось что-то неладное. Они разделились, отправились на поиски пропавшего крестьянина и нашли его у подножья горы. Они принесли его домой, к полуночи к нему вернулось сознание, и он смог им рассказать, что с ним произошло.

Это классическая история. Я могла бы рассказать вам сколько угодно таких преданий, взятых у эскимосов, у швейцарских крестьян, а также у жителей стран Африки и Южной Америки. Это история абсолютно интернациональна, стало быть, оказалась и в китайском томе. Но она нас больше всего поражает тем, что в ней нет никакой сути! Она просто вызывает волнение и трепет, и если вы ее прочитаете или расскажете перед сном, то вам почему-то вдруг расхочется идти в спальню, и станет не по себе, и вы будете оглядываться по сторонам. Вам известно, что эти рассказы о духах могут, с одной стороны, вызывать страх, а с другой стороны, восхищение, это полное ужаса любопытство, которое многие люди испытывали в детстве. Люди получают от этих историй какое-то удовольствие; я часто наблюдала за детьми и замечала, что, если пытаться их уберечь от подобных сказок, они их сами придумывают и на самом деле очень радуются.

У моих друзей в детстве был большой сад, и мы каждый вечер играли в одну и ту же игру. Подруга, ее брат и два кузена — все собирались в темной части сада и рассказывали о желтом карлике, который сидел на куче навоза в дальнем конце сада, и один из нас должен был пойти в одиночку так далеко, как он осмелится, в темноту, по направлению к воображаемому желтому карлику. Как правило, мы делали восемь-девять шагов, а затем со всех ног мчались обратно, и победителем считался тот, кто ближе всех подошел к карлику. Таким образом, вы видите, что такие вещи не только ужасают, но и волнуют и привлекают. Например, увидев, что произошла действительно страшная автомобильная авария, люди сбегаются на нее посмотреть, а потом в упоении смакуют подробности. Однажды и даже дважды они расскажут ее за обеденным столом, страшно побледнеют и скажут, что они так плохо себя чувствуют, что не могут ничего есть. Так проявляется внутри них примитивный крестьянин! Они будут рассказывать о том,

в каком состоянии находится тело человека, попавшего под лавину двенадцать лет назад, или о трупе, который неделю находился под водой, так что опознать его можно только по зубам, и дантист должен идентифицировать тело, вплоть до самых мельчайших деталей! Они никогда не поберегут вас, а заставят в этом купаться. Юнг сказал, что в Африке, когда происходит что-то ужасное, все садятся вокруг покойника и несколько часов громко рассуждают о произошедшем и тем самым подпитывают это ужасное состояние.

Если мы себе представим, что чудовище из этой истории воплощает такой феномен зла в природе, то можно сказать, что оно является сверхъестественным. Оно в высшей степени нуминозно, а следовательно, оно сильно зачаровывает, а потому вызывает у человека приятное возбуждение. И вместе с тем оно вызывает испуг! Оно внушает ужас и одновременно привлекает к себе; хотя это абсолютно обезличенный и нечеловеческий феномен. Это все равно что лавина, или молния, или ужасный хищный зверь. Существуют, например, такие вещи: болезнь и смерть, природные духи, чудовища, великаны, которые оказываются столь же реальными, как и другие смертоносные явления природы, и нам приходится иметь с ними дело. Если сходит лавина, то вы либо ставите ей препятствие, либо от нее спасаетесь; было бы глупо поступать как-то иначе. Если река выходит из берегов, вы либо сооружаете дамбу, либо, если у вас не хватает сил складывать камни в кучу, отступите на более высокое место на берегу или забираетесь на гору.

Здесь нет никакой этической проблемы, это просто вопрос выживания: если человек в силах, то он борется, а если нет, то спасается бегством. Но это природа, и – это очень важно – ее окружает нечто божественное, что проявляется в ее притягательной нуминозности и в нашем желании о ней знать. Этот феномен тоже архетипический, ибо такие персонажи, как дух Лошадиной горы, существуют во всем мире; то есть человеческая психика структурирована так, что везде порождает такие фантазии. Если человек живет в единстве с природой, он живет в окружении духов, подобных духу Лошадиной горы. Эти духи, несколько отличаясь друг от друга, обладают одними и теми же свойствами: они бесчеловечны, сверхъестественны, вселяют в человека смертельный ужас и подавляют его эмоционально.

Вот как выглядит зло на этом уровне. Дух Лошадиной горы – не человек; его можно было бы назвать природным боже-

ством. А сейчас я приведу вам похожий пример с той разницей, что дух проявляется в человеческом облике. Это история южноамериканских индейцев племени уорро; и ее можно найти в соответствующем томе сказочного собрания.

Ноги-копья ¹⁰⁹

Жили-были два брата, которые любили ходить в лес на охоту только вдвоем. Однажды они услышали шум праздничного пьяного веселья, и старший брат сказал: «Пойдем посмотрим!» Младший брат ответил, что они зашли слишком далеко в лес, и здесь люди не могут устраивать кутеж, а значит, это, должно быть, духи. Но старший брат настоял на том, чтобы пойти и посмотреть.

Так они шли на шум голосов и увидели, что много людей пьянствуют и шумно веселятся, и братья к ним присоединились. Старший брат пил особенно много, но младший брат почувствовал тревогу и отказался от всякой выпивки. У него возникло подозрение, что они попали к Варекки, огромным дождевым жабам, принявшим человеческий облик. Оказалось, что его подозрения были не лишены оснований.

Спустя какое-то время братья продолжили свой путь. Когда приблизилась ночь, они построили под деревом навес, чтобы защититься от дождя, и старший брат послал младшего собрать хворост; потом они соорудили гамак и развели костер. И старший брат всегда заставлял младшего подкладывать в огонь все больше хвороста, чтобы огонь разгорался сильнее и сильнее, но вдруг младший брат почувствовал сильный запах горелого мяса и увидел, что ноги его брата свешиваются из висящего над огнем гамака, он окликнул брата, чтобы тот увидел, что произошло. Но старший брат лишь воскликнул: «Акка! Акка!» – что на языке индейцев уорро означает выражение изумления, но вместе с тем эти звуки очень похожи на кваканье дождевых жаб. Старший брат поднял ноги в гамак, но потом снова забылся и свесил ноги в костер, тогда младший брат решил, что это очень плохой знак.

Через некоторое время старший брат и сам заметил, что его ноги сгорели почти до самых колен и стали похожи на два сгоревших полена. Он взял нож, обрезал обгоревшую плоть и ступни и так заострил на концах кости ног, что они превратились в копья.

¹⁰⁹ *Indianer Märchen aus Südamerika*, MdW (Jena, 1921), no. 7: *Die Speerbeine*.

Затем он лег в гамак и попытался достать ими проносившихся мимо белок и птиц. Вскоре он весьма преуспел в своей охоте. Естественно, ему все время приходилось оставаться в гамаке, а младший брат должен был добывать пищу и ухаживать за старшим. Но постепенно старший брат становился все более деспотичным, и дело дошло до того, что он перестал отпускать младшего брата из хижины даже на короткое время, поэтому тот почувствовал, что без помощи ему не обойтись, и тайком убежал от брата. Когда старший брат заметил, что младший не откликается на его зов и не идет к нему, он выпрыгнул из своего гамака и отправился за ним в погоню; оказалось, что на своих ногах-копьях он может бежать быстрее, чем на ногах. По ошибке он направился по следу оленя, приняв его за след своего брата, и, догнав оленя, он прыгнул на него и пригвоздил к земле. Затем он сказал оленю: «Брат, я очень сожалею, что убил тебя, но ты сам виноват в этом: тебе не следовало убежать от меня». Затем он повернул оленя на спину, увидел черный рот животного, и ему стало смешно: наверное, рот почернел потому, что тот ел слишком много плодов. Затем он увидел четыре ноги, и ему опять стало очень смешно, и тогда он стал считать пальцы. Это заняло у него много времени, но в конце концов он понял, что, наверное, он все же убил не своего брата, а оленя. Тогда он вернулся в свою хижину и снова лег в гамак.

Тем временем младший брат вернулся к себе в деревню и рассказал всем, что с его братом что-то случилось: он больше не может быть его другом, и вообще его нужно убить. Поэтому он повел жителей деревни обратно в лес. Они окружили хижину, в которой лежал старший брат. Никто из них не решался на него напасть, боясь его ног-копий, поэтому они попытались выманить его из гамака на открытое пространство. Сначала они послали птицу, чтобы его раздражить, но старший брат так проворно управлялся со своими ногами-копьями, что ему удалось убить птицу. В конце концов они послали Хуру, маленькую белку, самого быстрого зверька, которого они знали, чтобы выманить его из хижины. Белка всегда оставалась у него за спиной, а он пытался пронзить ее своими ногами-копьями, и вот, наконец, он выбежал за Хуру из хижины, и тогда все люди племени окружили его и убили.

В каком-то смысле между этими двумя историями нет большой разницы, ибо опять вы видите, что зло происходит от духа. Очевидно, в превращении старшего брата и его болезни виноваты

духи большой дождевой жабы, поэтому именно они, находясь в тени повествования, представляют собой истинную проблему зла. Хотя прямой борьбы с духами дождевой жабы нет, проблема заключается в том, что они вызывают у человека такую *одержимость* злом, что тот перестает быть человеком и начинает вести себя в точности как демон.

Такое поведение служит иллюстрацией феномена одержимости, что этнологи считают величайшей проблемой в примитивном сообществе. Мы, психологи, уверены в том, что эта проблема существует в каждом обществе. Одержимость означает ассимиляцию человека с неким нуминозным архетипическим образом, и в этой истории прекрасно показано медленное ужасное обесчеловечивание старшего брата, начавшееся с того, что он присоединился к пьяному кутежу, не чувствуя инстинктивного страха. У другого брата есть внутри нечто, побуждающее его озираться по сторонам, но старший брат говорит: это «неважно», главное – хорошо провести время. Это простительная ошибка, но затем старший брат становится одержимым. Следующее событие, которое также является относительно безвредным, заключается в том, что он кладет в костер слишком много хвороста, но это свидетельствует об отсутствии чувства меры. В примитивном сообществе, в котором собирательство дров и пищи представляет собой тяжелую работу, никто не тратит понапрасну дрова. В крестьянском сообществе, если человек выбрасывает хлеб, он совершает великий грех перед Господом, и точно такое же нарушение совершает человек, если подбрасывает в костер слишком много дров.

Когда человек переживает большие невзгоды, он учится как можно лучше экономить свои силы и с уважением относиться к усилиям других людей. Все правила неукоснительно соблюдаются, и нарушить такие правила – значит навлечь на себя беду. Например, когда я иду на праздник, есть неписаное правило, которое я никогда не рискну нарушить. Если вы найдете место, в котором много хороших дров, вы можете их взять, но если вы уже набрали столько дров, сколько можете унести, то вы можете положить их прямо под деревом, и никто никогда до них даже не дотронется. Поступив таким образом, вы показали, что стали владельцем дров. Прикоснуться к ним было бы величайшим грехом – гораздо более тяжким, чем если бы вы вошли к кому-то в дом и взяли там дрова. Это примитивные чувства, но если вы знаете, как тяжело но-

сильно на себе дрова, то вам они станут понятны. Если на следующий день вы не найдете оставленных дров, вы почувствуете ярость, которую можно назвать убийственной.

Если человек живет в сообществе с другими людьми, то крайне важно соблюдать такие правила, и, как это ни странно, они соблюдаются, даже если в деревне есть разные злоумышленники. Однако в нашей сказке старший брат бросает в костер слишком много хвороста и тем самым совершает ужасный поступок, если вам известно, в чем заключается его суть. Затем, когда у него сгорели ноги, он сказал: «Акка!» – и продолжал вести себя по-прежнему. Он утратил свой инстинкт самосохранения, и вот уже с ним произошли ужасные изменения. С этих пор он становится демоном и ведет себя в точности как дух Лошадиной горы. Самое интересное, что, становясь одержимым злом, он приобретает сверхъестественную силу, сверхъестественный дар и сверхъестественные качества. Представьте себе, что вы можете лежа в гамаке пронзать своими ногами скачущих белок и пролетающих мимо птиц.

С точки зрения психологического анализа все то же самое происходит, если человек идентифицируется с архетипической фигурой. У него появляется жизненная энергия и даже некий парапсихологический дар, ясновидение и т.п., связанные с этим архетипом. Люди, находящиеся в психотических пограничных состояниях, часто имеют парапсихологический дар – такое знание посредством бессознательного, какого у них в обычном состоянии не могло быть. При одержимости архетипом или идентификации с силами бессознательного вы приобретаете эти сверхъестественные дары, и в частности поэтому люди не хотят избавляться от своей способности, не желают снова становиться обычными людьми. Нежелание потерять такой дар считается одним из сопротивлений в психотерапии.

В этой примитивной обстановке не видится никакой идеи исцеления или очищения этого бедного охотника посредством совершения ритуала. Люди племени просто говорят, что в человека вселилась нечистая сила, которую невозможно изгнать. И снова здесь нет никакой этической проблемы. Это явление воспринимается как природное явление, будь то лавина, дикий зверь или землетрясение. Вы как-то можете этому сопротивляться, если обладаете такой возможностью, а если нет, то просто убегаете. К человеку, одержимому злым духом, следует относиться так же, как к зло-

му духу в китайском предании. Это практическая проблема и ничего больше.

Я думаю, что об этом очень важно знать, ибо, естественно, у человека может быть и такая примитивная реакция. Мы не так далеко ушли от наших предков, и подобная реакция по-прежнему остается одной из самых основных.

Среди сказок южноамериканских индейцев есть еще одна страшная история, которую я сейчас расскажу. В ней описывается не то, что можно было бы считать одержимостью человека, а скорее его превращение.

Катящийся череп ¹¹⁰

Несколько охотников расположились в лесу на стоянку и добыли много мяса. Неподалеку резвилась стая обезьян, охота была удачной, и земля вокруг стоянки была покрыта шкурами убитых животных. Все охотники ушли за добычей, оставив в лагере только одного маленького мальчика, чтобы следить за приготовлением мяса. Вдруг в лагере появился незнакомый мужчина. Со свирепым выражением лица он проверил добычу, пересчитал все гамаки и ушел. Когда вечером охотники вернулись в лагерь, мальчик рассказал им о странном пришельце, но никто из них не обратил на это внимания. Но когда мужчины отправились спать, он пересказал все своему отцу, который очень расстроился, и тогда они оба взяли свои гамаки и унесли их в темноту, на другое место, подальше от лагеря. Вскоре они слышали крик сов и рев тигров и других ночных животных, а также человеческие стоны и хруст костей. «Это он, – сказал мужчина своему сыну, – сам Курупира [дух леса] вместе со своей свитой убил охотников».

Наутро они вернулись в лагерь и обнаружили там пустые окровавленные гамаки и обломки человеческих костей. Среди них лежала голова одного из охотников. Когда отец с мальчиком собрались покинуть бывшую стоянку, голова закричала: «Возьми меня с собой, брат!» Мужчина посмотрел на нее с изумлением, но череп продолжал повторять: «Возьми меня, брат!» Тогда мужчина послал мальчика, чтобы он возвращался обратно в селение, а сам взял веревку, привязал ее к черепу и потащил его за собой. Но череп ка-

¹¹⁰ *Indianer Märchen aus Südamerika*, MdW (Jena, 1921), no. 68: *Der rollende Totenschädel*.

тился за ним, как тыква, и кричал: «Брат, брат, подожди немного. Возьми меня с собой!» Поэтому мужчине пришлось идти медленно, чтобы череп мог за ним катиться, не отставая, а сам мужчина размышлял над тем, как ему избавиться от своего ужасного спутника. Он попросил его немного подождать, сказав, что ему нужно отойти в лес. А сам не вернулся к черепу и, пройдя большую часть пути по лесу, потом вышел на дорогу. Там он вырыл яму поперек дороги, прикрыл ее легкими ветками, чтобы туда мог провалиться череп, и стал ждать, что будет. Тем временем череп продолжал звать: «Брат, ты еще не закончил?» А экскременты мужчины ему отвечали: «Нет, брат, нет еще». Но череп сказал: «Что я слышу! В свое время, когда я был человеком, экскременты не могли говорить!» Поэтому он покатился по дороге и вскоре попал в приготовленную ему яму. Тогда мужчина вылез из своего укрытия, затоптал яму и отправился к себе в деревню.

Но когда наступила ночь, из леса стал раздаваться крик, который постепенно становился все громче и все ближе к деревне. «Это кричит череп, которому удалось выбраться из ямы», – объяснил крестьянин остальным жителям деревни.

Тем временем у черепа выросли крылья и ноги с когтями, как у огромного сокола. Он прилетел в деревню и бросился на первого же попавшегося мужчину и тут же его сожрал. Но на следующее утро шаман спрятался у тропы, которая вела из леса, взял лук и стрелы и стал поджидать чудовище. С наступлением темноты оно появилось, и, крича, село на дерево на опушке леса. Оно было похоже на огромного сокола. Шаман вскинул лук и прицелился. Стрела попала чудовищу прямо между глаз, и оно замертво упало на землю.

Есть похожая страшная история, в которой шаман забрасывает череп на небо, где он превращается в луну и с тех пор ночью освещает землю таинственным лунным светом.

Этот сверхъестественное зло с точки зрения примитивного человека. Вместе с тем этот феномен присутствовал в цивилизациях древности – у греков и египтян и сохранился в магических практиках Античности. Он существует и по сей день в фольклоре в историях о людях, совершивших самоубийство, незаслуженно убитых или безвременно умерших. Такие люди после смерти испытывают враждебность ко всему живому и превращаются в злобных демонов. Их состояние фрустрации связано с тем, что

часть их жизненной энергии сохранилась и не иссякла, а вопреки природе была преждевременно заблокирована. Таково примитивное объяснение. Часовая пружина сломалась и больше не могла вращать стрелки часов, и эта нерастроченная жизнь стала враждебной. Мертвый человек испытывает ревность к жизни, и ему не хватило времени, чтобы стать от нее естественно отчужденным, и следовательно, теперь он оказывает опасное и губительное действие на все живое. Таким образом, если люди, при жизни по-настоящему добрые и не одержимые злом, погибнут во цвете лет, они могут превратиться в страшные существа, чувствуя себя обиженными за то, что их ограбили, лишив непрожитой жизни.

Именно поэтому заклинания черной магии эпохи Поздней Античности всегда начинаются так: «О вы, боги подземного мира, Гадес, Прозерпина, и вы, огромная безымянная армия тех, кто убил себя или был убит или умер раньше времени...» Это классическое заклинание было найдено в большинстве греческих магических папирусов. Это верование существовало не только в Поздней Античности, но и во все времена в мире. Нормальная жизненная энергия, не нашедшая своего применения, превращает человеческое существо в злого духа, и в нашей истории показано, как происходит это постепенное превращение. То, что раньше было только человеческим черепом, становится настоящим злым духом, похожим на сокола, ибо у него вырастают крылья, он становится все более и более нуминозным и все более и более сверхъестественным. Сначала это был несчастный охотник, обиженный на то, что его убили, но затем он сам становится одним из последователей Курупиры, среди которых совы, тигры и прочие звери-духи.

Теперь мы постараемся посмотреть на эту проблему психологически. Мне очень часто приходилось видеть ужасное воздействие внезапной смерти родственников на людей – моих родных или пациентов, не подозревавших, что такое может случиться с ними, включая проблему проекции, которая является достаточно объективной основой для подобных верований о превращении. Эту проблему нужно объяснить более подробно. Часто случается, что люди, потерявшие своего близкого родственника, спустя несколько дней сами попадают в аварию. Можно найти рациональное объяснение этому случаю – усталость и плохое самочувствие после похорон, а можно сказать, что покойник тянет

человека в могилу. Никто не может утверждать, какое из этих объяснений правильное, но с точки зрения психологии – это влечение к смерти. Откуда оно исходит, нам неизвестно, но оно существует, и после смерти близкого родственника этот феномен можно ясно увидеть. Если применить рациональный подход, можно сказать, что какое-то количество либидо, которое вкладывалось в межличностные отношения, вернулось назад и не находит выхода.

Особенно это чувствуется, когда вы теряете человека, с которым были близкие отношения, ибо огромное количество психической энергии уходило на приспособление к этому человеку и отношения с ним, и вдруг все это оборвалось. Поэтому теперь поток энергии возвращается обратно к вам, но не находит применения, а воздействие некоторого количества несвязанной энергии может оказаться опасным. Под действием этих сил вы становитесь бессознательным, они вызывают диссоциацию личности, пока человек не найдет новые объекты, куда ее приспособить и по каким каналам пустить, и тогда ситуация улучшается. В том, что все происходит именно так, я абсолютно убеждена; как это происходит, можно увидеть в реальности, причем увидеть во всех подробностях. Если вы потеряли близкого человека, то, проснувшись утром и забыв о том, что человек умер, вы хотите сказать: «Эй, привет, доброе утро», но его уже нет! Или у вас случилось что-то хорошее и вы хотите поделиться – но не можете! К кому вы теперь обратитесь? Каждый, кто потерял любимого человека, испытывает ужасное чувство, желание сблизиться с другим человеком, и тогда он проваливается в черную дыру и падает на землю. А если это происходит с тем, кто не достиг высокого уровня сознания и не видит, что с ним происходит, или он не является сильной личностью, его психика подвергается диссоциации или же энергия направляется на неподходящие объекты. В примитивном сообществе, а я видела это даже в Швейцарии, эта энергия может принимать форму черной ярости, и тогда находится козел отпущения. Тогда возникает подозрение, что человек умер не своей естественной смертью, что здесь присутствовала черная магия, и кого-то нужно убить для удовлетворения чувства мести. В нашем обществе это может быть обвинение, выдвинутое против врача, или ужасная ссора из-за наследства. Это происходит не потому, что люди такие жадные и хотят получить какой-то ковер или что-то еще, оставшееся им от покойного отца, а потому что они хотят

как-то использовать свое избыточное либидо, которому они не могут найти применения. Поэтому им нужно доказать, что врач или сиделка были исчадиями ада, и такая посмертная дьявольщина присутствует абсолютно всегда. Ей можно дать приблизительно такое объяснение. Но в материале сновидений пациентов это формулируется иначе: содержание сна зачастую говорит о том, что причиной несчастья является именно умерший человек. Итак, вы можете с этим соглашаться или нет – или же представить собственную гипотезу.

Одержимость

В сказке «Ноги-копья» старший брат на глазах у младшего постепенно становится одержимым и смертельно опасным, после чего младший брат собирает жителей деревни, чтобы его убить. На этом материале можно написать современный роман или трагедию, где бы у героя происходил ужасный внутренний конфликт между личным чувством привязанности и любви к старшему брату и коллективной необходимостью уничтожить это смертоносное создание. Но мы не видим ничего подобного! Младший брат не испытывает ни малейших терзаний. Когда старший брат становится одержимым и превращается в абсолютное зло, младший принимает совершенно разумное решение от него сбежать. После этого он ничуть не сомневается, что его надо убить; он просто говорит жителям деревни, что нужно избавиться от одержимого, от убийцы, и показывает им дорогу к его убежищу. Следовательно, то, что на высшем уровне осознания и мотивации непременно привело бы к конфликту, на данном уровне оказывается вовсе не трагедией, а просто обстоятельством, сложившимся фактом.

На этом уровне зло не только присутствует в виде природных демонов, живущих в лесах, в снегах, в горах или в озерах, а может исходить от мертвых людей. Чтобы продемонстрировать вам, что этот сюжет характерен не только для южноамериканских индейцев, я расскажу вам похожую ужасную китайскую историю о духе, в которой вы можете увидеть тот же факт немного под другим углом.

Сообщается, что поэт Су Дунпо¹¹¹ был всегда не прочь поговорить о духах, хотя своими глазами не видел ни одного. А ученый человек, Юань Чжан, написал трактат, в котором утверждал, что

¹¹¹ Су Дунпо (настоящее имя Су Ши; 1037–1101) – известный китайский поэт, художник, каллиграф и государственный деятель эпохи династии Сун. – *Примеч. ред.*

духов не существует. Однажды, когда он писал на эту тему, к нему зашел другой ученый и сказал: «С древнейших времен известны правдивые истории о Богах и духах: как ты осмелился это отрицать?» В ответ Юань Чжан попытался объяснить с точки зрения современного разума, почему никаких духов не существует. Тогда пришедший к нему ученый разгневался и сказал: «Но я сам и есть дух», — с этими словами он превратился в отвратительного демона с зеленой мордой и рыжими волосами и исчез под землей. Вскоре после этого Юань Чжан умер.

Это всего лишь вступление, я хочу сформировать у вас правильную установку по отношению к тому, что будет дальше, ибо наша история видоизменяется, теперь существует много разных духов, но худшие из них — духи повешенных. Обычно это духи женщин из бедных крестьянских семей, которые решили свести счеты с жизнью из-за издевательств мачехи, от голода или тяжелой работы. Может быть, они ссорились со своими сводными сестрами, а может, их унижали мужья: если они не видели конца и края бедствий, то часто в отчаянии накладывали на себя руки. Они либо принимали яд, либо прыгали в колодец, но большинство из них вешались, и тогда рождались истории об ужасных духах. Наши деды говорят, что дух женщины, совершившей самоубийство, всегда пытается заманить в ловушку и склонить к самоубийству других женщин, ибо только таким образом он может попасть в Запредельное и потом возродиться, войти в круг бытия и вернуться к жизни. Пока они не найдут себе замены, они вынуждены блуждать между жизнью и смертью: именно поэтому они ищут себе замену и пытаются заманить других.

Духи повешенных ¹¹²

Один мужчина, выдержав первое испытание при поступлении на военную службу, теперь направлялся в столицу чтобы продолжить военную карьеру. Был сезон дождей, и ему пришлось пробираться по грязным, мокрым дорогам. Он продвигался очень медленно, и к вечеру не смог добраться до города; ему пришлось остановиться в деревне, где жили только бедные крестьяне, и никто не мог его приютить на ночь. Но жители деревни показали ему находившийся не-

¹¹² *Chinesische Volksmärchen*, MdW (Jena, 1919), no. 66: *Die Geister der Erhängten*.

подалеку храм и сказали, что он может в нем остановиться на ночлег вместе со своим ослом.

Картины, изображавшие богов, в храме были полностью испорчены, так что ничего нельзя было разобрать; всюду виднелась паутина и пыль. Он привязал осла к старому дереву и попил воды из фляги, сделанной из тыквы. День был очень жаркий, и он себя почувствовал несколько лучше. Он закрыл глаза, собираясь уснуть.

Вдруг он услышал рядом с храмом шелест листьев, и его лицо овеяло холодным ветром [такой ветер всегда предвещает появление духов]. Он увидел женщину, выскользнувшую из храма, одетую в старую и грязную красную одежду с бледным лицом, своим цветом похожим на свежeweбеленную стену. Она осторожно кралась за ним, стараясь, чтобы он ее не заметил, но так как солдат не испытывал недостатка в мужестве, он притворился, что спит. Он не двигался, а затем увидел веревку, высунувшуюся из рукава женщины. Тогда он сразу понял, что это дух человека, который совершил самоубийство, поэтому он тихо встал и последовал за ней.

Женщина-дух вошла в бедную хижину. Заглянув в окно лачуги, солдат увидел женщину лет двадцати, сидящую у детской колыбели; иногда она была ребенка и плакала. Затем она увидела женщину-духа, которая сидела на стропилах, ловко манипулируя веревкой, петлю которой она накинула на шею женщины, и, призывая ее повеситься, внушала ей, что это ее собственная мысль. И солдат услышал, что женщина сказала духу: «Ты говоришь, что лучше умереть! Я умру, но я не могу оставить своего ребенка», — и она снова принялась плакать, а женщина-дух смеясь продолжала раскачивать петлю перед лицом бедной женщины.

Наконец, женщина сказала: «Хорошо, я себя уговорила. Я умру!» Она открыла шкаф, переоделась в новую одежду и привела себя в порядок перед зеркалом. Затем она встала на стул, взяла свой пояс и привязала его. Она уже продела голову в петлю и собралась откинуть стул, но тут солдат стал стучать в окно и в конце концов даже его разбил и с криком вскочил в комнату. Таким образом он спас женщину, а женщина-дух исчезла. Но солдат заметил, что веревка по-прежнему болтается на стропилах, он быстро ее снял и раздумил женщину, сказав, что не надо быть такой глупой, а надо лучше присматривать за ребенком и что у нее только одна жизнь; затем он вернулся обратно в храм.

Вдруг у него на пути неожиданно оказалась женщина-дух. Она поклонилась и очень вежливо сказала: «Уже много лет я ишу себе

замену, и сегодня, когда я ее уже нашла, ты все испортил, и уже ничего нельзя исправить. Но второпях я кое-что забыла, а ты это, конечно, нашел. Верни мне этот предмет, пожалуйста, потому что иначе я не смогу найти себе замену».

Но солдат просто показал ей веревку и сказал: «Вот она, и если я верну ее тебе, то ты повесишь кого-то еще, но я тебе этого не позволю». С этими словами он намотал веревку на руку, сказав: «Прочь с моего пути!»

Тогда женщина-дух пришла в ярость. Ее лицо стало серо-зеленым, ее волосы обернулись вокруг шеи как петля, ее глаза налились кровью, а ее язык высунулся изо рта; она расставила руки и попыталась схватить солдата. В ответ он ударил ее кулаком, но при этом почему-то попал прямо себе в нос, из которого потекла кровь. Брызги его крови попали на нее, а поскольку все духи не выносят человеческой крови, она отбежала от него на несколько шагов и стала его проклинать. Это продолжалось, пока не закричал петух, и тогда она исчезла.

На следующее утро жители деревни пришли поблагодарить солдата за то, что он спас женщине жизнь. Они нашли его в храме: он все еще махал в воздухе кулаками и кричал. Но когда они с ним заговорили, он рассказал им, что случилось, и у него на руке можно было увидеть следы веревки, которая вросла в его плоть, так что образовался круглый красный рубец. С восходом солнца он сел на осла и снова пустился в путь.

Это предание похоже на южноамериканскую историю «Катящийся череп», ибо здесь тоже речь идет о последствиях самоубийства или убийства. Поэтому не только череп однажды убитого человека превращается в злого духа, но и, в соответствии с данной историей, этот процесс распространяется на целые поколения, ибо одно самоубийство влечет за собой другое. Психологически это достоверно, ибо мы знаем, что самоубийства заразительны. Если в школах и колледжах происходит одно самоубийство, то затем, вследствие его пагубности, происходит второе и третье; возможно, это объясняется тем, что дух мертвого побуждает к гибели других людей.

Самоубийства могут продолжаться в семье на протяжении нескольких поколений. Представим себе, что бабушка, совершившая самоубийство, попыталась склонить внука, чтобы он последовал за ней. Таким образом, процесс заманивания в ловушку будет

продолжаться, как описано в нашей сказке, из поколения в поколение, пока какой-нибудь отважный человек, в данном случае солдат, не вмешается и не положит этому конец.

Здесь женщина-дух проявляет губительную силу не только из-за своего коварства, но и ради того, чтобы выйти из промежуточного состояния, потому что оно не позволяет ни вернуться обратно к жизни, ни окончательно отойти в Запредельное. Психологическое значение этого состояния мы обсудим позже. Сначала я расскажу еще несколько таких ужасных историй, чтобы впоследствии обсудить их в деталях и сравнить.

А сейчас я вам представляю очень короткую сказку южноамериканских индейцев, в которой вы почувствуете новый мотив:

Дух леса, которого перехитрили ¹¹³

Одну семью пригласили на праздничный ужин, и все пошли, кроме дочери, которая осталась дома. Во второй половине дня к ней пришла подруга, с которой они до этого долго не встречались. По крайней мере, девушка думала, что это была ее подруга Дай-адалла, а на самом деле это был дух леса, который принял облик ее подруги, чтобы ему было легче осуществить свой злой замысел. Так как девушки были очень хорошими подругами, дух леса в облике Дай-адаллы спросил ее, что она делает одна дома. Когда девушка объяснила, что она не захотела идти на праздничный обед, дух сказал, что он останется с ней на ночь и составит ей компанию.

Когда наступил вечер, они могли услышать кваканье лягушек, и девушка предложила пойти поймать немного лягушек, которых обычно употребляли в пищу люди ее племени.

Они вышли из хижины и оказались в абсолютной темноте; каждая из них стала звать другую и спрашивать, сколько лягушек она поймала. Дух леса, услышав этот вопрос, отвечал, что поймал много лягушек, но всякий раз, когда он ловил лягушку, он ее тут же съедал. Этот странный ответ, что ее подруга ест сырых лягушек, испугал девушку, и она осознала истинную сущность того, кого она принимала за подругу. Поэтому когда дух леса снова ее позвал и спросил, сколько лягушек она поймала, девушка ответила, что она поймала много лягушек, но положила их в миску, изготовленную из

¹¹³ *Indianer Märchen aus Südamerika*, MdW (Jena, 1921), no. 20: *Der überlistete Waldgeist*.

тыквы. Все время она думала о том, как ей вернуться домой целой и невредимой. Она попросила духа леса успокоиться и замолчать, объяснив ему, что он распугал всех лягушек, так как понимала, что он может ее обнаружить по ее голосу. Затем она тихо пробралась домой и бесшумно перевернула в доме все горшки, выбросила лягушек, забралась на крышу и стала ждать, что будет дальше.

Вскоре после этого появился дух леса; не услышав ответа, он понял, что его обманули, и заторопился обратно домой. В темноте он спотыкался о пустые горшки, пытаясь найти свою жертву. Наконец он закричал – громко, чтобы его услышала девушка, что если бы он только знал, что та собирается от него убежать, он сразу же съел бы ее вместе с лягушками.

Он искал ее везде, заглядывая в горшки, но бесполезно; наконец наступил рассвет, и ему пришлось убраться восвояси. Затем вернулась девушка, дождалась своих родителей и рассказала им, что к ней приходил дух леса под видом лучшей подруги. На это отец заметил, что в следующий раз, когда они позовут дочь с собой, ей придется послушаться.

Это очень важная история, – позже мы будем обсуждать, какие люди склонны к одержимости злыми духами и какой тип поведения вызывает такая одержимость. Не надо думать, что подобные истории характерны только для Китая или для южноамериканских индейцев. Я выбрала их потому, что хотела показать не определенные сюжеты, а именно общий тип, который можно найти в сказках всего мира. Рассказав историю о девочке, которая не пошла с родителями на праздник и чуть не стала добычей лесного духа, я теперь приведу вам относительно близкий европейский аналог, сказку из собрания братьев Гримм о госпоже Труде.

Госпожа Труде ¹¹⁴

Жила-была однажды на свете девушка, упрямая и капризная, и если родители ей что-нибудь говорили, она никогда их не слушалась. Ну, что же было от нее и ждать путного?

Однажды она сказала своим родителям: «Я так много слышала о госпоже Труде, что мне бы хотелось у нее побывать. Мне

¹¹⁴ The Complete Grimms Fairy Tales, p. 208 и далее.

рассказывали, что в доме у нее все так чудно-мудрено, вот мне и захотелось на ее дом посмотреть».

Родители ей это строго-настрого запрещали, говоря: «Госпожа Труде – злая старуха и с нечистым знается, и если ты к ней пойдешь, то ты нам не дочь».

Но девушка не обратила внимания на родительское запрещение и все же пошла в дом госпожи Труде.

И когда она пришла к старухе, та спросила ее: «Отчего ты это такая бледная?» – «Ах, – отвечала девушка (а дрожь так и пробирала ее!), – уж очень я испугалась того, что увидела!» – «А что же ты видела-то?» – «Я видела у вас на крылечке черного человека». – «Это был угольщик». – «А потом увидела зеленого человека». – «Ну, это был охотник». – «А затем увидела красного как кровь человека». – «Это был, конечно, мясник». – «Ах, госпожа Труде, я в себя не могу прийти от страха: смотрела я потом в окошко и вас-то не видела, а на вашем месте сидел черт, и голова у него была вся в огне». – «Ого, – сказала госпожа Труде, – так, значит, ты видела ведьму во всем ее уборе! А я уж давно тебя поджидала – ты мне и посветишь».

Тут она оборотила девушку в деревянный чурбан и швырнула ее в огонь.

И когда огонь разгорелся, ведьма к нему подседа, стала греться около него и приговаривать: «Вот теперь горит светленько и тепленько!»

Таким образом, вы видите, что это не только проблема Южной Америки, но и наша тоже; эта сказка указывает на похожие черты, которые привлекают такое несчастье. Чтобы показать вам случай одержимости, похожий на тот, с которым мы встретились в истории «Ноги-копья», я приведу вам исландский аналог. Слово «Трунт» в сказке – это имя [или даже набор звуков].

Трунт, Трунт и горные тролли¹¹⁵

Двое мужчин отправились в горы собирать травы. Однажды ночью они лежали в своем шалаше: один из них уснул, а другой продолжал бодрствовать. Тот, который бодрствовал, увидел, как спящий

¹¹⁵ *Isländische Volksmärchen*, MdW (Jena, 1923), no. 37: *Trunt, Trunt und die Trolle in den Bergen*. (В переводе Т. Ермолаева «Шум, гам и тролли в горах»; см. сайт *Северная слава*. – *Примеч. ред.*)

вышел из шалаша. Он последовал за ним, но не мог идти достаточно быстро, и расстояние между ними даже увеличилось. Спящий направился к леднику. На вершине ледника он увидел огромную великаншу. Она молча протягивала к нему руку, а затем прикладывала ее к груди, и этим жестом она околдовывала и притягивала к себе. Он бросился в ее руки, и она убежала с ним. [Пока очень похоже на то, как происходит в истории «Ноги-копья», в которых один из двух братьев, которые ушли в лес, оказывается заколдован.]

Год спустя люди в этой области пошли собирать травы на то же место, и к ним вышел мужчина, который был заколдован, но он был таким тихим, подавленным и молчаливым, что они едва могли вытянуть из него хотя бы слово. Люди его спросили, в кого он верит, и он сказал, что верит в Бога.

На следующий год он снова спустился к людям, собирающим травы, но он был настолько одержим злым духом (*hobgoblinish*)¹¹⁶, что люди его испугались. И когда они его спросили, в кого он верит, он ничего не ответил. На этот раз он остался с ними на короткое время. На третий год он пришел опять, но это уже был настоящий тролль, и он был совершенно ужасен. Но когда кто-то отважился его спросить, в кого он верит, он ответил, что верит в «Трунт, Трунт и горные тролли». Сказав это, он исчез. Поскольку его в этом месте больше никогда не видели, уже много лет никто не решается ходить туда собирать травы.

Здесь превращение в злого духа несколько напоминает то, которое происходит в истории «Ноги-копья», только человек не становится смертельно опасным, а просто превращается в горного тролля. Он не причиняет вреда своим соплеменникам, как это делает человек с ногами-копьями.

Если мы спросим себя, к какому типу сил зла относятся эти примитивные сказочные персонажи, то увидим, что некоторые из них поддаются определению и являются известными духами: Купрупира, дух лесов, который убил и сожрал всех охотников, или эта великанша с исландских гор. Все эти известные в фольклоре фигуры, называемые злыми духами, возникают в самой природе, которая обладает сверхъестественной силой или представляет

¹¹⁶ *Hobgoblin, goblin* (англ.) – домовый, гоблин (проказливый чертенок, живущий в домах и в дуплах деревьев, а ночью пугающий людей таинственными шумами). – *Примеч. пер.*

опасность для определенной социальной группы. Для людей, которые селятся вблизи моря, это будут морские демоны или духи; для живущих вблизи непроходимого леса – лесные духи; для людей, живущих в горах, – духи гор и ледников. Это побуждает людей думать, что духи представляют собой просто воплощение природного зла, о чем вы прочтете практически в любой филологической или этнологической работе. Несомненно, эти силы зла в своей изначальной форме связаны с разрушительными силами природы: опасными хищниками, непроходимыми лесами, глубокими снегами, внезапными оползнями и т.д., но они не просто их олицетворяют.

Есть и другой тип зла, когда человек становится одержимым такими демоническими силами природы, как, например, мужчина с ногами-копьями или мужчина-тролль. В таких случаях изначально нормальный человек постепенно превращается в нечто разрушительное и демоническое, становясь одержимым силами зла. Я считаю, что это очень важно, ибо, если бы вы меня спросили, какое зло, на мой взгляд, является самым ужасным, я бы сказала, что это феномен одержимости. Самое страшное, что может встретиться или с чем я сама встречалась в своей жизни, – это люди, которые были одержимы силами зла.

Есть и третья категория, которая тесно связана с предыдущими: это духи умерших, то есть люди, которые не сами обратились в зло, а так как были невинно убиты, после смерти стали злыми духами. Это отчасти относится к высвобождающейся энергии, а отчасти – к таинству смерти, о котором мы знаем ничуть не больше, чем знал человек, живший в единстве с природой.

Если вы посмотрите на состояние людей, которые становятся одержимыми, то практически во всех историях найдете у них некие общие черты. В одних преданиях важную роль играет выпивка в той или иной форме, поэтому для примитивного человека пьянство представляло самый простой и легкий путь стать доступным для одержимости злом. В других – это одиночество, уединение, обособление от других жителей деревни или своего племенного сообщества. Большинство людей, которые сталкиваются с такими явлениями, находились один на один с природой или, как девочка в истории о лесном духе, оставались одни дома. Она не совершила никаких прегрешений за исключением того, что не пожелала участвовать в пьяном празднике. В этом случае выпивка также становится косвенной причиной происшествия. Она

захотела остаться одна, и это навело духа леса на мысль, что именно к ней он может прийти, чтобы ею поживиться. Тогда дух леса прокрался к ней в обличье ее подруги.

Итак, одиночество, особенно одиночество среди природы, открывает дорогу силам зла, как, впрочем, и пребывание в чужой стране. Например, именно по этой причине наш солдат (в китайском предании) попал в переделку, связанную с духом. Рядом с ним не было ни его семьи, ни его соседей. Он тоже относится к одиночкам, оказавшись среди людей, с которыми у него нет никаких эмоциональных связей. В случае госпожи Труде именно некое инфантильное любопытство, отсутствие почтительного отношения к силам зла открывает им путь, и это также кажется мне типичной чертой. Во многих сказках всего мира существует этот вид инфантильного риска, который совсем не является мужеством. Он внешне похож на мужество, но это не мужество. Это псевдомужество, которое по существу является инфантильным вызовом бессознательного или отсутствием почтения, – общая черта, благодаря которой человек неожиданно для себя попадает в область воздействия архетипа зла. В наших горных сагах этот инфантильный вызов называется *Frevel*¹¹⁷.

Немецкое *Frevel* родственно английскому *frivolous* – фривольный. Оно имеет тот же смысловой оттенок, но означает больше, чем просто легкомысленная установка. В современном немецком языке существительное *Frevel* означает нарушение каких-то определенных неписаных правил, например общих правил поведения. Мы употребляем это слово преимущественно в связи с охотой. *Jagdfrevel* (браконьерство) – это обычное слово и в данном случае оно означает нарушение законов охоты: например, убийство беременной самки оленя, или охоту в закрытый сезон, или неумение стрелять, когда человек только ранит животное, а потом ему неважно, как оно потом себя поведет. Именно это в нашем обыденном языке значит в обобщенном смысле слово *Frevel*.

В прежние времена существовала более религиозная коннотация, которая по своему смыслу приближалась к богохульству (святотатству); наплевательское отношение к церкви могло на-

¹¹⁷ *Frevel* (нем.) – проступок; преступление, злодеяние; святотатство, кощунство; непростительное легкомыслие. *Jagdfrevel* – браконьерство, от *Jagd* – охота и *Frevel*. И далее: *frevelerisch* – прилагательное, приблизительно соответствующее английскому *frivolous*, т.е. несерьезный, поверхностный, детский. – Примеч. ред.

зываться *frevelerisch*. В еще более примитивных условиях слово *Frevel* означало выход за рамки приемлемого, нарушение почти-тельного отношения к нуминозным силам. В кантоне Ури существует известная история, которая может послужить этому иллюстрацией. Двое мужчин высоко в горах пасли стадо. По существующей в Швейцарии традиции у крестьян, имеющих собственное стадо, есть и свое собственное высокогорное пастбище, такое пастбище может принадлежать и всему сообществу; обычно летом два пастуха ведут все стадо в горы, остаются там до наступления осени и с первым снегом возвращаются обратно домой. Иногда такие пастбища бывают даже на разных уровнях: высокогорные пастбища, пастбища на средней высоте и т.д. Так организуются наши пастбища для крупного рогатого скота. Как правило, стадо сопровождают двое-трое мужчин-пастухов; они не берут с собой женщин, живут в горах одинокой жизнью в трудных, суровых условиях.

В этой истории двое мужчин, старший пастух и юноша-подпасок, находились на таком пастбище. Чтобы защититься себя от сил зла, пастух должен был каждый вечер выходить и читать вечернее благословение, обращаясь на четыре стороны света. Это обычай существует и в наши дни, так поступают, чтобы Бог защитил от сил зла стадо, пастбище и находящихся на нем мужчин.

Однажды вечером пастух вышел из хижины и осмотрелся, и вдруг он услышал голос, раздавшийся откуда-то сверху, с горных склонов: «Давай я отпущу все вниз?» Тот, вместо того, чтобы как следует испугаться, ответил: «Не надо, ты можешь поддержать еще!» И ничего не произошло. Прошел еще день, и следующим вечером голос сказал: «Давай я отпущу все вниз?» Пастух откликнулся: «Нет, ты можешь поддержать еще!» Но мальчик очень забеспокоился, подумав, что тот ведет себя неправильно, потому что становится очень опасно. Он пустился наутек вниз. Затем он внезапно услышал крик, доносящийся с вершины горы: «Я больше не могу это держать!» И с ужасным грохотом целая гора обрушилась вниз, похоронив под собой и стадо и хижину старшего пастуха, но мальчику, который успел добежать до края долины, удалось спастись.

На этом примере вы видите, что старший пастух преступил закон, совершив *Frevel*. У него был этот инфантильный вызов, как я его называю, эта инфантильная дерзость по отношению к духу горы. В Германии есть очень хорошая книга «Золотое кольцо над

Ури», написанная об этой ментальности врачом, доктором Эдуардом Реннером¹¹⁸. Этот человек жил в очень далекой деревушке и должен был помогать людям, в этих жутких условиях высоко в горах Швейцарии, рождаться и умирать. Он пишет, что швейцарские крестьяне кажутся очень современными и просвещенными, пока вы хорошо их не узнаете. Но когда они потрясены рождением, смертью или чем-то еще, они вдруг раскрываются и говорят вам, что они действительно чувствуют, выдавая свое подлинное отношение к происходящему. Я абсолютно верю в то, что он пишет. На первый взгляд эти крестьяне католики, но их католичество – не более чем поверхностный слой; под ним существует практически доисторический пласт. Для этих людей над природой властвует нечто, чему они даже не дают имени! Швейцарские пастухи в горах даже еще более примитивны, чем южноамериканские индейцы, ибо у них нет Курупиры – конкретного духа с конкретным именем и принимающим конкретный облик; это нечто они называют «Оно».

Понимаете, ведь именно «Оно» обращалось к пастуху, когда спрашивало: «Давай я отпущу все вниз?» Кто это «Оно», которое сдерживает снежные лавины, а потом просто их отпускает? Реннер амплифицировал много историй и, что довольно странно, «Оно» иногда бывает хорошим, иногда плохим, а иногда нейтральным. Иногда «Оно» ведет себя совсем как человек, а иногда совершенно обезличенно, и никому не известно, как «Оно» выглядит. «Оно» может допустить и то, чтобы на вас свалилась гора.

Есть еще одна легенда, которая родилась в Зеелисберге¹¹⁹; если вместе со стадом обходить вокруг одной горы, где любит бывать «Оно», то на повороте стадо все время неожиданно исчезает. Если такое случается, то ради Бога, не пугайтесь, ибо если у вас случится паника, то либо стадо упадет в пропасть, либо вы сами можете упасть и сломать ногу. Единственное, что нужно сделать, – идти со своей палкой или кнутом и звать стадо, как бы считая, что ваши коровы находятся здесь. И на следующем повороте дороги они вдруг появляются снова! «Оно» требует к себе очень внимательного отношения. Вы не должны показывать чувства, которые «Оно» у вас вызывает, вам не следует впадать в панику; но вместе

¹¹⁸ Eduard Renner, *Goldener Ring über Uri* (Neuchatel-Zurich: Müller, 1954), p. 193.

¹¹⁹ Зеелисберг – коммуна в Швейцарии, в кантоне Ури, население свыше 600 человек. – *Примеч. ред.*

с тем у вас не должно быть ничего похожего на этот фривольный вызов, *Frevel*. Таким образом, на самом деле «Оно» – не явное воплощение зла. «Оно» даже более примитивно; это нечто сверхъестественное, которое иногда бывает добрым, а иногда – злым. Но отношение к злу, которое показано в сказке о госпоже Труде, и установка швейцарского пастуха говорят об одном и том же: не должно быть инфантильного вызова. Я не думаю, что здесь мне следует давать психологическую интерпретацию, ибо у вас всех был в жизни такой опыт, вам известно, что всегда существует возможность стать одержимым и оказаться во власти зла.

Такие правила поведения и феномены существуют до сих пор и являются совершенно достоверными. Действительно, мне бывает плохо в процессе анализа в одном случае – когда я вижу у кого-то из своих пациентов такое инфантильное, вызывающее любопытство в отношении зла. Пациент может сказать: «Вы знаете, я люблю ходить туда, где собираются убийцы!» или «Я бы хотел попробовать вступить в связь с этой женщиной. Я знаю, что она злая, но я должен получить жизненный опыт и переспать с ней. Я должен это испытать!» Если вы стремитесь к этому, потому что вы так считаете – то есть у вас есть на то причина, ваши сновидения говорят, что вам следует так поступить, – тогда все нормально, потому что вы можете сказать, что это ваше зло, ваша собственная пропасть, которую вы носите внутри себя и с которой рано или поздно вам придется столкнуться. Но если вы отыгрываете нечто похожее на фривольную установку или просто удовлетворяете свое интеллектуальное любопытство, чтобы просто узнать зло, не испытывая благоговения перед заразительным и пагубным воздействием этого феномена, то вам будет нелегко.

Однажды у меня был пациент – большой интеллект, он влюбился в очень симпатичную девушку, у которой был тяжелый психоз. Он очень ею увлекся и каждый раз мне повторял, что собирается на ней жениться. Меня долго мучили сомнения, нужно ли мне его предупреждать или нет. В конечном счете, если он женится на девушке, страдающей психозом, можно считать, что он встретил свою судьбу, – но это совсем не смешно, если не сказать больше! Поэтому я боролась с собой, сомневалась, говорить или не говорить, а если да, то как и когда. Затем ему приснилась девушка, которая ясным языком говорила ему это. Но он оставил это без внимания. Наконец, преодолевая свой стыд и смущение, но

считая, что должна поступить по совести, я сказала: «Теперь послушайте, если честно, я думаю, что у такой-то и такой-то тяжелый психоз». Я думала, что мои слова его повергнут в шок, который может разрушить установившуюся эмоциональную связь между нами, но он спокойно ответил: «Да, конечно, я давно это заметил» – и продолжал рассказывать мне свои сны. Очевидно, он осознавал, что значит психоз, но только умозрительно. Он прочел несколько книг по психиатрии и все равно не понял, что это значит. Он не осознавал эмоциональной весомости своего утверждения, то есть вел себя именно так, как девушка, которая пришла посмотреть на госпожу Труде.

Такую установку можно очень часто обнаружить и в настоящее время у людей с высокоразвитым интеллектом, а также у совсем недалеких или очень молодых людей. Среди взрослых она преимущественно встречается у интеллектуалов, и это означает, что они оказываются совершенно инфантильными, как только речь идет о морали или об их собственных чувствах. Сталкиваясь с этическими проблемами, а также с проблемами межличностных отношений, они ведут себя совершенно как маленькие дети. И поступают в точности как девушка из сказки про госпожу Труде, бездумно покоряясь самому ужасному злу, при этом даже не замечая, что они делают.

Теперь мы попробуем глубже понять, как выглядят эти разные воплощения зла. В книге Кнуда Расмуссена¹²⁰, посвященной исследованию гренландских саг¹²¹, злые духи и духи, злые лишь отчасти, а также духи, подобные южноамериканскому Курупире или «Оно», которое держит швейцарские горы, изображены как они есть. Эти наброски, сделанные руками эскимосов, на мой взгляд, лучше всего раскрывают сущность первобытных представлений о духах. На одном рисунке изображен громадный белый медведь, названный медведем моря, который иногда губит людей, переворачивая их лодки. Несомненно, он воплощает природные силы и тем самым подтверждает теорию, которой придерживаются многие, говоря, что силы зла – это просто силы природы, олицетворяемые человеком. Я не отрицаю эту теорию, но лишь считаю ее неполной. Природные силы зла, несущие опасность и спо-

¹²⁰ Кнуд Расмуссен (1879–1933) – датский этнограф, географ и путешественник, один из крупнейших исследователей эскимосской культуры. – *Примеч. ред.*

¹²¹ Knud Rasmussen, *Thulefahrt*, ed. Friedrich Sieburg (Frankfurt, 1926), p. 239–253.

собные погубить человека, относятся к архетипическим. Это переживания таких бедствий и неприятностей, как голод, холод, пожары, оползни, лавины, снежные бури, наводнения, штормы, блуждание в лесной чаще, встреча с большими хищными животными – белым медведем на Севере, львом или крокодилом в Африке и т.п. Однако поразительно, что люди предпочитают изображать такие природные силы наполовину людьми, наполовину нелюдьми. Например, один из них, великан, построен из каменных глыб и может разрушить абсолютно все, но его контуры напоминают человека. Другой – демон – похож на собаку с внушающей отвращение человеческой головой. Есть много смешанных форм – полулюдей, полуживотных, а также фигур с уродливыми человеческими очертаниями. Дух зла невообразимо худ, и люди говорят, что таким тощим его сделало зло.

При сравнительном исследовании злых духов можно часто найти искаленные живые существа; например, у них человеческой является только верхняя часть туловища; или же это только катящаяся голова и ничего больше, или нечто, движущееся без ног, или нечто безрукое или прыгающее на одной ноге. У этих демонов проявляются все разновидности – невозможно избежать этого слова – шизофренических искажений. Это обстоятельство породило широко распространенную у этнологов теорию, что злые духи – это продукт фантазии шизофреников, людей, которые видят злых духов и пытаются совладать с ними, у первобытных племен это знахарь или шаман, которые на самом деле просто больны психозом и мучают всех остальных своими психотическими фантазиями.

Те, кто работал с больными психозом, знают, что это чистая правда. Если вы попросите любого психотика нарисовать злых демонов, которые его преследуют, он вам нарисует существа, очень похожие на тех, которые изобразили эскимосы для Расмуссена. Но с нашей точки зрения есть прямо противоположное объяснение. У многих людей с приступами психоза личность исчезает во время приступа, а у людей, живущих в состоянии хронического психоза, она исчезает на долгое время, оставляя их наедине с архетипическими переживаниями и проявлениями зла. Раньше о таких людях в народе говорили, что в них вселился бес (или Дьявол). Если такие люди нарисуют злых духов, то уродство и злобу этих изображений порождает не шизофрения, а то, что злые духи выглядят ровно так. При архетипическом переживании

зла демонические силы воплощаются в образе уродливого человека или страшного существа, и тогда, по-моему, нам следует понимать их символически и видеть в них проекцию психологического факта, то есть что наследие зла было вызвано односторонностью, *одним-единственным* паттерном поведения.

Жизнь всех животных, даже на очень ранних стадиях эволюции, обеспечивалась тем, что бихевиористы называли бы паттернами, определенным типом поведения, ухода, заботы о потомстве, спаривания и т.д., который является специфичным для каждого вида, причем уже на уровне животных такие паттерны могут вступать в конфликт или смешиваться между собой. Это можно видеть в обычном поведении рыб, например колюшек, у которых сексуальное поведение самца тесно связано с агрессией. Колюшки очень близоруки, поэтому если самец колюшки видит, что к нему приближается рыба меньшего размера, он становится агрессивным и готов вступить в борьбу. Если позже он распознает в рыбе самку, то он успокаивается и готов с ней спариться. Но если он видит рыбу большего размера, то у него развивается страх, он «теряет лицо» и обращается в бегство. Поэтому у колюшек только крупный самец может спариться с маленькой самкой, а не наоборот.

В определенной мере то же самое до сих пор происходит и на человеческом уровне, ибо, если мужчина боится женщину, он становится импотентом; он «теряет лицо», и с этим ничего не поделаешь! У женщин происходит все наоборот: они могут сочетать «потерю лица» и стремление к бегству с половым актом. Но если они агрессивны, если они одержимы Анимусом, то никакая любовь невозможна.

Таким образом, иногда паттерны поведения перекрываются, сближаются друг с другом и вступают в конфликт или же делают жизнь животных настолько сложной, что они к ней не адаптируются. Хотя природа подразумевает, что такие паттерны помогают животным адаптироваться к жизненным ситуациям, но иногда они действуют с точностью до наоборот и вступают в конфликт между собой. Если человек вмешивается в природу, то он может своими действиями вызвать конфликт у животных и некоторым образом заставить их изменить свое поведение. Следовательно, даже на животном уровне можно говорить о конфликте в прямом смысле слова, то есть о конкуренции и столкновении двух паттернов поведения. Например, если вы протягиваете руку к курице-

наседке, то вы видите, что она вступает с вами в конфликт. Она могла бы убежать прочь и не дать до себя дотронуться человеку, но ее инстинкт заботы о потомстве заставляет ее насиживать яйца, и она становится все более напряженной. Затем либо ее стремление убежать проходит, и она позволяет до себя дотронуться человеку, либо берет верх паттерн побега, и она забывает про свой инстинкт заботы о потомстве; но в промежутке какое-то время она находится в подвешенном состоянии, когда вы не знаете, какой паттерн победит.

Таким образом, паттерны поведения даже на животном уровне не слишком хорошо отрегулированы; не существует главной диспетчерской, в которой находится разумный оператор, переключающий поведение с одного паттерна на другой. Вполне возможно, что именно поэтому природа изобрела высшие формы сознания, чтобы создать такую главную диспетчерскую и тем самым избежать возможности дезадаптации, выявленной на животном уровне. Но какой бы ни была эта причина, мы проявляем те же самые черты, ибо женщина вступает во внутренний конфликт между самосохранением и стремлением защитить своих детей, то есть точно такой же конфликт, который был у курицы-наседки, и мы постоянно оказываемся в жизненных ситуациях, создающих конфликт между паттернами поведения.

Можно сказать, что если человек полностью поглощен каким-то одним своим паттерном поведения, то его адаптация нарушается. Некоторые животные, быть может вследствие раннего импринтинга, в своем развитии ассимилируют только один паттерн. Некоторые олени или волки становятся необычайно агрессивными под воздействием паттерна агрессивности, что вызывает сильную настороженность у стада или стаи и, как правило, приводит их к ранней гибели. Поэтому в полной поглощенности только одним паттерном поведения всегда содержится определенная опасность. Под влиянием нашей цивилизации у диких животных, например оленя и лисы, сформировалась очень хорошее и очень разумное приспособление к человеку, связанное с избеганием его любой ценой. Однако если, например, олень-самца обуяла охота к спариванию, он может подбежать очень близко к охотнику, ибо не может себя контролировать. Можно, например, прочесть о том, как олень догнал охотника и выбил у него из рук ружье. Используя язык антропологии, можно сказать, что он становится слепым по отношению к любой опаснос-

ти, будучи поглощенным сексуальным инстинктом. Или кошка, если у нее есть котята, будет нападать на громадного эльзасского волкодава и погибнет, ее инстинкт заботы о потомстве поглотит все остальные «разумные реакции».

Наверное, точно такая же природная основа существует и у человека, ибо и он тоже весьма нередко оказывается поглощенным некоторыми паттернами поведения, то есть архетипическими паттернами, которые вызывают аффекты и фантазии. И, как и в жизни животных, если некто находится во власти таких паттернов, мы говорим о его одержимости. Одержимость для нас так же плоха, как и в примитивном сообществе, ибо это означает, что человек поглощен только одним обрывком мелодии в симфонии его внутренних возможностей, и уже в одном этом содержится немалое количество зла. Теперь вы видите, почему и как это связано с чистой природой зла, ибо вас поглощает и сбивает с ног аффект точно так же, как оползень, но этот оползень находится скорее у вас внутри, чем вовне. Валуны вашего аффекта прокатываются по вашим внутренностям, и вы оказываетесь ими совершенно раздавленными; происходит так, словно вы утратили способность размышлять или общаться или какую-то другую характерную линию поведения.

В процессе анализа некоторым людям, которым угрожает опасность быть сметенными и подавленными такой патологической яростью, могут сниться оползни и лавины: так бессознательное использует соответствующие символические образы, чтобы предсказать не внешний, а внутренний оползень – такое поведение, когда все обусловленное его внутренней культурой и организацией полностью отменяется и заменяется только одним типом поведения, будь то агрессия, страх или какой-то аффект, – это мощная примитивная реакция, которую в общем можно было бы назвать чисто природной. Таким образом, мы не стали бы отрицать, что злые духи в природе имеют отношение только к реальному злу в окружающей среде. В той же степени они относятся к нашему внутреннему миру, где имеют место те же самые феномены. Если посмотреть на происходящее под этим углом, то сам факт, что эти существа столь часто изображаются уродами или калеками, вполне объясним, ибо он подразумевает искаленную одностороннюю человеческую природу; например, у них только одна нога. Вы, так сказать, забываете о противоположности, забываете о другой стороне своего поведения. Вы ведете себя «психо-

логически одногого», «искалеченно» и «уродливо», сметенные односторонностью своего кратковременного аффекта, а следовательно, психологически у вас остается лишь одна нога или даже только катящаяся голова.

Многие современные ученые с психологической точки зрения похожи на катящиеся черепа, у которых отсутствует сердце или другие человеческие органы и реакции. Это вполне подходящий образ для такой психологической односторонности, и в этом отношении становится понятной и аллегория с материалом шизофреников, ибо согласно нашему определению шизофрении – это очень сильная диссоциация на комплексы бессознательной личности. Следовательно, рисунки таких людей напоминают те рисунки эскимосов и южноамериканских и других примитивных народов, на которых изображены злые духи. Это не рисунки ненормальных людей, а вполне реальные изображения зла; если шизофреник нарисует такого демона, то он хочет до вас донести мысль, что это существо сейчас полностью владеет им, и он находится в его власти.

Теперь обратимся к другой проблеме, ибо моя лекция не столько посвящена проблеме зла, сколько сосредоточена на том, как человек с ним справляется. Поэтому после этого экскурса в природу зла я хочу снова вернуться к проблеме поведения и сначала прокомментировать мотив одиночества.

Можно поразмышлять над тем, какое именно одиночество: физическое, духовное или ментальное – становится причиной одержимости злом. Я бы сказала: и то, и другое, и третье. В приведенных мной историях в основном речь идет о физическом одиночестве, пребывании в лесной чаще или в горах, хотя при современной перенаселенности планеты можно с тем же успехом почувствовать себя столь же одиноко в квартире многоэтажного дома, а не только в джунглях Амазонки. Это одиночество психологическое, но в каком-то смысле и психическое. Арабы в пустыне Сахара говорят, что мужчина никогда не приблизится к одинокой женщине, потому что у нее обязательно есть тайный любовник – джин, дух пустыни. В данном случае снова присутствует мотив одиночества. С другой стороны, в христианской и буддийской традициях одиночество – это состояние, к которому в какой-то мере стремятся люди, которые хотят достигнуть святости и высшего и религиозного сознания. Если это принять в расчет, то можно сказать, что одиночество привлекает силы Запредельного: или силы

добра, или силы зла. Естественное объяснение было бы следующим: та энергия, которая обычно используется для связи человека с его окружением, блокируется, остается у него внутри и активизирует бессознательную часть психики, поэтому, если человек долго находится один, его бессознательное оживает, и тогда, к счастью или несчастью, оно овладевает человеком: либо в него вселяется Дьявол, либо он достигает внутренней реализации на более высоком уровне. Если вы в этом случае являетесь интровертом, то, по рассказам людей, которые стремились достичь святости, сначала вы испытаете на себе нападки Дьявола, ибо в первую очередь энергия усиливает комплексы, которые мы бы назвали автономными комплексами бессознательного. Их энергия возрастает, и пока вы их полностью не проработаете, плоды одиночества не будут позитивными, а это значит, что вы вступите в борьбу с двадцатью тысячами разных демонов.

Однажды я попыталась сделать эта сама. Прочитав у Юнга, что святые в пустыне обнаружили, что такая изоляция укрепляет их бессознательное, я решила попытаться добиться того же самого! Как вы понимаете, это мое поведение было вызвано любопытством, в отношении которого я вас предупреждала! Естественно, это произошло со мной в молодости. Ради эксперимента я уединилась в хижине в снежных горах и чувствовала себя совершенно счастливой, ибо все время занималась приготовлением пищи, чтобы потом ее съесть, и этот паттерн поведения защищал меня от того, чтобы оказаться во власти других духов. Один раз в день я спускалась в деревню за хлебом и молоком, а поскольку по своей природе я интроверт, то короткого разговора о погоде мне было вполне достаточно для поддержания внутреннего равновесия, и потому эффект оказался нулевым! Но тогда я приняла более радикальные меры – я запасла достаточное количество консервов, чтобы мне не нужно было ходить в деревню. Однако я по-прежнему продолжала ходить по окрестностям на лыжах. В конце концов, пришлось и от этого отказаться. Итак, я заставляла себя только сидеть с карандашом в руках и записывать свои сны и возможные фантазии, и так сидела целый день и ничего не делала, питалась едой быстрого приготовления – спагетти или что-то в этом роде, – так, чтобы не расходовать энергию, и первое ощущение, которое у меня тогда появилось, – что время замерло. Оно тянулось чертовски медленно!!! Я смотрела на часы – было десять утра. Я сидела и слушала птиц, слушала капель с крыши за окном

и думала, что пребываю в вечности, но было всего лишь десять тридцать, – слишком рано, чтобы готовить спагетти, и так далее и так далее целый день. Это было интересно, ибо у меня в клинике Бургхольцли однажды была пациентка с острым приступом психоза, у которой было точно такое же ощущение: время тянулось очень медленно, а минуты превращались в вечность. Это было уже хуже, но я дала этому проявиться, и тогда бессознательное ожило, так как мои мысли крутились вокруг идеи, что иногда в такие хижины заходят грабители, особенно сбежавшие из тюрьмы заключенные, в поисках оружия, пистолета или гражданской одежды, чтобы сменить свою полосатую тюремную униформу. Эта фантазия полностью меня поглотила, и не понимая, что моя идея именно в том и заключалась, чтобы это ощутить, – я полностью поддалась паническому состоянию. Я взяла топор для колки дров и положила его под кровать и так лежала не смыкая глаз, пытаюсь решить, хватит ли у меня мужества, чтобы ударить такого беглеца по голове, если он войдет, – и никак не могла заснуть. Затем мне захотелось выйти в туалет, а он находился на улице, далеко в заснеженном лесу. Итак, среди ночи я встала с постели, надела лыжные брюки и пошла по глубокому снегу; вдруг позади меня что-то шлепнулось на землю; я побежала, упала лицом в сугроб и вернулась назад, еле переводя дух. Затем я поняла, что это был просто снег, ком снега, который упал с ветки дерева, но сердце у меня в груди часто колотилось, топор лежал рядом с кроватью, и я по-прежнему не могла уснуть.

На следующее утро я поняла, что с меня хватит и пора возвращаться домой, но затем возникла другая мысль: «Ведь за этим я сюда приехала!» Такими были демоны, с которыми я хотела встретиться, поэтому теперь мне нужно было методом активного воображения поработать с образом грабителя. Я села и сразу представила себе входящего грабителя, вступила с ним в разговор, и паника прекратилась. После этого я осталась еще на одну ночь, вернув топор на прежнее место, и даже не пыталась запереть дверь. Но как только этот внутренний образ ко мне возвращался, я записывала все о нем и работала с ним методом активного воображения; и после этого наступало полное умиротворение. Я могла бы остаться здесь еще на несколько недель, не испытывая ни малейшего беспокойства, но до того, как я столкнулась с этим зловещим образом, не понимая, какими силами можно с ним справиться, пока не прибегла к помощи активного воображения, я дей-

ствительно была близка к тому, чтобы стать по-настоящему одержимой. К тому же я тогда была еще достаточно глупа: хотя что-то и понимала в юнгианской психологии, но не осознавала, что образ грабителя символизировал Анимус, который вторгнулся на мою территорию. Я ужасно боялась того, что ко мне ночью может войти настоящий преступник.

Этот опыт научил меня тому, что одиночество накапливает все, что у вас есть в бессознательном, и если вы не знаете, как с ним справляться, этот материал сначала проявляется в виде проекции. В моем случае это содержание спроецировалось на идею преступника, и если бы я принадлежала к тому социальному слою, в котором до сих пор верят в демонов, то я бы подумала, что пришел Курупира или что это «Оно» с гор сбросило на меня снег. Я бы дала ему какое-то имя, но так как я более современна, то назвала бы его именем какого-нибудь сбежавшего преступника. Большинство людей не могут выдерживать такое состояние в течение длительного времени; чтобы защитить себя от «Оно», им нужно общество других людей.

В своей книге «Золотое кольцо над Ури» Реннер очень четко объясняет, что человек, который живет один на один с природой, должен постоянно рисовать вокруг себя ритуальное золотое кольцо, мандалу, или читать молитву в направлении четырех сторон света, или же очерчивать круг жестом. (Мы совершаем такие жесты, подняв над головой государственный швейцарский флаг и делая им круговые движения.) Если вы не знаете о такой ритуальной защитной практике, то не можете жить в одиночестве. «Оно» обязательно достанет вас, поэтому вам нужно сделать «кольцо» или, по крайней мере, как-то чем-то себя опоясать.

Наши пастухи с высокогорных пастбищ верили в то, что если их хижину зимой никто не займет, как и случалось с нашими горными хижинами, то «Оно» снова будет владеть ею. В нее войдут бессознательное и природа, и если вы вернетесь в нее весной, то сначала ее следует очистить, совершив некие религиозные ритуалы, прежде чем вы станете ее хозяином. Вы не можете просто в нее войти. Если вы когда-то приезжали на летний отдых в дом, который пустовал зимой, то хорошо знаете, о чем идет речь; на вас падает крышка от сковородки, вы начинаете путаться в паутине, в вашей кровати холодно и сыро, и на следующее утро вы просыпаетесь с приступом ревматизма. Вы чувствуете себя так, словно боролись с двумя сотнями тысяч духов, пока снова не устроитесь

уютно в своей среде обитания. Поэтому вам необходимо создать защитное кольцо людей и любимых вами объектов.

Здесь я попутно хочу кинуть камешек в огород современного лечения в психиатрических клиниках. Чтобы предотвратить возможное самоубийство, у людей, поступающих в большинство психиатрических клиник в Швейцарии и в Америке, отбирают все их личные вещи, конечно, с миллионом извинений. Им не разрешается повесить над своей кроватью фотографии мамы, нельзя иметь при себе ни писем возлюбленного, ни дамской сумочки, ни даже грязного носового платка – ничего, то есть никаких мелких предметов, которыми люди любят себя окружать. В который раз я слышу от пациентов, что, как только их лишают таких вещей, они чувствуют себя обреченными, словно это уже конец, и тогда они совершенно теряются, становятся полностью открытыми для воздействия сил зла и сами перестают с ними бороться. Происходит так, словно разрушили их последний оплот. Почему психиатры до сих пор этого не поняли? Естественно, следует изъять нож, револьвер или вещи, с помощью которых они могут совершить самоубийство, но оставить самую малость «золотого кольца», – чтобы их могли окружать вещи, с которыми бы у них была эмоциональная связь, вещи, которые принадлежат им.

Примитивный человек имеет эмоциональную связь не только с людьми, но и с объектами. Такие объекты образуют вокруг него кольцо и защищают его от полной открытости к воздействию сверхъестественных сил бессознательного, вселяющих в него ужас. Вы знаете, что пациенты-шизофреники жалуются на преследование со стороны дьявольских сил и сил зла, так почему бы не позволить им, по крайней мере, сохранить подле себя свой маленький круг объектов в то время, когда они сами оказались отрезанными от всех отношений с людьми вследствие своего неадекватного поведения?

Есть еще одна возможность, благодаря которой одиночество может к вам притягивать зло: если вы долго живете один, вдалеке от человеческого сообщества, тогда ваш клан, ваши соплеменники проецируют на вас свою Тень, и при этом нет никаких корректирующих факторов. Например, после особенно долгих праздников, во время которых я не вижу своих пациентов, я часто сталкиваюсь с тем, что они постепенно в мое отсутствие соткали паутину совершенно изумительных негативных идей в отношении меня. Вот почему у французов есть поговорка: «отсутствующ-

щие всегда неправы» (*les absents ont toujours tort*). Человек думал, что я поступила так или эдак, но когда он видит меня вновь, то удивляется: «Почему же я всему этому верил? Теперь, когда я снова Вас вижу, я даже не могу себе представить, что мог подумывать нечто подобное». Реальное человеческое общение разрушает облака таких проекций, но если человек долго отсутствовал и эмоциональная и чувственная связь с ним утратилась, люди начинают проецировать.

Поэтому человек, который живет в одиночестве, не только притягивает зло в силу своей собственной природы и констеллирует его в своем бессознательном, но он притягивает и проекции. Именно поэтому об одиноких людях часто думают плохо, и если в деревне случается какая-то неприятность, жители почему-то уверены, что именно он является тому причиной. Если человек снова присоединяется к сообществу, он может вступить в спор или дать сдачи или объяснить свое поведение, чтобы развеять сгустившиеся над ним черные тучи. Или же, может быть, он делает что-то необычное, тогда у окружающих возникают всякие негативные фантастические трактовки, но если он с этими людьми пойдет в трактир и выпьет пива, тогда они начинают его выспрашивать, получают объяснение, и все снова становится на свои места. Но когда люди не понимают человека, они проецируют на него свое зло.

Таково в самом общем виде восприятие людей, которым не следует пренебрегать, ибо оно тесно связано с проблемой зла. Можно видеть, как одиночество может отлучить человека от сообщества. В древности в примитивных цивилизациях оно проявлялось еще сильнее. Чужак был неправ, опасен, создавал ауру болезни, убийств, смерти, нарушения межличностных отношений, а следовательно, в отношениях с ним надлежало соблюдать все меры предосторожности.

Табу

Рассмотрим и другие ситуации, помимо одиночества, которые могут привлекать зло. В предании о Курупире, который потом всех сожрал, охотники заготовили много дичи, так что на стоянке лежало много убитых ими обезьян. На следующий день они снова собрались охотиться, однако ночью Курупира и его дикие звери пришли и сожрали охотников. Это может свидетельствовать о том, что, убив слишком много животных, вероятно, охотники разгневали Курупиру, который является Повелителем лесов. Может быть, хотя об этом в истории не говорится *expressis verbs*¹²², очень удачно поохотиться с человеческой точки зрения означало выйти за некие рамки, утратить чувство меры, нарушить природные запреты, и, вполне возможно, именно поэтому охотники навлекли на себя зло. Или же удача на охоте породила в них скрытую инфляцию, либо еще проще: они разгневали Повелителя лесов, потому что отняли у него слишком много. Это бы никого не удивило, ибо в большинстве примитивных сообществ есть определенные правила охоты. Нельзя за один раз убивать слишком много животных. На то есть табу. Нужно сохранить какое-то количество животных, если вы не хотите нарушить природное равновесие и навлечь на себя зло или месть духов, которые вообще-то защищают животных.

Теперь мы начинаем осознавать, что человек способен нарушить равновесие в своем природном окружении и таким образом вызвать ответную реакцию сил зла. Прозрев, мы начинаем думать, что тоже разгневали Курупиру настолько, что, может быть, в недалеком будущем и наши кости будут раздроблены. Загрязняя водоемы, мы губим животных и нарушаем экологическое равновесие. Видимо, подобное поведение уходит своими корнями в далекое прошлое.

¹²² *Expressis verbs* (лат.) – открытым текстом. – Примеч. пер.

Когда человек начинает применять оружие, он действует против законов природы. Он больше не борется с животными на равных, не играет по правилам честной игры. Уже по этой причине он должен чувствовать, что его совесть нечиста, он должен проявлять мудрость и поддерживать численность животных. Например, в Древнем Китае одно из правил охоты гласит, что люди должны гнать животных в направлении трех сторон света, оставив для них четвертую сторону свободной, чтобы дать некоторым из них возможность спастись. Если не пришло кому-то из них время умереть, Бог должен направить его в четвертом направлении. Я прочла в газете, что швейцарское правительство применяет такое же правило. Люди во время охоты делятся на группы, и есть загонщики, которые выгоняют животных из зарослей на открытое пространство, при этом одна из четырех сторон света должна быть открыта, чтобы часть животных могла спастись: вы не можете окружить их всех и убить. Швейцария со своими новыми правилами охоты вернулась к обычаям Древнего Китая, возможно, этого не зная, просто в силу природной мудрости.

Следовательно, вы видите, что проблема зла в той области фольклора, которую я здесь обсуждаю, не похожа на какие-то проблемы специфического религиозного зла. То, что мы называем злом на этом уровне, отличается от теологических идей, ибо оно относится к области чисто природных явлений. С точки зрения психологии это чрезвычайно важно, ибо мне кажется, хотя мои выводы не слишком оптимистичны, что в девяноста процентах случаев, в которых человек должен справиться со злом, человек сталкивается с природным злом на психологическом уровне и лишь крайне редко ему удается соприкоснуться с абсолютным и глубоко укорененным феноменом зла. Восемьдесят или восемьдесят пять процентов этого содержания составляют просто Курупипра, госпожа Труде и им подобные архетипические фигуры, которые еще существуют в нашей психологической природе.

Именно по этой причине волшебные сказки очень важны. Мы находим в них правила поведения в отношении того, как совладать с силами зла. Часто в сказках мы обнаруживаем не саму по себе этическую проблему, а подходы к решению, в основе которых лежит природная мудрость. Однако это вовсе не значит, что иногда эти силы не являются чрезвычайно опасными.

Я хочу специально показать, каким способом происходит столкновение с этими силами. Мы видели, что не нарушать табу

и следовать законам племени – это один из самых обычных и распространенных способов избежать зла. Но чтобы понять более характерные и тонкие детали, я хочу вам предложить русскую волшебную сказку «Василиса Прекрасная». Это более усовершенствованный аналог сказки «Госпожа Труде», потому что в данном случае девушку не съедают и она находит выход из затруднительной ситуации.

Василиса Прекрасная ¹²³

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала: «Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью». Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в годах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе, – стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый ку-

¹²³ *Russian Fairy Tales*, collected by Alexander Afanasiev (New York: Pantheon Books, 1973), p. 439. (Афанасьев А.А. Народные русские сказки. В 3 т. М.: Наука, 1985. Т. 1. № 104.)

сочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?» Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присвадываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает: «Не выдам меньшей прежде старших!», а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке, одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку. «Что теперь нам делать? – говорили девушки. – Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к бабе-яге!» – «Мне от булавок светло! – сказала та, что плела кружево. – Я не пойду». – «И я не пойду, – сказала та, что вязала чулок. – Мне от спиц светло!» – «Тебе за огнем идти, – закричали обе. – Ступай к бабе-яге!» – и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклой приготовленный ужин и сказала: «На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к бабе-яге; баба-яга съест меня!» Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки. «Не бойся,

Василисушка! – сказала она. – Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не станется с тобой у бабы-яги». Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо ее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, – стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо верей у ворот – ноги человечесьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскочил к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, – настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга – в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала: «Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?» Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала: «Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе». – «Хорошо, – сказала яга-баба, – знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!» Потом обратилась к воротам и вскрикнула: «Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!» Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось. Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе: «Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу».

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит: «Когда завтра я уеду, ты смотри –

двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь, да пойди в заком, возьми четверть пшеницы и очисти ее от чернушки. Да чтоб все было сделано, а не то – съем тебя!» После такого наказа баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклой, залилась слезами и говорила: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне яга-баба работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!» Кукла ответила: «Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолись да спать ложись; утро мудреней вечера!»

Ранешенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник – и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула – перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник – взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки. «Ах ты, избавительница моя! – сказала Василиса куколке. – Ты от беды меня спасла». – «Тебе осталось только обед состряпать, – отвечала куколка, влезая в карман Василисы. – Состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!»

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник – и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья – едет баба-яга. Василиса встретила ее. «Все ли сделано?» – спрашивает яга. «Изволь посмотреть сама, бабушка!» – молвила Василиса. Баба-яга все осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала: «Ну, хорошо!» Потом крикнула: «Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!» Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе: «Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закома мак да очисти его от земли по зернышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!» Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему: «Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!»

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, огля-

дела все и крикнула: «Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!» Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча. «Что ж ты ничего не говоришь со мною? – сказала баба-яга. – Стоишь как немая!» – «Не смела, – отвечала Василиса, – а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем». – «Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состаришься!» – «Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?» – «Это день мой ясный», – отвечала баба-яга. «Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?» – «Это мое солнышко красное!» – отвечала баба-яга. «А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?» – «Это ночь моя темная – всё мои слуги верные!»

Василиса вспомнила о трех парах рук и молчала. «Что ж ты еще не спрашиваешь?» – молвила баба-яга. «Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь – состаришься». – «Хорошо, – сказала баба-яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видала за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?» – «Мне помогает благословение моей матери», – отвечала Василиса. «Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных». Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала: «Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали».

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. «Верно, дома, – думает себе, – уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа: «Не бросай меня, неси к мачехе!»

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей – тот погасал, как только входили с ним в горницу. «Авось твой огонь будет держаться!» – сказала мачеха. Внесли череп в гор-

ницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся – глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок и пошла в город.

Содержание оставшейся части сказки я перескажу очень кратко.

В городе Василиса остановилась у одной безродной старушки и стала поджидать отца. Вот как-то говорит она: «Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду». Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горела у нее, и пряжа выходила ровная да тонкая, как волосок. К концу зимы и полотно было выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса сказала старухе: «Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе». Старуха взглянула на товар и ахнула: «Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец». Полотно царю очень понравилось, но оказалось, что во всем дворце нет швеи, чтобы сшить из него сорочки. Пришлось эти сорочки шить самой Василисе.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Села себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга; вошел в горницу и говорит: «Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук». Пошла Василиса и явилась перед очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти. «Нет, – говорит он, – красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женой». Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадебку сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, пораздовался о ее судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе [поэтому у нее снова стало два родителя], а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

Так как мы обращаем свое внимание в сказке на темные стороны сущностей и на само зло, то обходим стороной счастливый конец сказки.

В данном случае вы видите сходство бабы-яги с фигурой Великой Ведьмы. Как мы видим на примере госпожи Труде, в немецкой сказке существует четверичность образов: ведьма плюс зеленый человек, черный человек и красный человек – охотник, угольщик и мясник. В русской сказке это три слуги бабы-яги, три всадника: день, ночь и солнце.

В русской сказке мы ясно видим, что баба-яга – это великая Мать-Природа. Она не могла бы говорить: «день мой ясный», «ночь моя темная», если бы не была повелительницей дня, ночи и солнца, то есть она должна быть великой Богиней, и вы могли бы назвать ее Великой Богиней Природы. Очевидно, что все эти черепа на кольях, окружающие ее избушку, говорят о том, что она, кроме того, Богиня Смерти, то есть противоположной стороны жизни. (Вспомним, например, об одной из германских богинь подземного мира – Хель¹²⁴, от имени которой происходит слово *hell*¹²⁵. Она живет в подземном мире, в жилище со стенами из человеческих костей, по которым ползают черви.) Поэтому в целом она является богиней дня и ночи, жизни и смерти и является самым воплощением великого закона природы. Вместе с тем она ведьма, поэтому у нее есть помело, – точно такое же, на которых летают наши европейские ведьмы. Она летает повсюду в ступе, погоняя пестом, что делает ее похожей на великих языческих богинь зерна, например, на Деметру в Греции, которая являлась богиней зерна и одновременно заключала в себе таинство смерти. В античной Греции мертвых называли *dēmētreioi*¹²⁶, то есть попавшими под власть Деметры, как зерно, упавшее в землю. Считалось, что смерть и возрождение зерна сходно с тем, что

¹²⁴ Хель (*Hel*) – повелительница мира мертвых, Хельхейма, дочь коварного Локи и великанши Ангрбоды (Вредоносной). Одно из трех хтонических чудовищ. Когда ее привезли к Одину вместе с другими детьми Локи, он отдал ей во владение страну мертвых. К ней попадают все умершие, кроме героев, погибших в бою, которых валькирии забирают в Вальхаллу. Хель внушает ужас своим видом. Она исполинского роста, одна половина ее тела черно-синяя, другая мертвенно-бледная. Одна половина ее лица красная, другая – иссиня-черная. у нее лицо и тело как у живой женщины, а бедра и ноги – как у трупа, покрыты пятнами и разлагаются. В ее стране царит вечный холод, голод, болезни. – *Примеч. пер.*

¹²⁵ Слово *hell* на разных языках имеет не одинаковую, а даже противоположную коннотацию: в переводе с английского *hell* означает ад, этим словом поминуют черта, тогда как с немецкого *hell* переводится как светлый, ясный и даже яркий. – *Примеч. пер.*

¹²⁶ *Dēmētreios* (др.-греч.) – посвященный Деметре, также усопший; мн.ч. – *dēmētreioi*. – *Примеч. ред.*

происходит с человеком после смерти, поэтому три пары рук бабы-яги, которые перемалывают зерно и отжимают мак, связаны с таинством смерти. Несколько позже я буду это обсуждать на более глубоком уровне.

Можно заметить очень существенное отличие этой сказки от сказки «Госпожа Труде». Там девушка проникает в дом госпожи Труде из чистого любопытства, проявляя инфантильный вызов, как я его называю, и тогда ведьма превращает ее в полено, которое затем сжигает в печке. Но Василиса никогда не была любопытной, в ней не было инфантильного вызова: отправиться к бабеге ее заставили мачеха и сводные сестры. У девушки в сказке о фрау Труде нет никакой магической защиты, и она даже не ищет ее. Побуждаемая своим инфантильным вызовом, она даже об этом не думает. Но Василиса получает благословение матери, а вместе с ним – чудесную куколку.

Таким образом, видно, что великая битва между жизнью и смертью, между добром и злом, между девушкой и ведьмой, великой природной богиней, становится скрытым состязанием в волшебстве, то есть в попытке определить, чья магия сильнее: девушки или ведьмы, и каждая из них с уважением относится к магической силе соперницы. Василиса не задает последнего вопроса: в чем заключается тайна ведьмы, и сама ведьма то ли не замечает, то ли притворяется, что не замечает, в чем заключается великая тайна девушки. Поэтому они соглашаются на *partie remise*¹²⁷. Держите это у себя в памяти! Я еще буду обсуждать это состязание в волшебстве позже, ибо это одна из самых важных проблем.

Сначала Василиса раздражала ведьму, потому что не задавала вопросов, следовательно, та, видимо, ожидала и хотела, чтобы ее о чем-то спросили. Баба-яга закричала на девушку: «Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состаришься!» Василиса задала три вопроса и проглотила четвертый. Всадники оказались связаны с ведьмой, но Василиса видела их вне избушки. Так что мы можем предположить, что самая сокровенная тайна ведьмы связана с тремя парами рук, поэтому баба-яга произносит довольно странную фразу: «Хорошо, что ты спрашиваешь только о том, что видала за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили...» Это выражение похоже на нашу поговорку, что не стоит на людях зани-

¹²⁷ *Partie remise* (фр.) – отложенная партия, отложенное дело. – Примеч. пер.

маться стиркой грязного белья, и в этом предупреждении ведьмы скрыт тот же смысл. Это очень интересно. У ведьмы есть «грязное белье»¹²⁸, и очевидно, что она несколько этого стыдится: если бы она совершенно не стыдилась своего зла, ее бы совершенно не беспокоило, узнает ли о нем Василиса. Но, как обычный человек, она почувствовала себя несколько неловко в отношении своей темной стороны, а потому была благодарна девушке, что та тактично промолчала и не стала продолжать расспросы.

Это говорит о том, что баба-яга – несколько расщепленная фигура, то есть она с собой не в ладу. В ней существует скрытое добро, хотя бы в той мере, чтобы побудить ее немного устыдиться своей темной стороны и признаться, что эту темную сторону не следовало разглашать, т.е. «выносить сор из избы». Она не является полностью природным демоном; в ее характере, глубоко внутри, присутствует оттенок человечности. Она немного человечна, поэтому обладает способностью к проявлению этических реакций. Именно этой человечности девушка не должна касаться, ибо, если она прикоснется к «закрытой зоне» бабы-яги, та придет в ярость и не пощадит девушку, а сожрет ее не моргнув глазом. Не-что похожее может случиться с аналитиком, который возьмет на себя риск отметить Теневую сторону пациента; он будет немедленно съеден при аффективном взрыве. Естественно, что со своими приятелями вы иногда отваживаетесь на такое, но если вы решите указать пальцем богине на ее темное пятно, она вас просто сотрет с лица земли.

На основании этой сказки мы можем прийти к выводу, что баба-яга – это не воплощение абсолютного зла; она амбивалентна, она сочетает в себе свет и тьму, хотя в сказке подчеркивается ее темная сторона.

Этот мотив, который заключается в том, что не следует указывать божеству на его темную сторону, будь то бог или богиня, очень широко распространен в фольклоре. Например, он присутствует в австрийской сказке «Черная женщина»¹²⁹. В ней девочка идет в услужение к черной ведьме¹³⁰. У нее в жилище есть потайная комната, как у Синей Бороды, в которую ей запрещено вхо-

¹²⁸ Точнее сказать – «скелеты в шкафу». – *Примеч. пер.*

¹²⁹ *Märchen aus dem Donaulande*, MdW (Jena, 1926), p. 92: *Bei der schwarzen Frau*.

¹³⁰ Здесь, как и в оригинале немецкой сказки, не идет речь о цвете кожи и не упоминается о лицах африканского происхождения или о каких-либо этнических группах с темным цветом кожи, а говорится только о волшебстве.

дить. Несколько лет девочке приходится заниматься уборкой в доме. Как всегда происходит в таких сказках, в конечном счете она открывает дверь потайной запретной комнаты и находит там черную ведьму, которая, благодаря ее чистке и уборке, стала почти белой. Девочка снова захлопнула дверь, но ведьма все равно начала ее преследовать, так как она нарушила табу, и, что довольно странно, в оригинальной версии сказки девочка говорит, что ничего не заметила. Существует бесконечное множество таких сказок. В основной сказке она видит, что черная ведьма почти превратилась в белую; в другой сказке она видит скелет, который все время кивает ей из огня; в еще одной сказке она видит гусей, в еще одной – окаменевшую женскую фигуру, окруженную каменными карликами и т.д. Хотя богиня, находившаяся в этой запретной комнате, преследовала девочку, отняла у нее детей и навлекла на нее всевозможные беды, заставляя ее признаться: «Ты видела меня в комнате?» – девочка лжет и в своей лжи неизменно стоит на своем, пока, наконец, богиня не прекращает свой допрос и не говорит: «Поскольку ты очень постоянна в своей лжи и так как ты не избавила меня от моей темной стороны, я тебя награжу», – и затем она одаривает ее неимоверно щедро.

Таким образом, в отличие от христианской морали, эти сказки говорят о том, что есть тактичная форма лжи в отношении зла или темной стороны тех великих божеств, и эта ложь не является аморальной. Наоборот, суместь заглянуть в пропасть зла и притвориться, что ты его не видел, – это самое высокое достижение. Данная версия сказки впоследствии так потрясла европейских сказочников эпохи позднего христианства, что во многих современных версиях она изменилась до наоборот: ведьма преследует девочку за то, что она лжет. Наконец, она сдается и говорит правду, и тогда Великая Богиня ее награждает. Но это искусственный вариант, позднее измененный рассказчиками и писателями, не понимавшими этот древний мотив; потрясенные, они не могли поверить, что ребенка следует поощрять за то, что он постоянно говорит неправду.

В австрийской сказке черная женщина постепенно превращается в белую, но в ней видно, что проблемой является зло, и не видно того, как происходит это превращение. Например, в одной из версий сказки ведьма говорит: «Деточка, ты видела мои страдания?» А ребенок отвечает: «Нет, я ничего не видела». Это тот же самый мотив. Ведьма стыдится своей темной сущности,

стыдится своих страданий, и из-за того, что она погрязла в таинстве зла и смерти, не хочет, чтобы ребенок это заметил и открыл перед всеми.

В сказке о Василисе эта тайна кроется в трех парах рук, которые перебирают семена. Так как маковые зернышки обладают небольшим снотворным воздействием, они всегда, с самых древних времен, принадлежали богам подземного мира. Мак ассоциируется с Гадесом и с таинством сна и смерти; что касается пшеничного зерна, как я уже говорила, напоминая о Деметре, оно тоже ассоциируется со смертью и воскрешением. Поэтому в какой-то мере кажется странным, что эти руки могут быть такой постыдной тайной. Тайна этих рук не ощущается как зло, а кажется скорее причастной непостижимой тайне богов, внушающей страх и трепет, куда человек не должен проникать, пока ему не будет необходимо это сделать.

Очевидно: то, что кажется ложью, является выражением почитательности, уважения по отношению к инаковости этого божества. Мы можем сравнить такое отношение с ситуацией, которая иногда возникает между двумя людьми. В книге «Человек и его символы», если мне не изменяет память, Юнг рассказывает случай о пришедшем к нему на анализ мужчине, страдающем серьезной навязчивостью. Он всегда проходил кратковременные сессии анализа, так как приезжал из другой страны и каждый раз мог оставаться только на три-четыре недели. Этот мужчина очень последовательно проходил «лжеанализ». На первой же терапевтической сессии Юнг увидел, что тот скрывает какую-то тайну, — у него проявлялись все признаки нечистой совести. По какой-то странной причине что-то мешало Юнгу сказать пациенту правду о своих догадках, тем самым мужчина проходил лжеанализ в течение десяти лет, и Юнг всегда отвратительно себя чувствовал, поскольку они говорили о сновидениях, о том о сем, и вместе с тем все это было чистое мошенничество. Но Юнг не вникал в суть происходящего, так как заметил, что болезненные симптомы у мужчины постепенно сходили на нет и он стал чувствовать себя лучше с каждым своим приездом, чего обычно не бывает при лжеанализе. Наконец, когда прошло еще сколько-то лет, пациент сказал: «А теперь, доктор Юнг, я хочу сказать, как я вам благодарен за то, что вы не спрашивали меня ни о чем раньше, ведь я не смог бы вам ответить и на этом закончился бы весь анализ». Затем он исповедался в достаточно постыдном грехе, который он совершил и в

котором ранее не мог сознаться. Он должен был выстроить отношения с Юнгом, восстановить свою самооценку и накопить энергию, прежде чем обратиться к содеянному и поделиться с аналитиком. Таким образом, Юнг, следуя некому иррациональному чувству, запрещающему проникать в тайну этого мужчины, был вознагражден за свое молчание, впоследствии узнав, что его чувство было совершенно правильным. Это важно для всех терапевтов, которые могут поддаться не слишком мудрому соблазну прибегать к исповеди как к средству исцеления и узнавать тайны своих пациентов.

Подземные боги – это, как правило, боги, причастные великому таинству. Во всех религиозных системах содержится великая тайна, которая всегда подобна запрету проникать и заглядывать в тайную комнату, за исключением случаев крайней необходимости. Я могу вам привести примеры сказок, в которых говорится о прямо противоположном, где тайна должна быть раскрыта. Именно поэтому я сказала, что здесь всегда присутствует парадокс; всегда существует «да» и «нет».

Насколько я могу судить, парадокс не является исторически обусловленным. Уже на самом примитивном уровне наблюдаются оба правила: открыть дверь – значит совершить правильный поступок или какое-то иное действие, которое совершает сказочный герой, и нечто противоположное – тоже правильно. В некоторые исторические периоды могло складываться так, что одно было предпочтительней другого, но, насколько я могу знать, с самого начала этот мотив является архетипическим, и он не связан с особенной эволюцией. Этот архетипический паттерн заключается в том, чтобы выбрать, должен я или не должен проникать в тайну, это значит, я должен пройти по лезвию бритвы, ибо один неверный шаг может стоить мне головы. Аналитик, который в течение десяти лет проводит лжеанализ, причиняет абсолютный вред себе и своему пациенту! Он должен сказать: «А теперь говорите по существу, нечего ходить вокруг да около! Что с вами происходит? Все, что вы говорите мне, – чистой воды ерунда!» – и так далее, но брать с человека деньги и притворяться, что ничего не замечаешь, в течение многих лет, совершенно аморально с точки зрения терапии. Но в случае, о котором рассказывал Юнг, все в точности наоборот. Если бы он задал вопрос минутой раньше, то нарушил бы эмоциональную связь! Поэтому самое ужасное, противоречивое и сложное – понять, как поступить правильно. Что мне делать:

проникнуть в потайную комнату или притвориться, что я ничего не видела, даже если увидела?

Похоже, в этом состоит вопрос выбора. Мы можем даже пойти еще дальше и сказать, что это вопрос формирования отношений или доверия. Между великой богиней и восьмилетней девочкой в самом деле не может быть никаких отношений. И тем более отношений взаимного доверия. Они в слишком неравном положении – великая богиня природы и маленькая беззащитная девочка, – быть может, именно поэтому девочке следует хранить тайну. Но если бы перед Божеством стоял более взрослый и более сознательный человек, возможно, оно открыло бы свою тайну. Ну и гоголоволонка...

В другой русской сказке баба-яга проявляет больше своих позитивных черт, и я хочу вам рассказать эту сказку в качестве амплификации: в первую очередь, чтобы показать, как мужчина может справиться с бабой-ягой иначе, чем восьмилетняя девочка, а во-вторых, потому что в сказке показана положительная сторона бабы-яги.

Есть русская сказка, которая называется «Царь-девица»¹³¹, в которой главный герой едет на край света, в Подсолнечное царство, чтобы найти Марью-Красу с золотым блюдом и привезти ее домой¹³². По пути он трижды проезжает мимо избушки бабы-яги. Вращающаяся избушка на курьих ножках, когда герой произносит волшебные слова, поворачивается к нему передом, а к лесу задом. В ней он видит бабу-ягу, которая своими костлявыми пальцами расчесывает пряжу, длинным носом роется в золе, а сверкающим взглядом следит за гусями в поле. Когда главный сказочный герой, Иван-царевич, входит к ней, она спрашивает: «Волей или неволей, дитяtko?»¹³³ Иван, стукнув по столу кулаком, отвеча-

¹³¹ *Russische Märchen*, MdW (Jena, 1921), no. 41: *Die Jungfrau Zar*. (У этой русской сказки есть множество версий, которые в основном являются версиями «Сказки о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде», см. Собрание сказок А.А. Афанасьева (Народные русские сказки. В 3 т. М.: Наука, 1985). – *Примеч. пер.*)

¹³² В данном случае лучше всего подходит версия сказки «Иван-Царевич и девица-царица» (Русская волшебная сказка. М.: Высшая школа, 1992. С. 235). Точного соответствия нет ни в одной из версий, поэтому мы решили, что она лучше всех остальных соответствует пересказу содержания автором и по своему названию, и по отдельным фрагментам. – *Примеч. пер.*

¹³³ Во всех русских аналогах сказки баба-яга обращается к главному герою словами «добрый молодец», «Иван-царевич», «русска коска Иван-царевич», но никогда «дитяtko», но в переводе мы придерживались авторского текста. – *Примеч. пер.*

ет: «Молчать, старая ведьма! Как ты смеешь спрашивать героя! Лучше напои да накорми меня да дай мне выспаться, или отрежу тебе уши и снесу тебе голову, так вот», – и дальше следуют такие непристойности, которые я не буду повторять! И баба-яга становится очень доброй, накрывает ему стол, стелет постель и на следующее утро рассказывает, как быть ему дальше. Так происходит трижды, поэтому с этих пор богиня начинает защищать главного героя, помогать ему и указывать дорогу.

В отношении к бабе-яге по-мужски со стороны Ивана и по-детски со стороны девочки существует разница. Иван – это взрослый, способный за себя постоять мужчина, тогда как девочка – абсолютно беспомощное существо. Кроме того, здесь видно, что баба-яга вообще не является носителем зла; она – воплощение самой природы. Если вы знаете, как с ней совладать, то она будет расположена к вам. Все зависит от вас, от того, какую ее сторону вы воспринимаете, и здесь впервые возникает гипотеза, что в сказочных историях проблема зла связана с человеком, что зло не исходит от природы просто так – как я представила это вам в самом начале. Здесь мы начинаем соприкасаться с проблемой на более высоком уровне, когда человек начинает осознавать, что зло – это не только природное явление, оно зависит от установки человека и его поведения.

Баба-яга называет Ивана «дитятко»! Он крепкий взрослый мужчина, поэтому вы ясно видите, что делает Великая Мать. Она пытается низвести его до уровня инфантильной беспомощности. Хотя это звучит очень хорошо: «Волей или неволей, дитятко?» – это действительно удар ниже пояса. Она хочет лишить его силы и относится к нему, как к маленькому мальчику, а затем она прекрасно им поужинает. Но он с ней на одном уровне, и не сносит этого злого выпада. Он отвечает тем же, и тогда она становится дружелюбной.

В обеих этих русских сказках «Василиса Прекрасная» и «Царь-девица» присутствует очень важная тонкость. В крошечных диалогах, состоящих буквально из нескольких фраз, решается глобальная проблема добра и зла. Это означает, что дать правильный ответ или правильно среагировать в решающий момент – все равно что пройти по лезвию бритвы.

Я хочу быстро рассмотреть еще один небольшой сюжет в сказке о Василисе: ужасный череп, который она приносит домой, а исходящий от него свет сжигает дотла ее мачеху и сводных се-

стер. Страшные глаза, которые везде их преследовали, имеют мифологические амплификации и обычно ассоциируются с нечистой совестью. Согласно иудейской традиции, о чем повествует Мидраш¹³⁴, после убийства Авеля Божье Око следило за Каином по всему миру, от которого тот не мог спастись. У Виктора Гюго есть прекрасная драма, в которой Каин после убийства Авеля бежит в леса, куда угодно, чтобы скрыться, и везде его преследует Божье Око. В конечном счете он вырывает себе могилу и хоронит себя заживо, устанавливая сам себе надгробный камень, но во мраке – типичная патетичная ремарка Виктора Гюго: «Но и в могильной тьме, холодной и глубокой / На Каина опять глядело то же око!»¹³⁵ Там вы видите тот же самый мотив – ока, повсеместно и неумолимо преследующего зло. В этом смысле око воплощает изначальный феномен нечистой совести и последующее ужасное возмездие.

Как я уже отмечала ранее, Юнг в своей статье «Совесть» указывал на то, что изначальный феномен совести – это непосредственное переживание внутри себя гласа Божьего, или, выражаясь на языке психологии, – это проявление Самости внутри психики. В этой сказке наблюдается такое же непосредственное воздействие; мачеха и сводные сестры гибнут не от рук девочки, а от своей нечистой совести, от своего собственного зла, так сказать, в самом непосредственном его проявлении.

Есть еще одна важная вещь, которую можно упустить, если не вчитаться внимательно в текст сказки. Она заключается в следующем: после того, как мачеха и ее дочери умирают под испепеляющим воздействием огненных глаз черепа, Василиса закапывает череп в землю и уходит из дома. Она не остается с ним и не оставляет его у себя, чтобы впоследствии уничтожить других врагов. Она могла бы сказать: «Отлично, он очень полезный! Я положу его в шкаф в своей спальне, и если кто-то будет меня раздражать, я его выну и с его помощью со всеми расправлюсь!» Однако она его закапывает; она не хочет хранить его силу. Благодаря ведьме у нее в руках оказалась магическая сила мести, которая произошла несмотря на то, что Василиса не собиралась мстить мачехе ни-

¹³⁴ Мидраш – на иврите буквально значит «толкование», – собрание комментариев и проповедей, посвященных истолкованию закона для максимально широкого применения в различных жизненных ситуациях. – *Примеч. ред.*

¹³⁵ Речь идет о драме Виктора Гюго «Каин» (перевод на рус. язык неизвестного автора). – *Примеч. пер.*

коим образом; просто так вышло. Она не знала, что испепелит сводных сестер и мачеху, но после того, что случилось, она закопала череп и полностью закрыла для себя эту возможность. Она совершенно отстранилась от нее.

Здесь мы возвращаемся к другому закону мудрости, который мы находим в сказках. Любое зло стремится создать цепную реакцию, будь то самоубийство, месть или ответное злодеяние. Эмоциональная цепная реакция стремится принять какую-то форму, а следовательно, было бы мудрее прервать эту реакцию. Когда наступает нужный момент, человек должен остановить развитие этой цепной реакции и ее похоронить, оставить ее в покое, отделить от нее свою интегрированную личность и отказаться от ее силы. Было бы вполне по-человечески сказать «Ага, они получили по заслугам», но тогда Василиса сама оказалась бы во власти того объекта зла, которым она воспользовалась, – как злой шаман, по выражению африканцев. Но мы не видим никакого триумфа и никакого торжества. Девушка закапывает череп и сразу уходит. Это очень сложно сделать, ибо, если человек однажды научился не позволять злу брать над собой верх, он может чувствовать порой, как оно поражает людей или возвращается к тем, кто его породил. Крайне важно не обрадоваться и не подумать: «Ах, вот как это делается; теперь вот пойду и разделаюсь с ним», – нужно просто от этого отстраниться. Данное правило поведения было таким же точно в каменном веке и действует по сей день.

Я бы хотела амплифицировать образ тех рук, которые перерабатывали пшеницу и маковые зерна. Ужасная тайна, которая скрывается от всех, часто связана со смертью. В этой примитивной форме руки-скелеты означают смерть. Я говорила вам о другой сказке, в которой девушка входит в потайную комнату, в которой находится кивающий скелет. Примитивные люди связывают смерть со злом, и в Северной и Южной Америке существуют племена индейцев, в которых люди никогда не дотрагиваются до покойника. Умиравшего человека кладут в отдельный вигвам или хижину, и, как только он умирает, хижину запирают, или огораживают, или сжигают, и люди держатся подальше от этого места. Феномен смерти и присутствие покойника высвобождает реальный примитивный страх. Трудно сказать определенно, является ли этот страх страхом зла или смерти; но это одно и то же.

В египетской мифологии и в некоторых африканских сказках к смерти относятся как к врагу, который убивает в конце жизни.

Мы до сих пор употребляем слово агония (от греческого *agōn*), которое означает «сражение». В наше время оно рационализировалось в идее, что умирающий человек борется за жизнь, за возможность дышать, но изначально борьба происходит с невидимым врагом – смертью. Эдмон Ростан воплотил эту же идею в своей пьесе «Сирано де Бержерак», в которой последним врагом Сирано, с которым он должен сразиться, является смерть.

Пока природа не создала человека, практически ни одно теплокровное животное не доживало до старости. В природе, когда физические силы в определенной степени истощаются и увядают, кого-то съедают другие, кто-то умирает от голода и холода либо от жажды, если находится в пустыне. Поэтому несмотря на достижения современной цивилизации наш паттерн поведения, наша инстинктивная настройка на смерть по-прежнему существует, когда смерть представляет собой что-то, что перерезает вам горло или нападает на вас и загрызает насмерть, как это было в прошлом.

В своей книге, посвященной бушменам, живущим в пустыне Калахари, Лоренс ван дер Пост описывает, как старики бегут по пустыне за своим племенем столько, сколько у них хватает сил. Когда они больше не выдерживают, племя оставляет им пищи и воды на три-четыре дня, прощается с ними и покидает тех, кто вынужден остаться и ждать смерти. Естественно, в восьмидесяти пяти процентах случаев их съедают дикие животные, живущие в пустыне. Это смерть в естественных условиях. Отсрочки смерти благодаря медикаментам, как это в наше время происходит в больницах, не существует, и мы не можем к ней привыкнуть.

Если вы мысленно вернетесь к этому естественному состоянию природы, то осознаете, какая тесная связь между тем, чтобы оказаться сраженным силой зла или рукой врага, быть съеденным диким зверем и умереть. Получается так, словно жизнь человека – это луч света, который держит на расстоянии львов и тигров и даже его собратьев-людей, но когда этот свет тускнеет и жизнеспособность падает, то вся эта тьма обрушивается на человека и, образно говоря, его поглощает. Поэтому последняя битва – это всегда победа темной стороны, я имею в виду на физическом уровне. Вероятно, это свидетельствует в пользу близости символики смерти и зла, и именно поэтому в немецком языке до сих пор соединяются *Tod und Teufel* (смерть и черт). Например, в немецком языке существует пословица: «Он не боится ни смерти, ни черта», где оба эти понятия являются родственными по смыслу.

Однако мне кажется, что если смотреть на этот феномен с биологической точки зрения, то мы увидим лишь подструктуру более глубинной сущности. Согласно моему опыту, – хотя никто не может судить, что по-настоящему является добром, а что является злом, и я сама не рискнула бы это определить, но все же, – если посмотреть на это наивным взглядом, создается впечатление, что если в человеке существует зло, то оно представляет собой нечто наподобие желания психологической смерти.

Я хочу привести один пример, так как, по моему мнению, он служит очень хорошей иллюстрацией одного важного фактора. У Барбары Ханны и у меня были трудные случаи, с которыми мы не могли справиться. У каждой из нас было по одной пациентке, крайне одержимой негативным Анимусом, а потому еще в то время, когда Юнг был, можно сказать, нашим супервизором, мы попросили у него помощи. Ему удалось в тот же день посмотреть обеих женщин: сначала одну, потом другую. Он был очень вежлив с ними, как он всегда был вежлив на первичной консультации, и был к ним очень внимателен. В том и другом случае женщина поссорилась с мужчиной-аналитиком, врачом-супервизором клинического случая, и рассказала об этом Юнгу. Если сократить рассказ до минимума, то пациентка госпожи Ханны придя домой описала своим близким свое впечатление от встречи с Юнгом. Моя пациентка придя домой позвонила врачу-аналитику и передала ему все, что ей сказал Юнг относительно него, кое-что прибавив и от себя, что было ему крайне неприятно.

Юнг сказал, что это было очень важно, ибо, если один человек передает психическую энергию кому-то другому, всегда следует смотреть, что с ней будет дальше. Если было легкое или кратковременное облегчение, даже если оно прошло, человек может проявлять сочувствие или интерес, привнося в ситуацию энергию. Если же эффект был противоположным, то следует знать, что мы накормили демона этого человека, и сам человек не получил то, что ему дали. Он не сказал, что в моем случае все обречено, но все происходило так, словно злой Анимус сидел совсем рядом с женщиной и всякий раз перехватывал у нее добрый кусок еды, как только ей его давали. В результате демон толстел, а она худела.

В таком случае, если человек собирается лечить пациента с христианской терпимостью, любовью и заботой, то тем самым он оказывает пагубное воздействие, и подобную ошибку совершают многие наивные молодые психиатры. В христианской традиции,

а также в традиции врачебной практики (клятва Гиппократа!) абсолютным императивом для целителя является его терпимость. Такие люди не замечают, что они кормят Дьявола, и вместо того, чтобы сделать пациенту лучше, делают ему хуже. Таким образом, если становится видно, что Дьявол хватается все, что дают, можно сделать только одно – закрыть кормушку и не давать ничего.

Юнг сказал мне – это был мой самый первый случай, и я ужасно боялась это сделать, причем так, что даже не послушалась Юнга и не подчинялась целую неделю его совету – перестать заниматься анализом с этой женщиной, сказав ей, какой лживый и хитрый Дьявол в ней скрывается. Но для меня это был первый случай, и мне не хотелось его упускать, поэтому я промедлила неделю и все-таки это сделала. Как и должно было случиться, ей стало намного лучше. После многолетнего *отсутствия* лечения у нее было практически все хорошо! Мой «пинок» оказал свое воздействие, и через восемь лет я получила от нее письмо, в котором она меня благодарила.

В данном случае дело было не только в том, что ее демон пожирал все, что ей давали, так что ей фактически ничего не доставалось: ни человеческого чувства, ни психологической пищи. Все было гораздо хуже, ибо было хорошо заметно, как ее Анимус действовал против жизни. Ту энергию, которая она получила от Юнга, она попыталась использовать для того, чтобы уязвить другого врача, сообщив ему предположительное мнение Юнга относительно его действий. Ее действия были деструктивными, она создавала атмосферу, которую я называю атмосферой психологической смерти.

Такое поведение начинается с самого простого: человек хочет испортить настроение другим людям. Когда люди чему-то радуются, кто-то сидит с кислой миной и тем самым часто производит эффект «ледяного душа»; если человек получил приятный подарок, то другой отпускает ревнивое замечание и тем самым портит ему настроение. Таковы минимальные проявления попыток погасить пламя жизни. Когда психическая жизнь, удовольствие в высшем смысле этого слова, оживает, то разгорается пламя жизни и наступает эйфория. Но всегда находятся люди, которые пытаются потушить это пламя и покончить с этой эйфорией своей завистью или критическим отношением – так находит свое воплощение реальное зло. Если я замечаю признаки такого демонического жела-

ния разрушить психологическую жизнь, то сразу сосредотачиваю на них свое внимание.

Таким образом, в каком-то смысле зло – *это скелет*. Это дух, в котором нет «ни жизни ни любви», который всегда как бы связан с сущностью зла. Это деструктивность ради самой деструктивности, которая в какой-то мере существует у каждого человека. Но некоторые люди, как та женщина, становятся совершенно ею одержимыми. Этот вид смерти-духа чаще всего бывает до смерти голодным. Он оставляет человека таким, какой он есть, продолжать делать то, что он делает, и не вселяет в него жизни. Он протягивает руку скелета для смертельного рукопожатия, от которого не горячеет кровь, не бурлит жизнь, и тогда мы прогоняем Дьявола туда, откуда он пришел.

Прежде чем двигаться дальше, я хочу отметить, что при рассмотрении зла в волшебных сказках и в фольклоре этический конфликт скорее трактуется как некая природная мудрость, чем как религиозное осознание проблемы добра и зла. Это очень отличается от иудейско-христианской традиции, существующей две тысячи лет и отточившей наше сознание до гораздо более чуткого понимания зла и попытавшейся установить новые правила поведения. Мне кажется, что это нормально, если таким образом человек достигает *для себя* более высокого уровня сознания и более утонченного осознания проблемы добра и зла. Но применительно к другим людям происходит воздействие, которое я описывала ранее: зло все более и более приписывается другим, вызывая цепную реакцию мести и наказания, посыпание пеплом головы и донимая их подозрениями в нечистой совести, пока они действительно не придут в ярость от своей подавленной нечистой совести. Все эти омерзительные способы воздействия превратили нас в самую беспокойную и самую неприятную толпу людей на планете. На мой взгляд, это имеет прямое отношение к высшей морали, которую мы неправильно используем: то есть применяем ее к другим людям вместо того, чтобы применять исключительно к себе.

Природная мудрость имеет свой недостаток: если пользоваться ею слишком часто, она создает некоторую релятивистскую этическую установку, в соответствии с которой белое называется отчасти черным, а черное отчасти серым, пока, наконец, не создается некая смесь, в которой все становится несколько светлее или несколько темнее, и тогда нет никаких моральных проблем! Естественно, это неправильно, и мы не можем вернуться к бессозна-

тельному непониманию четких отличий в поведении людей. Но, как писал Юнг в своем труде *Aion*, до наступления христианства зло было не совсем злом. Возникновение христианства добавило в злое начало некий дух зла, которого раньше не было. Уточнять или дифференцировать всевозможные этические реакции и превращать мир в черно-белую картинку для нас не лучший выход. Поэтому, занимаясь так много лет сказками, я думаю, что, может быть, лучше относиться к внешнему злу согласно правилам природной мудрости, а обостренное, дифференцированное этическое сознание применять только к себе.

Теперь я хочу рассказать вам две истории, которые приведут нас к парадоксу терпимости. Следует ли человеку проявлять терпимость по отношению к злу или нет? Этот современный вопрос, который выражается в форме проблемы смертной казни, которую в некоторых странах до сих пор хотят установить или отменить. Эта современная версия проблемы имеет свою политическую и религиозную основу, которую мы не будем обсуждать, а просто посмотрим на нее с точки зрения фольклора.

В нашей сказке Василиса проявляет свою природную мудрость. В ее отношениях с бабой-ягой становится совершенно ясно, что с таким неравным партнером не может быть никакого равновесия сил. Тогда для Василисы было бы не слишком мудро «выносить сор» из избы бабы-яги, указывать на него и смотреть на Тень бабы-яги вместо того, чтобы смотреть на свою собственную Тень. С точки зрения традиции это означало бы ликвидировать огромную разницу между божеством и человеком, но самое главное, что здесь отсутствует религиозное почтение к божественной фигуре. То же самое говорится в книге Юнга «Ответ Иову». Иов настаивает на своей праведности. Бог мог бы подумать, что Иов посчитал, что Он неправ, и реагирует соответственно, насылая на Иова бедствия и несчастья, но Иов не говорит: «Пусть так, но по-моему Ты находишься в плену у Своей Тени!» Это отношение к Богу было бы похоже на отношение к соученику, соседу по школьной парте. Иов отвечает: «Руку мою полагаю на уста мои»¹³⁶ – таким образом он проявляет свое почтение к Богу. Не дело человека, так сказать, тыкать Бога носом в Его Тень. Иначе это говорило бы о подверженности инфляции и о полном непонимании психической реальности. Затем Иов сказал:

¹³⁶ Книга Иова 39: 34. – *Примеч. ред.*

«И ныне, вот, на небесах Свидетель мой, и Заступник¹³⁷ мой в вышних!»¹³⁸ – то есть он знает, что Тот, Кто защищает его на небесах, и есть Сам Бог. Это все равно что почтительно сказать: «Это отношения между мной и Богом». И Бог изменяет свое отношение к Иову, потому что тот не возлагает на Него ответственность за происходящее и не указывает Ему на это.

Это очень сложная и очень специфическая ситуация, но в отношениях двух человек, если вы как-то промолчите и *не* укажете другому на его темную часть, это не значит, что вы лишите его возможности найти ее в себе самому. Если вы скажете, что он совершает Теневые поступки, значит вы ставите себя выше него. Но если вы ему не говорите ничего, значит другой человек может прийти домой и узнать о себе сам. Если эмоциональный контакт не слишком хорошо сформирован и если другой человек опасается, что вы гораздо сильнее его, то лучше оставить все как есть, предоставив возможность другому человеку самостоятельно все узнать о себе, и это повысит его авторитет в собственных глазах. Если же у вас с ним сложились хорошие отношения, вам больше не нужны такие сложности. Тогда вы можете сказать: «Ах, теперь на тебя действует твой Анимус», – и между вами не возникает никакой проблемы авторитета. Находясь в кругу друзей, вы можете сказать: «Слушай, не будь дураком», и другой человек не почувствует, что его авторитету нанесен ущерб, ибо между вами существует взаимное уважение.

Итак, я бы сказала, что многое зависит от отношений. Если партнер в чем-то остается для вас невидимкой или у него может упасть самооценка, лучше оставить все как есть. Иов поступил так по отношению к Богу, он был достаточно почтительным и действительно посчитал себя вошью, которая не вправе упрекать Бога. Это обращение к смирению, к истинному чувству своей малости, не позволяющей упрекать Бога.

После того как Василиса отказалась задавать четвертый вопрос, баба-яга говорит: «Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?» Мы знаем, что эту работу делает волшебная куколка, но Василиса скрывает свою тай-

¹³⁷ В оригинале: *“advocate (Anwalt)”* (нем. *Anwalt* – «адвокат, защитник»), далее в тексте оригинала следует примечание: *“Vindicator” is RSV alternative reading for “Redeemer” and comes very close to the Z.B. “Anwalt” = “advocate”. CW 11, p. 369 (translator’s note).* – Примеч. ред.

¹³⁸ Книга Иова 16: 19. – Примеч. ред.

ну, как ведьма – свою, и говорит: «Мне помогает благословение моей матери». Она не рассказывает о себе всю правду, а только ее половину. Она получила материнское благословение и с ним – куколку, но упоминает только о благословении.

Баба-яга дает ей череп, а затем гонит ее прочь из избышки и со двора, а затем снимает с кола череп со сверкающими глазницами, насаживает его на палку и дает Василисе со словами: «Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали». Так как Василиса пришла достать огня для сестер, которые заставили ее это сделать, ведьма дает девушке именно то, что хотели ее сводные сестры. Можно сказать, что она выполняет функцию передачи зла ее злым сестрам, но это не выглядит как месть. Они получили то, что хотели!

Если переложить все на язык психологии, это значит, что они отказались от осознания, а нереализованное сознание становится испепеляющим огнем, пеплом от огня на их головы. Именно поэтому, согласно Юнгу, самый тягчайший грех – нежелание достигнуть осознания, хотя такая возможность есть. Другое дело, если внутри нет зародыша возможного развития сознания, если Бог сделал вас бессознательными и вы просто остаетесь таковыми, тогда это не имеет значения. Но если человек не проживает своих внутренних возможностей, то эти внутренние возможности становятся деструктивными. Именно поэтому Юнг говорит, что с точки зрения психологии по той же причине одной из самых злых и губительных сил являются нереализованные творческие способности. Это другой момент. Если кто-то обладает творческим даром и вследствие своей лени или по какой-то иной причине его не использует, эта психическая энергия превращается в настоящий яд. Именно поэтому мы часто диагностируем невроты и психические заболевания как нереализованные, непрожитые высшие возможности.

Невроз – это часто плюс, а не минус, но непрожитый плюс, высшая возможность достичь нового уровня осознания или же, наоборот, стать более изобретательным в измышлении каких-нибудь пошлых оправданий. Согласно нашему опыту, отказ от высшего развития или высшего осознания является одной из самых пагубных вещей в жизни. Кроме всего прочего, этот отказ автоматически побуждает людей тянуть назад за собой всех, кто пытается это сделать. Кто не реализовал свои творческие возможности, пытается препятствовать другим людям проявить свой

дар, и кто не реализовал возможность повышения уровня своего сознания, всегда пытается напустить туман или вселить неуверенность в людей, предпринимающих усилия в этом направлении. Именно поэтому Юнг говорит, что если пациент перерастает своего аналитика, что случается довольно часто, то он должен оставить этого аналитика, ибо тот будет тянуть пациента назад, на прежний уровень.

Желание человека помешать другим людям повысить свой уровень осознания, потому что он не хочет пробуждения своего сознания, – зло поистине смертоносное. А иметь возможность для развития сознания и не использовать ее – вообще самое худшее из зол, которые вообще можно себе представить.

Горячее зло

Действия Василисы, ее осмотрительность и прозорливость составляют некий контраст по сравнению с ситуацией в других волшебных сказках, где вхождение в потайную комнату или произнесение запретного вопроса в конечном счете приводят к развитию осознания на более высоком уровне. По существу, главная мораль в сказке о Василисе Прекрасной – не трогать спящую собаку, то есть, как говорят, не будить лихо: не нужно проникать в таинство зла, пока не появится неотложная веская причина, чтобы это сделать.

Если бы Василиса задала четвертый вопрос, ведьма взорвалась бы от гнева, что означало бы для нее некое поражение, ибо это вопрос вызвал бы у нее негодование. Тот, кто гневается, – проигрывает. И тогда мы переходим к другой группе сказок с мотивом состязания, содержащих условие, «кто раньше разозлится». Этот мотив обычно присутствует в немецких сказках или сказках северных народов. Я не встречалась с этим мотивом в сказках многих других стран, но считаю, что это само по себе очень важное явление, поэтому я начну обсуждение с версии сказки, которая так и называется – «Кто первый разозлится».

Кто первый разозлится ¹³⁹

Жил-был крестьянин, и была у него его жена; и были они очень богатыми и скупыми. Настолько скупыми, что у них не было даже детей! Из-за своей жадности крестьянин не хотел нанимать работников за деньги, тогда он пошел к своему бедному младшему брату и попросил, чтобы тот прислал одного из своих троих сыновей поработать в его хозяйстве. Договор был такой: кто первый разозлит-

¹³⁹ *Deutsche Märchen seit Grimm*, MdW (Jena, 1922), p. 394: *Böse werden*.

ся, неважно – хозяин или работник, – тот будет расплачиваться. Если первым разозлится хозяин, то его работник получит все хозяйство и может даже отрезать хозяину уши, а в придачу получить все его деньги. Если же первым разозлится работник, ему отрежут уши и он не получит платы. При этом крестьянин сказал брату: «Я это делаю только потому, что хочу жить с тобой в мире и дружбе», – но в глубине души сам-то он знал, что хитрит, чтобы не платить бедняку денег.

Первым отправился старший сын, Ганс. Его почти ничем не кормили, и ему было очень трудно не разозлиться. Когда прошел год и закончился срок его работы, крестьянин решил, что ему пора подумать, как бы обмануть юношу и не заплатить ему денег. Он велел Гансу отогнать коров с пастбища, и затем его жена должна была принести юноше обед. Ганс работу сделал, но обед ему так и не принесли. Крестьянин подумал, что теперь Ганс разозлится, когда придет к нему домой. Но когда наступило время обеда и юноша очень проголодался, он позвал мясника, продал ему коров, отрубил хвосты, воткнул их в трясину ближайшего болота. И зовет крестьянина: «Иди быстрее, коровы утонули в болоте!» Тот прибежал, потянул за один хвост и покатился на спину с хвостом в руках! То же самое вышло с остальными хвостами. Но, поняв, что Ганс продал коров, он не сказал ничего, а даже старался с ним говорить приветливей, чем обычно, понимая, что если он разозлится, то потеряет все свое имущество.

Они вдвоем вернулись домой, и жена крестьянина подала ужин, но тарелка Ганса была пуста, а он в это время был так голоден, что едва держался на ногах. Ганс разозлился на своего дядю, тот отрезал ему уши и прогнал прочь.

Итак, Ганс вернулся домой с деньгами, вырученными от продажи коров, но не получил никакой платы за работу. На следующий день отправился второй брат. Когда год его работы подходил к концу, крестьянин, который хотел и его обмануть, велел юноше взять телегу, запряженную лошастью, и поехать в лес за дровами и пообещал, что сам привезет ему обед. Однако случилось то же самое: юноша остался без обеда, и тогда он продал лошадь с телегой первому встречному, сказав дяде, что лошадь пожрал лев. Крестьянин сделал вид, что поверил, но когда наступило время ужина и жена крестьянина не дала юноше никакой еды, тот был так голоден, что попытался отнять у дяди его тарелку. Тогда крестьянин отрезал ему уши.

На следующий день пошел в работники третий брат, а он был бесхитростным простаком. Старшие братья очень жалели, что младшему придется голодать, поэтому приносили ему в поле еду. Богатый крестьянин очень удивлялся, что несмотря на то, что он очень плохо кормил своего работника, юноша всегда относился к нему дружелюбно, и это показалось ему подозрительным. Поэтому он велел жене прикинуться кукушкой, пойти в лес и три раза прокричать «ку-ку!», чтобы юноша подумал, что срок его работы закончился. А юноше он сказал: «Когда кукушка трижды прокукует, то знай, что твой год закончился, потому что ты пришел, когда куковала кукушка». Юноша обрадовался, ибо он не понимал, что это тоже уловка, как и с его братьями; он просто хотел принести домой заработанные деньги. Он упросил дядю дать ему свое ружье, чтобы он от радости смог выстрелить в воздух. Недалекий крестьянин с готовностью согласился, так как знал, что ружье было заряжено давно и старый заряд мог запросто разорвать ствол.

Однажды жена жадного крестьянина вымазалась в сиропе, вывалялась в перьях и пошла в лес исполнять все, что ей было наказано. Она забралась на дерево и изо всех сил закричала: «Ку-ку!» – но ей удалось крикнуть только один раз, так как юноша схватил ружье и выстрелил, как ему показалось, в птицу, но по ошибке попал в женщину и убил ее. Жадный крестьянин, который прятался неподалеку в кустах, в ярости выскочил из кустов и с кулаками набросился на мальчика. А тот его спросил: «Дядя, ты что, сердишься?» Крестьянин ответил, что в таком положении разозлился бы сам Дьявол. Поэтому юноша получил все хозяйство, дом и деньги, и ему было даже позволено отрезать своему дяде уши.

У этой сказки есть несколько версий, и участники уговора доводят друг друга почти до белого каления. Но в любом случае есть злоумышленник, который хочет обмануть другого человека и сам в конечном счете проигрывает. Эта сказка может показаться наивной и примитивной, однако нам следует помнить, что в те времена люди еще не умели управлять своими чувствами. Научиться держать себя в руках было бы значительным культурным достижением. По существу, мы и сейчас этим не можем особенно похвастаться. Сознание человека, который может управлять своими эмоциями, находится на более высоком уровне по сравнению с тем, кто не умеет держать себя в руках, однако мы должны смотреть несколько глубже, ибо в других сказках присутствует, так

сказать, «холодное» зло и «горячее» зло. Горячее зло создается демонами или людьми, оно выглядит как негаснувший подспудный эмоциональный аффект, который, как тлеющее пламя, горит не угасая, и этот вид аффекта является необычайно заразительным. В этом можно убедиться на примере внутрисемейных или межнациональных отношений, а также других социальных ситуаций.

Заразительность аффекта или эмоции представляет собой величайшую опасность и является источником огромного количества зла. Если, например, вы накануне выборов захотите обсудить с американцами расовые проблемы, то можете потратить много времени, прежде чем встретите человека с абсолютно объективной установкой по отношению к этой проблеме. Большинство же при ее обсуждении проявляют свою эмоциональность. Как только кого-то захлестывают эмоции, независимо от того, чью сторону принимает этот человек, разгорается пыл и ситуация накаляется. Это лишь один пример, но таких примеров можно найти множество. Эмоции захватывают человека исподволь. Когда они перерастают в аффект, то объективность и реалистичная установка исчезают. Самый лучший способ понять, оказался ли человек в плену эмоций, – это посмотреть, сохранилось ли у него чувство юмора. Если оно пропало, можно быть уверенным, что эмоциональное пламя где-нибудь его охватит, и тогда ему грозит опасность оказаться под воздействием злого начала.

Умение справиться с аффектом или гневом представляет совсем не простую задачу, ибо эмоциональный фактор до сих пор остается для нас решающим. Многие люди в нашем обществе могут внешне контролировать свой гнев, сдерживать свою Персону и скрывать свои эмоции, но они все равно их разъедают изнутри, воздействуя в глубине на их мысли. То есть это умение справляться с эмоциями является чисто внешним. Большинство людей могут в этом преуспеть, но лишь совсем немногие из них могут совершить второй шаг и полностью отделить себя от сильной эмоции. Эмоция является столь опасной в силу своей заражающей способности. Если человек теряет чувство юмора и начинает ворчать, то другим людям бывает трудно его остановить. В этом, на первый взгляд, смешном состязании крестьян – кто первый разозлится – скрыт глубокий смысл, и оно помогает осветить разные стороны проблемы зла, что весьма существенно.

Мы увидим, что это становится даже более важным в состязании с Дьяволом. Позже я представлю вам сказку, в которой ге-

рой должен состязаться с самим Дьяволом; проблема заключается в том, может ли герой его разозлить. Если сможет, значит, Дьявол проиграл состязание. Таким образом, даже сверхъестественным существам приходится играть в такие игры, и тот, кто сохраняет человеческий облик, выигрывает у того, кто поддается порыву своей бессознательной природы.

В германских странах Вотан является богом эмоциональности и неуправляемой ярости: и пагубной, и святой, – и вообще богом любого типа эмоциональности. Поэтому для германских народов, которым присуща такая агрессивность, это особая и довольно острая проблема. Но над этой проблемой могли бы задуматься и другие народности, ибо и негерманские народы часто могут находиться в таком состоянии.

Хотя кажется, что между двумя последними сказками нет ничего общего, их общий знаменатель заключается в том, что человек должен сторониться тьмы, стараться ее избегать. Наш работник держался от нее подальше и потому не попался на уловку, которую подстроил дядя. Его братья не борются со своими эмоциями, они видят, что должны держать за пазухой свое оружие ненависти, но все же пытаются всяческими уловками с ней бороться. Один продает коров и отрубает им хвосты, другой продает лошадь с телегой, то есть на интеллектуальном уровне они совершают некое зло. Таким образом они вступают в борьбу, хотя их оружие оказывается совершенно иным по сравнению с тем, которое они решили применять сначала. Как показывает нам сказка, оно тоже не срабатывает, ибо в конце концов аффект все равно берет верх.

У младшего брата не было никакого злого умысла. Даже его выстрел был *Freudenschuß*¹⁴⁰, то есть выстрел радости, он как бы говорит: «Ура! Наступила весна, и теперь я могу вернуться домой!» Наивной остается не только его эмоциональная сфера, но и его разум, насколько он у него вообще присутствует, – видимо, разума у него не так уж много. Так что он остается не затронутым силами зла, а потому все происходит само собой.

Интересна символика ружья, с помощью которого он убивает жену своего дяди. Во время выстрела взрывается порох. В данном случае происходит трансформация взрывной ненависти. Он в символической форме использует взрывную эмоциональность старого

¹⁴⁰ От нем. *Freude* – радость; веселье, *Schuß* – выстрел. – Примеч. ред.

дяди; а убив его жену, он обращает его зло против него самого. В конце сказки дядя взрывается по-настоящему, не только символически. Своим символическим поступком, магическим выстрелом юноша направляет взрывные эмоции дяди против него, совершенно не осознавая, что он делает. Он взял у дяди ружье, вовсе не имея намерения убить его жену; это произошло случайно.

Когда проблема прорабатывается на символическом уровне и с ясными намерениями, часто все происходит именно так. Примером тому является применение юнговского метода активного воображения с целью преодоления переполняющего воздействия аффекта. Этот метод применим во многих ситуациях, но в случаях, когда человек переполнен эмоциями, он особенно показан. Это не обязательно может быть гнев, в той же мере это может быть одержимость влюбленностью, или неумение сохранить ясность мышления, или еще какой-нибудь вид эмоций, которые могут переполнять человека, – например, крайняя степень покорности, безропотное подчинение. Как правило, в таких ситуациях мы советуем людям персонифицировать свои аффекты и поговорить с ними, позволить аффекту проявить себя в любой форме и постараться вступить с ним в контакт как с реальным человеком. Это единственный способ с ним справиться, если вы подавили переполняющие вас эмоции на внешнем уровне, но ничего не можете с ними поделать внутри. Люди говорят: «Да, я сделаю все возможное, я не позволю дать выход наружу своему гневу, но вместе с тем я не могу от него избавиться, он не дает мне покоя ни днем, ни ночью, и мне совершенно не помогает, если я все время о нем думаю». В таком случае единственное, что следует сделать, – персонифицировать этот импульс и попытаться с ним справиться с помощью активного воображения.

То есть, как это и получилось в сказке, нужно трансформировать всю ситуацию борьбы, переведя ее с наивного уровня на психологический. Именно так поступил юноша, сам этого не осознавая, взяв ружье у своего дяди. Таким образом он перенес всю проблему на символический уровень, реагируя на нее и играя с ней именно на символическом уровне, и тогда в результате произошло странное, магическое событие: выстрел обернулся в сторону дяди.

Здесь я делаю опасное утверждение, ибо как только человек испытал на себе это явление, то в следующий раз он сам его создаст; у него появится тайное ощущение вовлеченности в черную

магию. В первый раз вы поступаете, как этот юный простака: вы пытаетесь честно справиться со своим аффектом с помощью активного воображения, и у вас все получается, и другой человек, который вас раздражал, получает свое через синхроничное событие. Поэтому вы думаете, что все прекрасно, но в следующий раз вы оказываетесь во власти черной магии и говорите: «Теперь я хочу справиться со своим аффектом и надеюсь, что тот, другой, тоже через это пройдет!» Значит, вы снова оказались во власти этого аффекта! Тогда вам становится все труднее и труднее сохранить свои чистые намерения. Именно поэтому в сказке отмечается, что у молодого человека не было никакого злого умысла в том, что он делал; он остался таким же наивным, каким был сначала. Если вы используете метод активного воображения, то сначала должны постараться сформировать по отношению к нему честную установку, и только для того, чтобы решить свои проблемы, чтобы остаться в стороне от зла, не глядя на то, что синхронично происходит вовне. Иначе ваша попытка ничем не будет отличаться от старого доброго приема черной магии.

Наивность относится к известному сказочному мотиву, воплощенному в образе эдакого *Dümmling*¹⁴¹, простака, который появляется в сказках бесчисленное множество раз. Например, у короля было три сына, и младший был дурак, над которым все смеялись; но всегда именно этот дурак становится главным сказочным героем. Или, например, у крестьянина было три сына: два нормальных, а третий только сидел на печи и целыми днями чесал в затылке, и в конечном счете именно он становится героем, женится на принцессе и наследует царский трон.

Поэтому простака – это центральная фигура, причем не только в волшебных сказках; это основной мифологический мотив. Он символизирует базовую искренность и интегрированность личности. Если у людей в самой сокровенной основе нет этой внутренней сущности истинности и искренности или определенного уровня интегрированности, они проигрывают или даже погибают, сталкиваясь с проблемой зла. Они попадают, они «влипают». Интегрированность личности гораздо важнее интеллекта или самоконтроля или чего-то еще. Именно благодаря своей искренности работник спасает ситуацию. Простака хочет получить ружье, просто следуя своему наивному желанию, просто ради удоволь-

¹⁴¹ *Dümmling* (нем.) – дурачок, простофиля. – *Примеч. ред.*

ствия. Дядя дает это ружье со злым умыслом, и в конечном счете зло оборачивается против него самого.

Злые люди назвали бы глупостью такое отсутствие хитрости. Если вы сохраняете свою интегрированность, то с определенной социальной точки зрения вы кажетесь глупым, и люди обвиняют вас в глупости. Если вы политик и при этом являетесь наивным, то вам конец! Быть в политике честным, наивным и простодушным – это полный идиотизм!

В самом начале сказки становится ясно, что крестьянин и его жена глупы, потому что они бесплодны. Они настолько мелочны и бесплодны, что это уже переходит все границы, поэтому по-настоящему глупыми являются именно они. Но естественно, они считают (я не передавала в подробностях их разговоры), что они – самые умные. Они думают, что их уловка даст им выгоду и обойдется им просто так: они отрежут своим работникам уши и ничего им не заплатят. Они чувствуют себя совершенно правыми, однако младший брат все обращает против них самих. Младший брат – совершенно невинное создание. Он обладает той невинной глупостью, которая начинает их сбивать с толку. Он такой искренний, что они начинают нервничать. Они чувствуют, что этот юноша обладает добродетелью, которую они не понимают; он живет, не обремененный высокими требованиями Эго, и наслаждается жизнью. Даже маленькие удовольствия для него что-то значат. Поэтому дядя и его жена не ощущают по отношению к нему никакой близости. У них нет никакой эмпатии по отношению к его невинности, которая заставляет их нервничать. Они хотят от него избавиться и проигрывают поединок, поскольку вследствие невразумности и серьезного испуга делают все неправильно. Они начали хитрить и проиграли.

Однако в глубине этой смешной простой истории есть нечто поразительно тонкое. Можно было бы сказать, что такая простодушная искренняя прямота – это уже великое таинство личности, находящейся в процессе индивидуации. Этот дар бесхитростной прямоты – божественная искра, существующая в человеке. Я бы сказала, что при анализе это решающий фактор, влияющий на то, насколько хорошо или плохо проходит анализ.

По моим ощущениям, как раз такая искренняя установка была у Юнга, и вы очень хорошо ее чувствуете, читая его мемуары. Некоторые обозреватели, прочитав эту книгу, говорили, что этот человек был великим простаком! Насколько нужно быть на-

ивным, чтобы публиковать такие вещи? Эти люди как раз утратили чувство этой тонкости. Юнг совсем не был наивным. Однако он обладал внутренней прямоотой. Человек, который приходил к нему с прямоотой и честностью, получал в ответ прямооту и честность, хотя Юнг был достаточно мудр, чтобы использовать свою прямооту, когда он считал это уместным, и скрывал эту сторону своей личности, сталкиваясь с темной стороной.

Я думаю, что такую интегрированность ядра личности мы могли бы назвать аспектом Самости и сутью юнгианской психологии. Мы ни в коем случае не должны от нее отказываться. Как только мы начинаем делать юнгианскую психологию более широко распространенной, например, применяя уловки в борьбе с другими школами, мы уже теряем свою целостность. Мы не ведем себя в соответствии с нормами юнгианской психологии. Это трудно. Люди будут всегда говорить: «Хорошо, но послушайте, если вы как-то не будете этому противодействовать, они возьмут всю власть, – мы *должны* что-то сделать». Это становится весомым аргументом, и если вы попадете в *такую* ловушку, то вы погибли. «*Сделайте* что-то! Другие что-то делают, значит, и мы должны что-то сделать!» Они говорят: «Мы *не хотим* делать, но мы *должны!*»

С другой стороны, бывают ситуации, когда мы действительно должны действовать. В этом заключается парадокс. Задача состоит в том, чтобы каждый раз решать в согласии со своей совестью, что значит *этот* раз. И для этого у человека существуют сны. Но обращение к общим правилам может лишь вызвать парадокс, хотя в реальной ситуации у человека такого не бывает. Есть только *одна* линия поведения: сейчас я должен действовать вопреки всем правилам анализа; в следующий момент: я не должен быть заражен злом. В реальной ситуации речь идет о некоем уникальном решении, которое должно быть принято в момент. Если у вас есть такая установка, жизнь становится уникальным этическим приключением. Именно поэтому нас раздражают люди, которые пытаются у нас учиться. У нас нет правил поведения. У нас нет абсолютно никаких терапевтических правил. Нужно лишь всегда прислушиваться и знать, что глубинное внутреннее правило Самости говорит, что в данную минуту нужно делать это, а в следующий момент – нет. Но как только я перейду к общим замечаниям, я буду сама себе противоречить – при этом искренне и совершенно убежденно!

Вскоре мы перейдем к проблеме «холодного» зла. До сих пор мы рассматривали лишь «горячее» зло; но я хочу ввести дру-

гой аспект, ибо «холодное» зло приведет нас к следующему мотиву состязания в волшебстве, к магическому противоборству. Я хочу рассмотреть этот мотив, ибо он является более трудным. А пока мы возьмемся за более простую задачу. Нам предстоит решить сейчас проблему терпимости. Нужно ли быть терпимым ко злу или нет? Нужно ли, как сказано в Евангелии, подставлять вторую щеку или же нужно дать сдачи, ответить ударом на удар с такой же силой. Как было бы правильно? Я хочу представить вам две сказки, которые кажутся сходными, однако они совершенно противоположны, так что вы еще раз можете поймать меня на противоречии!

Одна сказка тоже из сборника «Немецкие волшебные сказки, собранные после братьев Гримм». Она написана на южном диалекте и называется «О человечке ростом девять дюймов» (*About a Man a Span Long*)¹⁴².

О человечке ростом девять дюймов ¹⁴³

Жила-была бедная девочка, которая потеряла своих отца и мать и у которой не было дома. Она не знала, где ей жить, поэтому стала искать себе место служанки. Идя через лес, она сбилась с пути и заблудилась. Наступила ночь, и, к ее великой радости, как только стемнело, она увидела в чаще леса крошечный маленький домик и подумала, что может там укрыться. В доме был полный бардак и беспорядок, поэтому она стала прибираться, укладывать вещи, мыть сковородки и кастрюли и развешивать полотенца и так далее. Вдруг отворилась дверь, и вошел маленький человечек с огромной бородой. Он осмотрелся вокруг, прочистил горло и, увидев сидящую в углу девушку, сказал:

*Я маленький человечек ростом девять дюймов,
У меня борода длиной три эля!¹⁴⁴
Девочка, что ты хочешь?*

¹⁴² *Span* (англ.) – пядь (9 дюймов или 22,8 см; расстояние примерно равное расстоянию от кончика большого пальца до кончика мизинца расставленной ладони), *man a span long* – человечек ростом с пядь, то есть 9 дюймов. – *Примеч. пер.*

¹⁴³ *Deutsche Märchen seit Grimm*, MdW (Jena, 1922), p. 404: *Vun'n Mannl Spönneläng*.

¹⁴⁴ Эль – мера длины; расстояние от вытянутого среднего пальца до верхней точки плеча (а не до локтевого сгиба, как в русском локте); в Англии – 45 дюймов, или 114 см; в Шотландии – 37 дюймов, или 94 см. – *Примеч. пер.*

Девочка его спросила, может ли она остаться переночевать, и человечек снова продекламировал эту строфу и велел ей постелить ему постель. Она это сделала. Потом он велел девочке приготовить ему баню; она все исполнила, как он просил. После бани он стал очень хорошо смотреться. Она подстригла ему бороду, и маленький человечек очень хвалил девочку, называл ее своей спасительницей и сказал, что он ее отблагодарит. Он отдал ей свою бороду и исчез.

На следующий день девочка взяла бороду и стала ее прясть. Пока она ее прядла, борода превратилась в чистое золото. Разумеется, все захотели купить эту золотую пряжу. Поэтому она вскоре разбогатела и вышла замуж, и если она еще не умерла, то живет до сих пор.

Я буду обсуждать эту сказку не отдельно, а вместе с полным ее аналогом, сказкой братьев Гримм «Белоснежка и Алоцветик».

Белоснежка и Алоцветик ¹⁴⁵

В своей избушке одиноко жила бедная вдовица, а перед избушкой был у нее садик, и в саду росли два розовых куста; на одном из них розы были белые, на другом – красные.

И были у вдовицы две дочки, ни дать ни взять как эти два куста: одну звали Белоснежкой, а другую Алоцветиком.

И были они такие добрые и славные, такие трудолюбивые и безобидные, что лучше их нельзя было себе детей представить; Белоснежка была только потише и помягче характером, чем Алоцветик. Алоцветик любила больше бегать по полям и лугам, цветы собирать и летних птишек ловить; а Белоснежка около матери дома сидела, в хозяйстве ей помогала либо с ней читала, коли нечего было больше делать.

Обе девочки так любили друг друга, что всегда шли рука об руку, когда вместе уходили из дома, а если Белоснежка, бывало, скажет: «Мы не покинем друг друга», – то Алоцветик отвечала: «Пока живы», – а мать к этому добавляла: «Что у вас есть – все пополам».

Часто бегали они вместе по лесу и собирали ягоды, и ни один зверь им зла не делал, и все доверчиво к девочкам подходили: зайчик из их рук съедал капустный листочек, дикая козочка спокойно

¹⁴⁵ The Complete Grimms Fairy Tales, p. 664 и далее.

паслась около них, олень весело прыгал, а птички слетали с ветвей и пели, что умели.

Никакой беды с ними не приключалось, и когда, бывало, запоздают в лесу и ночь их там застанет, они преспокойно улягутся рядышком на мху и спят до утра, и мать это знала и нисколько не тревожилась.

Однажды, когда они переночевали в лесу, и заря их разбудила, увидели они, что рядом с их ложем сидит прекрасное дитя в белом сияющем одеянии.

Оно поднялось со своего места, ласково на них посмотрело и молча удалилось в лес.

А когда они огляделись, то оказалось, что они спали почти на краю глубокого оврага и, конечно бы, в овраг упали, если бы ступили шаг-другой далее.

Мать, услышав об этом, сказала, что сидел около них, вероятно, ангел, который охраняет добрых деток.

Обе сестрицы соблюдали в хижине матери такую чистоту, что было любо-дорого посмотреть.

Присмотр за домом летом принимала на себя Алоцветик и каждое утро до пробуждения матери ставила на столик у ее кровати букетик цветов и в нем – по розе с каждого куста.

Зимою Белоснежка разводила огонь в очаге и подвешивала котел над огнем на крюке, и котел был медный и блестел как золото – так чисто был вычищен.

Вечером, бывало, скажет ей мать: «Ступай, Белоснежка, да запри-ка дверь на задвижку», – и тогда садились они у очага, и мать, надев очки, читала им кое-что из большой книги, а обе девочки слушали, сидя около нее, и пряли.

Рядом с ними на полу лежал барашек; а позади их на шестке, подвернув головку под крылышко, сидел белый голубочек.

Однажды вечером, в то время, когда они так сидели у очага, кто-то постучался у дверей, как бы просясь войти.

Мать сказала: «Поскорее, Алоцветик, отопри; это, может быть, путник, ищущий приюта».

Алоцветик пошла и отодвинула задвижку, думая, что стучится какой-нибудь бедняк; но оказалось, что стучался медведь, который просунул свою толстую черную голову в дверь. Алоцветик громко вскрикнула и отскочила, барашек заблеял, голубочек встрепенулся, а Белоснежка быстренько спряталась за материну кровать.

Но медведь заговорил: «Не бойтесь, я вам зла не сделаю; я, видите ли, очень озяб, так немного хочу у вас обогреться». – «Ах, ты бедный медведь! – сказала ему мать. – Ложись тут у огня, да смотри, чтобы твоя шуба как-нибудь не загорелась».

А потом крикнула: «Белоснежка, Алоцветик! Выходите, медведь вам никакого зла не сделает!»

Тут они обе подошли, и барашек, и голубок приблизились, и мало-помалу все перестали бояться медведя. Медведь сказал им: «Детки! Выбейте-ка мне немного снег из моей шубы», – и те принесли метелку, и мех на нем вычистили, и вот он растянулся у огня, как у себя дома, и стал ворчать от удовольствия.

Немного спустя они уже и совсем с медведем свыклись и стали над ним подшучивать. Они ерошили ему шерсть руками, ставили ножки свои ему на спину, двигали его туда и сюда, а не то возьмут прутик и давай на него нападать: он-то ворчит, а они хохочут. Медведь им все это спускал, и только тогда, когда уж очень они его доносить начнут, он и крикнет им в шутку: «Вы на меня не очень нападайте! Поосторожнее! Жениха не убивайте!»

Когда пришло время спать ложиться, мать сказала медведю: «Ты можешь тут лежать у очага; тут будешь ты укрыт от холода и непогоды».

На рассвете детки его выпустили, и он поплелся по снегу в лес.

С той поры медведь приходил к ним каждый вечер в определенный час, ложился у очага и давал девушкам полную возможность с ним забавляться; и они к нему так привыкли, что, бывало, и дверь не запрут до тех пор, пока не явится их косматый приятель.

Наступила весна, и все зазеленело кругом.

Вот медведь и сказал Белоснежке: «Теперь я должен удалиться и целое лето не приду к вам». – «А куда же ты уходишь, Мишенька?» – спросила Белоснежка.

«Я должен уйти в лес – оберегать мои сокровища от злых гномов; зимой, когда земля крепко замерзает, они должны поневоле под землей оставаться и не могут оттуда выбраться; но теперь, когда от солнца земля растаяла и прогрелась, они сквозь землю прорываются, выходят сюда, разыскивают и крадут то, что им нужно. Что им попало в руки и унесено ими в пещеры, то уж не добудешь, не вытащишь на свет Божий».

Белоснежка очень грустила, когда ей пришлось с медведем расставаться, и она ему в последний раз отперла дверь. Медведь при этом протискивался в дверь да зацепился за дверной крюк и обо-

рвал себе кусочек шкуры, и показалось Белоснежке, как будто из-под шерсти сверкнуло золото; но она не совсем была уверена в том, что видела.

А медведь бросился бежать опрометью и вскоре скрылся за деревьями.

Несколько времени спустя мать послала дочерей в лес хвост собирать.

Нашли они в лесу большое дерево, срубленное и поваленное на землю, и около него в траве что-то прыгало, и они никак не могли разобрать, что это было такое.

Подойдя ближе, они увидели гнома; лицо у него было поблеклое и старое, а борода длинная и белая, как снег. Самый кончик бороды защемился в одну из трещин дерева, и бедняга совался туда и сюда, словно собачонка на веревочке, а вытащить бороды не мог.

Он глянул на девочек своими огненно-красными глазами и крикнул им: «Ну, что там стали? Разве не можете сюда подойти и оказать мне помощь?»

«Да как же ты это сделал, человечек?» – спросила Алоцветик. «Глупое, любопытное животное! – отвечал ей гном. – Я хотел расколоть дерево вдоль, чтобы потом расщепить его на лучины для кухни; коли поленья толсты, то легко подгорает наше кушанье: ведь мы готовим себе понемногу, нежигаем столько, сколько вы, грубые жадные люди! Вот и я загнал туда клин, и дело бы кончилось наилучшим образом, если бы клин не выскочил, и дерево не защемило мою прекрасную седую бороду; а теперь она защемялена, и я не могу ее вытащить. Ну, чего вы смеетесь, глупые девчонки! Фу, какие вы гадкие!»

Девушки приложили все усилия, однако же не могли вытащить бороду, которая крепко застряла в расщелине.

«Вот я сбегаю да людей призову!» – сказала Алоцветик. – «Ах вы, полоумные! – прошамкал гном. – Зачем тут звать людей? Мне и вы-то две противны! Или вы ничего лучше придумать не можете?» – «Потерпи немножко, – сказала Белоснежка, – уж я тебе помогу как-нибудь!» – вытащила ножницы из кармана и отрезала ему кончик бороды.

Как только гном почувствовал себя свободным, так подхватил мешок с золотом, припрятанный у корней дерева, и проворчал про себя: «Неотесанные люди! Отрезали мне кусок моей чудной бороды! Чтоб вам пусто было!» – взвалил мешок на спину и ушел, даже не удостоив девушек взглядом.

Несколько времени спустя сестрицы задумали наловить рыбы к столу. Подойдя к ручью, они увидели, что нечто вроде большого кузнечика прыгает около воды, как бы собираясь в нее броситься. Они подбежали и узнали гнома.

«Куда это ты? – сказала Алоцветик. – Уж не в воду ли кинуться собираешься?» – «Не такой я дурак, – крикнул гном, – и разве вы не видите, что проклятая рыбаина меня туда за собою тащит?»

Оказалось, что он там сидел и удил, и случилось на беду ему, что ветром его бороду спутало с удочкой; а тут большая рыба на удочку попалась, и у гнома не хватало сил ее вытянуть, рыба его одолевала и тащила за собой в воду.

Как он ни хватался за травы и коренья, ничто не помогало; ему приходилось мотаться из стороны в сторону вместе с рыбой и ежеминутно опасаться, что она стащит его в воду. Девочки подросли как раз вовремя, подхватили гнома и крепко его держали, стараясь отцепить бороду от удочки: но усилия их были напрасными.

Оставалось одно: вынуть ножницы из кармана и отрезать бороду от удочки, при этом часть бороды, конечно, пострадала.

Когда гном это увидел, он и давай на них кричать: «Ах вы, дуры, дуры! Где это так водится? Как смеете вы позорить мое лицо! Мало вам того, что вы у меня конец бороды отрезали, вы теперь еще обрезаете мне ее лучшую часть: я в этом виде даже не посмею на глаза своим братьям показаться. А! Чтоб вам, бежавши, подожав потеряль!»

Тут он схватил мешок с жемчугом, запятанный в камышах и, не сказав ни слова более, исчез за камнем.

Случилось, что вскоре после того мать отправила обеих сестриц в город купить ниток, иголок, шнурков и лент. Дорога в город шла пустырем, по которому местами разбросаны были огромные глыбы камней.

Вот и увидели они большую птицу, которая медленно кружила в воздухе, опускаясь все ниже и ниже, и, наконец, стремглав слетела неподалеку наземь около одного из камней.

Тотчас же после того они услышали душераздирающий жалобный крик. Девочки подбежали и с ужасом увидели, что большой орел подхватил их старого знакомого гнома и собирается его унести. Добрые девушки тотчас ухватились за гнома и стали биться с орлом до тех пор, пока он свою добычу не выпустил.

Оправившись от испуга, гном опять стал кричать на сестриц: «Разве вы не могли обойтись со мною поосторожнее, половчее? Все

мое платьишко порвали, обрубки вы неотесанные!» Потом подхватил лежавший рядом мешок с драгоценными камнями и опять скользнул под камень в свою нору.

Девочки, уже привыкшие к его неблагодарности, продолжили свой путь и сделали в городе свои закупки.

На обратном пути, проходя тем же самым пустырем, они застали гнома за делом: выбрав опрятное местечко, он вытряхнул из мешка все свои драгоценные камни и рассматривал их, не предполагая, чтобы кто-нибудь мог так поздно проходить тем пустырем. Вечернее заходящее солнце светило на эти драгоценности, и они сверкали и блестели так великолепно, отливая всеми цветами, что девочки приостановились и стали ими любоваться.

«Чего вы там стоите, рот разиня!» – крикнул гном, и его землистое лицо побагровело от злости.

Он и еще собирался браниться, как вдруг раздалось громкое урчание, и из леса появился черный медведь.

Гном в перепуге отскочил в сторону, но уже не мог укрыться в свою лазейку: медведь был тут как тут.

Тогда он в ужасе закричал: «Милейший господин медведь! Пощадите меня, я вам готов отдать все мои богатства, взгляните хоть на те драгоценные камни, которые там рассыпаны! Подарите мне жизнь! Гожусь ли я вам, маленький и ничтожный? Вы меня на зубах и не почувствуете! Вот, берите этих двух девчонок: они обе для вас лакомый кусочек! Выкормлены, что перепелки! Их и кушайте на здоровье!»

Медведь, не обратив внимания на слова злого гнома, дал ему шлепка своей лапой и разом с ним покончил.

Девочки тем временем убежали, но медведь закричал им вслед: «Белоснежка и Алоцветик! Не пугайтесь, подождите меня, и я с вами!»

Те узнали его голос и приостановились, а когда медведь с ними поравнялся, его шкура с него свалилась, и он очутился перед ними молодым, стройным красавцем, с ног до головы одетым в золото.

«Я – королевич, – сказал он, – а этот безбожный гном, выкрыв у меня все мои сокровища, заколдовал меня и оборотил в медведя. Так и вынужден я был бегать по лесу, пока его смерть не избавила меня от его колдовства. Теперь он получил заслуженную кару».

Белоснежка с тем королевичем была обвенчана, а Алоцветик вышла замуж за его брата, и они поделили между собой те большие сокровища, которые гном успел собрать в своей пещере.

Старуха-мать еще долго жила, спокойная и счастливая, у своих деток.

А два розовых куста они захватили с собой из сада, и они были посажены перед ее окном, и каждый год расцветали на них чудные розы, белые и пунцовые.

Это глупая, сентиментальная сказка, но она совершенно отличается от другой сказки. В первой девочка в силу своей простой интегрированности убирает в доме гнома и проявляет терпимость к его хозяину. В результате в награду она получает золотую бороду гнома за то, что она его вымыла и вычистила его дом. В другой сказке происходит прямо противоположное: девочки всякий раз проявляют терпимость к гному и тем самым способствуют продолжению его злых деяний, тогда как с ним надо было давно покончить. Они также не позволяют своим гостям, медведю и его брату, прийти и взять их замуж, поэтому препятствуют своей собственной свадьбе, испытывая ложную и сентиментальную терпимость к злому гному.

Следовательно, мы опять сталкиваемся с парадоксом! Но если вы посмотрите на всю атмосферу сказки и описание мотива, то увидите в ней указание на то, что есть что.

В сказке «Белоснежка и Алоцветик» женщина не живет вместе с мужчиной: никакого мужчины с ней рядом нет, только барашек и белый голубок. Это инфантильная, сентиментальная, райская атмосфера, атмосфера невинности, которая не похожа на интегрированность простака. Это обстановка некоего несбыточного рая, детского сада, иллюзорного мира с ангелом-хранителем, которого не существует.

Эта сказка высмеивает некую христианскую, детсадовскую установку, которая все еще широко распространена среди людей, смешивающих детсадовский мотив с определенной искренностью и прямоотой, связанной с интегрированностью личности. Юнг всегда отмечал, что Христос не сказал: «Оставайтесь детьми, и вам откроется Царство Небесное», а сказал: «...если не *обратитесь и не будете* как дети, не войдете в Царство Небесное»¹⁴⁶. Стать снова детьми – значит не оставаться в детском саду, а перерасти его и стать взрослыми, осознать существующую в мире проблему зла. Это значит вновь приобрести эту внутреннюю интегрированность

¹⁴⁶ Евангелие от Матфея 18: 3 (курсив авт.). – *Примеч. пер.*

или попытаться вернуться к этой ядерной, или глубинной, интегрированности, а не оставаться большим ребенком в лесной чаще и считать, что так и должно быть. Иногда различия оказываются не слишком заметными. Есть люди, обладающие поразительной наивностью. Можно размышлять над тем, означает ли это высокий уровень интеграции или просто безнадежную детсадовскую установку ребенка, который с дурацкой сентиментальностью бродит по лесу. В сказках одно ясно отличается от другого, но в жизни эти два аспекта оказываются крайне близки. Может быть, очень трудно узнать, что находится внутри другого человека и внутри самого себя. Но в этой сказке ягненок и голубь ясно указывают на некий христианский инфантилизм в самом худшем его проявлении.

Конечно, хорошо быть добрым, но только с подходящими людьми и подходящими объектами. Этот вид христианской наивности, доброты и терпимости вполне приемлем, если вы знаете, как его применить. Если это сочетается со способностью понимать и различать, то в ней нет ничего плохого, но в ней должна присутствовать некоторая мудрость.

Я постараюсь привести вам пример. Я сказала, что если человек столкнулся со злыми людьми, то ему следует скрывать свою внутреннюю интегрированность или свое невинное ядро личности и не проявлять себя так, чтобы казаться дураком. Мне хотелось бы вернуться к тому случаю, когда Юнг сказал, что человеку следует уделить некоторое внимание и дать ему либидо, а в дальнейшем работать лишь с тем пациентом, который не использует его во зло; в противном случае мы вместо здоровой стороны личности подпитываем в человеке зло. Он побуждал меня прекратить анализировать женщину, которой становилась только хуже, как только я делала по отношению к ней что-то хорошее. Он считал, что с терапевтической точки зрения для нее это хорошо, но мне этого не сказал. Когда я ему сказала, что ей стало лучше после того, как я прекратила с ней терапию, он усмехнулся и сказал: «Именно этого я и ожидал. Я на это надеялся, но не сказал этого вслух!» Он все держал внутри себя. Он даже не показал мне этого, и еще меньше – самой пациентке.

Эта женщина была совершенно одержима Анимусом. Если бы она догадалась, что ее прекратили анализировать, чтобы ей помочь, она продолжала бы спорить: «Вы прекратили мой анализ, чтобы мне помочь, но я знаю, что мне это не поможет. Я уверена в

том, что таким образом вы мне не поможете, а убьете меня!» Или она могла разыграть сцену, что ей стало хуже, чтобы показать, что, прекратив ее анализировать, ее лишили помощи. Поэтому намерение помочь человеку должно было быть совершенно скрытым; оно должно было как следует нанести удар ее Анимусу – и *adieu!*¹⁴⁷ Ей нужно было пережить нечто подобное, когда к ней отнеслись так, как медведь отнесся к гному. Здесь не может быть никакой терпимости и никакого спора.

Мне думается, было бы полезно углубиться в этот мотив скрытой человеческой интегрированности. Кто-то заметил, что ему приходилось оставаться штатским на военной службе; человеку иногда приходится пребывать в таком состоянии. Я бы сказала, что человек, который насчет всего имеет собственное мнение, находясь внутри мощной коллективной организации, всегда как-то соприкасается с этой проблемой, потому что, согласно нашей идее, коллективизм находится на этически более низком уровне по сравнению с тем этическим уровнем, которого может достичь отдельный человек. Именно поэтому Юнг часто цитировал римскую пословицу: *senator bonus vir, senatus bestia* («один сенатор – прекрасный мужчина, но весь сенат – животное»). Можно было бы сказать, что когда человек находится в группе, он должен прятать свое самое сокровенное либо проявлять его очень редко. Вследствие автоматического снижения этического уровня в группе нужно набросить вуаль на часть нашей личности.

Это, опять же, один из тех парадоксов, в которых иногда, но крайне редко, существует прямо противоположное поведение. В девяноста пяти процентах случаев человек должен скрывать свое интегрированное ядро, находясь в группе, однако я хочу отметить исключение, ибо, когда вы с ним встретитесь, вы сможете узнать, каким оно бывает.

Я вспоминаю небольшую вечеринку у Юнга дома, на которой происходило то, что вы тоже иногда могли испытывать. Это было нечто наподобие коллективной гармонии, не опустившейся до *participation mystique*¹⁴⁸, которая дает ощущение присутствия некой магии. Древние римляне и греки сказали бы, что там присутствуют Гермес или Дионис, а ранние христиане могли бы сказать, что на них сошел Святой Дух. Но иногда возникает некая надлич-

¹⁴⁷ *Adieu* (фр.) – прощай. – *Примеч. пер.*

¹⁴⁸ *Participation mystique* (фр.) – мистическая сопричастность. – *Примеч. пер.*

ностная гармония, которая все происходящее делает нуминозным. Возникает теплое чувство, ощущение безопасности, и думаешь, что этот вечер никогда не забудется. Так случается очень редко, и впечатление от встречи было столь глубоким, что я поделилась с Юнгом. Он сказал: «Да, обычно это происходит, когда человек, будучи один, встречается с Самостью, но иногда бывают исключения, когда Самость может проявляться и как коллективный фактор; как правило, это бывает в небольшой группе друзей, и тогда это особенное нуминозное переживание. Оно даже ощущается как нечто более нуминозное по сравнению с тем, когда испытываешь его в одиночестве».

Мнение Юнга подтверждает, например, символика рыцарей Круглого стола короля Артура, небольшой и, можно сказать, духовно объединенной группы людей. Эта символика указывает на групповое переживание Самости, которая является высшей формой древнего архетипического паттерна тотемической трапезы примитивных людей, где все присутствующие участвуют в интеграции одного бога. Этот же ритуал лежит в основе обряда причастия, или Евхаристии. Когда вы находитесь в группе, вам следует скрывать свою внутреннюю интегрированность, или ядро вашей этической личности, за исключением тех случаев, которые могут случиться раз или два в жизни, когда человек чувствует свое «единение» с окружающими людьми. Его легко спутать с хмельным или подвыпившим *participation mystique*, которое не имеет с таким единством ничего общего, а представляет собой просто смещение на более низкий этический уровень; это тоже приятное переживание, хотя оно имеет прямо противоположное воздействие.

Соккрытие своей собственной интегрированности может совершаться с целью самозащиты. Ничто так не возбуждает букет злых эмоций, как если человек берет на себя роль высшего святого или какое-то подобие этой роли. Поэтому если вы чувствуете себя инакомыслящим, то спрячьте подальше свое чувство, чтобы другие люди не могли сказать: «Выходит, ты хочешь быть лучше нас?» Кроме того, есть и другая, более глубокая причина. Вы могли бы сказать, что эта внутренняя этическая интегрированность исходит не от Эго, а от Самости. Это подлинная реакция, которая исходит из глубины личности. Следовательно, ее никогда нельзя сознательно планировать или применять, ибо это означало бы деятельность Эго. Самое глубокое известное мне проникновение в суть проблемы существует в Дзен-буддизме, в котором мастер

Дзен часто проявляет абсолютно истинные иррациональные реакции по отношению к ученику. Чувствуется, что эта реакция не была предусмотрена заранее. Здесь нет никакой педагогической системы или цели. Аутентичность этой личности просто оказывает на ученика свое моментальное воздействие и через свое проявление побуждает его к осознанию истины. Предварительное планирование и продумывание этого воздействия могло бы только ослабить его или вообще ему помешать. В переводе на психологический язык это значит, что человек должен приглушить свет своего сознания и не слишком сосредотачиваться на Эго, чтобы можно было пережить это более аутентичное состояние.

В последние годы Юнг уже не мог проводить много аналитических сессий, и когда ученики и другие люди встречались с ним, то, естественно, не говорили о своих проблемах и сновидениях. У меня часто бывало, что появлялась проблема, с которой я старалась справиться сама и о которой не упоминала, и в первые пять минут общения Юнг начинал говорить именно об этой проблеме, раскрывая все ответы и намеки, которые мне были так нужны! После этого я всякий раз его спрашивала, как получилось, что он заговорил именно об этом. Он отвечал, что вообще-то у него не было никакой идеи, но как только он сел в кресло, она пришла ему в голову. Как раз именно то, что мне было нужно!

Вспоминается один случай. Мне страшно хотелось получить нечто для себя лично, но я стеснялась протянуть руку и взять желаемое. Я пришла к Юнгу, как раз когда он кормил уток, и среди них был один маленький боязливый утенок, который подплывал к куску хлеба, но пугался других уток и снова отплывал. Юнг указал мне на этого беднягу и бросил ему кусок хлеба, но тот опасливо поплыл от него прочь, а затем вернулся, но было уже поздно. Так случилось два или три раза, затем Юнг обернулся и сказал: «Ну что, чертов глупыш, трусишка, если не хватает мужества взять хлеб, ты останешься голодным!» Это был ответ мне! Я сразу связала слова учителя со своей ситуацией и спросила Юнга, произнес ли он эту фразу с какой-то целью. Он ответил, что думал только об утенке; оказалось, он понятия не имел, что это связано с какой-то моей внутренней проблемой.

Такое происходит на каждом шагу. Люди восточной культуры называют это следованием Дао. Если вы следуете Дао, то есть если вы находитесь в гармонии с глубинными слоями вашей личности, с вашей целостностью в Самости, то она таким образом

действует через вас. Но для вас это не должно быть намерением Эго. Если вы *намереваетесь* совершить правильный поступок, хотите помочь другим людям и т.д., то ваше Эго блокирует это воздействие. Вы отказываетесь от своей природной потребности. Именно поэтому Юнг взял на себя смелость утверждать, что аналитик, у которого есть желание и намерение лечить своих пациентов, не является хорошим аналитиком. Более того, он *не должен* этого хотеть, ибо хотеть лечить своих пациентов – это властная установка, то есть: «Я хочу быть аналитиком, который вылечит этого больного!»

В другой связи, но на ту же тему: Юнг часто сомневался в том, может ли женщина быть хорошим аналитиком, ибо в силу своего материнского чувства, присущего заботливой насадке, женщины стремятся уберечь пациентов от их внутреннего ада. Лишь тогда, когда пациент может оказаться в самой глубине своего ада, не имея поддержки извне, он может получить нуминозное переживание; только тогда он может получить помощь, которая придет к нему изнутри. Но все время «кудахтать» вокруг него и все время препятствовать его погружению до самого дна, проявляя материнское милосердие, – это значит вместе с тем препятствовать ему прийти к его глубинному позитивному переживанию. Возвращаясь к нашей волшебной сказке, это значит проявить ложное милосердие, присущее Белоснежке и Алоцветику: быть всегда милосердным, препятствовать злу, совершать правильные поступки, а значит, нарушать глубинный ход вещей. Люди, имеющие более инстинктивную реакцию, могли бы сказать: «В следующий раз, если с ним случится беда, пусть справляется сам». Они бы прошли мимо и сказали: «Пока, уважаемый. Я не собираюсь снова стричь твою бороду, чтобы ты опять звал меня на помощь!» Но эта пара не учится ничему. Они – девочки упрямые и делают то, что сказала мама.

А теперь подумаем: что можно сказать о самом гноме? Независимо ни от чего мотив гнома не является ни хорошим, ни плохим. Гномы – это природные духи, импульсы или чистая природа. В сравнительной мифологии они частично бывают добрыми, частично злыми. В этой сказке гном злой, и в сказке «Румпельштильцхен»¹⁴⁹, например, есть тоже гном-злоумышленник. Вообще

¹⁴⁹ Братья Гримм. Сказки / Пер. Г. Петникова. М.: Художественная литература, 1978. С. 171. – *Примеч. пер.*

я бы сказала, что восемьдесят процентов гномов являются добрыми. Они делают по ночам вашу работу и достают для вас сокровища. Поэтому сам по себе образ гнома ни о чем не говорит. Он нейтрален. Встретив гнома, девочки сами по себе не могут прийти к определенному выводу, является ли он добрым или злым. Это не просто. Но они должны были проверить его и на основании этого сделать свои выводы.

Мать знала, что медведь причинит им зла и не может проявлять излишнюю благотворительность, но она не общалась с гномом. Мы не знаем, что она сказала бы. Мать для нас – слишком размытая фигура, чтобы точно знать, могла ли она сказать: «Нет, дети, оставьте гнома в покое», или же у нее были свои жесткие правила.

В начале сказки есть другая интересная сцена. Долгое время их защищает ангел-хранитель. Существует широко распространенное народное поверье, что детей ангел-хранитель защищает особенно сильно. Если ребенок опрокинул кастрюлю с кипятком или сделал еще много разных детских шалостей, а все ему сходит с рук, то люди говорят: «Конечно, у него есть ангел-хранитель!» В Баварии о людях, которым всегда сопутствует удача, говорят, что их ангел-хранитель похож на боксера-профессионала! В жизни так и бывает. Вы только посмотрите, как дети проказничают: они берут ножницы и тычут ими в глаза, ходят по ступенькам с острым ножом в руках, хватаются за горячие кастрюли и сковородки. Это чудо, что гибнет из них малая часть, поэтому можно сказать, что у детей есть ангел-хранитель. Но в основном мотив ангела-хранителя связан с бессознательным родителей. Если родительский брак и атмосфера в доме гармоничны, а бессознательная атмосфера полна жизни, то инстинктивная жизнеспособность ребенка как-то позволяет избежать ущерба. Если же в браке родителей ощущается дисгармония, если дома тяжелая атмосфера, то отец и мать могут с ночи до утра следить за своим ребенком и платить государственным учреждениям, чтобы они присматривали за ним в оставшееся время, но несмотря на это случается так, что он падает из окна и разбивается насмерть.

Вот что можно наблюдать, обладая малопривлекательной способностью видеть то, что стоит за внешними событиями. Детям гораздо важнее жить дома в гармоничной атмосфере, чем быть под присмотром няньки, которая всякий раз будет переводить их через дорогу и в течение целого дня пристально следить за каждым дви-

жением. У ребенка чрезвычайно развито стремление к жизни и очень сильна связь с инстинктом жизни. При наличии здоровой основы этот инстинкт жизни спасет ребенка. С другой стороны, если в доме нездоровая и болезненная атмосфера, то этот инстинкт у ребенка будет подорван. И если с таким ребенком будут происходить обычные несчастные случаи, какие бывают у всех детей, они могут чаще приводить к печальным последствиям.

Однако ангел-хранитель не защитил двух девочек от ошибки при встрече со злым гномом. Быть может, они даже должны были совершить эту ошибку или могли раньше не заметить, как он делится своими сокровищами. Может быть, им было нужно совершить эти ошибки, чтобы оказаться в еще более неприятной ситуации и через нее покончить со своими бедами. Есть сказки, в которых совершаются такие ошибки, которые позволяют нам понять, что если бы не ошибка, то не было бы счастливого конца. Но в данном случае вы можете представить, что если бы девочки бросили гнома одного, то через какое-то время он поделился бы своими сокровищами. Следовательно, в данном случае *expressis verbis*¹⁵⁰ выражено то, что не сказано прямо. В других сказках иногда случается то же самое, поэтому в данном случае у меня нет полной уверенности. Но я думаю, эти две девочки – просто две сентиментальные глупышки.

Я уверена, что если бы медведь стал советоваться с девочками, следует убивать злого гнома или нет, они бы ответили: «Нет, нет, о бедный-бедный гном, не надо сейчас его убивать! Дайте ему еще шанс!» Слава богу, он с ними не советовался, а молча его прихлопнул. После этого говорить уже было не о чем! Это было тоже, так сказать, воздействие Самости. Природа сама по себе, без вмешательства человека, всегда поступает правильно; здесь нет никакого планирования, а только реальные события. Это подводит человека непосредственно к опасному пограничному состоянию, ибо если деятельность Эго приобретает такой стиль, то плохи его дела. Именно поэтому лучше не замечать таких вещей, а затем отворачиваться и не рассуждать. В данном случае рассуждение является деструктивным, ибо оно связано с этической проблемой; это означает, что происходит переживание на уровне чувств, в которое не должен вмешиваться интеллект. То, что я сейчас на лек-

¹⁵⁰ *Expressis verbis* (лат.) – прямым текстом, совершенно четко, с полной ясностью. – *Примеч. пер.*

ции говорю об этой проблеме, представляет собой другой парадокс или противоречие, ибо на эту тему нельзя читать лекции. Это нельзя комментировать разумом, или же это можно делать лишь в том случае, когда чувства не выходят за границы своей сферы.

С таким же милосердием женщины относятся к своему собственному Анимусу. В этом заключается слабость их Эго-личности, которая не может сказать: «Знаешь, все это чепуха, которую я не собираюсь слушать». Вместо этого женщина думает: «Наверное, это очень важно, наверное, я должна это записать и в следующий раз рассказать своему аналитику», и тогда она все больше и больше запутывается. Именно поэтому, когда вы анализируете таких людей и у них появляется такое настроение, вы совершенно не знаете, что делать, ибо если вы к ним «приблизитесь», то леска, крючок и борода запутают и вас тоже!

В аргументах женщин встречается такой нюанс: «Да, но...» Независимо от того, что вы им говорите, затем следует: «Да, но разве вы в прошлый раз не говорили то-то и то-то?...» И тогда вы запутываетесь в леске. Мужчины тоже говорят: «Да, но...», только это больше похоже на депрессивное настроение, которое повторно заставляет их разум выражаться таким образом.

Я помню пациента, который пришел ко мне с такими словами: «Все, жизнь для меня теперь кончилась, я стал старым и не собираюсь больше ничего делать. Я слишком устал. Мне не нравится моя работа, и мне много лет, и у меня нет сил, чтобы ее поменять, и...» Ну, вы понимаете: глубокая меланхолия.

«Вам снятся какие-то сны?» – спросила я.

«Нет, мне не снятся сны, за исключением небольшого фрагмента, но я знаю, что он – очень негативный».

Небольшой фрагмент заключался в том, что голос приказывал ему пойти в лес и разжечь там костер. Но выяснилось, что он не взял с собой спичек. Он вернулся домой и взял спички, но, вернувшись обратно в лес, обнаружил в коробке только одну спичку. Тогда он зажег костер, и огонь стал тлеть, а он тем временем размышлял, стоит на него дуть или нет, потом немного подул – и огонь погас! Тогда голос сказал: «Вот что делает дух!»

Это катастрофическое сновидение. У него не было нормальной реакции испуга, и он не сказал: «Боже мой, это ужасно! Мне действительно грозит опасность, что дух может умереть. Я должен пойти домой и в следующий раз взять коробок спичек и побольше газет, чтобы разжечь настоящий костер!» Ибо, в конечном счете,

развести в лесу костер, – притом что не было даже дождя, – в принципе для пожилого человека не такая уж непосильная задача! Он же просто сказал: «Вот видите, бессознательное мне говорит то же самое, это конец, у меня наступило полное духовное истощение, зачем же тогда мне пытаться?»

Я не могу вам передать, что я ему сказала! Я вышла из себя и ругала его на чем свет стоит, а он смотрел на меня печальным, отстраненным взглядом, а затем сказал: «Понимаете, я должен быть объективным! Я должен допустить, что есть и другие интерпретации!» После этого он ушел.

Следовательно, ложный аргумент – это тот же самый феномен, но основанный на настроении. Я увидела это по его по-детски надутым губам, едва он вошел в кабинет. Аргументы были точно такие же, как у Анимуса, но в их основе лежало настроение, депрессивное настроение Анимы, которое побудило его сказать, что он должен быть объективным – вот он, мужской объективный логос! Он лишь оправдывает плаксивое настроение Анимы, но дело в том, что у мужчин он принимает именно эту форму. Запутаться в образе Анимы/Анимуса – обычное дело для мужчин и женщин, это значит оказаться в очередной раз запутанным и не уметь выпутаться из положения. Человек должен уметь как-то переключаться: либо самостоятельно, если он это может, – либо с помощью другого человека.

Приблизительно то же самое происходит, если у пациента постепенно наступает обострение психоза. Тогда, как пишет Юнг в своей статье, посвященной трансцендентной функции, мы иногда можем предотвратить катастрофу, переключив внимание человека на внешнюю ситуацию, побудив его сменить работу, прекратив его анализировать, или предложив ему найти другого терапевта, или еще что-нибудь в этом роде, то есть как-то попробовать полностью переключить его состояние, чтобы он мог из него выпутаться. Если вы не прервете этот регресс, то состояние человека будет постепенно ухудшаться и ухудшаться, как небольшой снежный ком, который превращается в лавину. Если вы сможете это остановить, то сможете остановить и пагубную эмоцию. То же самое относится и к людям, не страдающим психозом, но которые стали слишком одержимы Анимусом или Анимой.

Я знаю семью, в которой было несколько братьев и сестра, которая, как и все женщины, потворствовала воздействию своего Анимуса. Братья ничего не понимали в психологии, но они чув-

ствовали это состояние у своей сестры и узнавали его, поэтому, когда она становилась одержимой Анимусом, они ей говорили: «Знаешь, перестань так себя вести!» Говорить ей, что ей надо выйти из своего состояния, стало семейным обычаем. Без всякой юнгианской психологии они распознавали, что когда женщины начинают определенным образом спорить, то следует круто развернуться и ехать в противоположном направлении. Спорить или вникать в суть происходящего совершенно безнадежно и для других людей, и для самой женщины, ибо она *должна* спорить. Единственное, что следует сделать, – это оборвать или прервать ее, но для этого требуется определенная сила Эго и умение прислушиваться к своим инстинктам.

Холодное зло

А теперь вернемся к проблеме проявления милосердия, но на более глубоком уровне: я хочу исследовать норвежскую сказку «Великан, у которого не было сердца». Это первый пример «холодного» зла, который мы сейчас рассмотрим.

Великан, у которого не было сердца ¹⁵¹

Жил-был король, и было у него семь сыновей. Он их очень любил, и совсем не хотел с ними расставаться. Поэтому, когда сыновья выросли, он послал шестерых найти себе невест, самого же младшего оставил при себе. А шестерым старшим братьям велел подыскать невесту для младшего. Перед отъездом он дал им самые красивые наряды, самых дорогих и породистых лошадей и много денег. В поисках невест принцы отправились в самые разные королевства, пока, наконец, они не прибыли к королю, у которого было шесть дочерей. Они никогда раньше не встречали таких прекрасных принцесс. Поэтому все они, влюбившись без памяти в своих невест, позабыли о том, что должны привести седьмую невесту младшему брату.

Они двинулись домой, и когда преодолели уже значительную часть пути, им встретилась скала, на которой жили великаны. Один из великанов спустился вниз и одним взглядом превратил в камни и принцев, и их невест. Тем временем у себя во дворце король ждал возвращения шестерых сыновей, но никто из них не возвращался. Он очень опечалился и сказал, что больше никогда не будет радоваться жизни. «Если бы у меня не было тебя, – сказал он младшему сыну, – потеряв своих сыновей – твоих братьев, я бы покончил с собой!»

¹⁵¹ Nordische Volksmärchen II (Norwegen), p. 119.

«Тогда, – ответил ему младший сын, – я должен попросить у тебя позволения поехать на поиски моих братьев!»

«Об этом не может быть и речи. Я не хочу потерять тебя тоже», – ответил ему отец.

Но юноша так долго умолял отца, что тот в конце концов ему уступил и разрешил отправиться на поиски братьев. Но в конюшне оставалась лишь больная старая кляча, поэтому младшему сыну ничего не оставалось, как взять ее. Юноша оседлал клячу, вскочил в седло, попрощался с отцом и пообещал ему обязательно вернуться вместе с братьями.

Итак, он отправился на поиски. Вскоре ему попался ворон, который не мог летать. Он был так голоден, что едва мог хлопать крыльями. Он попросил еды, и королевский сын сказал, что, хотя у него самого ее немного, он может поделиться, и отдал ворону часть своих припасов.

Поехал он дальше, и доехал до обмелевшей реки. В маленькой грязной луже на отмели лежал большой лосось, который уже не мог сам добраться до воды. Принц столкнул лосося обратно в воду. И ворон, и лосось поблагодарили королевского сына и, в свою очередь, обещали помочь, если ему понадобится их помощь, правда, предупредили, что помочь смогут совсем немного. Долго ли, коротко ли он ехал, ему повстречался волк, который лежал посреди дороги; волк стал умолять принца отдать ему на съедение лошадь: он не ел целых два года и уже умирает от голода. Принц ответил, что, к сожалению, он ничем не может помочь волку: сначала он поделился едой с вороном, потом помог лосося, и вот теперь волк хочет отнять последнее, что у него осталось! Но волк продолжал уговаривать принца, пообещав впоследствии ему тоже помочь и предложив себя в качестве быстрого скакуна. Принц засомневался, да делать нечего – отдал он несчастному свою клячу.

С аппетитом съев лошадь и обглодав все ее косточки, волк позволил принцу взнуздать его; надо сказать, сытый волк стал очень сильным и припустил так быстро, что мог сравняться в беге с самой быстрой лошадью. Волк пообещал показать принцу место, где живут великаны. Прискакали они к тому утесу, где застыли в каменных позах заколдованные великаном шестеро братьев и шесть принцесс, и волк показал ему вход в жилище великана. Но принц сказал волку, что не отважится войти, потому что великан его убьет. «Нет, – ответил волк, – когда ты войдешь, увидишь прекрасную принцессу. Она тебе расскажет, как одолеть великана. Делай все, что она скажет». Принцу ничего не оставалось, как войти внутрь,

хотя он очень боялся. В это время великана не было дома, а в одной из комнат сидела принцесса, которая обратилась к принцу: «Храни тебя Господь, как ты здесь оказался? Если вернется великан, он сразу тебя убьет, а его никто не может убить, потому что у него нет сердца».

«Да, – ответил принц, – но я пришел сюда, чтобы спасти своих братьев».

«Хорошо, – сказала принцесса, – посмотрим, что можно сделать. А пока спрячься под кровать и внимательно слушай, что скажет великан, но ты должен лежать очень тихо и не шевелиться».

Итак, принц забрался под кровать и там дрожал от страха, пока не вернулся великан. Великан громко зарокотал: «Что я чувствую? Христианским духом пахнет!»

На это принцесса ему ответила: «Мимо пролетал ворон и уронил в дымоход человеческую кость, отсюда и запах». Когда наступил вечер и они отправились спать, принцесса сказала великану, что она все время хотела кое-что у него спросить, но никак не отваживалась это сделать.

«О чем же?» – спросил великан.

«Мне хотелось бы знать, где находится твое сердце».

«Очень просто: оно лежит под порогом двери».

«Вот как, – подумал принц, лежа под кроватью, – вот где, оказывается, его сердце!»

Наутро великан рано встал и ушел, а королевский сын с принцессой стали искать его сердце. Но сколько они ни копали, они не нашли сердца. «На этот раз он нас перехитрил, – сказала принцесса, – но давай чуть подождем». Она собрала охапку прекрасных цветов и осыпала ими порог. Когда великан вернулся, все снова повторилось: он почувствовал человеческий дух, а принцесса опять объяснила, что в этом виновата птица. Но потом он спросил, кто осыпал порог цветами. «Ах, – сказала принцесса, – я почувствовала к тебе такую нежность, потому что там лежит твое сердце».

«Неужели, – удивился великан, – но его там нет!»

Когда принцесса с великаном легли в постель, она снова спросила, где находится его сердце. И прибавила, что так любит великана, что должна об этом знать. «А, сердце, – ответил великан, – да оно в шкафу для посуды, который стоит у стены».

Когда великан ушел, королевский сын с принцессой снова стали искать его сердце. Но его в шкафу не оказалось. Когда великан вернулся на третий день, он опять почувствовал человеческий дух, принцесса опять оправдалась тем, что прилетал ворон, и объясни-

ла, почему она убрала шкаф цветами. На это великан сказал, что не мог даже представить, что принцесса настолько глупа, что поверила, будто его сердце лежит в шкафу. Оно находится там, куда ей ни за что не добраться. Его сердце спрятано на далеком острове, на острове стоит церковь, в церкви находится колодец, в колодце плавают утка, внутри утки – яйцо, а в яйце – его сердце.

На следующее утро, как только великан ушел, принц вскочил на волка и протиснулся с принцессой. Он сказал волку, что нужно поторопливаться, чтобы добыть сердце великана. Они поскакали, а когда достигли берега моря, волк бросился в воду и лебедью поплыл по волнам с принцем на спине. Вот они приплыли к острову, на котором стояла церковь. Но ключ от церковных ворот висел так высоко на башне, что они не могли до него дотянуться. Тогда они позвали ворона, который достал им ключ, и они вошли в церковь. Внутри нее был колодец, в котором плавала утка, – все, как говорил великан. Они заметили в колодце утку и схватили ее, но как только принц стал вытаскивать ее из воды, яйцо упало в колодец. Принц растерялся и не знал, что ему делать, но волк предложил позвать лосося. Так они и сделали, лосось достал яйцо со дна колодца. «Теперь, – сказал волк принцу, – ты должен слегка надавить на яйцо». Как только юноша это сделал, раздался страшный крик великана. «Надави еще», – сказал волк. Принц сжал яйцо в руке, великан застонал еще громче и взмолился о пощаде, умоляя принца сказать, что ему нужно, и он исполнит любое его желание, лишь бы тот не трогал его сердце. «Передай ему, – сказал волк, – если он вновь оживит шестерых твоих братьев и шесть принцесс, которых он превратил в камни, то ты сохранишь ему жизнь». Тогда тролль [очевидно, то же самое, что и великан] тут же шестерых его братьев и их невест превратил обратно в людей. «А теперь, – сказал волк, – раздави яйцо!» Принц раздавил яйцо, и великана разорвало на части.

И тогда все семеро братьев вместе со своими невестами отправились домой. Король был вне себя от радости, и устроил пышный пир, а невесту младшего сына назвал самой красивой, и потому посадил эту пару во главу стола. И так они ели, пили и веселились много дней, и если пир еще не закончился, то продолжается и по сию пору.

При анализе сказки всегда полезно сосчитать число сказочных персонажей. В начале сказки мы видим короля и его семерых сыновей: итак, королевский двор включает восемь мужчин и ни одной женщины. На протяжении всей сказки нет ни одного упо-

минания о королеве, поэтому приходится предположить, что ее нет в живых.

Я не хочу углубляться в детали, но вообще в юнгианской терминологии число восемь – два раза по четыре – указывает на внутреннюю целостность, на психическую полноту. Поэтому мы можем сказать, что в самом начале сказки существовал символ целостности, в котором, однако, отсутствует фемининный элемент. Практически, это означает, что восемь человек символизируют мировоззрение, быть может, доминирующую религиозную установку, в которой воплощен символ целостности, и на этом сказка могла бы закончиться, – но только с точки зрения ее маскулинного аспекта, аспекта Логоса. Фемининность, Эрос, аспект Анимы отсутствует. Этот символ целостности является слишком возвышенным и существует только в области разума и маскулинной деятельности, символ Самости, соответствующий психическому паттерну мужчины, но не женщины. В чем-то такой недостаток является весьма и весьма существенным.

Так как великан – это враг и так как в конце сказки упоминается церковь, следует предположить, что эта сказка не старше того времени, когда в Норвегии происходила христианизация, то есть речь идет о втором тысячелетии христианской эры. Прежде скандинавские страны имели в существенной степени маскулинную религию, преимущественно связанную с патриархальным социальным устройством, но и после христианизации взгляды в них остались чисто патриархальными и духовно-религиозными. Фемининное начало продолжало оставаться в примитивном, неразвитом состоянии.

Шестеро сыновей отправляются на поиски фемининного элемента, отсутствующего в королевском дворце, чтобы привезти домой невест. Король не отпускает с ними младшего сына, а заставляет его остаться дома. Однако старшие сыновья, найдя своих невест, подъезжают к отвесной скале, где живут великаны, один из которых спускается вниз и превращает их в камни.

Теперь нам следует подробно рассмотреть символику великана. В основном он воплощает оставшийся языческий элемент, который был подавлен, а следовательно, удален жить высоко в скалы. В германской мифологии великаны, как правило, характеризуются огромной силой и, вообще говоря, беспредельной глупостью. Можно найти множество сказок, в которых какой-нибудь маленький или слабый человек их одурачивал, ибо у великана

очень много энергии уходит на физическую силу и очень мало – на развитие смекалки и сообразительности. Но в более поздней, дохристианской норвежской мифологии, великаны тоже очень умны, так что в основном их «оглупляло» содержание, которое было подавлено в процессе христианизации Норвегии. Великаны часто влияют на погоду; они создают туман, и даже сейчас во многих странах во время грозы говорят, что это великаны играют в своих небесных чертогах и катают свои шары или кегли. Есть великаны грома, великаны света и великаны, которые создают обвалы, лавины, камнепады и оползни. Когда великанша затевает большую стирку, то вся страна окутывается туманом. Исходя из этих ассоциаций мы можем видеть, что великаны воплощают дикую, грубую силу природы и психологическую динамику в основном эмоционального характера, превосходящую по своей силе человеческую. Следовательно, мы можем ассоциировать их с подавляющими человека эмоциональными импульсами, превышающими его человеческие возможности, присущими лишь великану.

Связь великана с эмоциями и аффектом особенно заметна в том, что, как только человек становится более эмоциональным, он начинает все преувеличивать: как говорится, человек делает из мухи слона. Как только нас переполняют эмоции, какое-нибудь небольшое замечание другого человека или какая-то незначительная деталь превращаются в целую трагедию. В одной из апокрифических книг Ветхого Завета – Книге Еноха есть истории, в которых великаны-исполины пленялись обычными женщинами (см. также Бытие 6: 4)¹⁵² и женились на них, создав поколение полувеликанов, которые изменили облик земной поверхности. В одном из комментариев Юнг дал им характерную интерпретацию, назвав их

¹⁵² Книга Еноха 2: 1–2; 8–13: «И случилось, – после того как сыны человеческие умножились в те дни, у них родились красивые и прелестные дочери. И ангелы, сыны неба, увидели их, и возжелали их, и сказали друг другу: “давайте выберем себе жен в среде сынов человеческих и родим себе детей!..” И они взяли себе жен, и каждый выбрал для себя одну; и они начали входить к ним и смешиваться с ними, и научили их волшебству и заклятиям, и открыли им срезывания корней и деревьев. Они зачали и родили великих исполинов, рост которых был в три тысячи локтей. Они поели все приобретение людей, так что люди уже не могли прокармливать их. Тогда исполины обратились против самих людей, чтобы пожирать их. И они стали согрешать по отношению к птицам и зверям, и тому, что движется, и рыбам, и стали пожирать друг с другом их мясо и пить из него кровь. Тогда сетовала земля на нечестивых».

Книга Бытия 6: 4: «В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божьи стали входить к дочерям человеческим и они стали рождать им...» – *Примеч. пер.*

чрезвычайно быстрым и внезапным вторжением бессознательного содержания в коллективное сознание.

В германской мифологии великаны являются промежуточными фигурами между богами и людьми. Во многих мифах о сотворении мира великаны были сотворены раньше человека и представляли собой несостоявшуюся, не слишком удачную попытку богов создать людей; затем появилось поколение людей, которые были, по крайней мере так кажется, их более удачным творением.

В некоторых разновидностях норвежской мифологии великаны, наоборот, появились раньше богов. Они представляли собой самые древние творения природы. В данном случае великаны также связаны с символами эмоций: с одной стороны, с пламенем, символом эмоциональности, а с другой стороны – со льдом, его противоположностью, который также идентифицируется с эмоциями. Только гиперэмоциональные люди могут быть необычайно эмоционально холодными. Лед характеризует пик эмоционального состояния, когда он сковывает, вызывая холодность и ригидность. Возможно, вам приходилось видеть человека, находящегося в состоянии холодного бешенства. Если интенсивность эмоций возрастает, человек вдруг перестает что-либо чувствовать, эмоции уходят, и он становится холодным, как лед, от ярости, жестким и бесчувственным. Вместо пылкой эмоциональной реакции человек застывает в своей ярости, в шоке или в какой-то еще изначальной эмоции. У него буквально холодеют руки, и на него нападает дрожь, ибо все кровеносные сосуды сужаются, и человек становится холодным, вместо того чтобы кипеть пламенем, терять голову и терзаться страстью. Лед соответствует другому полюсу эмоциональности. Поэтому в мифологии великаны, соответственно, властвуют там, где есть лед и пламя, так как оба этих состояния соответствуют полному нарушению эмоционального равновесия человека.

В греческой мифологии эта роль принадлежала титанам, детям земли¹⁵³, которые также находятся в промежуточном положении между богами и людьми. В мифологии Средиземноморья они

¹⁵³ Титаны (греч. *Titán*) – в древнегреческой мифологии боги второго поколения, дети Урана (неба) и Геи (земли). Шесть братьев и шесть сестер-титанид вступили в брак между собой и породили новое поколение богов: Прометея, Гелиоса, муз, Лето и других. Титаны – архаические божества, олицетворявшие стихии и природные катастрофы. Они не знают разумности, упорядоченности и меры, применяя лишь грубую силу. – *Примеч. пер.*

создавали землетрясения. Один из них связан с вулканом Этна на Сицилии; время от времени, стоит ему чуть повернуться, у Этны начинается очередное извержение. Здесь опять же присутствует связь с неуправляемой природой эмоций, так как извержение вулкана – это хорошо известный символ деструктивного выплескивания эмоций.

Что касается промежуточного положения великанов между богами и людьми, то мы интерпретировали фигуры богов как символы или как архетипические образы, то есть они являются проявлением архетипов, основных структур нашего бессознательного, а возможно, и всей вселенной. В нашей психике существуют ядра огромного динамического заряда, но как только они выражаются в качестве архетипических образов, то обретают определенную структуру. Например, каждый бог в мифологии имеет определенную функцию: он покровительствует какой-нибудь сфере жизни человека и требует от него неукоснительного соблюдения норм поведения, жертвоприношений и так далее. Поэтому можно сказать, что архетипический образ обладает определенной структурой, которую он создает или накладывает на человеческую психику. В политеистической религии боги могут бороться между собой, и тогда разные структуры вступают между собой в конфликт, но, по крайней мере, каждому архетипу присущ некоторый аспект порядка.

Когда архетипическое содержание достигает человеческого сознания, может случиться, что возникает ощущение только эмоционального заряда, а структурный аспект не осознается. Именно такой процесс воплощает великан; человек страдает от переполняющего его потока эмоционально заряженного архетипического содержания, не осознавая его упорядочивающего и смыслового аспекта. Именно поэтому великаны, находящиеся между богами и человеком, обычно деструктивны. Их глупость становится очевидной, если мы посмотрим на нее именно под таким углом, ибо каждый человек, который попадает в состояние аффекта, глупеет автоматически. Возможно, вам знакомо состояние аффекта, когда, будучи полностью поглощенными им, вы совершали самые идиотские поступки, которые никогда бы себе не позволили, будь вы спокойны и хладнокровны. Но и великаны тоже могут быть полезными, воплощая явное психическое эмоциональное либидо, ибо если ими все равно управляет человеческий разум, то они могут совершать великие дела. В Европе существует бесчисленное мно-

жество средневековых легенд, в которых какой-нибудь святой дурак превращает огромного великана в своего раба. Затем этот великан строит для него поразительные церкви и часовни, работая на этого святого. Таким образом, как только великан подчиняется человеческому разуму или снова встраивается в духовную структуру, он передает нам огромное количество заряженной и очень полезной энергии.

Это напоминает мне слова Юнга о том, что с ним случилось в тот момент, когда он начинал писать книгу «Психологические типы»¹⁵⁴. Он рассказал в предисловии к этой книге, как он вел обширную переписку со своим другом¹⁵⁵ о планах и собранном им богатейшем материале, который должен был войти в эту книгу, и затем уже собирался сесть ее писать, чувствуя, что сбор материала ему уже пора закончить. Юнг хотел, чтобы текст книги был ясным и логически точным, каким, например, для него был труд Декарта *Le Discours de la méthode*¹⁵⁶, однако он не мог этого сделать, ибо обладал слишком утонченным интеллектом, чтобы охватить столь обширный материал. Когда он столкнулся с этой проблемой, ему приснилось, что на рейде стоит огромный корабль, нагруженный всяческими благами для человечества, который обязательно следует привести в порт и все эти блага распределить между людьми. Этот корабль тянул за собой великолепный белый арабский скакун, – прекрасное, грациозное и нервное животное; предполагалось, что именно он должен был доставить корабль в гавань. Но коню было совершенно не под силу это сделать. В этот момент из толпы, раскидав людей в стороны, вышел огромный рыжий великан, схватил топор и убил белого коня, а затем взял канат и одним рывком (*élan*) он втащил корабль в порт. Из этого сновидения Юнг понял, что ему нужно писать, следуя эмоциональному порыву, чувствуя прилив эмоций, связанных с этой книгой, а не поступать в соответствии с паттерном, который воплощал белый грациозный арабский скакун. Тогда основу его побуждения образовал мощный импульс к работе, сопровождаемый приливом эмоций, и

¹⁵⁴ Юнг К.Г. Психологические типы. – М.: АСТ, 2006. – *Примеч. пер.*

¹⁵⁵ Речь идет о докторе медицины Шмидте из Базеля. – *Примеч. пер.*

¹⁵⁶ «Рассуждение о методе» – философский и математический трактат, опубликованный Рене Декартом в 1637 году. Его полное название – «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» (*Discours de la méthode pour bienconduire sa raison, et chercher la vérité dans les sciences*). «Рассуждение о методе» более всего известно как источник знаменитого изречения *cogito ergo sum* – «я мыслю, следовательно, я существую». – *Примеч. пер.*

целую книгу он написал практически без перерыва, ежедневно вставая в три часа утра.

Вы видите, что в данном случае, когда великан склоняется к сотрудничеству, если он не является автономным, то он ведет себя как либидо – как такой всплеск энергии, который дает возможность человеку делать нечто сверхъестественное, достигать того, на что у него не хватает мужества, когда он находится в нормальном психическом состоянии. Можно сказать, что для достижения успеха нужна некая экстатическая энергия, похожая на героический энтузиазм, ибо для этого требуется именно великан, который действует совместно с человеческим сознанием, сотрудничает с ним. Но если он выходит из-под контроля, то совершает все то зло, о котором говорилось раньше.

В нашей сказке великан спускается со скалы, причем без всякой суеты – создается впечатление, что просто от злобы – превращает в камни шестерых принцев и их невест, чтобы они не смогли вернуться домой. Превращение в камень – это следующий шаг после замерзания и оледенения. Если эмоции становятся слишком сильными, человек становится холодным, но если эмоциональное напряжение еще немного повысится, наступает оцепенение, человек превращается в окаменелость. Можно сказать, что пациент находится в кататоническом состоянии, он окаменел под воздействием бессознательных эмоций. При выходе из этого состояния человек впадает сперва в ледяное оцепенение, за которым следует мощная эмоциональная разрядка. Чтобы окончательно выйти из этого трагического окаменения, нужно пройти через все стадии, которые к нему ведут. Существовавшая в греческой мифологии Медуза Горгона, у которой вместо волос были живые змеи, была столь ужасной, что всякий, кто отваживался на нее посмотреть, превращался в камень. Чтобы ее убить, Персею пришлось смотреть на нее не прямо, а через ее отражение в своем щите. Ему пришлось привнести элемент объективной рефлексии¹⁵⁷, чтобы не получить тот эмоциональный шок, который он получил бы, посмотрев на нее прямо. Наши принцы не владели этой мудростью. Они посмотрели на великана в упор и окаменели.

Кроме того, они забыли привезти невесту младшему брату. С другой стороны, если бы они ее нашли и взяли с собой, она бы

¹⁵⁷ *Reflection* (англ.) – отражение (света), а также рефлексия (процесс осознания). Именно в таком двойном смысле в данном случае автор употребляет этот термин. – *Примеч. пер.*

окаменела вместе с ними. Тогда младший брат уже не повстречал бы свою невесту, поэтому все, что произошло, не оказалось для него злой шуткой. Но вне всякого сомнения, они проявили огромный наивный эгоизм. Они просто взяли себе невест, забыв обо всем остальном, и, соответственно, попались в ловушку великана из-за отсутствия рефлексии и способности задуматься над тем, что происходит.

Когда младший сын хочет отправиться на поиски своих братьев, он находит в конюшне только оставшуюся там жалкую, худую клячу, но принц садится на нее и едет, и это обстоятельство для нас очень важно. Ему не так жалко с ней расставаться, когда позже он отдает ее на съедение волку, а затем садится на волка верхом. В переводе на язык психологии это значит следующее: мы видим, что у короля, воплощающего доминирующее содержание коллективного сознания, осталось не так много инстинктивной энергии. Он потерял жену, возможно, это случилось давно, его шесть сыновей и шесть лошадей превратились в камень. Иначе говоря, речь идет о постепенном оскудении жизненной энергии и утрате жизнеспособности королевской семьи, и эта энергия постепенно накапливается в бессознательном.

Таким образом, младший сын отправился на поиски своих братьев удрученный, в состоянии пониженного жизненного тонуса и совершенно не уверенный в том, что может совершить великий подвиг и стать выдающимся героем. С самого начала проблема заключалась в избыточной маскулинности, поэтому мы видим, почему младшему сыну нельзя становиться героем: это привело бы к восстановлению прежней правящей установки, противопоставлявшей маскулинность живым инстинктам, любви и фемининному началу. Младшему брату лучше взять тощую клячу, которая не дает возможности сформироваться его героической маскулинной установке. Затем ему встречается умирающий от голода ворон, с которым юноша делит небольшой запас еды, которую он взял с собой.

В европейской мифологии ворон в основном является вестником, который приносит людям послания верховного бога. В норвежской мифологии он является аналогом двух вещей воронов Вотана: Хугина и Мунина, один из которых сидел на правом плече Вотана, другой – на левом его плече, и каждый из них рассказывал о том, что видел. Можно сказать, что они представляли собой экстрасенсорное восприятие Вотана или его абсолютное зна-

ние, его представление о происходящем. Вороны всегда знают, когда появится труп, чтобы поесть мертвечины, которой обычно питаются. Раньше вороны сопровождали целые армии в надежде поживиться телами убитых. Они были вестниками Вотана, и направление, в котором они летели, предвещало поражение или победу. Они не только сообщали богу о том, что происходило на земле; тот, кто мог понимать знаки, *auguria*¹⁵⁸, тот по поведению воронов мог понимать намерения бога.

В христианской мифологии ворону отводится неоднозначная роль. Когда во время потопа Ной плывал по поверхности вод в своем ковчеге, он сначала выпустил ворона, чтобы узнать, есть ли поблизости земля, но ворон все время клевал трупы и забывал возвращаться назад. Тогда Ной выпустил голубя, который принес ему ветвь¹⁵⁹, и таким образом Ной узнал о том, что поблизости находится земля. Исходя из этого в Средние века отцы церкви посчитали, что ворон служит воплощением Дьявола и зла, а голубь – воплощением Святого Духа и Божественной благодати. С другой стороны, святого Иоанна с Патмоса¹⁶⁰ и пророка Илию¹⁶¹ корми-

¹⁵⁸ *Augurium* (лат.) – мн.ч. *auguria* – наблюдение и толкование примет по птицам (слово, однокоренное с *avis* – «птица»), также сама примета, предзнаменование, прорицание; отсюда *augur* – авгур, жрец-птицегадатель (делавший предсказания по полету птиц, их крику и другим признакам). В обязанности авгура входило исследовать волю божества согласно определенным правилам и указывать, при каких условиях возможен тот или иной исход события. – *Примеч. ред.*

¹⁵⁹ Бытие 8: 6–11: «По прошествии сорока дней Ной открыл сделанное им окно ковчега и выпустил ворона [чтобы видеть, убыла ли вода с земли], который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды. Потом выпустил от себя голубя, чтобы видеть, сошла ли вода с лица земли, но голубь не нашел места покоя для ног своих и возвратился к нему в ковчег, ибо вода была еще на поверхности всей земли; и он простер руку свою, и взял его, и принял к себе в ковчег. И помедлил еще семь дней других и опять выпустил голубя из ковчега. Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли». – *Примеч. пер.*

¹⁶⁰ Иоанн Богослов, или апостол Иоанн Зеведеев, на Западе известен как Иоанн с Патмоса. По преданию с началом гонений на христиан он был схвачен и подвергнут ужасным пыткам, после чего был сослан в заточение на остров Патмос. Апостол просвещал местных жителей светом Евангелия, изгонял бесов, исцелял больных. На острове Патмос Иоанна посетило видение Духа Божьего, вещавшего о тайнах судеб Церкви и конце мира, и была написана Книга Откровения. – *Примеч. пер.*

¹⁶¹ См. 3-ю Книгу Царств 17: 2–6: «И сказал Илия... жив Господь, Бог Израилев, пред Которым я стою! в сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову. И было к нему слово Господне: пойди отсюда, и обратись на восток, и скройся у потока Хорафа, что против Иордана. Из этого потока ты будешь пить, а воронам Я повелел кормить тебя там. И пошел он, и сделал по слову Господню... И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру, и хлеб и мясо по вечеру, а из потока он пил». – *Примеч. ред.*

ли спускавшиеся с неба вороны. Отцам Церкви было сложно соединить эти два аспекта, но, наконец, они сказали, что ворон воплощает глубинные, темные и нетрадиционные мысли о Боге, которые были у Иоанна Богослова или которые пришли к нему, когда он находился в ссылке и отшельничестве на острове Патмос. Поэтому в Средние века этот архетипический символ был разделен надвое: на светлый и темный аспект. Он одновременно является символом Дьявола и темной мистической связи с Богом. Вызывает немалое удивление, что в греческой мифологии ворон является птицей бога солнца Аполлона и одновременно олицетворяет его зимнюю, северную сторону – Борея¹⁶².

Таким образом, ворон является посланцем наименее познанной, наиболее темной, наименее яркой и наименее заметной стороны великого бога. Меланхолия, глубокие мысли и злой умысел находятся бок о бок; воздействие одиночества является предпосылкой одержимости злом, а для отдельных выдающихся людей, которые знают, как с ним справляться, – предпосылкой для достижения внутреннего центра. Ворон может привести и к одержимости злом, или к существенному внутреннему осознанию, которое всегда связано с темной стороной солнечного бога – то есть к мыслям, которые в данный момент не доминируют в коллективном сознании и на которые коллектив смотрит как на зло. Когда некто покидает коллектив и, оставаясь в одиночестве, погружается в свои собственные глубины, им создается новое содержание, которое представляет собой мешающую свету, бездеятельную установку управляющего сознания. Тогда возникает вопрос: либо это содержание действительно является злом, либо это просто темное, скрытое осознание, необходимое на данный момент. В нашем случае ворон воплощает такой полезный аспект человеческой психики, который умирает от голода. Иначе говоря, эта та ее сторона, которой до сих пор пренебрегали и которую оставляли без внимания, но, накормив ворона, младший сын добавил некоторое количество энергии в эту область психики.

Затем ему повстречался лосось, который барахтался на высыхающей речной отмели. В кельтской и норвежской мифологии лосось символизирует то же самое, что ворон, а именно мудрость

¹⁶² Борея (греч. *Boréas* – северный) – в греческой мифологии бог северного бурного ветра. Борея был сыном Астрея (бога звездного неба) и Эос (богини утренней зари), брат Зефира и Нота. Его происхождение указывает на связь стихийными силами природы. – *Примеч. пер.*

и знание будущего. В кельтской мифологии герои отправляются именно к мудрому лососю, живущему в ручье, чтобы узнать что-то и об окружающем мире и о Запредельном. Но у лосося есть и другая черта. Ранее в этих странах лосось был основной пищей, а следовательно, он воплощает и подпитывающий аспект. Он придает жизненную силу и сообщает не только о неизвестных процессах, происходящих в основе психики, но и дает приток подпитывающей энергии. Это символ здоровой жизненной силы. Поражает поведение лосося, когда каждый год весной они поднимаются в верховья рек в особые места водоемов, чтобы оставить потомство, некоторые из них погибают от истощения; такое поведение несомненно представляет собой проявление исключительного героизма. Отсюда возникла идея о том, что лосось является символом *contra naturam*¹⁶³, так как он может плыть против течения и демонстрировать крайне неразумное с утилитарной точки зрения поведение. Он воплощает героические усилия в борьбе с ленью или с тем, чтобы делать что-то на скорую руку, ибо и то и другое никогда не позволили бы лососю упорно двигаться в верховья рек. За это время десять-двадцать раз лосось пытается преодолеть речные пороги. Он приходит в полное изнеможение, отплывает от порога, поплаывает по кругу, а затем снова пытается преодолеть порог, и так продолжается, пока он не добьется своего. Вполне естественно предположить следующее: чтобы мужчине достичь более высокого уровня сознания, ему нужно приложить точно такие же усилия.

Образ лосося обладает этим в высшей степени символическим смыслом, так как является воплощением божественной мудрости, побуждающей мужчину прилагать усилия к достижению более высокого уровня осознания, но вместе с тем воплощает и эротическую сущность. Лосось прилагает усилия, чтобы доплыть до места нереста. Поэтому он служит воплощением жизнелюбия и любви, и вместе с тем – мудрости, которая включает в себя любовь.

Лосося нужно столкнуть обратно в воду. Его барахтанье на отмели – это обычное положение дел, но пока принц не начал действовать, в королевстве все оставалось в запустении. Даже лосось, символ мудрости, утратил свою связь с водой.

По сравнению с лососем следующее животное еще ближе к человеку. Волк – теплокровное животное и ближайший наш со-

¹⁶³ *Contra naturam* (лат.) – противоестественно, против природы. – Примеч. пер.

родич. Он был таким голодным, что едва волочил ноги. Он два года ничего не ел, поэтому умоляет принца, чтобы тот отдал ему на съедение лошадь. В норвежской мифологии волк, как и ворон, является одним из спутников Вотана. Он также сопровождает все сражения, и, куда бы раньше ни отправилась армия, туда по воздуху летели вóроны, а лесами пробирались волки. В прошлом от них исходила угроза смерти, которая сопутствовала угрозе, исходившей от войска. Быть может, вследствие своего родства с собакой, привязанной к человеку, волк не только несет на себе проекцию темного опасного зверя, но и поразительного острого природного ума. Опять же, в греческой мифологии волк принадлежал Аполлону, богу солнца, воплощавшему сознательное начало. Волк по-гречески звучит как *lykos*, что близко к латинскому *lux* – свет (по-немецки *Licht*), возможно, из-за его глаз, которые светятся в темноте. Следовательно, несмотря на свой ночной образ жизни, это животное относится к силам света. У настоящего волка поразительно развит природный ум. Может быть, кроме всего прочего именно это приводит к тому, что он является носителем природного света.

Если рассматривать его отрицательную сторону, то этот зверь представляет смертельную опасность и служит воплощением высшей степени зла. В древнегерманской мифологии конец света и всех богов наступит, когда в конце концов освободится волк Фенрир¹⁶⁴. Он сожрет солнце и луну, и это станет началом всеобщей катастрофы и конца света. Поэтому волк является крайне опасным демоном, несущим смерть. Существует пословица, что если говорить о волке, то он тут же появится, как и черт¹⁶⁵. Чтобы не упо-

¹⁶⁴ Фенрир – в германо-скандинавской мифологии громадный волк, сын Локи и Ангрбоды. Фенрир вырос среди асов, кормить его отваживался только Тюр, бог воинской храбрости. Чтобы обезопасить себя, асы решили сковать Фенрира цепью, но могучий волк легко рвал самые крепкие цепи (Лединг, Дромми). В конце концов асам хитростью все же удалось сковать Фенрира волшебной цепью Глейпнир, но, чтобы волк позволил надеть на себя эту цепь, Тюру пришлось вложить руку ему в пасть в знак отсутствия злых намерений. Когда Фенрир не смог освободиться, он откусил руку Тюра. Асы приковали Фенрира к скале глубоко под землей и воткнули меч между его челюстями. В день Рагнарёка, согласно пророчеству вещей Норн, богинь судьбы, Фенрир разорвет свои оковы и поглотит солнце. В финале битвы Фенрир убьет Одина и будет убит Видаром, сыном Одина. – *Примеч. пер.*

¹⁶⁵ На этот счет существует английская пословица: *talk of the devil and he will appear* («заговори о черте, и он появится»). Самый близкий русский вариант – «легко на помине». – *Примеч. пер.*

минать волка, его называли *Isegrimm*¹⁶⁶, что дословно означает «железная ярость»; *Grimm* – это состояние гнева или ярости, который превращается в холодную решимость. Сказать что-то с *Ingrimm* – значит сказать это с холодной, непреклонной решимостью, порожденной скрытой яростью или аффектом. Естественно, применительно к случаю, когда человеку нужно проявить безжалостную решимость, порожденную «праведным» гневом, такое поведение может быть позитивным.

Волк также относится к животным, принадлежащим Дьяволу, и является одним из богов войны. Например, в Риме он принадлежал Марсу, одному из основных богов Римской империи; именно поэтому волчица выкормила Ромула и Рема, основателей Рима. Этот зверь был не только тайно связан с темным богом войны и темной стороной солнечного бога, но и с фемининным началом. Например, в сказке «Красная Шапочка» бабушка, Великая Мать, хочет целиком проглотить маленькую Красную Шапочку, но приходит охотник, который также воплощает аспект Вотана, и ее убивает. Там волк становится частью темной фемининной богини и ее темной натуры. В сновидениях современных женщин волк часто символизирует Анимус или ту странную установку, которая появляется у женщин, одержимых Анимусом. Во многих психологических коннотациях волк просто означает голод и жадность. В английском языке есть выражение *wolfing food*, означающее, что человек голоден, «как волк», и жадно поглощает еду. Именно поэтому есть много сказок и историй, в которых лиса оставляет в дураках волка, играя на его жадности, ибо жадный волк теряет свой острый ум и попадает в ловушку. Голод или жадность приводят его к краху. С нашей точки зрения именно это его слабое место, а потому как раз здесь его можно поймать. В сборнике сказок братьев Гримм есть сказка «Волк и семеро козлят», в которой козлята набивают камнями брюхо жадного волка и бросают его в воду. В данном случае он также становится жертвой своей жадности.

У мужчины волчья натура воплощает это странное неразборчивое желание все и всех сожрать и все получить, которое проявляется в многочисленных неврозах, где основной пробле-

¹⁶⁶ *Isegrim* (нем.) – Изегрим, Волк (в сказках и баснях), также ворчун, угрюмый человек. Соответственно, *Eisen* (нем.) – железо; *Grimm* (нем.) – ярость; *Ingrimm* (нем.) – досада, озлобление. – *Примеч. пер.*

мой у человека остается проблема инфантилизма, порожденная несчастным детством. Внутри у таких людей растет голодный волк. Обо всем, что они увидят, они говорят: «Я тоже хочу!» Если какой-то человек проявляет по отношению к ним доброту, они от него требуют все больше и больше. Юнг называет это под-
верженностью влечению (*drivenness*), которое явно не относится ни к власти, ни к сексуальности. Оно является даже еще более примитивным; это желание иметь и получить все, что можно. Назначьте этим людям одну сессию в неделю, и они попросят две; если вы назначите им две, они захотят три. Они захотят прийти к вам на прием в ваше свободное время, а если вы жени-
тесь на таком человеке (или выйдете за него замуж), то он захо-
чет вас «сожрать» и т.д. Они совершенно зависимы от своего вле-
чения (*driven*). Это не значит, что этого хотят именно *они*; этого хочет *их оно*. Их «оно» никогда не получает удовлетворения, поэтому волк, который живет внутри у таких людей, кроме того, порождает у них постоянное чувство возмущенной неудовлетво-
ренности. Он становится символом постоянной горькой, холод-
ной, ужасной обиды из-за чего-то, чего у человека никогда не
было. Он действительно хочет съесть целый мир.

Волк чаще появляется в норвежских сказках, в которых он связан с ведьмами и великой богиней. В Греции связь с феминин-
ностью была не столь возможна, так как волк принадлежал Апол-
лону, однако *существуют* папирусы, относящиеся к магии поздне-
го периода Древней Греции, на которых среди собак Гекаты изоб-
ражен волк. Однако нам не следует забывать связь волка со све-
том. Если жадность преследует свою истинную цель и направле-
на на нее, – *тогда все в порядке*.

В этой сказке мы не находим отрицательных черт у волка, быть может, потому, что жадность и отсутствие самоконтроля уже проявляются у великана. С самого начала сказки волк является животным позитивным, оказывающим помощь. В данном случае волк, вопреки собственной природе, сжирает только лошадь. Тог-
да он может справиться со своей жадностью, дает себя взнуздать и оседлать и тем самым играет роль коня младшего королевского сына. Теперь его движущей силой становится инстинктивное вле-
чение, которое уже не выходит за собственные границы. У тощей клячи не было героического *élan*¹⁶⁷, но теперь принца увлекает

¹⁶⁷ *Élan* (фр.) – порыв. – *Примеч. пер.*

страстное желание достичь своей цели, найти братьев и их невест. Волк, который знает природные тайны, доставляет его прямо к замку великана и советует просто слушаться принцессу, которая, собственно, и решает всю проблему. Принцу остается только прятаться под кроватью.

Волк-помощник напоминает мне разные психологические версии и полуправдивые рассказы, которые Киплинг сделал бесмертными, написав свою сказку «Маугли» – о ребенке, который с самого раннего возраста лишился контакта с людьми и оказался в волчьей стае, а потом вернулся к людям. Если я правильно помню, такой случай действительно был когда-то в Индии или, по крайней мере, считалось, что такое происходило: в течение долгого времени мальчик жил среди волков. Такие вещи случаются нечасто, но я думаю, что этот миф – или случай – играет огромную роль. Несмотря на то что волки принимали в свою стаю на самом деле всего нескольких детей, на символическом уровне это случалось с миллионами. В родных семьях дети становятся несчастными и теряют человеческий облик. Или, точнее говоря, им не дают стать людьми, ибо у родителей нечеловеческое бессознательное. Таким образом, у детей рождается установка «одинокого волка». Тысячи детей становятся одинокими волками, страдая от изоляции, зависти и невозможности иметь нормальное человеческое общение. Именно поэтому всего несколько историй о том, что это произошло в реальности, производят такое впечатление. Во всем мире есть истории об оборотнях – о людях, которые ночью превращаются в волков и потом причиняют несчастья другим людям. По существу в этих случаях речь идет о том же самом.

Если посмотреть на поведение нашего принца, то окажется, что оно является странно двойственным. Волк, который позволил себя взнуздать и оседлать и проявил не столь безмерную жадность, как в других сказках, говорит принцу, чтобы тот оставался полностью пассивным. А в конце сказки – не забывайте о том, что наша основная тема – это проблема борьбы со злом, – решающую роль в победе над великаном сыграл не принц, а волк, который велел принцу раздавить яйцо. Поэтому имеет место странная двойная установка. Принц совершенно пассивен, прячется у принцессы под кроватью и ничего не делает, только подслушивает разговоры. Всеми действиями фактически руководит волк, поэтому когда в конце сказки великан оказывается побеж-

денным, то эту победу одержал волк. Принц оказывается лишь его орудием действия, он поступает в сказке так, чтобы волк мог одолеть великана.

Тема, связанная с героем, который прячется под кроватью принцессы и подслушивает любовные разговоры, повторится и в другой сказке, поэтому здесь я скажу об этом довольно кратко. Место под кроватью обычно символизирует индивидуальное бессознательное. Если вам люди не очень понятны, загляните к ним под кровать, и вы увидите огромное количество свалывшейся пыли, которая есть везде; там же можно найти ночной горшок, старый шлепанец и все остальное. Именно оттуда можно достать все что угодно, и это обстоятельство является идеальным поводом для того, чтобы назвать это место символом индивидуального бессознательного.

Мне вспоминается, что все мое детство у меня под кроватью жил охотник вместе с желтым карликом. Они протягивали ко мне свои руки, что заставляло меня сжиматься на середине кровати, чтобы они не могли до меня дотянуться. Когда я делилась своими переживаниями с другими детьми, они говорили в ответ, что у них под кроватями живут разные звери, черти и вообще обитает всякая нечисть.

В великой китайской книге мудрости «И-Цзин»¹⁶⁸ гексаграмма 23 «Бо. Разложение и распад» – разложение после смерти, после которого следует воскресение, это и есть образ развалившейся кровати (ложа). У нее отламываются ножки, и в конечном счете вся кровать ломается. В описании говорится, что так представлены силы зла, которым не хватает смелости открыто бороться против сил добра, поэтому они исподтишка подтачивают их так, чтобы сломать кровать. В данном случае опять «под кроватью» находится тайное убежище, где прячутся подавленные комплексы и проблемы, постепенно подрывая процесс осознания и в конечном счете даже состояние отдыха. Именно поэтому плохое осознание проблемы, тревожные мысли или подавленное содержание действительно нарушают сон человека и заставляют его бодрствовать. Это тоже силы зла, которые живут под кроватью.

В нашей сказке принц воплощает спрятавшуюся под кроватью тайную опасную силу, но чтобы победить властного велика-

¹⁶⁸ Richard Wilhelm, trans., *I Ching*, rendered into English by Cary F. Baynes (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1967). (Рус. перевод: И-Цзин, древняя китайская книга перемен. М.: Эксмо-Пресс, 2001.)

на, он берет на себя другую роль. Он прячется в укромное место и становится совершенно пассивным; благодаря этому он постепенно узнает, как одолеть великана. Он может лишить его сил и одолеть его, не вступая с ним в открытую борьбу, а лишь добравшись до ядра его сущности, где сосредоточена вся его скрытая энергия.

По существу это означает то же самое, что вступить в конфронтацию с человеком, когда его переполняют эмоции. С ним бесполезно пытаться открыто выяснить отношения. Попытка убедить человека выйти из состояния гнева вызовет лишь обратную реакцию, и он просто вскипит от ярости. Но если добраться до его скрытого ядра, до основного мотива, который человек обычно не осознает, то можно подойти к тому, что гнев человека прекратится. То же самое можно сделать по отношению к самому себе. Если человек по отношению к чему-то становится слишком эмоциональным, это обычно происходит потому, что его бессознательное либидо и жизненные силы направлены не туда, куда следует, или вообще остаются там, где они сформировались.

Самые неудобные наши клиенты – люди с нереализованными творческими способностями. Они делают из мухи слона, суетятся из-за совершенной чепухи, страстно влюбляются в кого-то, кто совсем не достоин такого внимания и т.д. То есть в них присутствует нечто наподобие «свободно плавающего» заряда энергии, не направленной на нужный объект, а следовательно, им свойственно придавать избыточной психодинамике ложное направление. Можно у них спросить, почему эта психодинамика становится у них избыточной, почему она оказывается для них столь важной, но дело в том, что эта сверхзначимость и сверхценность психодинамики, а также их сверхсосредоточенность на ней не являются осознанными. Этот эмоциональный заряд переходит в их индивидуальное дурачество, ибо часть психодинамического центра еще не нашла истинной мотивации и не установила с ней связь. Когда люди начинают заниматься чем-то действительно для них важным, весь избыточный энергетический заряд перетекает в правильном направлении и прекращает эмоционально нагружать объекты, не требующие столь пристального внимания. Подавление и отсутствие реализации творческих возможностей – одна из наиболее часто встречающихся причин появления неуправляемой эмоциональности, но такая тенденция к односторонней избыточности складывается и из-за подавления религиозной функции психики.

Возможно, религиозная функция является самым сильным внутренним побуждением в человеческой психике. Если она не направлена на свою природную цель, то нагружает другие области жизни, придавая им несвойственную для них эмоциональность. Лоренс ван дер Пост отмечает это в своей книге «Путешествие в Россию»¹⁶⁹, в которой показывает, что из-за того что религиозная функция в психике жителей Советской России была искажена воинствующим атеизмом, эта избыточность энергии иногда принимала очень смешные формы: в некоторых областях советской страны крестьяне сделали электричество своим богом и называли новорожденных мальчиков «ГЭС», а девочку «Электра». Они говорили о новых дамбах, об электрическом токе, о динамо-машинах, которые они создавали с тем же священным трепетом, с которым раньше возводили церкви. Он также описывает патетическую сцену, которую наблюдал, посещая Мавзолей В.И. Ленина. Он был абсолютно поражен тем, что здесь лежит этот плохо набальзамированный маленький буржуа XIX века со своей коротко остриженной бородкой, которого иногда нужно было снова баловать, чтобы черви не съели останки его тела. Он наблюдал, как к нему подошли простые русские люди: крестьянин с дочерью. Мужчина выглядел взволнованным, глядя на этот труп в стеклянном гробу, и снял кепку. При этом он благочестиво посмотрел на дочь, показав ей, что они должны делать. После этого, перекрестившись, они спокойно вышли из Мавзолея. Кого же, если не Бога, мы делаем из мертвого человека!

Когда основной поток энергии при психическом развитии человека заблокирован, вы можете употребить метафору, что вода течет по другим каналам, наполняет другие русла, создавая сторонние течения или, при полной блокировке потока, порождает в человеческой психике болото, в котором живут змеи и где выводятся полчища комаров, ибо этот поток не достигает своей истинной цели. Именно поэтому, чтобы преодолеть деструктивные эмоции, принцессе нужно выяснить, как великан связан со своим сердцем. После двух неудачных попыток она узнает, что оно находится «далеко» в океане, в котором есть остров, на острове стоит церковь, в церкви находится колодец, в колодце плавает утка, в утке – яйцо, и в этом яйце – сердце великана.

¹⁶⁹ Laurens van der Post, *Journey into Russia* (London: Hogarth Press, 1964).

В некоторых других аналогах этой сказки вместо слова *сердце* написано слово *смерть*. В русском варианте колдун (или черный маг) говорит: «На острове есть церковь, в церкви – птица, в птице – яйцо, а в яйце – моя смерть»¹⁷⁰. В каком-то смысле это одно и то же, ибо, если яйцо находится у вас в руке, значит, у вас в руке находится возможность смерти великана, и, наверное, в этом и состоит связь. В данном случае сердце символизирует функцию чувствования, самое уязвимое место, Ахиллесову пятую, в которую можно поразить эту неуязвимую демоническую фигуру.

Теперь перейдем к символическому значению всего, с чем мы фактически столкнулись: воды, острова, церкви, колодца, утки и сердца. Те, кто хорошо знаком с юнгианской психологией, знают, что все эти аспекты являются теми или иными символами Самости. В мифологии дальний остров несет на себе проекцию потерянного рая; на далеком острове находится сад Гесперид; в кельтской мифологии есть самые разнообразные дальние острова. Во времена Позднего Средневековья остров Фула (*Thule*)¹⁷¹ считался далеким утопическим островом – местом отдыха духов, фей и морских богов. В греческой мифологии Кроноса, бога, свергнутого Зевсом, сослали на уединенный северный остров, и он жил там, в стране Борея. Как правило, на таком острове продолжает существовать идеальное прошлое. Например, на тех островах, куда сослали Кроноса, до сих пор существует золотой век.

В Средние века существовало бесчисленное множество историй о мореплавателях, – о странствиях святого Брендана¹⁷² и

¹⁷⁰ В собрании русских народных сказок есть сказки о Кощее Бессмертном (который упоминается автором как черный маг). Среди них есть такие аналогии: 1) «У меня смерть, – говорит Кощей, – в таком-то месте: там стоит дуб, под дубом ящик, в ящике заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть»; 2) Кощей... говорит: «...моя смерть в яйце, то яйцо в утке, та утка в кокоры, та кокоры в море плавают (кокоры – пень, лежащий на дне реки; выдолбленная колода.)»; 3) «Кощей... рассмеялся: "Моя смерть далеке: на море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, а в яйце – моя смерть!"» (Афанасьев А.А. Народные русские сказки. В 3 т. Т. 2. № 156–158 «Сказки про Кощея»). – *Примеч. пер.*

¹⁷¹ (Дальняя) Фула – страна в шести днях плавания к северу от Британии, которую античные географы считали пределом обитаемого мира на севере; идентифицируется по-разному: в ней видят Исландию, побережье Норвегии или один из Шетландских островов. – *Примеч. пер.*

¹⁷² Святой Брендан из Клонферта (484–577), которого называли «Мореплаватель», «Путешественник» или «Отважный», – один из ранних ирландских монахов-святых, известен своим полубогатым странствием на Остров Блаженных. Однажды он встречается с морским чудовищем, которое принимает за остров и даже высаживается на него. – *Примеч. пер.*

многих других, – которые во время шторма сбивались с курса и попадали на странный остров, где с ними происходили удивительные приключения. В сказке остров просто символизирует дальнюю область бессознательного, лишенную связи с сознанием. Слово *isolation* (изоляция, уединение) происходит от латинского слова *insula*, остров. В переводе на язык психологии остров служит воплощением автономного комплекса, который не связан или почти не связан с остальной сознательной личностью. Он фактически является изолированной областью, о которой человек иногда имеет некоторое представление, но не связывает ее с сознанием.

Мне рассказывали о случае с мужчиной, у которого была ползучая, вялотекущая, хроническая шизофрения. Он жил совершенно замкнутой жизнью вместе со своей матерью, которая не разрешала ему жениться, пока ему не исполнится сорок лет, и он даже не мог вступать в отношения с женщинами. Он мог ходить на работу в офис, но сразу по окончании работы ему следовало идти прямо домой. Он никак не мог избавиться от деспотизма своей старой и совершенно деструктивной матери. Его аналитик принесла мне записи его ужасных сновидений, которые показывали, что этот человек мог совершить самоубийство или в любой момент у него могло возникнуть обострение шизофрении: в его снах были сцены, в которых он распиливал себя на части и т.д., однако в сновидениях снова и снова повторялся мотив, связанный с островом, на котором была буйная тропическая растительность. В его снах были женщины, но каждый раз на острове появлялась ядовитая змея, которая всячески угрожала сновидцу. Я догадалась, что, наверное, он мастурбировал со сладкими фантазиями и в уединении вел свою собственную тайную эротическую жизнь, которая была совершенно изолированной в буквальном смысле слова. В каком-то смысле это было позитивным моментом; по крайней мере, это была какая-то часть нормальной жизни – у него не было другой сексуальной жизни, пока ему не исполнилось сорок пять лет. Но с другой стороны, в этом был и негативный момент, ибо такая жизнь исключала его желание отделиться от матери, которое было бы сильнее, если бы он прекратил мастурбацию. Таким образом, в этом раю мастурбации тоже была своя ядовитая змея. Я рассказала аналитику об этом мотиве сновидения, но потребовался целый год, чтобы о нем рассказал сам пациент. Однажды ему приснилось, что его снова укусила ядовитая змея,

которая приползла с острова, и он опасно заболел; кроме того, ему приснилось, что на полу он увидел часть головы змеи и часть ее хвоста, и сказал: «Да. Я должен принести это врачу, чтобы получить сыворотку от змеиного укуса». После этого своего сна он в конечном счете согласился говорить о тропическом острове, на котором он жил по ночам.

Таким образом, остров – это символ отчужденной области психики, так сказать, автономного комплекса. В данном случае нормальная сексуальность была изолирована и отъединена негативным материнским комплексом. Сновидец об этом знал, но убедил себя в том, что ему никогда не следует говорить об этом аналитику. Он жестко отделил эту проблему от других своих жизненных проблем. То есть иногда остров известен, но между ним и областью сознания находится огромное водное пространство бессознательного; иногда же он неизвестен, что значит – есть автономный комплекс, который находится где-то в сфере фантазии, но сознание недостаточно о нем знает, чтобы что-то сообщить.

В этой отщепленной, удаленной, изолированной области психики находится церковь. Теперь заметим следующее: *insula* тождественна фемининности, море – фемининности, церковь – фемининности, колодец – фемининности! Здесь в этом крепком орешке сосредоточены все фемининные и материнские начала, которые отсутствуют в королевстве, в котором нет королевы, однако они полностью отделены и отрезаны от остальной жизни.

Интересно, что в этой отчужденной области находится и церковь. Даже этот аспект христианской религиозной установки, церковь как фемининный контейнер, где совершается религиозное поклонение, отчуждена на этот остров вместе с колодцем, который символизирует психическую структуру, позволяющую соединиться с бессознательным. Колодец представляет собой скважину, откуда поступает вода из глубины. В этом смысле колодец воплощает структуру человеческой психики, позволяющую человеку безопасно вступать в контакт с глубинными уровнями бессознательного. Если мы соединим вместе церковь и колодец, то получится следующее: все содержание, которое подавляется в аспекте церкви, должно было быть животворной функцией подлинной церкви.

В первые века христианизации северных стран церковь создавала для людей возможность испытать мистическое религиоз-

ное переживание. В последние века она стала более подвержена социальному формализму. После обращения в христианство народов Севера первое время церковь позволяла получить истинное религиозное переживание и достичь некоего развития сознания. Это продолжалось до тех пор, пока церковь не стала побуждать их к религиозным войнам. Это видно из древних летописей. Но когда истинно психический аспект христианства снова угас, от него остался только конвенциональный крест – социальная функция, не имеющая глубинного религиозного смысла. Истинно религиозная функция психики вернулась к язычеству, но так как само язычество осталось далеко позади, то, с одной стороны, церковь имеет с ним связь, а с другой стороны, ее не имеет.

В колодце плавает утка, а в утке – яйцо. Значит, утка, что довольно странно, особенно для сказок, связанных с проблемой зла, становится спасительным фактором. И, по крайней мере в европейских странах, оказывается, утка, с одной стороны, связана со злом, а с другой стороны – с освобождением от зла. Во время заката солнце плывет по озеру, как золотая утка, на запад и наутро снова возвращается с востока.

В странах Европы утки и гуси имеют определенную связь с чертями и ведьмами, которые часто имеют утиные или гусиные лапки. Существует много народных преданий, в которых всевозможные красоты, да и не только они, бывают весьма успешными в жизни, но стоит посмотреть вниз, и вы увидите у них утиные или гусиные лапы; тогда вы понимаете, что имеете дело с каким-то воплощением бесовщины, зла и нечистой силы.

Утка – это замечательная птица. Она может ходить по земле, плавать в воде и летать по воздуху. По земле она перемещается меньше, чем по воде, но все равно делает это лучше, чем тяжелые лебеди и другие совершенно беспомощные на суше водоплавающие птицы, поэтому она воплощает сущность, которая ощущает себя как дома в любой природной среде и часто служит символом Самости. Утка может преодолеть любую природную преграду, которую не может преодолеть человек. Человек не может летать, а чтобы плавать, ему нужны разные технические средства. Следовательно, она воплощает то, что мы в юнгианской психологии можем назвать трансцендентной функцией – странной способностью психики трансформировать человека и выводить его из тупика, в котором он оказался. Когда человеческая жизнь заходит в тупик и упирается в стену, которая не позволяет ей дальше развиваться,

трансцендентная функция приносит исцеляющие сновидения и фантазии, которые на символическом уровне формируют некое представление о новом пути в жизни, который затем принимает конкретное очертание и приводит человека к новой жизненной ситуации.

В утке яйцо, в котором, по словам великана, находится его сердце. Яйцо означает зародыш чего-то нового, зарождение новой жизни. Именно поэтому на Пасху и в другие весенние праздники яйца служат символом обновления и возможности возродиться вновь. Если взять многочисленные космогонические мифы, в которых яйцо лежит в основе сотворения мира, то этот символ обретает космический масштаб. Это начало начал, нечто, способное породить целую вселенную. Согласно всем мифам о сотворении мира, мир появился из расправшегося надвое яйца: так происходит в индийских, греческих, орфических и многих других мифах о сотворении мира.

Исключительную важность имеет символ яйца в алхимии. Оно приравнивается к философскому камню, ибо, как говорили алхимики, в нем содержится все, без исключения, кроме небольшого количества тепла, необходимого для развития жизни, или даже нужной температуры. Будучи самодостаточным для того, чтобы породить жизнь, оно символизирует самую сокровенную внутреннюю сущность человека, Самость, к которой ничего нельзя добавить и от которой ничего нельзя отнять. Если мы постоянно будем уделять ей внимание, она может развиваться из самой себя. Эта поразительная последовательность религиозных символов, фемининных по своей сути, – именно в ней сосредоточена тайна или душа Великана.

Главный сказочный герой находит утку с яйцом в колодце церкви, стоящей на острове. Держа яйцо в руке, он угрожает великану смертью и обещает оставить его в живых, если тот возвратит к жизни его братьев и их невест. Когда великан выполняет все требования принца, наступает момент истины: быть ли герою честным, выполнить обещанное и отпустить великана, ибо тот исправил зло, которое совершил, – или же?.. Здесь вмешивается волк и велит принцу раздавить яйцо. Принц повинует, и великан умирает.

Один из участников семинара, материалы которого легли в основу этой книги, попытался интерпретировать конец этой сказки. Он посчитал, что существуют две возможные интерпре-

тации. Первая – с точки зрения женщины: если образ принцессы воплощает человека, то великан представляет собой бессердечную, жесткую фигуру Анимуса; ночью она выведывает у него тайну, его уязвимое место, и передает ее принцу, который служит воплощением ее позитивного Анимуса. (Я передаю лишь суть этой идеи.) Сентиментальные чувства и жалость, которые она испытывает к своему бывшему господину, представляют угрозу всему, чего она добилась, поэтому ее бывший жестокий господин должен умереть, тем самым освободив ей путь к ее настоящей жизни. Вторая интерпретация, с точки зрения мужчины, такова: яйцо представляет собой великую цель и оправдание всей жизни. Яйцо, находящееся в утке, относится к тому уровню его бессознательного, который никогда не был осознанным (его символизирует великан), представляет собой истинную цель внутреннего развития. То, что он нашел яйцо и соединился с прекраснейшей принцессой, свидетельствует о том, что под его психической «окаменелостью» имеются величайшие возможности, которые ранее рассматривались с точки зрения великана. Принцесса, как его Анима, опосредует его связь с миром бессознательного, ведет его прямо к цели – то есть к его собственной живой душе. В данном случае нахождение сердца великана представляет собой открытие для самого великана. Тогда его жизнь исчерпала себя и наступает самое время умереть, ибо, будучи каменным великаном с сердцем из камня, он не может продолжать жить.

В этом я несколько сомневаюсь, ибо вообще кажется, что такое завершение сказки происходит с точки зрения великана, а не с точки зрения принца. С точки зрения каменного великана это конец его жизни. Он сыграл свою роль, ибо теперь он стал ближе к символу церкви–утки–яйца; поэтому ему пришло время умереть. Но если взять великана как некую часть языческой, племенной души, как сущность, не являющуюся целостной, то, на мой взгляд, все оказывается значительно сложнее. Кроме того, я чувствую незавершенность, ибо вовсе не представляю, как это можно свести воедино с психологией принца, ибо в сказке его образ должен служить воплощением мужчины.

Чтобы увидеть еще более сложные моменты в этой ситуации, прежде чем обсудить ее подробно, мне бы хотелось познакомить вас с совершенно иной сказкой, противоположной по смыслу. Это литовская волшебная сказка.

Однажды в лесу дровосек рубил дрова и вдруг увидел куницу. Он сразу выронил топор, но, пытаясь ее догнать, только потерял дорогу и совсем заблудился. Когда стемнело, он забрался на дерево, чтобы переночевать. Утром он услышал, что внизу происходит ужасная драка. Посмотрев вниз, он увидел льва, гончую собаку, кошку, орла, муравья, петуха, воробья и муху [восемь животных], которые ссорились над телом мертвого лося, потому что каждый из них хотел спеть прощальную песню. Так они бранились и дрались целый день, пока, наконец, кто-то из них не заметил дровосека и не сказал, что прощальную песню споет тот, кого выберет дровосек. Спустившись вниз, дровосек немного подумал и сказал, что петь должен он сам, иначе лося так никогда и не похоронят. Все очень этому обрадовались и сказали, что за такое мудрое решение они его наградят: они подарят ему возможность превращаться в любого из этих животных, стоит ему только о нем подумать.

Итак, дровосек запел такую прощальную песню, что ему вторил весь лес. Затем он превратился в льва и скрылся в другой части леса. Там ему встретился свинопас, который горько плакал, потому что в ближайшее время Дьявол собрался съесть всех его свиней. Свинопас рассказал, что во всем виноват король, который несколько дней назад заблудился в лесу. Вдруг, откуда ни возьмись, появился странный человечек, который пообещал показать ему, как выйти из леса, при условии, что каждый день тот будет отдавать ему свинью. Когда больше не останется свиней, король должен будет отдать ему собственную дочь, принцессу.

Тогда король пообещал отдать свою дочь в жены тому, кто убьет Дьявола. «Это значит, – подумал дровосек, – что нужно поймать этого пожирателя свиней, и тогда я стану королевским зятем». Поэтому он решил сам стать свинопасом; ближе к вечеру появился Дьявол, схватил одну свинью и скрылся в лесу. Дровосек быстро погнал остальных свиней домой, сам превратился в гончую и последовал за Дьяволом. Он рассказал Дьяволу, что чуть дальше, на опушке восьмого леса, один человек хочет повеситься, но ему не хватает смелости это сделать; Дьявол заторопился получить его душу, оставил в живых свинью и бросился дальше.

¹⁷³ *Lettisch-litauische Volksmärchen*, MdW (Jena, 1921), no. 3: *Wie der Holzhauer den Teufel überlistet und die Königstochter gewinnt*.

На следующий вечер случилось то же самое, но на этот раз дровосек превратился в орла и стал смеяться, что Дьявол ест свинину. Он сказал, что в соседнем лесу мать утопила своего ребенка, и ему лучше бежать туда, чем есть свинью. Прежде чем бежать за ребенком, Дьявол постарался оставить себе свинью: он расщепил дуб и зажег в нем свинью, но дровосек вызволил ее и вместе с ней вернулся домой.

На следующий вечер дровосек оставил свиней дома, в свинарнике. Он решил превратиться в петуха и всю ночь просидеть на насесте, и, разумеется, в полночь явился голодный Дьявол. Но петух закричал, и Дьявол тихо убрался восвояси. Он понял, что его обманули, и очень разозлился. Он ворвался в королевский дворец и унес принцессу, вытащив ее из постели.

Король пришел в отчаяние, однако дровосек его успокоил и сказал, чтобы тот не тревожился. Он отправился на гору, куда Дьявол унес девушку, и на вершине нашел маленькую дырочку. Он превратился в муравья, сел на песчинку и соскользнул на ней вглубь горы. Там он увидел широкую равнину; тогда он превратился в муху и полетел на другой ее край, где стоял хрустальный дворец, в котором у окна сидела королевская дочь и плакала. Затем дровосек принял свой обычный облик и подошел к принцессе; та ужасно испугалась и спросила у него, как ему удалось к ней проникнуть. Она предупредила, что с минуты на минуту может появиться Дьявол, который разорвет его на части.

Прошло немного времени, и появился Дьявол, но дровосек превратился в льва и набросился на Дьявола. Между ними произошла страшная схватка, куски мяса и клочья шкуры разлетались во все стороны, но льву удалось сожрать Дьявола целиком вместе с его шкурой и шерстью.

Принцесса была вне себя от радости. Разумеется, дровосек тоже радовался, но теперь надо было придумать, как выбраться из подземелья. Они перебрали в голове все, что смогли. Наконец принцессе в голову пришла спасительная мысль: в какой-то книге Дьявола она прочла, что существует волшебное дерево, на котором есть гнездо с бриллиантовым яйцом, и если его поднять в верхний мир, то вслед за ним поднимется и хрустальный дворец.

Дровосек тут же превратился в воробья, полетел к этому дереву, вынул из гнезда яйцо и принес его принцессе. Все было сделано, но как же его поднять в верхний мир?

«Постой, – сказала принцесса, – у Дьявола есть привратник, который не может терпеть кошек. Как только он поймает кошку, то сразу же выбрасывает ее в верхний мир».

Тогда дровосек превратился в кота, взял в зубы яйцо и стал, мурлыча, тереться о ноги привратника. Тот, недолго думая, схватил кота за шкурку и потащил его вверх по очень высокой лестнице. Привратник долго поднимался по ней, пока не очутился перед огромной железной дверью. Открыв эту дверь, он бросил кота на землю и дал ему пинка. Кот полетел по воздуху и приземлился прямо у того отверстия в горе, куда вполз муравей. И как только кот снова превратился в дровосека, и тот положил на землю яйцо, тут же появился хрустальный дворец, в котором была принцесса. После этого они сыграли свадьбу и жили счастливо в хрустальном дворце.

Я не хочу разбирать подробно эту прекрасную плутовскую (*trixter*) сказку, но хочу показать, что далеко не всегда нужно уничтожить драгоценность, которой обладает Дьявол или злые силы. В данном случае произошло нечто более естественное, по крайней мере для юнгианца: символ Самости сохраняется, поднимается и интегрируется в реальность. Он выносится на поверхность, в сознание, а уничтожаются только силы зла, которые им владели. Это находится в полном соответствии с нашим природным чувством: если Дьявол имеет власть над центром, над величайшей драгоценностью Самости, то задача заключается в том, чтобы отнять у него этот центр. Эта задача соответствует обычному паттерну, состоящему в том, чтобы отнять у дракона жемчужину или с большим трудом отобрать сокровища у сил зла.

Это особенно близкий аналог, ибо у нас есть такой же мотив с совершенно противоположными правилами этического поведения. В скандинавских странах христианская религиозная жизнь отчасти просочилась обратно, в бессознательное. В сказке об острове–церкви–колодце–утке великан воплощает деструктивную эмоцию. Если бы великан и его церковь с уткой и яйцом находились ближе друг к другу, они оказались бы несовместимыми. Та христианская церковь с символом Самости несовместима с великаном и его поступками. Поэтому великан может быть связан лишь с тем, что находится очень далеко от него. Великан напоминает людей, которые извлекают тайну своей жизни и свою жизнеспособность из того, чему не соответствует их деятельность. В повседневной жизни мы встречаем людей, которые занимают верховные посты в церковной иерархии или находятся на самом верху социальной лестницы и которых притягивает этот статус, но в повседневной жизни они ведут себя совершенно иначе. Они из-

влекают всю свою жизнеспособность из чего-то такого, с чем совершенно несовместимо их поведение в обычной жизни. Такую психологию у человека можно назвать раздельной психологией (*compartment psychology*).

Во многих массовых движениях наблюдается то же самое. Людей приманивают какими-нибудь высокими религиозными идеалами, идеалами Самости, обладающими огромной притягательностью, тогда как истинная цель и намерения тех, кто манипулирует людьми, лежат в совершенно ином направлении. Не так уж давно в Германии в начале фашистского движения многие поддались соблазну архетипической мечты создания земного рая. «Третий Рейх», или «Третья империя», была неким идеальным утопическим государством, в котором должен царить мир, управлять им должны достойные люди, все проявления распада и деградации следовало преодолеть и т.д. Идеал фашизма представлял собой наивный, детский тип утопии или рая, соблазнявший людей и побуждавший их присоединиться к фашистскому движению; а в том, что произошло дальше, виноват бессердечный великан.

Если вы прочитаете книгу ван дер Поста о России, то снова увидите воздействие той же самой идеи создания Утопии, или Небесного Иерусалима. Человек должен к ним прийти не в конце света, а прямо сейчас. Обещание создать мир и рай на земле является одним из самых великих пропагандистских обманов и обещаний, которыми соблазнялись люди. Они относились к коммунистической идее с религиозным трепетом из-за лежавшего в ее основе привлекательного архетипического образа, хотя те, кто манипулировал этим движением, имели в голове очень конкретные мысли в отношении ближайшего будущего и мирового господства. В реальной жизни такое сочетание является одним из самых неудачных, когда противозаконность и разрушительная деятельность всегда сочетаются с мнимым религиозным идеалом, неспособным воплотиться в реальной жизни. Те психологические феномены, которые проявляются в массовых движениях, приводимых мной в качестве примера, можно заметить и в приступах психоза. У людей, страдающих психозом, в самых сокровенных уголках души зачастую существует детская мечта о рае, которая отчуждает их от жизни; вместе с тем именно из нее исходит энергия их страстных импульсов. Она действительно является тайной, существующей за их явно саморазрушающим поведением. Она даже позволяет им

совершать ужасные преступления, находясь в состоянии совершенно ясного сознания.

Я всегда вспоминаю случай, о котором однажды прочла в газете; речь шла о мужчине-шизофренике, который, находясь на лечении в клинике, достиг такого прогресса, что ему разрешили работать садовником. Он подружился с маленькой дочкой директора клиники. Однажды он взял ребенка за волосы и медленно отрезал ему голову. Когда его на суде спросили, зачем он это сделал, он сказал, что Святой Дух велел ему совершить человеческое жертвоприношение. После этого он не проявлял ни малейшей эмоциональной реакции. Он чувствовал, что его обвиняют в том, что он совершил религиозное жертвоприношение, геройский подвиг, преодолев свою собственную сентиментальность и жалость к маленькой девочке. Ничего не оставалось делать, как поместить его обратно в клинику, ибо он был абсолютно сумасшедшим. В данном случае мы снова сталкиваемся с сочетанием высочайшего религиозного идеала, ибо можно было бы сказать, что, мужчина, который думал, что подчиняется голосу Святого Духа, был по-детски религиозен, но при этом он не заметил того, что Святой Дух не мог повелеть ему совершить такое деяние.

Сочетание великана и церкви олицетворяет подобное сумасшествие; оно проявляется в психотической диссоциации, с которой ничего нельзя сделать, кроме как разрушить детское идеальное ядро, представляющее собой тайный источник деструктивности. В нашей норвежской сказке принцу не требуется принимать решений, да и он, очевидно, не может вынести тот приговор, который он приводит в исполнение. В этот момент именно волк обладает всей полнотой власти и приказывает раздавить яйцо. Мы говорили о том, что волк воплощает непоколебимую решимость, холодную ярость, в отличие от бесчеловечной бессердечности, которую воплощает великан. Волк символизирует темную, опасную твердость; если ее использовать в подходящий момент, иногда она становится совершенно необходимой в процессе индивидуации для мобилизации истинных ценностей против сил зла. Но если вы оказались в той ситуации, когда противоположности отстоят не слишком далеко друг от друга и вместе с тем оказываются настолько несовместимыми, то следует использовать возможность, связанную с тем, чтобы убить Дьявола и вынести бриллиант на поверхность, как это происходит в сказке о дровосеке.

Мне кажется, что в сказке о великане, лишенном сердца, находит свое выражение архетипический паттерн, который лежит в основе патологии, которая в психиатрии называется психопатией. Пациенты-психопаты часто кажутся совершенно бессердечными, бесчувственными, не соблюдающими никаких этических норм. За этими явно выраженными чертами присутствует скрытая инфляция, ибо они ведут себя так, словно имеют право лгать, мошенничать и убивать, лишенные какой бы то ни было самокритики и ничуть не сомневаясь в себе. Вместе с тем у них где-то глубоко внутри скрывается эгоцентричный ребенок, полный идеалистических обманутых надежд, которые своей трогательной невинностью привлекают других людей и побуждают их помочь бедному человеку и избавить его от страданий. Однако этот внутренний ребенок является паразитом – он совсем не развивается, а следовательно, проявление к нему сентиментальной жалости совершенно неуместно. Волк показывает, как в таких случаях надо поступать: с непреклонной решимостью он велит раздавить яйцо и убить великана.

Иногда аналитику нужно проявить похожую решимость. Что касается, шаманских ритуалов, которые совершаются в племенах, живущих в Приполярье, то в некоторых из этих племен люди говорят, что хорошим шаманом может быть только потенциальный убийца. Для того чтобы овладеть внутренним ядром и поворотной точкой в болезни отдельного человека и целого племени, требуется обладать твердой, стальной решимостью, однако это значит, что ему приходится ходить по лезвию бритвы, ибо один неверный шаг может означать убийство или разрушение. Шаман, который не интегрировал эту способность, не готов бороться с силами зла.

При аналитической работе с этим феноменом в конечной фазе лечения сталкиваешься с серьезной невротической диссоциацией, как это происходит в нашей сказке. Когда у людей наступает значительное улучшение, то, как и при выздоровлении после физического заболевания, в целом проблема близится к своему разрешению. Пациент, страдающий от диссоциации, связанной с проблемой противоположностей, не может сразу их интегрировать, но в процессе постепенного осознания истинной причины невротических симптомов у него постепенно создается возможность дальнейшего осознания и исцеления.

Есть некоторые люди, очень простые и искренние по своей природе (как простой крестьянин), которые в этот момент просто «сбрасывают» свои невротические симптомы, как старую кожу, и

полностью исцеляются. В таких случаях анализ оказывается очень коротким, ибо, когда пациент осознает, что с ним происходит, у него полностью проходит болезнь. Аналитик счастлив и готов опубликовать этот случай, рыдая от восторга, как здорово все получилось. Но в действительности так бывает редко! Это может случиться только по милости Божьей. Как правило, в период, когда нарастает улучшение, пациент тем не менее продолжает цепляться за свое невротическое поведение, причем до такой степени, что именно в тот момент, когда аналитик может поверить, что человек, страдающий психозом, неврозом навязчивости или шизофренией, уже вылечился, и приходит к заключению, что теперь-то его пациент *практически* здоров, – нужно быть к нему особенно внимательным, чтобы не произошло самоубийство. Ибо теперь пациент начнет осознавать с возрастающим ужасом, что в будущем ему придется жить нормальной жизнью. Таким образом, в этот момент наступает кульминация, когда улучшившееся состояние вместе с тем становится более опасным. Посмотрите на кофейную пену: мелкие пузырьки притягиваются друг к другу и, кружась, пляшут друг возле друга, пока не становятся ближе и ближе; они никак не могут встретиться, но вдруг сливаются в один большой пузырь. Именно так ведут себя противоположности в психике. Они притягиваются друг к другу, но в момент их соединения человек испытывает потрясение, и даже огромное потрясение, если этот невроз длился долгое время.

Юнг как-то сказал, что в такой момент пациент проявляет огромное сопротивление лечению, так как не может допустить, что двадцать пять лет его жизни прошли впустую! Если вы всю жизнь употребляли наркотики, в течение двадцати пяти лет жизни скрывались от себя и от реальности, то трудно допустить, что все ваше прошлое представляло собой невротический танец. Именно поэтому люди сначала делают первый шаг, но потом любой ценой стремятся возвратиться к своей болезни.

В такое время требуется безжалостная волчья решимость, непоколебимая жесткость и хирургический скальпель. Если вы потеряли двадцать пять лет жизни, то хотите потерять и те несколько лет, которые у вас остались? Человек обязательно должен испытывать некую безжалостность по отношению к своей болезни, вопреки своей склонности ей потакать. Но иногда ему это трудно сделать, а значит, требуется другому принять за него решение, что, собственно, и было сделано.

В некоторых случаях требуется определенность, если человек имеет латентный психоз. Если психотической является относительно небольшая область психики и сознательная личность обладает этической силой, то такого человека можно лечить так, как если бы он страдал неврозом, и пытаться интегрировать больную и автономную часть психики. Это приведет к серьезному кризису, зато – и к полному исцелению, то есть к достижению целостности, или интеграции. Но есть и другие случаи, когда пораженная психозом область психики оказывается большой, а сознательная личность маленькой и слабой; и если стремиться к тому, чтобы их соединить, то получится, что пораженная область психики ассимилирует оставшуюся ее часть и латентный психоз примет открытую форму.

С нашей точки зрения в этом случае в качестве лечения следует предпринять так называемое регрессивное восстановление Персоны; закрыть человеку доступ к бессознательному, отвлечь его от психологии, помочь ему адаптироваться к коллективным социальным нормам чисто внешним способом, с помощью Персоны. Не нужно будить спящую собаку. Как правило, таким людям помогало то, что они сами это почувствуют и скажут: «Вам не кажется, что от анализа мне стало хуже? Вам не кажется, что нездорово все время заниматься своей внутренней чепухой?» В таком случае лучше набраться мужества и сказать: «Да, вы совершенно правы. Все, чем мы занимаемся здесь, в психологии, – это сплошной мусор, и этим занимаются только невротики. Здоровые люди, такие как вы, должны вернуться в мир, устроиться на работу или заняться чем-то еще», – и вежливо и доброжелательно увести их с пути к бессознательному.

На семинаре Юнг рассказал об одном случае, когда он консультировал доктора медицины, который, будучи врачом-терапевтом общего профиля, решил стать психиатром. Он хотел пройти у Юнга обучающий анализ, и в одном из ключевых сновидений, на основании которого Юнг принял решение, сновидец вошел в пустой дом, прошел одну комнату, потом другую, где было темно и жутко; везде было совершенно пусто: ни живого человека, ни животных, ни картин, ни мебели. Он прошел через целый лабиринт пустых пространств, пока не пришел в самую последнюю комнату. Когда он открыл дверь, то в центре помещения он увидел маленького ребенка, сидящего на ночном горшке, который размазывал по себе собственные фекалии. Юнг понял,

что ядро этого сорокапятилетнего доктора медицины по-прежнему оставалось в инфантильном состоянии и что между его псевдовзрослым сознанием и его сокровенным инфантильным ядром была слишком большая дистанция. Противоположности не могли соединиться, и, что еще хуже, между ребенком и его сознанием не было абсолютно ничего: ни фигур, ни картин, ничего вообще, – были только эти два полюса! Юнг убедил этого мужчину, что ему следует вернуться к своей профессии врача-терапевта общего профиля и оставить в покое бессознательное. Тот послушался, вернулся к своей профессии и тем самым избежал катастрофы.

В такой момент следует проявлять твердую решимость, непоколебимость хирурга, который должен ампутировать человеку руку, чтобы спасти ему жизнь. Именно такую решимость в нашей сказке воплощает волк, чтобы не допуская возражений отрезать то, что не имеет возможности эволюции, развития. Единство яйца и великана должно быть полностью разрушено, а затем в этой области должна начаться совершенно новая жизнь.

Вместе с тем здесь было хрупкое яйцо, которое можно было раздавить, тогда как в литовской сказке яйцо было бриллиантовым. Бриллиантовое яйцо *par excellence*¹⁷⁴ не поддается разрушению. Оно символ Самости в его величайшей прочности – как в восточной, так и в западной алхимии и философии. Следовательно, оно не поддается разрушению и его нужно привести в верхний мир.

Внимательно посмотрев на эти две сказки, вы увидите, что они не являются противоположными. Общим элементом в них является яйцо – символ Самости, находящийся во власти деструктивного подземного мира. В одной сказке вследствие своей психологической зрелости оно является бриллиантом, который нужно поднять наверх, тогда как в другой сказке оно является сырым и хрупким и должно быть раздавлено. Литовская сказка также отличается от норвежской и в других деталях. У дровосека есть восемь животных-помощников, поэтому он обладает символом целостности в его инстинктивной форме. Возникает задача, связанная с тем, чтобы поднять на поверхность сознания другую, более духовную часть, которую символизирует бриллиант.

¹⁷⁴ *Par excellence* (фр.) – в высшей степени, в полном смысле слова. – Примеч. пер.

В обеих сказках есть принцесса, которая помогает найти верное решение. В норвежской сказке во время близости с великаном она выведывает у него, где тот прячет свое сердце. В сказке про дровосека принцесса читает магические книги Дьявола и оттуда узнает, где находится бриллиантовое яйцо и как его поднять на поверхность земли. Кроме того, именно у принцессы возникает мысль, что дровосек должен превратиться в кота, чтобы подняться из подземного мира на поверхность земли. В обеих сказках Анима, фемининное начало, становится решающим фактором в борьбе со злом. Только те сказочные герои, на стороне которых находятся животные и Анима, имеют шанс выжить. Вместе с тем, в решающий момент герои оказываются не слишком активными. В этот момент главную роль играют животные и Анима.

Обе эти сказки принадлежат к европейским странам, то есть к странам с преобладающей христианской традицией. Следовательно, мы можем их рассматривать и в перспективе этой традиции. Обе сказки представляют собой компенсацию чрезмерно экстравертированного маскулинного взгляда, существующего в коллективном сознании. Эти сказки компенсируют сознательную установку христианской европейской традиции, героический рыцарский идеал, заключающийся в том, что мужчина должен бороться со злом и быть активно вовлеченным в эту борьбу, – он должен как-то его победить. Обо всех негативных событиях, которые случаются в нашей социальной жизни или в природной сфере, вы всегда можете прочесть в газетах: «Какие меры собирается *предпринять* правительство в отношении А–В–С–D? С этим что-то нужно *делать!*»

Нам совершенно несвойственно сначала посмотреть на эти пагубные и деструктивные факторы и исследовать их, и такая мысль доходит до нас намного позже. В первую очередь приходит идея о том, что нужно что-то *предпринять* и *сделать*, что заведомо повышает мощь темной силы, доставляя ей все больше и больше либидо. Мы еще не овладели искусством давать возможность ужасному произойти, не впадая в соблазн активно ему противодействовать. Величайшая проблема белого человека, я бы сказала – его болезнь, – это его желание искоренить зло своими активными действиями. Опять же, это парадокс, ибо бывают случаи во внутренней и внешней жизни, когда лучше всего не делать ничего, а только ждать и наблюдать, тогда как в других случаях нужно вмешаться в ситуацию. Но знать, когда надо действовать,

а когда позволять событиям происходить самим или ждать, пока ситуация созреет и достигнет возможной поворотной точки, — это мудрость, которой во многом нас могут научить волшебные сказки.

А сейчас давайте вернемся к мотиву *Frevel*, т.е. инфантильного вызова. Согласно правилам парадокса, *Frevel* тоже может быть оправдан. Наш дровосек является прекрасным примером беззаботной дерзости, которая вмешивается абсолютно во все, в каждой ситуации поступает смело и бестактно и требует вознаграждения за свои поступки. Это прекрасный пример того, как вознаграждается нарушение границ и переход в царство зла, совершаемый не по требованиям внутренней необходимости, а вследствие явной дерзости.

Это приводит нас к следующему шагу, который также подразумевается в сказке о дровосеке. Если бы принцесса не читала волшебные книги Дьявола и если бы сначала дровосек не приобрел способность превращаться в разных животных, им бы никогда не удалось одолеть Дьявола. Таким образом, нашей следующей темой будет состязание в волшебстве. Следует ли состязаться со злом на уровне магии, а если нет, то как тогда быть? Это любимая тема многих сказок самых разных народов, в которых решается, кто в конечном счете победит: добрый или злой волшебник. Это не борьба грубой силы и аффекта, как это происходит в сказке с дровосеком, который, превратившись в льва, пожирает Дьявола. (Кстати, образ льва является воплощением Дьявола.) Проблема зла в следующих сказках решается на духовном уровне, в состязании в волшебстве между Дьяволом, который является колдуном или черным магом, и героем, который противодействует ему с помощью волшебства. Здесь можно подумать о черной и белой магии, однако это слишком вольное обращение с цветом. Мне кажется, это можно считать скорее соперничеством двух магий, но не нужно называть заранее ни ту ни другую черной или белой.

Состязание в волшебстве

Давайте рассмотрим русскую сказку, а затем ирландскую, которую я буду обсуждать подробно, а русскую буду использовать только как материал для сравнения, чтобы у нас было несколько больше вариантов. Сначала возьмем русскую сказку «Царь-чернокнижник» (*The Black Magician Czar*).

Царь-чернокнижник¹⁷⁵

Жил-был царь, вольный человек, жил на ровном месте, как на ска-терти. У него была жена, дочь да рабочие люди. Он был чернокниж-ник. Сделал он себе пир на весь мир, созвал всех бояр, всех крестьян и всех людей городских; собрались все и стали пировать, а царь стал клик кликать:

– Кто от меня, от царя, уйдет-упрячется, тому полцарства и за того свою царевну замуж выдам, а после смерти моей тому на царстве сидеть!

Все на пиру приумолкли и притихли. Выискался удалой добрый молодец и говорит царю:

– Царь, вольный человек! Я могу от тебя уйти-упрятаться.

– Ну, ступай, молодец, прячься, я буду завтра искать, а если не уйдешь – не упрячешься, – голова с плеч.

Вышел молодец из царских палат, пошел вдоль по городу, шел, шел, шел, дошел до поповой бани, думает в уме:

– Куда же мне от царя уйти-упрятаться? Зайду я в попову баню, сяду под полук, в уголок, где ж меня царю найти?

Встает царь-чернокнижник поутру рано, затопляет печку, садится на ременчатый стул, берет свою книжку волшебную, начал

¹⁷⁵ Russische Volksmärchen, MdW (Jena, 1921), no. 43: *Der Schwarzkünstler Zar*. (Иван-царевич и девица-царица // Русская волшебная сказка. Антология. М.: Высшая школа, 1992. С. 235.).

читать-гадать, куда молодец ушел: «Вышел молодец из моих белокаменных палат, пошел вдоль по улице, дошел до поповой бани, думает в уме: “Куда же мне от царя скрыться? Зайду я в баню, сяду под полок, в уголок, где ж меня царю найти?”»

– Ступайте, слуги! Ищите в поповой бане и ведите сюда!

Побежали скоро слуги, прибежали в баню, открыли полок, молодец под полком в уголке.

– Здравствуй, молодец!

– Здравствуйте, слуги царские!

– Давай ступай, тебя батюшка-царь к себе звал!

Повели слуги молодца к царю; привели к царю, говорит царь:

– Что, не мог от меня уйти-упрятаться?

– А не мог, ваше царское величество.

– Не мог – надобно голову с плеч снять.

Взял свою саблю острую и смахнул у него его буйную голову.

Этому царю что дурно, то и потешно. На другой день опять сделал пир и бал, собрал бояр и крестьян и всех людей городских, расставил столы и пировать стали, и опять стал на пиру клик кликать:

– Кто от меня, от царя, уйдет-упрячется, тому полцарства и за того свою царевну выдам, а после смерти моей тому на царстве сидеть!

Выискался снова один молодец и говорит царю:

– Царь, вольный человек! Я могу от тебя уйти-упрятаться.

– Ну, ступай, молодец, прячься, я буду завтра искать, а если не уйдешь – не упрячешься, – голова с плеч!

Пошел молодец, вышел из царских белокаменных палат и пошел вдоль по городу; шел, шел, шел, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, стоит превеличайший овин. Думает молодец:

– Забьюсь я в солому да в мякину, где меня царь найдет?!

Забился и лежит.

Царь-чернокнижник ночь проспал, поутру рано ставал, ключевой водой умывался, полотённышком утирался, затопил свою печку, берет свою книгу волшебную, сел на ременчатый стул да стал читать-гадать, куда молодец ушел: «Вышел молодец из моих белокаменных палат, пошел вдоль по городу; шел, шел, шел близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, стоит превеличайший овин. Думает молодец: “Забьюсь я в солому да в мякину, где меня царь найдет?!”»

– Ступайте, слуги, ищите в превеличайшем овине и ведите сюда!

Побежали скоро слуги, прибежали в овин.

– Здравствуй, молодец!

– Здравствуйте, слуги царские!

– Давай, ступай, тебя батюшка-царь к себе звал.

Повели слуги молодца к царю на лицо, привели к царю, говорит царь:

– Что, не мог от меня уйти-упрятаться?

– А не мог, ваше царское величество.

– Не мог – надобно голову с плеч снять.

Взял свою саблю вострую и смахнул его буйную голову.

Этим царям что дурно, то и потешно: на третий день опять стал делать пир-собрание... опять выискался молодец:

– Я могу от тебя уйти-упрятаться, да только до трех раз.

Царь согласился.

Вышел молодец из белокаменных палат, пошел вдоль по улице, шел, шел, шел, обернулся горностаем-чернохвостиком и начал бегать по земле; под всякий корешок и под всякую колодинку прячась и бегать по земле; бегал, бегал, прибежал перед царские окошки, обернулся золотым буравчиком и начал кататься перед царскими окошками. Катался, катался – обернулся соколом и в те палаты, где живет царевна, прилетел соколом ей перед окошко.

Царевна соколка увидала, свое окошечко отперла и себе соколка призвала:

– Экой соколок хороший, экой соколок прекрасный!

Сел соколок на окошечко, соскочил на пол – стал прекрасной молодец; царевна молодца встретила, за дубовые столы посадила, пили, пировали и, чего надобно, поправляли; тогда молодец обернулся златым перстнем, царевна его взяла, себе на палец надела.

Царь-чернокнижник ночьку проспал, поутру рано встал, ключевой водой умылся, полотенышком утерся, затопил свою печку, взял свою книгу волшебную, сел на ременчатый стул, стал читать-гадать, куда молодец ушел: «Вышел молодец из моих белокаменных палат, пошел вдоль по улице, шел, шел, шел, обернулся горностаем-чернохвостиком и начал бегать по земле; и под всякий корешок и под всякую колодинку прячась и бегать по земле; бегал, бегал, прибежал перед царские окошки, обернулся золотым буравчиком и начал кататься перед царскими окошками. Катался, катался – обернулся соколом и в те палаты, где живет царевна, прилетел со-

колком ей перед окошко. Царевна соколка увидала, свое окошечко отперла и себе соколка призвала: “Экой соколог хороший, экой соколог прекрасный!” Сел соколог на окошечко, соскочил на пол – стал прекрасной молодец; царевна молодца встретила, за дубовые столы посадила, пили, пировали и, чего надобно, поправляли; тогда молодец обернулся златым перстнем, царевна его взяла, себе на палец надела».

Царь говорит слугам:

– Идите, слуги, мою дочь ведите или перстень несите!

Приходят слуги:

– Звал тебя царь к себе.

– Для чего-де, пошто?

– А сама не пойдешь, так отдай перстень с руки. Царевна сняла перстень с руки, отдала слугам. Приносят слуги перстень, отдали царю в руки: взял царь перстень, бросил через левое плечо – стал прекрасный молодец.

– Здравствуй, молодец!

– Здравствуй, царь, вольный человек.

– Ну, я тебя нашел, надобно голову с плеч.

– Нет, царь, вольный человек, мне еще два раза прятаться, такое у нас было условие.

– Ну, ступай.

Пошел молодец из царской палаты, вышел на чистое поле, обернулся серым волком; бегал, бегал, рыскал, рыскал по всей земле, обернулся медведем; бродил, бродил по темным лесам, тогда обернулся горностаем-чернохвостиком; бегал, бегал, совался, совался под колодки и под корешки, прибежал к царским палатам, обернулся буравчиком; катался, катался перед царскими окошками, обернулся соколом и в те палаты, где живет царевна, прилетел соколком ей перед окошко.

Царевна соколка увидала, свое окошечко отперла и себе соколка призвала:

– Экой соколог хороший, экой соколог прекрасный!

Сел соколог на окошечко, соскочил на пол – стал прекрасной молодец; царевна молодца встретила, за дубовые столы посадила, пили, пировали и, чего надобно, поправляли и стали думу думать, куда от царя уйти-спрятаться, и придумали: обернуться ясным соколом, полететь далече-далече в чистое поле.

Обернулся молодец ясным соколом, царевна окошечко отпирала, сокола на окошечко посадила, соколку приговаривала:

– Полети, соколог, далече-далече в чистое поле, обернись, соколог, в чистом поле в семьдесят семь травинок и все в одну траву...

Царь-чернокнижник ночью просыпал, поутру рано встал, ключевой водой умылся, полотенышком утерся, затопил свою печку, взял свою книгу волшебную, сел на ременчатый стул, стал читать-гадать, куда молодец ушел: «Пошел молодец из царской палаты, вышел на чистое поле, обернулся серым волком; бегал, бегал, рыскал, рыскал по всей земли, обернулся медведем; бродил, бродил по темным лесам, тогда обернулся горностаем-чернохвостиком; бегал, бегал, совался, совался под колодинки и под корешки, прибежал к царским палатам, обернулся буравчиком; катался, катался перед царскими окошками, обернулся соколом и в те палаты, где живет царевна, прилетел соколом ей перед окошко. Царевна соколка увидела, свое окошечко отперла и себе соколка призвала: “Экой соколог хороший, экой соколог прекрасный!” Сел соколог на окошечко, соскочил на пол – стал прекрасной молодец; царевна молодца встретила, за дубовые столы посадила, пили, пировали и, чего надобно, поправляли и стали думу думать, куда от царя уйти-спрятаться, и придумали: обернуться ясным соколом, полететь далече-далече в чистое поле. Обернулся молодец ясным соколом, царевна окошечко отпирала, сокола на окошечко посадила, соколку приговаривала: “Полети, соколог, далече-далече в чистое поле, обернись, соколог, в чистом поле в семьдесят семь травинок и все в одну траву”».

Говорит царь слугам:

– Идите, слуги, в чистое поле, ту траву найдите, в охапку рвите да всю ко мне несите.

Пошли слуги, нашли траву, вырвали, принесли царю.

Царь сидит на стуле и выбирает траву; и выбрал траву, бросил через левое плечо – стал прекрасной молодец.

– Здравствуй, молодец!

– Здравствуй, царь, вольный человек!

– Ну, я тебя опять нашел, теперь надобно голову с плеч.

– Нет, еще раз прятаться, последний.

– Ну, хорошо, ступай, я буду завтра искать.

Пошел молодец из царских палат, пошел вдоль по улице, вышел в чистое поле, обернулся серым волком, побежал; бежал, бежал, бежал, добежал до синего моря, обернулся щукой-рыбой, спустился в синее море, вышел на землю, обернулся ясным соколом, поднялся высоконько и полетел далеконько; летел, летел по чистому

му полю, увидел: на сыром дубу у Маговей-птицы¹⁷⁶ [волшебная птица в русских волшебных сказках] гнездо свито; прилетел и упал в это гнездо.

Маговей-птицы на гнезде в ту пору не было. После Маговей-птица прилетела и увидала: на гнезде лежит молодец. Говорит Маговей-птица:

– Ах, какой невежа! Прилетел в чужое гнездо, упал да и лежит.

Забрала его в свои когти и понесла из своего гнезда; и несла его через сине море и положила царю-чернокнижнику под окошко. Молодец обернулся мушкой, залетел в царски палаты, потом обернулся кремешком и положился в огниво.

Царь-чернокнижник ночку проспал, поутру рано встал, ключевой водой умылся, полотенышком утерся, затопил свою печку, взял свою книгу волшебную, сел на ременчатый стул, стал читать-гадать, куда молодец ушел.

(Царь читал по волшебной книге верно до тех пор, пока Маговей-птица взяла молодца из гнезда.)

– Пойдите, слуги, в чистое поле, пройдите чистое поле, синее море в корабли переплывите, ищите сырой дуб, дуб рубите и гнездо отыщите и молодца сюда ведите.

Пошли слуги, дуб срубили, гнездо отыскали, рыли, рыли – молодца нет. Обратились к царю:

– Нашли мы сырой дуб, гнездо было, а молодца нет. Глядит царь в книжку, показывает книжка: тут, верно, молодец. Нарядился царь, сам искать отправился. Искал, искал, рыл, рыл – не мог найти. Заставил сырой дуб мелко выколоть, положить на огонь и сжечь. И не оставили ни одной щепочки, и думает царь:

– Хоть я молодца и не нашел, да чтобы он на свете жив не был.

Оборотились в свое царство, живет царь и день, и два, и три. Потом служанка наутро встает и зажигает огонь. Взяла из огнива плашку и кремешок, положила труток, ткнула плашкой через кремешок, кремешок вылетел из руки, улетел через лево плечо – стал прекрасной молодец.

– Здравствуй, царь, вольный человек!

– Здравствуй, молодец, ну, теперь у тебя голова с плеч.

¹⁷⁶ Птица Маговей является символом злой мечты, которая тащит человека по жизни. Эту птицу нужно постоянно подкармливать, иначе силы ее иссякнут и она перестанет человека тянуть. В сказке Маговей является не просто злой и опасной птицей, а чудотворным или волшебным помощником. – *Примеч. пер.*

– Нет, царь, вольный человек, ты меня три дня искал и отступился, а теперь я сам явился; теперь мне надо полцарства и царскую дочь замуж.

И тогда царю делать нечего стало. Веселым пирком, скорой свадебкой стали за молодца дочь замуж выдавать. Повенчался с царской дочерью, стал царской зять, и дал ему царь полцарства, а после смерти чтобы на царстве сидеть.

Теперь обратимся к ирландской сказке, – такого же типа, но несколько более сложной.

Принц и Прекрасная певчая птица¹⁷⁷

В старые времена, когда в нашу страну еще не пришли проклятые иноземцы (как всегда говорили и до сих пор говорят ирландцы), жил-был король, который, когда ему исполнился двадцать один год, женился на красавице, и у них родился сын Сирт. Но вскоре после родов королева заболела странной болезнью и умерла. Год спустя после ее смерти король женился на другой женщине, которая стала королевой, и она была доброй мачехой своему пасынку, пока сама не родила двух сыновей-близнецов. С этого времени она возненавидела пасынка, ибо наследником трона был, естественно, он, а не ее дети. Близнецы были очень злыми, но за все проказы, которые они учиняли, все равно наказывали пасынка. Однажды они убили любимого щенка короля и свою вину переложили на Сирта, хотя тот отказывался и не признавал себя виновным.

«Не лги мне! – кричал на него король. – Арт, Нирт и твоя мачеха видели, что это твоих рук дело».

Но Сирт сказал, что он не прикасался к щенку ни рукой, ни ногой. Король ему не поверил и нещадно его избил.

Но старушка Нуала, обещавшая покойной королеве присматривать за сыном, пошла к королю и сказала ему, что он поступил несправедливо, так как Сирт не убивал щенка. Она видела своими глазами, что его убили Арт и Нирт, а королева видела все из окна.

Король ответил, что очень сожалеет о том, что случилось. Он взял одежду близнецов и увидел, что она вся забрызгана кровью

¹⁷⁷ *Irish Folktales*, MdW (Jena, 1923), no. 28: *Der Vogel mit dem lieblichen Gesang*.

щенка. Он извинился перед Сиртом и дал ему денег, чтобы он передал их старушке.

Но близнецы продолжали вести себя по-прежнему, что доставляло принцу много страданий.

Когда все три королевских сына выросли, однажды они отправились вместе с королем поохотиться в лес. Они не успели углубиться в лесную чащу, как услышали мелодию, которая была такой чудесной, какой доселе не слышало ни одно человеческое ухо. Они отправились в ту сторону, откуда доносилось пение, и пришли к дереву, стоявшему в самой глубине леса. На дереве они увидели птицу, которая напевала эту чудесную мелодию.

Король был просто очарован этой птицей. Он сказал, что тот, кто ее изловит и ему принесет, получит все его королевство, потому что он не может без нее жить.

Три сына отправились за птицей, чтобы ее поймать. Она перелетала с одного дерева на другое, пока, наконец, не скрылась в глубоком отверстии между корнями гигантского дуба. Сыновья вернулись к королю и все ему рассказали, но тот повторил, что без птицы ему жизнь не в радость и что он отдаст свое королевство тому, кто ее добудет.

«Если бы у меня было все, что мне нужно, я бы за ней полез», – сказал Арт.

«Так возьми. Я останусь наверху и покараулю», – сказал король.

Три сына уехали и вскоре вернулись к дубу с большой бадьей и длинной веревкой. Они быстро привязали бадью к веревке, Арт сел в бадью, сказав: «В случае опасности я вам крикну, и вы меня вытащите наверх».

Прошло совсем немного времени, и они слышали, что он кричит и просит вытащить его наверх. Как только он смог говорить, то рассказал, что там, внизу, был огромный великан, который хотел пронзить его окровавленным копьем, и что он больше ни за что туда не полезет, даже если ему пообещают всю Ирландию.

Тогда Нирт вытащил свой меч и заявил, что теперь его очередь, но с ним случилось все то же самое.

«Я полезу туда сам, – сказал король, – потому что без этой птицы я не хочу жить».

«Тебе не стоит туда лезть, пока не попробую я, – сказал Сирт, – а я не вернусь назад без этой птицы».

Сказав так, он вынул свой меч и добавил: «Если я останусь жив, я вернусь еще до того, как пройдет девять дней, и тогда вы услышите мой голос. Держите все наготове, чтобы вытащить меня наверх».

После этого Сирт сел в бадью, и его опустили в подземелье. Не успел он глубоко спуститься, как вдруг увидел маленького человечка с копьём. Сирт выпрыгнул из бадьи и схватил его за горло.

«Отпусти, меня, принц, – сказал маленький человечек, – я тебе не враг. Те два парня, которые спускались перед тобой, были очень трусливыми».

Сирт ему ответил, что если он – его друг, то должен ему сказать, куда делась прекрасная птица, которая недавно прилетала сюда. «Мой отец не может без нее жить», – добавил он.

«Эта птица совсем недалеко, – сказал маленький человечек. – Это принцесса нашего королевства; ее зовут Прекрасная певчая птица. Она и ее отец обладают волшебной силой. Много принцев сложили свои головы, пытаясь ее добыть. Но если ты последуешь моему совету, то и ее поймаешь, и жизнь свою сохранишь».

«Я последую твоему совету и буду тебе очень благодарен», – ответил Сирт.

«Хорошо, – сказал маленький человечек, – вот тебе меч и плащ. Ступай по этой дороге, пока не придешь к большому дому, который будет находиться по левую сторону. Войди в него; тебя в доме встретит женщина, которая даст тебе маленького белого конька – он довезет тебя до королевского дворца. Делай все, что скажет тебе конь, и тогда все опасности тебя минуют. Когда добудешь принцессу, Прекрасную певчую птицу, возвращайся обратно в большой дом, к женщине».

Все так и получилось: женщина дала ему маленького конька и сказала, что он должен в точности исполнять то, что скажет ему маленький белый конь. Конек поскакал очень быстро, и к заходу они прибыли к высокому дворцу.

«Вот, – сказал конек, – это королевский дворец. Скоро король выйдет с тобой поговорить, и ты должен ему показать, что тебе известно много волшебных таинств; когда он пригласит тебя к себе, во дворце ты не должен ничего ни есть, ни пить».

Вскоре появился король, и Сирт ему рассказал о себе и что он пришел в поисках его дочери, Прекрасной певчей птицы. На это король ему ответил, что, наверное, для Сирта было бы гораздо умнее оставаться дома, но если он все же хочет получить принцессу, то он должен ее добыть.

«А теперь послушай, – сказал король, – в следующие три дня каждое утро я от тебя буду прятаться, а ты попробуешь меня найти. Затем, в следующие три дня каждое утро – твоя очередь прятаться.

Если ты меня найдешь, а я тебя нет, ты получишь мою дочь, но если ты меня не найдешь, а я тебя найду, ты лишишься головы».

Сирт принял его условия; король пригласил его во дворец и предложил ему поест, но Сирт отказался, объяснив королю, что ест раз в девять дней. Он поставил маленького белого конька в конюшню и принес ему овса, сена и воды.

Затем конь сказал, чтобы Сирт протянул руку к его правому уху, вынул из него скатерть и расстелил ее на земле. Сирт так и сделал, и в тот же момент скатерть была накрыта, а на ней появилось множество всякой еды и питья.

«А теперь, – сказал конек, – сложи скатерть и положи ее обратно в ухо, и ложись спать прямо передо мной. Я буду охранять тебя до утра». Сирт так и сделал и заснул, словно на постели, прямо на земле, и не проснулся, пока не наступило утро.

Проснувшись, он дал коню овса, сена и воды. Затем он вынул у него из уха скатерть и вволю наелся и напился. Когда он убирал скатерть обратно, конек сказал ему, что король спрятался, но не нужно торопиться его искать, так как ему известно, где он. Сирт должен немного подождать, а потом пойти прямо в сад за королевским дворцом. Там он увидит дерево, на котором висят яблоки. Король будет находиться в самой середине яблока, которое висит выше всех. Сирт должен его сорвать, разрезать пополам ножом, и оттуда появится король.

Все так и получилось. Король сказал, что на этот раз Сирт выиграл, но на следующий день это уже не повторится. «Посмотрим», – ответил Сирт.

Вечером он снова накормил коня и наелся сам с чудесной скатерти, и конь так же охранял принца, пока тот спал. Наутро Сирт встал рано, снова накормил коня и позавтракал сам.

Маленький конек сказал: «Король уже спрятался, но я знаю, где он. Не беспокойся, он будет скрываться до полудня. Он находится в желудке у маленькой форели, которая живет в пруду за королевским дворцом. Когда ты придешь на берег пруда, брось в него волос из моего хвоста, и форель подплывет к берегу. Схвати ее и ножом вспори ей брюхо, и оттуда появится король».

Когда наступил полдень, Сирт пошел к пруду, поймал форель и вынул нож. Он уже готов был вспороть ей брюхо, когда оттуда выскочил король и сказал: «Ты выиграл у меня дважды, но завтра у тебя это не получится!»

В третий раз король спрятался в кольцо свой дочери.

Снова в полдень Сирт пришел во дворец. Принцесса пригласила его войти, они стали целоваться и миловаться, и это несколько охладило его пыл. Он снял у нее с пальца перстень, что привело ее в ярость. Она заявила, что если бы ее отец был здесь, Сирт бы себе этого не позволил. «Раз так, – ответил Сирт, – если ты так сердишься, я брошу твой перстень в огонь», – и тогда из него сразу же выскочил король.

Королю пришлось согласиться с тем, что Сирт снова одержал верх. Но сказал, что завтра и в последующие дни он тоже найдет принца, хотя надо признать, что Сирт оказался смышленным парнем.

Всю ночь конь снова охранял Сирта, а тот поел, попил и лег спать. Наутро он встал, накормил конька и поел сам.

«Теперь, – сказал конь, – наступила твоя очередь прятаться. Выдерни волос у меня из хвоста, влезь внутрь него и вставь волос обратно».

Сирт так и сделал и прятался до самого захода солнца. Затем он выбрался наружу и предстал перед королем, сказав, что солнце уже зашло, а тому так и не удалось найти Сирта.

«Но завтра все будет иначе», – заявил король.

На следующее утро конек сказал принцу, чтобы тот засунул руку ему в пасть, вынул оттуда коренной зуб, влез в отверстие и вставил зуб на место.

Снова он прятался до захода солнца, когда конь подал ему знак вылезать. Итак, Сирт пошел к королю и сказал, что уже второй раз король не смог его найти.

«Подождем до завтра, и я обязательно тебя найду, даже если ты скроешься в самом аду. Я знаю, где ты собираешься спрятаться», – ответил король.

На следующее утро конек сказал, чтобы принц вынул гвоздь из его левой задней подковы, спрятался в отверстие, а затем вставил гвоздь обратно. Кроме того, конь ему сказал, что король сразу же придет, чтобы его убить, ибо слепой прорицатель, который был его советником, сказал ему, что Сирт прячется у него внутри. Но конек сказал, что он сможет ожить снова, и принцу нужно все сделать так, как скажет конек. Когда зайдет солнце, он вылезет из потайного места. Он должен найти в правом ухе конька маленький флакон с жидкостью. Если жидкостью из этого флакона окропить язык маленького конька, тот снова оживет и станет таким, как прежде.

Сирт сделал все, как сказал ему маленький конек. Только он успел спрятаться, как появился король вместе со слепым прорица-

телем. Они убили маленького конька, вспороли ему брюхо и обыскали все его внутренности, но не смогли найти Сирта. Король страшно разгневался и сказал слепому прорицателю, что он платил ему двадцать два года, и теперь тот даже не может сказать, где спрятался человек. «По твоему совету, – сказал король, – я убил коня этого человека. Я надеялся отрубить ему голову, а теперь вместо этого он получит мою дочь».

[Я забыла упомянуть об одной детали: предполагается, что прорицатель всегда узнает тайну из волшебной книги. И тогда прорицатель ответил королю, что юноша достоин его дочери, потому что его волшебная сила больше.]

Затем Сирт вернул к жизни маленького конька, в точности сделав то, как он ему велел. После этого конек сказал принцу, чтобы тот отправился к королю и заявил, что выиграл у него дочь и должен ее получить, иначе уничтожит дворец и превратит самого короля в пыль.

Сирт в точности все передал королю, а кроме того похвастался, что оживил убитого им коня. Король страшно испугался. Он отдал юноше свою дочь и велел уходить как можно скорее. Конек довез их обоих до большого дома, где жила женщина, которая отдала конька Сирту, эта женщина отправила их к своему брату, живущему на дне того подземелья. Маленький человечек поразился за юношу, который наконец поймал Прекрасную певчую птицу.

Сирт позвал оставшихся наверху Арта и Нирта и попросил их опустить бадью, так как он добыл птицу, которая оказалась принцессой и самой красивой женщиной в мире. Итак, братья вытащили принцессу наверх, и когда они ее увидели, они оба захотели ее оставить себе. Вместо того чтобы опустить бадью и вытащить Сирта, они начали драться, чтобы узнать, кому достанется девушка, да так бились, что поубивали друг друга на глазах у принцессы. Но, оказавшись в Ирландии, Прекрасная певчая птица потеряла свою волшебную силу; так что она стала громко звать Сирта и рассказала ему о том, что произошло наверху.

Тем временем к королю пришла старушка и сказала ему, что в лесу он найдет своего сына Сирта. Король отправился в лес и у дыры, ведущей в глубокое подземелье, нашел мертвых близнецов и красавицу-девицу. Он спросил ее, кто она такая и кто убил его сыновей. Девушка рассказала ему, что она и есть Прекрасная певчая птица, что близнецы поубивали друг друга и что Сирт, выигравший ее у ее отца, сейчас находится глубоко в подземелье.

Король опустил бадью и вытащил Сирта, который рассказал ему обо всем, что случилось. Они прибыли во дворец, и король велел своим людям похоронить близнецов. Узнав об их смерти, королева сошла с ума и утопилась.

Итак, Сирт женился на принцессе, и они устроили пышную свадьбу. Когда король умер, Сирт унаследовал у него королевство, и вместе с Прекрасной певчей птицей они вместе жили долго и счастливо.

Эта сказка больше дифференцирована, чем русская сказка. В ней больше нюансов. Кроме того, в ней обе стороны прячутся друг от друга: герой от короля, а король от героя, каждый по три раза. Общее в данном случае заключается в том, что отношения между отцом и дочерью в том и другом случае напоминают отношения инцеста. И царь-чернокнижник совсем не хочет разлучаться с дочерью, и ирландский подземный сказочный король не хочет никому отдавать свою дочь: оба готовы отдать дочерей только будущему зятю, который превзойдет их в колдовстве. Царь-чернокнижник кажется злее ирландского короля-волшебника. Последний просто не хочет разлучаться со своей дочерью, а хочет оставить ее в подземном мире, тогда как царь-колдун получает удовольствие, обезглавливая людей.

Кольцо дочери – это самое предпочтительное место укрытия. Интересно отметить, что в кольце прячется герой в русской сказке, и там же, в кольце, прячется король-отец в ирландской сказке. В обеих сказках есть животное, которое помогает решить проблему; без маленького белого конька герой ирландской сказки никогда бы не добился успеха. И если бы в русской сказке не вмешалась птица Маговей, которая выбросила героя из того места, где он, *по его мнению*, мог спрятаться, и вернула его обратно, под дворцовое окошко, царь-чернокнижник обязательно нашел бы юношу. Разница заключается в том, что птица Маговей рассердилась и хотела только одного – выкинуть из своего гнезда непрошенного гостя, тогда как в ирландской сказке белый конь – это животное, которое действительно помогает герою и сотрудничает с ним, как мы знаем по другим волшебным историям. В русской сказке герой превращается в разных животных, но в конце концов его спасает превращение в камень. В ирландской сказке именно король превращается в символы Самости: в яблоко, форель и камень в перстне; а герой просто прячется

в пустом пространстве, причем в очень тесном пространстве, – в разных частях тела своего коня.

При сравнении сказок оказывается, что решающий фактор в русской сказке – спасение героя посредством превращения в кремень для добывания огня. Именно там юношу не может найти царь, и оттуда он добровольно появляется в конце сказки.

Магическое мышление наделяет кремень магическими качествами, ибо он может быть источником огня. Это широко распространенный символ Самости. По мнению западных алхимиков, у него внутри есть дух. Как вам известно, алхимический философский камень – это камень, от которого исходит духовная сила, а поскольку кремень является источником чего-то такого, что разительно отличается от него самого, – духа огня, то он всегда несет на себе проекцию высшего соединения противоположностей. Мертвая материя несет в себе символ искры божественного огня. В мифах североамериканских индейцев можно найти множество историй, где, в частности, кремень является символом разных фигур спасителей и воплощает Божество, которое появляется на земле.

В мифе американских индейцев племени ирокезов на земле действуют две спасительные божественные фигуры, имя одной из них – Кремень¹⁷⁸. Если вы сосредоточите свое воображение на том, какую огромную важность имеет кремень для одинокого охотника в лесной глуши и для людей, которые не имеют электричества, то поймете, что кремень – это источник жизни. Он легко несет на себе проекцию божественного помощника человека. Таким образом, мы можем сказать: тот, кто может содержаться внутри Самости, кто может утратить свою эго-индивидуальность и вернуться в глубинное ядро своей психики, тот может, так сказать, вернуться в свой невидимый внутренний дворец Самости и оказаться недоступным для происков зла. Если есть возможность возвращения в Самость, она остается единственным убежищем, которое делает бесполезными все попытки зла проявить свою силу. Эти сказки похожи на такое состязание в волшебстве, в котором самое важное условие – стать незаметным для другого. Такая сказка является в высшей степени компенсаторной для тех цивилизаций и стран, где управляющей доминантой и коллективным идеалом является героизм.

¹⁷⁸ Nordamerikanische Indianermärchen, MdW (Jena, 1924), no. 19c: *Die Zwillinge*.

Все это чрезвычайно напоминает идеи буддизма. Будда тоже не боролся со злом. Он от него удалился и сделался недоступным для зла благодаря своей невидимости. Существует известная индийская легенда, в которой Мара¹⁷⁹, властелин демонов, в конце концов решил расправиться с Буддой и его учением, которое ослабляло его власть над человеком. Он решил обратить против него все силы зла и призвал к этому миллионы демонов подземного мира. Вооруженные до зубов и тщательно организованные, они отправились к Будде, чтобы погубить его. Но Будда не дал себя распять, как это сделал Христос, и не стал с ними сражаться, как солярный герой. Его просто там не было. В буддийских храмах вы можете увидеть известные скульптуры с изображением пустого лотоса – трона Будды и двадцати тысяч демонов, размахивающих оружием, но весьма разочарованных тем, что Будды нет дома и они нигде не могут его найти! Такой интровертированный способ непротивления злу и невовлеченности в его эмоциональное действие и иные воздействия, а просто отступления во внутреннюю пустоту Самости стал на Востоке осознанным коллективным учением. В историях Запада мы можем его обнаружить преимущественно в сюжетах волшебных сказок, в качестве компенсаторной тенденции по отношению к более активным героическим идеалам.

На мой взгляд, русская сказка более примитивна по своей сути, чем ирландская, которая кажется более интересной, так как здесь прячутся и король, и герой, поэтому интересно их сравнить. Король сказочного подземного мира получает свои знания чисто техническими средствами, а у царя-чернокнижника есть волшебная книга. У ирландского короля, как и у царя в русской сказке, есть слепой прорицатель; мы бы назвали его друидом¹⁸⁰, то есть священником по своей функции. Такие прорицатели, поэты и медиумы часто были слепыми – вспомните Гомера. Ирландскому королю как раз и помогают советы слепого прорицателя, обладающего способностями медиума, а царю-колдуну – волшебная книга. У главного героя русской сказки есть свое собственное волшеб-

¹⁷⁹ Мара – в буддийской мифологии божество зла и смерти. Он и подчиненные ему злые духи искушают благочестивых людей, стремящихся достигнуть вечного блаженства. Сам Будда испытал на себе силу искушений Мары и победил их. – *Примеч. пер.*

¹⁸⁰ Друиды – у кельтских народов каста жрецов – прорицателей, колдунов, целителей, поэтов, хранителей священных преданий и мифов. – *Примеч. пер.*

ство, которое не позволяет ему далеко уйти, но у него нет советчиков. Он может принимать разные обличья, тогда как в ирландской сказке основное противодействие магии оказывает маленький белый конек, которого Сирт получает в подземном мире от фемининной фигуры. Таким образом, он получает поддержку фемининного начала в борьбе против маскулинного, а также помощь животного в борьбе против волшебства. В этой сказке получает преимущество инстинктивная спонтанность, более выигрышными оказываются знания белого конька по сравнению со знаниями, собранными в волшебной книге медиума, к помощи которой прибегает сказочный король.

Книжное знание означает некую преемственность, знание физических законов и событий, которые уже в какой-то мере были систематизированы и переходили из поколения в поколение. Задолго до появления письменности в европейских странах были собраны и систематизированы традиционные знания, и нам следует предположить, что слепой прорицатель обладает этим древним кельтским, друидическим, шаманским знанием. Ибо хотя мы опустились в ирландский подземный мир, в абсолютно дохристианский слой коллективного бессознательного, тем не менее это — культурное знание. Даже у совершенно примитивных племен Полинезии или у африканских бушменов существует устная традиция передачи историй и известных фактов, то есть знаний, которые переходят от отцов к детям.

Нас поражает эта примитивная мудрость, ибо она является высочайшей ценностью, высочайшей просвещенностью, лежащей близко к основам всех психологических функций. Чем более примитивным оказывается такое знание, тем более интересным и многообещающим оно будет для нашего исследования, ибо находится в непосредственной близости от бессознательной психики современного человека. Однако оно уже сформулировано и существует в рамках определенной традиции. Следовательно, оно уже адаптировано к сознанию этих народов. Так, при сравнении этих сказок выходит, что конь с его знанием волшебства оказывается гораздо более доступен для нас непосредственно и лично. Это спонтанная реакция, которая бьет живительным ключом из глубочайшего инстинктивного слоя человеческой личности. В каждом случае она уникальна, ибо всегда представляет собой импровизацию, и каждый раз прорывается в новой форме из спонтанной, живой, базовой природы психики. Именно поэтому советы конька

превосходят великую мудрость, исходящую от слепого прорицателя, его книг и традиций. Конек побеждает, потому что никто другой не может воспользоваться его мудростью. Если вы владеете какими-то традиционными, систематическими знаниями, вы их можете неправильно применить. Над ними могут получить власть силы зла и использовать их в своих целях. Однако появление инстинктивной, творческой спонтанности никогда нельзя предвидеть заранее, и другой человек никогда не может сказать, что может случиться. Этот процесс абсолютно творческий, непредсказуемый по своей сути, а потому он превосходит все наши человеческие понятия.

Пока был жив Юнг, мы, люди из его окружения, говорили между собой, что он человек совершенно непредсказуемый, его реакцию никогда невозможно было предугадать. Мы всегда знали, что когда он вникает в ситуацию или собирается что-то сказать, а быть может, даже вмешаться, то никогда нельзя заранее знать, что он скажет или сделает. Это был всегда настоящий сюрприз, – а иногда, как он говорил с улыбкой, даже и для него самого! Потому что он сам не знал, что собирается сказать или сделать, он редко планировал свои поступки на сознательном уровне, а реагировал на ситуацию и отвечал на вопросы под влиянием текущего момента. Он давал возможность своему «коньку» делиться с ним своей мудростью, а потому никто не мог знать заранее, что он может или должен сказать. Я часто пыталась задуматься над тем, что он сказал бы в той или иной ситуации, но, когда сталкивалась с реальностью, была вынуждена опускаться с заоблачных высей. Все, что Юнг говорил и делал, совершенно отличалось от того, что могли представить себе даже те люди, которые близко его знали.

Эта творческая спонтанность, которая прорывается из истинных глубин или ядра личности, воплощается в образе коня, а так как эту реакцию можно считать наполовину сознательной, то только она одна может преодолеть натиск сил зла, сформированного на основе определенного уровня интеллекта и традиций прошлого. На мой взгляд, сейчас мы оказались именно в такой ситуации. Человечеству угрожают не только зверские смертоносные импульсы, хотя они прорываются то там то здесь и, наверное, подобное будет происходить всегда и везде, особенно в тех местах, где в толпе проявляется дикость и высвобождаются животные инстинкты. Самое опасное – сочетание этих инстинктов

с высоким научным интеллектом. В ядерной физике сплав животных инстинктов с высочайшими достижениями научной мысли особенно опасен. Такое сочетание не сравнимо по уровню зла практически ни с чем, но в нашей сказке есть зарок, что несмотря ни на что есть сила, превосходящая зло, и она заключена в самых сокровенных истинных глубинах нашей психики, с ее неоценимым ясновидением и природным знанием. Получив ее, может быть, нам удастся победить даже всевозможные дьявольские козни.

Ядро психики

Сказки, о которых шла речь в предыдущей главе, служат иллюстрацией состязания в волшебстве или волшебного противоборства как одной из форм, которую принимает борьба со злом. Первая – русская сказка, в которой царь-чернокнижник обещает отдать свою дочь замуж за того, кто сможет от него спрятаться. Трое юношей пробовали это сделать, но первые двое лишились головы, тогда как третий добился успеха благодаря своему преимуществу в волшебной силе. Но даже он не смог бы избежать печальной участи, если бы благодаря птице Маговей снова не оказался в царском дворце, где превратился в кусок кремня. В ирландской волшебной сказке «Прекрасная певчая птица» главному герою приходится спускаться в подземный мир, чтобы найти там птицу для своего отца. В данном случае происходит двойное состязание. Отец птицы, – на самом деле вовсе не птицы, а прекрасной женщины, – подземный король прячется три раза: в яблоко, в форель и в перстень своей дочери. Затем в ответ герой прячется три раза в своего белого коня, которого ему дает щедрая женщина из подземного мира. У короля есть советник – слепой провидец, а у героя таким советником является маленький белый конь.

Архетип состязания в магии и волшебстве можно найти почти в любом сообществе и на разных уровнях цивилизации. В примитивных цивилизациях он воплощается в магическом противоборстве шаманов, большего и меньшего, между собой. Каждый из них устанавливает сферу своего магического воздействия над какой-то частью племени или над соседним племенем, вместе с тем пытаясь устранить своих конкурентов. То же самое происходит в состязании шаманов племен, живущих за полярным кругом: большой и малый шаманы соревнуются в том, кто из них является более совершенным в искусстве владения магией, и каждый

старается своим колдовством превзойти другого или противодействовать ему.

Следы этого феномена существуют даже в христианских легендах. Гностик Симон Маг¹⁸¹ заявил, что он является земным воплощением образа Бога. По его словам, он может соперничать не только с Христом, но и со святым апостолом Петром; Симон Маг и святой Петр встретились в Риме, чтобы помериться силами. Симон хотел показать, что он может летать, и когда, всплеснув руками, он попытался вознестись с холма на небо, Петр использовал против него свою магическую силу, так что Симон упал вниз и разбился насмерть.

Есть и более поздние истории о святых, которые подобным образом боролись с колдунами или ведьмами. Так что тема магического противоборства встречается практически везде. Можно сказать, что это архетип борьбы со злом с помощью хитрости и ума, а также с применением знаний вместо грубой силы. Сегодня мы это называем психологической войной. Знание, будучи связано с состоянием высшего сознания, вероятно, является самым эффективным средством борьбы со злом; будучи отделено от сознания, оно способно только на магическую уловку в отношении другого.

Соперник, познания которого более обширны, глубоки и осознанны, скорее всего возьмет верх над соперником, который просто пользуется традиционными знаниями, не понимая их истинного смысла и по существу не имея с ними связи. В этом смысле все что угодно можно использовать *и* как черную, *и* как белую магию. Именно поэтому я старалась не упоминать о черной и белой магии, ибо любой соперник будет утверждать, что он использует белую магию, а противоположная сторона – черную.

Это напоминает мне детский сон одной пациентки, которая была жертвой «плохой» матери. Ее мать работала сиделкой, и у

¹⁸¹ Симон Маг, или Симон Волхв – современник апостолов, волхв из местечка Гиттон в Самарии, принявший крещение от апостола Филиппа. Заметная фигура в истории ранней церкви, в народе он действительно получил широкую известность как знаменитый чудотворец. У него была слава и последователи. Он был основателем гностической секты симониан, существовавшей вплоть до III века. Есть исторические свидетельства тому, что он действительно часто вступал в споры с апостолом Петром, которые можно назвать «соревнованием чудес». О Симоне Волхве впервые упоминается в Деяниях (8: 9–24), а затем уже в преданиях святых отцов он объявляется родоначальником гностицизма и всех ересей в церкви. – *Примеч. ред.*

нее, как и у некоторых других сиделок, присутствовал явный суицидальный комплекс. Она была ожесточенной, набожной, властной женщиной со скрытой склонностью к самоубийству. Она вышла замуж, только чтобы получить статус замужней женщины, ничуть не любя, с утра до вечера она жаловалась своим детям, что лучше бы ей остаться одинокой и не иметь детей. Можно себе представить, в какой «благоприятной» атмосфере они росли! Детский сон одной из ее дочерей был следующим. Когда девочке было года четыре, ей приснилось, что она встала с постели с таким чувством, что ее мать в соседней комнате занимается чем-то весьма таинственным. Она заглянула в полутемную комнату, где мать сидела и читала Библию. Вдруг в комнату вошел огромный «черный человек»¹⁸², и тогда мать взяла Библию, у которой на обложке был тисненый золотой крест, и обратила ее к «черному человеку», – тот сразу исчез. Девочка проснулась, плача от ужаса, но не потому, что увидела «черного человека», а потому, что поймала мать на том, что она использовала Библию в магических целях.

В данном случае речь идет явно о черной магии. Мать подавила проблему зла, которая в ее случае воплотилась в фигуре совершенно деструктивного, смертоносного Анимуса. Она отмежевывалась от своего пагубного Анимуса, используя Библию как магическое средство. Она использовала Библию не для того, чтобы читать, или медитировать над ней, или как-то иначе использовать ее по прямому назначению. Вместо этого она пользовалась ею чисто технически, как магическую уловку, чтобы избежать конфронтации с «черным человеком». Таким образом, вся проблема зла, которое содержалось в ее Анимусе, легла на плечи ее детей.

Именно поэтому я не употребляю понятия «черная» или «белая» магия, ибо в черной магии можно использовать даже Библию в борьбе против темных сил. Является магия черной или белой, – все зависит от того, как и с какой установкой вы используете свое оружие.

Меня часто поражало то, что даже в Дзен-буддизме, в беседах между просветленными мастерами или в беседе, в которой мастер испытывает другого, неизвестного монаха, чтобы узнать, может ли он принять Дзен, иногда слышится неприятная тональ-

¹⁸² В данном случае эпитет «черный» ни в коем случае не относится к цвету кожи. См. также примеч. 130 на с. 226.

ность властной, или магической состязательности. Я указала на это Юнгу. Усмехнувшись, он сказал, что «в состязательность Дзен перетекло много древней шаманской энергии состязательности». Естественно, это не было общим утверждением; оно относилось к конкретным формам и не имело обобщающего смысла, но если оно мелькает где-то на втором плане, это может быть опасно. И не менее важно, что эта состязательность встречается и в психологии, в той форме, в которой аналитики общаются со своими коллегами, а на уровне субъекта – в отношении между Эго и бессознательным.

Часто люди подходят к бессознательному с внутренне утилитарной или властной установкой; они хотят использовать бессознательное, чтобы расширить и укрепить свою власть, чтобы доминировать над своим окружением или научиться самим управлять ходом событий. Или же они подходят к бессознательному со скрытым амбициозным намерением стать мана-личностью. В особенности эта болезнь присуща ученикам. Если кто-то, работая над собой в одиночку, достиг чего-то большего, другой тоже хочет овладеть тем же умением. Если он умен, он подумает: «Хорошо, воспользуюсь тем же способом и буду делать в точности то же самое, что делает мастер, и получу такой же результат». Такой человек не замечает, как обманывает сам себя. Его подход к бессознательному неискренен, в нем кроется уловка или утилитарная установка. Бессознательное в чем-то похоже на чудесный лес, в котором он гонится за волшебным зверем, чтобы посадить его в клетку, или поле, которым он хочет завладеть.

Если бессознательное предполагает такую установку, оно тоже становится хитроумным и похожим на трикстера. Сновидения становятся противоречивыми, они говорят то да то нет, петляя то налево, то направо, и тогда чувствуется, что в феномене бессознательного доминирует трикстер, бог Меркурий, уводя Эго тысячью разными способами от пути в райский сад. Иногда такие люди, после многолетних самых честных и отчаянных попыток вступить в контакт со своим бессознательным, в конце концов опускают руки и говорят: «Да, бессознательное – это безнадежная пропасть, дорога, ведущая в никуда, которая никогда не кончается, ибо сновидения говорят все что угодно».

Такие люди не осознают, что этот архетип трикстера констеллируется у них в бессознательном вследствие их эго-установки трикстера, то есть благодаря их собственной установке по отноше-

нию к бессознательному. Они хотят обмануть и использовать бессознательное в своих целях, хотят положить его к себе в карман, с легким, незаметным стремлением к власти, и бессознательное отвечает им зеркальной реакцией. Есть даже такие люди, которые, читая Юнга, пытаются таким образом развивать процесс индивидуации. Они думают приблизительно так: «Если я буду поступать так, как поступал Юнг, записывать каждый сон, работать с активным воображением и т.д., то я добьюсь ЭТОГО». Они включают побудительную, настойчивую эго-установку в проект, который обманывает их с самого начала и доставляет им бесконечные неприятности. Это современная вариация древнего архетипического мотива состязания в магии или магического соперничества.

И в русской, и в ирландской сказке герой-победитель может получить дочь мага-волшебника-колдуна. Именно фемининный элемент решает проблему или же вмешивается в процесс и принимает ту или другую сторону. В русской сказке герою удается, превратившись в сокола, влететь через окно в покои дочери царя-колдуна и предаться с ней там любовным утехам. В ирландской сказке герой получает помощь подземной материнской фигуры и ее конька и с помощью фемининного начала побеждает подземного короля. Эту помощь следует рассматривать как компенсаторный фактор, ибо, когда сознание теряется в состязании в волшебстве, это значит, что оно незаметно для себя оказалось захваченным властной установкой. Принцесса воплощает противоположное начало по отношению к власти: любовь и Эрос – против стремления к доминированию. Следовательно, соперник, который привлек на свою сторону Эрос, а не властную установку, побеждает своего противника.

В русской сказке это ясно показано. На пиру царь-чернокнижник обещает победителю в наследство свое царство. Вполне понятно, что он находится в плену властной установки. Первые двое юношей, которые вызываются с ним соперничать и говорят: «Я готов это сделать», тоже попадают в ловушку властной установки, так как принимают ее; и она действует безотказно – они оба лишаются головы. Если бы они просто нерешительно пожали плечами, то увидели бы, что царь-чернокнижник несет чепуху.

Третий юноша, главный герой сказки, наоборот, знает подход к фемининному началу, которое находится в плену у царя-чернокнижника. Он побеждает царя-чернокнижника благодаря связи с царевной и птицей Маговей, птицей-самкой, которая сидит в гнез-

де на яйцах. Трижды он получал помощь от фемининности: от царской дочери, от птицы Маговей и от служанки, которая взяла кремень из камина и случайно бросила его через левое плечо, тем самым дав герою возможность снова принять человеческий облик. Благодаря своей связи с фемининным началом герой трижды спасается от смерти: так же, как в ирландской сказке, в которой благодаря связи с фемининностью герой также спасается от опасности. Почему-то царю-чернокнижнику не удается следовать за скрытой женской ментальностью. Тот, кто имеет властную установку, не может понять установку любви и Эроса. Он всегда будет ошибочно ее понимать, попадаясь на какую-то тайную уловку, и идти по ложному пути.

В ирландской сказке это оказывается еще более интересным. Там соперник обладает тайным знанием черной магии, древними магическими традициями, существующими еще с каменного века. Вероятно, магия – один из древнейших видов человеческой деятельности. При появлении новой сознательной установки прежняя установка опускается на уровень магии. Таким образом, магическая форма духовных и религиозных знаний является самой древней, которую вытеснили новые религиозные установки, а потому магическое мышление погрузилось на более бессознательные уровни.

В ирландской сказке магия коня оказывается сильнее магии слепого прорицателя. Это кельтская сказка, и подземный мир – это, очевидно, кельтское Запредельное, в котором живут феи и эльфы, куда уходят умершие, откуда приходят прекрасные русалки и другие существа и где пропадают средневековые рыцари. Там заколдовали самого великого волшебника Мерлина. Страна Запредельного в кельтской мифологии является романтической по своему характеру, – и этот романтизм полностью исчезает в верхнем мире.

Первая жена короля, мать главного героя, была доброй женщиной. Но когда она умерла и король женился второй раз, появилась мачеха, которая вместе со своими двумя сыновьями пытается оттеснить героя. В поведении мачехи присутствует ядовитая властная установка; она хочет устранить первого сына и возвести кого-то из своих сыновей на трон Ирландии. Поэтому целый мир чувств, любви, а вместе с ними – искусства, песен и красоты исчезает в бессознательном. Главный герой все это возвращает обратно. Хотя в верхнем мире правит злая мачеха, главный герой

отправляется в подземный мир и находит там позитивную материнскую фигуру, которая все время ему помогает. Таким образом, все, что ему недоставало во внешнем мире, герой находит в бессознательном, в мире Эроса; герой не боится спуститься в подземный мир и получить оттуда поддержку.

Остальное состязание происходит внутри самого бессознательного, ибо, по существу, это состязание между белым конем и подземным королем-колдуном. Герою только нужно было слушаться белого коня.

Я попыталась интерпретировать образ коня, исходя из проблемы спонтанности, ибо конь (или лошадь) воплощает абсолютно бессознательную жизненную силу, подлинную реакцию, на которую может полагаться герой. Мы можем развить эту интерпретацию дальше, ибо герой прячется в полости от вырванного волоса, потом от вынутого зуба, потом от гвоздя, вынутого из подковы. Затем он должен вставить на место волос, зуб и гвоздь, так что практически не остается свободного места. С психологической точки зрения это значит, что Эго и его сознательное планирование и деятельность, по существу, исключаются; вся разумная деятельность Эго должна закончиться. Только благодаря полному отказу от собственной воли можно следовать указаниям коня и его божественной спонтанности.

Конь является белым, что говорит о том, что этот инстинктивный импульс действует в естественном направлении – то есть в направлении сознания. В колесницу бога солнца в Древней Греции и Древнем Риме запрягали белых лошадей, тогда как в колесницу ночи или луны – темных лошадей. Белых животных всегда приносили в жертву олимпийским богам, темных животных – подземным богам. В ирландской сказке формируется такая констелляция, благодаря которой определенные инстинктивные, позитивные импульсы действуют в естественном направлении – в направлении сознания. Следовательно, Эго может им доверять настолько, чтобы ничего не делать, а разрешить себе слепо им подчиняться. В случае другой констелляции, с черными конями, проблема была бы совершенно иной.

В мифологии черное и белое часто не соответствуют их этическому значению. Они стали иметь это значение только в поздней христианской аллегории – в качестве вторичного, искусственного толкования. В сравнительной мифологии черное всегда обозначало ночное, потустороннее, земное, относящееся к непо-

стижимому для сознания, к плодородию и т.д. Белое, напротив, обозначало дневной свет, ясность, упорядоченность, но в зависимости от ситуации могло иметь и негативный, и позитивный смысл. Белый конь здесь обозначает присутствие природной движущей силы, которая стремится сделать доступным сознанию содержание психики, возможно, образ Прекрасной певчей птицы. В данном случае сознанию остается только не мешать; оно не должно препятствовать позитивным процессам в бессознательном, строя свои собственные планы.

В последний раз главный герой прячется в копыте своего коня, в подкове, которая наряду с волосом и зубом является старинным средством защиты от козней Дьявола. В «Карманном словаре немецких суеверий» (*Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens*) лошадиная подкова описывается как относительно поздний символ, приносящий удачу, который унаследовал свое значение от более старого символа – железного гвоздя. Во всех странах Европы, где преобладает сельское хозяйство, железо вообще обладает магическим свойством отгонять духов и ведьм и магической исцеляющей силой. Герой ирландской сказки залезает в отверстие в конском копыте, и защитой ему служит подкова. Король-маг подземного мира не может его достать, ибо копыто лошади – это почти магический железный круг. Само железо обладает свойством оберега, и вместе с тем в некоторых магических практиках подкова тоже обладает этим же свойством. Поэтому конская подкова – это трехкратный символ удачи и символ победы над Дьяволом. Это особенно занятно, если вспомнить о том, что сам Дьявол имеет лошадиное копыто. Это еще один странный факт, когда *simila similibus curantur*¹⁸³.

Однако меня разочаровывает то, что в конце сказки белый конь остается в подземном мире. Когда Сирт поднимается наверх из дыры, белый конь исчезает; он возвращается к той материнской фигуре, от которой он пришел. Наверх поднимается только Прекрасная певчая птица. Это значит, что исцеляющий процесс происходит без полного осознания того, что произошло. Здесь можно провести сравнение с человеком, который благодаря кратковременному анализу избавился от определенных симптомов и прекратил анализ без осознания произошедшего, довольствуясь полу-

¹⁸³ *Simila similibus curantur* (лат.) – подобное излечивается подобным. – Примеч. пер.

ченным исцелением. Такое бывает очень часто с молодыми людьми, и это вполне закономерно, ибо они приходят с жалобой на незначительный симптом, который относительно легко излечивается и больше не доставляет им беспокойства. Они выражают вам свою искреннюю признательность и исчезают, а потом через несколько лет появляются и говорят: «Мне бы хотелось лучше понять, что тогда со мной случилось». Решая обычные жизненные задачи, вступая в брак, осваиваясь на поприще своей профессии и т.д., они уходят от решения этой проблемы во внешний мир. У них нет времени на осознание того, что с ними произошло.

Как-то Барбара Ханна прекратила анализ одной молодой особы, которая была счастлива и собиралась замуж. Барбара Ханна попрощалась с ней, послала ей в день свадьбы красивый букет и написала теплое письмо с поздравлениями. Молодая женщина ей написала в ответ, поблагодарила, но при этом выразила надежду, что анализ, который она проходила, был только первой главой и что она в будущем хотела бы его продолжить. На какое-то время она вернулась в жизнь (ее возраст, несомненно, соответствовал первой половине жизни), чтобы вступить в брак и иметь детей. При этом она знала, что очень многое, что происходило в процессе анализа, как-то ее затронуло. Но она почувствовала, что не может обратиться к этому материалу сейчас и оставила его на потом, на вторую половину жизни.

Исцеляющий процесс может протекать более или менее осознанно, но в данном случае какое-то глубинное содержание осталось неосознанным. Есть иранская сказка, из которой мы можем несколько больше узнать о лошади; ее можно найти в сборнике «Сказки из Туркестана» (*Märchen aus Turkestan*).

Волшебный конь ¹⁸⁴

Жил-был падишах, у которого была прекрасная дочь. Когда она выросла, ее отец решил, что ее мужем станет тот, кто решит хитроумную загадку. Он откармливал блоху, пока она не выросла размером с верблюда. Затем он ее убил, снял с нее шкуру и объявил: мужчина, который догадается, кому или чему принадлежала эта шкура, возьмет в жены его дочь. [В данном случае мы снова имеем дело с властным правителем, таким как царь, колдун или подземный ко-

¹⁸⁴ Märchen aus Turkestan, MdW (Jena, 1925), no. 9: *Das Zauberroß*.

роль в ирландской сказке.] Естественно, никто не догадался, что это шкура блохи. Но однажды явился безобразный нищий и сказал, что он хочет отгадать загадку. Его не пустили во дворец падишаха, но тот настаивал, что знает отгадку. Как только падишах показал ему шкуру блохи, нищий заявил: «Разумеется, это шкура блохи». Падишах был вне себя от ярости, но ему пришлось сдержать свое обещание и отдать свою дочь этому жалкому попрошайке.

Оказалось, что под видом нищего скрывался дэв, великан, смертоносный демон, пожиравший людей. Он пришел забрать несчастную принцессу, которая была в глубоком отчаянии. Она побежала в конюшню, бросилась на шею своей любимой маленькой лошадке и заплакала. Маленькая лошадка сказала, что она ей поможет, если принцесса возьмет ее с собой, захватив к тому же цветок гвоздики, гребень, зеркальце и немного соли. Когда они подъехали к пещере дэва, принцесса пришла в ужас: внутри она увидела множество человеческих скелетов, всех этих людей съел дэв. Лошадка сказала девушке, что пора бежать. Узнав, что они сбежали, дэв разъярился и вызвал такую сильную снежную бурю, что беглянки не смогли сдвинуться с места. Тогда лошадка сказала принцессе, чтобы та бросила позади себя гвоздику, затем соль, гребень и, наконец, зеркальце. Всякий раз брошенные предметы превращались в какое-то препятствие на пути дэва: колючий кустарник и т. п. Они на какое-то время задерживали преследователя, но потом он снова их догонял. Напоследок девушка бросила позади себя зеркальце, и сразу между ней и дэвом развернулась широкая бурная река. Дэв снова закричал ей: «Дорогая невеста, скажи мне, как ты переправилась через реку?» Та ответила: «Я повесила себе на шею большой камень и нырнула в воду». Дэв так и поступил, но даже это не помогло. Лошадка сказала, что на этот раз опасность слишком велика, поэтому ей самой придется сразиться с дэвом. Сказав это, она прыгнула в воду, и они схватились в смертельном поединке, за которым с содроганием наблюдала девушка. Вдруг появилась красная пена, и она подумала, что ее любимая лошадка погибла. Но, очнувшись, она увидела живую лошадку, которая сказала принцессе, что она убила дэва, но теперь девушке придется убить лошадку. Она велела бросить ее голову, ноги расположить по четырем сторонам света, вынуть и выбросить внутренности, а затем вместе с ребенком сесть под ее ребрами.

Девушка воскликнула: «Как же я могу тебя убить, если ты спасла мне жизнь!» Но лошадка настаивала на своем. И когда де-

вухка выполнила все, как ей было сказано, ноги превратились в золотые тополя с изумрудными листьями, внутренности – в великолепные особняки, ребра – в золотой дворец. Из головы вытекала прекрасная серебряная река, а все окружение превратилось в райский сад. Там же принцесса нашла и своего мужа.

Я сократила часть сказки, связанную со свадьбой главной героини и ее детьми, так как это очень длинная восточная сказка, и сосредоточила свое внимание только на превращении коня. Здесь снова лошадка берет верх в борьбе с черным магом. На этот раз маг является дэвом, который может служить воплощением всех видов магии и колдовства. Сначала лошадка, которая также использует магические средства, говорит дочери падишаха, чтобы та бросила позади себя гвоздику, соль, гребень и зеркальце, но с помощью одной только магии одолеть дэва не удастся. Тогда они сходятся в реальном поединке. Таким образом в данном случае мы имеем дело с сочетанием обоих типов поведения: состязания в магии и борьбе *corps à corps*¹⁸⁵.

Иногда мы встречались с состязанием в волшебстве, иногда – с реальной схваткой, как в литовской сказке о дровосеке, превратившемся в льва, который сожрал Дьявола. В данном случае мы сталкиваемся с обоими мотивами в одной сказке: сначала – с состязанием в магии, а затем – с борьбой героя, побеждающего зло. Как вы понимаете, это совершенно нормально, ибо всегда должен быть парадокс и присутствуют оба вида борьбы. Сначала вы не вступаете в борьбу, а затем вам приходится драться; вы должны схитрить; нет, не должны; вам нужно применить силу; нет, не нужно. Все это имеет прямое отношение к тому, о чем я говорила в самом начале: любое правило поведения, которое вы можете вывести из бессознательного, обычно является парадоксальным.

Но в данном случае нам позволяет продвинуться дальше осознание того, что действительно воплощает конь (лошадка). После того, как ее убили, она превращается в мандалу. И в данном случае при анализе персидской сказки нам следует учитывать влияние индийской культуры. Свежевание лошадки напоминает древнеиндийский ритуал жертвоприношения лошади, который был основным при сотворении вселенной. Таким обра-

¹⁸⁵ *Corps à corps* (фр.) – врукопашную. – Примеч. пер.

зом, можно сказать, что дочь падишаха воспроизводит древнеиндийский ритуал жертвоприношения лошади, в результате которого создается новый мир. Но что это значит с точки зрения психологии?

Лошадь представляет собой одну из самых чистых форм основной инстинктивной природы, той энергии, которая способствует укреплению Эго, которое этого не замечает. Именно она создает поток жизненной энергии, направляет куда-то наше внимание и через бессознательную мотивацию влияет на нашу деятельность. Это общее чувство жизнеспособности, поток жизни, который создаем не мы, но, образно выражаясь, он движет нами по жизни и вовлекает нас в жизнь. Большинство людей безусловно принимают эту движущую силу. Они не сопротивляясь позволяют ей нести их по течению жизни посредством импульсов, желаний и мотиваций, не учитывая их сознательных намерений. Однако эта сила создает некое бессознательное здоровье, состоящее в том, чтобы бессознательно следовать своему собственному животному паттерну, никоим образом в нем не сомневаясь. Таким образом, жертва лошади означает полный отказ от потока либидо, связывающего человека с каким бы то ни было импульсом жизни; иначе говоря, речь идет о состоянии полной интроверсии. Гораздо подробнее о символике лошади можно прочесть в книге Юнга «Символы трансформации»¹⁸⁶. Все, о чем я здесь говорю столь сжато, в работе Юнга написано *in extenso*¹⁸⁷, особенно что касается индийского обряда жертвоприношения лошади.

Дочь падишаха глубоко опечалена, услышав просьбу лошади, и восклицает: «Как же я могу тебя убить, если ты спасла мне жизнь!» Это свидетельствует о том, как трудно совершить такое жертвоприношение, ибо это означает порвать связь со всем, что является самым естественным. Импульс спонтанной, невинной жизни разрушается в самой своей основе. Но при этом на первый план выступает Самость, которая до сих пор оставалась скрытой. В качестве современного аналога я могу вам рассказать сон одного пациента.

Сновидцем был мужчина, который очень много пил, что необычно для людей такого типа; в нем чувствовалась некая живая

¹⁸⁶ The Collected Works of C.G. Jung 5, para. 658. (Рус. перевод: Юнг К.Г. Символы трансформации. М.: PentaGraphic, 2000.)

¹⁸⁷ *In extenso* (лат.) – без сокращений. – Примеч. пер.

простота и цельность, о которой я говорила выше. Но постепенно он стал алкоголиком, и кто-то из его друзей посоветовал ему сходить на анализ. Он достаточно скоро пришел и сказал, что болен алкоголизмом и хочет вылечиться.

Вы знаете, настолько искренне это обычно звучит! На эту тему даже есть пословица: «Вымой на мне шубу, но так, чтобы я не промок!» Именно это имеют в виду люди, говоря нечто подобное. Но этот мужчина действительно хотел, чтобы его шубу вымыли, но при этом совершенно не думал, как бы не промокнуть. Его сновидения совершенно ясно показывали, в чем заключалось его несчастье. Он жил с настоящей старой ведьмой, которая портила все удовольствие, которое он получал от жизни. Злоупотребление спиртным отчасти заменяло ту жизнь, от которой она его удерживала. Когда сновидение показало, что в этом все дело, – мне даже не пришлось ничего ему говорить, – вернувшись домой, он съехал из своей комнаты, предварительно устроив страшный скандал сожительнице-ведьме, а потом снял комнату где-то в другом месте. Таким образом, наивно и вместе с тем реально, безо всяких рассуждений и в соответствии с тем, что говорили его сны, он достиг исцеления, которое можно считать чудесным. В течение нескольких месяцев он не прикасался к алкоголю и стал чувствовать себя намного лучше. При этом он занялся работой. Его жизнь с каждым днем становилась все лучше, и казалось, что ему больше ничего не надо. Я думала, что он прекратит анализ, поскольку, честно говоря, он больше в нем не нуждался. Это был энергичный, добродушный экстраверт, и мне представлялось, что он войдет в жизнь и у него не возникнет ни одной мысли относительно того, что с ним произошло. Но в этот момент ему приснился следующий сон.

Он плыл по реке на катере. Было воскресенье, и слышалась музыка. Была хорошая погода, светило солнце, и он плыл вместе с другими людьми, глядя на реку и наслаждаясь жизнью. Время от времени катер приставал к берегу, а затем продолжал свой курс. Хотя мужчина хотел плыть дальше, на одной из пристаней ему подумалось, что можно сойти на берег, чтобы понять, какая сила движет корабль. Поэтому на следующем причале он сошел с катера на причал и обернулся. К своему полному изумлению, он увидел, что катер толкает огромный дракон, плывущий под водой. Это было очень благожелательное создание, с очень маленькой головой, и пока сновидец стоял на берегу, дракон вытянул шею и

ткнулся носом в его плечо со словами: «Эй, привет!» Это было очень по-дружески, и мужчина проснулся с удивлением.

Из-за этого сновидения он решил продолжать анализ, чтобы узнать, что означало это чудесное исцеление и в чем могла заключаться тайна жизни. Затем, к моему удивлению, он очень быстро погрузился в недра психики и далеко продвинулся в процессе индивидуации. Благодаря этому он стал совершенно замечательной личностью.

Как можно заметить, здесь была поворотная точка. Возникал вопрос: «Плыть ли мне дальше одному под воздействием бессознательной жизненной силы или мне нужно задать себе более глубокий вопрос?» И тогда дракон потянул его за рукав и спросил: «Неужели ты не видишь, кто я? Неужели ты не хочешь вступить со мной в более тесный контакт?» — что, в данном случае, и сделал этот мужчина.

Тогда оказывается, что за жизненной силой лошади стоит глубинное ядро психики, то есть Самость; именно Самость оказывается искаженной, карикатурной, или скрытой, или проявляющейся только как бессознательное побуждение. С нашей точки зрения побуждение к индивидуации является, возможно, подлинным и самым сильным из всех существующих инстинктов. Следовательно, он сначала воплощается в образе животного, ибо представляет собой спонтанную инстинктивную силу, существующую в бессознательном. Однако коня нужно принести в жертву, то есть проанализировать эту силу, чтобы исследовать ее глубинные формы и выйти за границы, ощущая ее как божественный импульс, движущего нашей жизнью.

Немецкая волшебная сказка из собрания после братьев Гримм служит более глубокой иллюстрацией этой проблемы.

Королевский сын и дочь Дьявола¹⁸⁸

Жил-был король, который в большой войне, одно за другим, проиграл все сражения. Войско его было разбито, и он был в таком страшном отчаянии, что готов был наложить на себя руки. И тут к нему обратился какой-то человек и сказал: «Я знаю, что с тобой произошло! Наберись мужества, и я тебе помогу, если только ты от-

¹⁸⁸ Deutsche Märchen seit Grimm, MdW (Jena, 1922), p. 155: *Der Königsohn und die Teufelstochter*.

дашь мне *en noa Sil*¹⁸⁹ из своего дома. Через трижды семь лет я приду и это возьму». [Король подумал, что речь идет о новом канате или веревке, хотя на литературном немецком это означает «новая душа»¹⁹⁰.] Король решил, что дешево отделался, и, не задумываясь, пообещал отдать это незнакомцу. Тогда тот щелкнул кнутом о четырех хвостах, и тут же появилась волшебная армия. С помощью нее король выиграл все битвы, враг был наголову разбит и запротестовал мир.

Одержав победу, король вернулся домой, и его радость стала еще больше, когда он узнал, что у него родился сын. Спустя трижды семь лет его сыну исполнился двадцать один год, он вырос сильным и красивым юношей. Но король совершенно забыл о своем обещании, которое дал незнакомцу. Тот вскоре и объявился; оказалось, это был сам Дьявол, который требовал *noa Sil*. Король вынес из кладовой ему новую веревку, но Дьявол расхохотался и сказал, что ему не нужна какая-то веревка – *ein Seil*, а нужна именно новая душа – *eine neue Seele*, – именно ее он имел в виду. Король стал рвать на себе одежду и волосы и чуть не умер от свалившейся на него беды, но это не помогло. Ничего не знавший юноша старался успокоить отца, уверяя его, что этот страшный человек не сможет причинить ему вреда. Но Дьявол рассвирепел, сказав, что принц за это дорого заплатит. Он схватил юношу и по воздуху унес его прямо в ад.

В аду Дьявол показал принцу адское пламя и сказал, что завтра он его зажарит; но вместе с тем он хочет дать ему шанс спастись. Он указал юноше на огромное озеро и сказал, что если за ночь тот вычерпает его до дна, превратит его в луг, скосит траву, высушит сено и сложит его в копны, которые должны быть готовы уже к утру, то он его отпустит. Затем он запер принца. Принц опечалился и готов был распрощаться с жизнью, но вдруг открылась дверь и вошла дочь Дьявола, которая принесла ему пищу. Увидев прекрасного юношу, его покрасневшие от слез глаза, она сказала: «Ешь, пей и не огорчайся. Посмотрим, что я могу для тебя сделать».

Ночью, когда все уснули, дочь Дьявола тихо встала и подошла к спящему отцу. Она заткнула ему уши кусками шерсти, взяла его волшебный кнут, вышла из дому и щелкнула кнутом во всех на-

¹⁸⁹ Специально искаженное выражение, смысл которого прояснится несколько позже. – *Примеч. пер.*

¹⁹⁰ *Seil* (нем.) – веревка, трос, канат; *Seele* (нем.) – душа. – *Примеч. пер.*

правлениях. Тут же появились все черти ада и выполнили работу. Наутро принц выглянул из окна и, к своей радости и изумлению, вместо озера увидел стоящие копны сена. Как только работа была сделана, дочь Дьявола вынула из ушей отца куски шерсти и положила на место кнут. Проснувшись, Дьявол возжаждал исполнить свой злобный замысел и уже представлял себе принца в адском пламени, но, увидав, что вся работа сделана, пришел в изумление. Тогда он рассвирепел еще больше и дал ему другое задание. На сей раз нужно было одним топором повалить полностью огромный лес и сложить бревна в кучи, чтобы вывезти их к утру. Затем на месте этого леса нужно было насадить виноградник, да так, чтобы виноград уже поспел и был готов к сбору. И снова дочь Дьявола сделала за юношу всю работу, выкрыв у отца волшебный кнут.

На третий раз Дьявол почувствовал что-то неладное и стал очень подозрительным. Однако он сказал, что отпустит принца, если тот выстроит из песка большую церковь, причем полностью – вместе с куполом и крестом. Дочь Дьявола хотела еще раз повторить свою уловку, но слуги Дьявола не смогли выполнить задание, причем они были бы не в состоянии построить церковь даже из камня или из железа, не говоря уже о песке. Однако она заставляла их стараться изо всех сил; один раз они построили уже половину церкви, но потом она развалилась. Второй раз они почти ее достроили, но когда попытались поставить на купол крест, все развалилось опять, поэтому к утру работа осталась несделанной. Тогда дочь Дьявола превратилась в белую лошадь [опять мы встречаемся с белой лошастью]. Она сказала принцу, что не остается ничего другого, как бежать отсюда, и пообещала доставить его до дома.

Когда Дьявол проснулся, ему показалось, что вокруг слишком тихо. Он стал искать свой кнут, но не нашел его. Тогда он закричал во весь голос – так, что задрожал весь ад; при этом из его ушей выпали куски шерсти, и он услышал, что все вокруг работают. Затем он вспомнил о принце и пошел к нему в комнату, но увидел, что дверь открыта, а принца и след простыл. В углу он нашел свой кнут и щелкнул им: к нему сбежались черти со всего ада, спрашивая, что еще будет приказано сделать. Они пожаловались, что всю ночь трудились не покладая рук и очень устали. Он спросил их, кто дал им работу, и они ответили, что это была его дочь. «Теперь мне все понятно! – воскликнул Дьявол. – Во всем виновата моя дочь! Потому что она хорошо относится к людям!» [Это очень важная фраза. В Германии дочь называют *die Menschengefühlige*, – то есть человек,

который относится к людям с состраданием и сочувствием.] Тогда Дьявол обернулся темной тучей и полетел за беглецами, чтобы их вернуть. Вскоре он увидел всадника на белой лошади и закричал своим чертям, чтобы те поймали беглецов и доставили их к нему живыми или мертвыми. Небо потемнело от клуба летящих чертей, и лошадь сказала своему всаднику, что преследующий их черный рой – это армия чертей, слуг ее отца. Она сама превратилась в церковь, а принца превратила в пастора, предупредив, чтобы тот встал перед алтарем, служил мессу, пел псалмы и не отвечал ни на какие вопросы. Подлетев ближе, армия чертей совершенно оторопела, увидев церковь, двери которой были открыты, но никто из них не решился переступить порог. Принц стоял перед алтарем и пел: «Бог нас не оставит, Бог нас спасет» – и не слышал, что черти у него спрашивали о двух беглецах. В конце концов, черти вернулись обратно в ад и доложили Дьяволу, что нигде не смогли найти лошадь.

Дьявол страшно рассвирепел. На следующее утро он снова поднялся в небо. Увидев церковь и услышав пение, он сказал: «Вот они, теперь-то они у меня в руках и не посмеют уйти от меня». Он собрал еще больше чертей и приказал своему войску разрушить церковь и доставить ему оставшийся от нее камень и священника. Но на этот раз дочь Дьявола превратилась в ольху, а принца превратила в золотую птицу, которая должна была не переставая петь: «Я ничего не боюсь». И когда до них добралось войско чертей, уже не было никакой церкви, а стояла только ольха, на которой сидела золотая птица, которая все время пела: «Я ничего не боюсь». И снова черти вернулись в ад с пустыми руками.

Дьявол рассвирепел еще сильнее. Он взмыл в воздух и за семьсот миль увидел ольху с сидящей на ней золотой птицей. Он собрал еще больше чертей, велел им срубить дерево и доставить ему птицу – живую или мертвую. Но дерево и птица превратились в лошадь и всадника и ускакали еще на семьсот миль. Когда принц оглянулся и увидел приближающееся чертово войско, дочь Дьявола превратилась в рисовое поле, а принца превратила в перепела, велев ему все время бегать по полю и щебетать: «Бог с нами, Бог с нами» – и не слушать никаких вопросов.

На следующее утро разгневанный Дьявол пролетел над рисовым полем и смутно слышал щебетание перепела. Он решил, что теперь-то точно беглецы у него в руках. Он велел чертям скосить поле, но затем решил, что поймает беглецов сам, так как если они отъедут на расстояние большее чем четырежды семьсот миль, то его

власть над ними закончится. Поэтому он еще раз поднялся в небо, но лошадь с всадником продолжали свой путь. Им осталось проехать только семьсот миль, чтобы оказаться в безопасности, как вдруг разразилась сильнейшая буря. Принц сказал, что позади себя он видит в небе черную тучу, извергающую ужасный огонь. Девушка ответила, что это ее отец, и если принц сейчас же не выполнит в точности все ее указания, то они оба погибнут. Она сказала, что сама превратится в большое молочное озеро, а его превратит в селезня, который будет плавать точно посередине озера, и он должен окунуть голову в молоко и не смотреть, что происходит; но если хотя бы на миг поднимет голову, то погибнет и уже никогда не доплывет до берега. Вскоре старый Дьявол оказался перед озером, но не мог ничего сделать, пока не достанет селезня. Плыть на середину озера, чтобы его поймать, было для Дьявола слишком далеко, и он боялся утонуть в молоке. Он попытался привлечь к себе маленького селезня и позвал его: «Милая уточка, почему ты все время плаваешь на середине озера? Посмотри вокруг, и увидишь, как хорошо тебе будет рядом со мной».

Принц долго крепился, но в конце концов любопытство взяло верх. Едва он успел искоса посмотреть в ту сторону, как сразу же совершенно ослеп, а молоко немного потемнело. Из молока раздался голос: «Увы, что же ты наделал!» Зато Дьявол на берегу плясал от счастья и дико радовался: «Ага! Скоро ты попадешь ко мне в руки!» Он попытался подплыть к селезню в темном молоке, но чуть не утонул, и сколько он ни пытался его подманить, тот к нему не подплывал. Наконец, Дьявол потерял терпение. Он превратился в огромного гуся, мигом заглотал все озеро вместе с селезнем и отправился восвояси.

«Теперь все в порядке», – сказал селезню голос из молока. Молоко стало бурлить и пениться, и Дьяволу становилось все хуже и хуже, и он очень испугался. Ему было тяжело идти, хотя он изо всех сил стремился попасть к себе домой. Но ему удалось сделать несколько шагов. И тут раздался страшный взрыв, так как его разнесло в клочья. А на его месте стояли сын короля и дочь Дьявола – оба молодые и красивые.

Затем они вернулись домой. Это было на седьмой день после того, как Дьявол похитил принца. Их возвращению радовалось все королевство, сыграли пышную свадьбу. Старый король отдал трон своему сыну, который стал таким же мудрым правителем, как его отец, и он до сих пор правит королевством, если еще не умер.

Такое начало, как в этой сказке, встречается повсеместно. Попавший в беду король, ведая или не ведая, что творит, обещает отдать Дьяволу ребенка, который рождается в отсутствие отца. Затем перед ребенком встает задача – будь он мальчик или девочка – вырваться из пут зла. Король или – в других сказках – купец, который разорился и потерял все свое богатство, попадает в какую-то беду, когда совершает такой поступок.

Если здесь провести сравнение с индивидуальной психологией и не анализировать материал на архетипическом уровне, как это и следует делать, то можно легко показать, как родители «продают» детей собственным нерешенным проблемам. Мы видели это в рассмотренном выше случае, когда мать, вместо того чтобы разобраться со своим деструктивным Анимусом, держит его на расстоянии с помощью Библии; таким образом, ее дочь вынуждена решать ее проблему «черного человека». Дочь становится совершенно неуправляемой. У нее несколько детей, рожденных вне брака, она делает аборт за абортom и переживает другие неприятности, связанные с воздействием зла, и ко времени, когда попадает к аналитику, представляет собой и физически, и психологически полную развалину. Таков результат воздействия «черного человека», которое происходило через мать, которая, так сказать, продала ему свою дочь, ибо сама избавилась от него хитростью, при помощи Библии.

На более общем, коллективном уровне король воплощает правящую коллективную установку и стоящую за ней правящую коллективную сознательную идею, которая также означает доминирующий образ Бога в коллективном представлении в определенное время. Опять же, как и в начале практически любого мифа, этот король утратил свою силу, а вместе с ней и свою способность сдерживать деструктивные и хитроумные силы зла. Правящий религиозный и социальный порядок, его идеалы и образы больше не обладают психологической силой, достаточной для того, чтобы представлять привлекательную цель для человеческого поведения. Следовательно, часть психической энергии растекается по всевозможным каналам. Процесс диссоциации энергии уже зашел довольно далеко, потому что, как мы убедимся позже, Дьявол обладает символом Самости: у него есть четыреххвостый кнут, который при каждом ударе дает любой результат, который ему нужен.

Кнут с четырьмя хвостами – это примитивный королевский скипетр. Его можно увидеть в руках подземных королей на изображениях в египетских гробницах. Такой кнут был у Осириса. Изначально им пользовались пастухи крупного рогатого скота. Кнут – это такой же символ и воплощает королевскую власть и королевскую способность править. Четыре хвоста или ремня символизируют целостность. Так как эта власть сосредоточена в руках подземного правителя, «верхний» король исчезает и утрачивает свои способности. Все, что он может сделать, – отречься от власти в пользу своего сына или дать себя убить. Здесь просматривается прямая связь с архетипической фигурой короля, который должен быть ритуально убит и спустя некоторое время – возродиться, что непосредственно связано с устареванием законов, порожденных сознанием, которые должны исчезнуть или обновиться, чтобы не тормозить эволюцию психики и жизни.

Король в этой сказке поступает так же, как родители поступают с личностью своих детей: он бессознательно продает своего сына Дьяволу, в данном случае по той причине, что совершенно не понимает, что хочет от него Дьявол. Но бессознательное не знает прощения в жестоком мире психологических фактов. Следовательно, Дьявол возвращается и требует у него сына, которому к этому времени исполнился двадцать один год, невинного простака, совершенно не способного решить проблему. Таким образом функция спасения возлагается на дочь Дьявола, о которой мы знаем, что она проявляет чуткость к людям, испытывает к ним сострадание (*sie ist menschengeföhlig*).

Дочь Дьявола является аналогом других фемининных фигур, которые иногда живут с Дьяволом. Он разве что не соблюдает целибат, в остальном же придерживается своих догматичных взглядов. В фольклоре рядом с ним всегда присутствует женщина, обычно называемая его бабушкой. Однако слово «бабушка» не подразумевает уз родства, а значит, он живет с Великой Матерью. В мире волшебной сказки он действительно связан с ней супружескими узами, в чем можно легко убедиться на примере сказки «Черт с тремя золотыми волосами»¹⁹¹, где он ложится с ней в постель, и ночью она вытаскивает у него из головы три золотых волоса, чтобы отдать их герою, которого до этого превратила в мурavyя и спрятала в складках своей юбки.

¹⁹¹ См.: Сказки, собранные братьями Гриммами / Пер. под ред. П.Н. Полевого, – СПб., 1895; М.: Алгоритм, 1998. – *Примеч. пер.*

Материнская или дочерняя фигура, которая в фольклоре связана с Дьяволом, обычно ведет себя более дружелюбно по отношению к людям, чем сам Дьявол. Как правило, она исполняет роль посредницы. В таком случае дочь Дьявола покидает своего отца, отправляется в верхний мир, к людям, и становится королевой для следующего поколения. Это типичная сказка, компенсаторная для слишком строгих патриархальных порядков, сложившихся под влиянием христианской религии и царящих в верхнем мире. Отчасти фемининное начало вместе с Дьяволом подавляется и уходит в подземный мир. А Дьявол только и ждет случая, чтобы вырваться на поверхность и взять власть в свои руки. В шумеро-вавилонском «Эпосе о Гильгамеше» героя поддерживают в основном не фемининные фигуры, а бог солнца Шамаш и, в Запредельном, древний герой мифа о потопе Утнапиштим¹⁹². Фемининная богиня Иштар¹⁹³ является его величайшим врагом. Таким образом, вы видите, что эти конstellляции изменяются с изменением культурного фона, к которому они относятся. В шумерском Вавилоне существовала цивилизация, при которой бессознательное имело тенденцию к усилению маскулинности и маскулинного начала. В нашей сказке герой преимущественно получает поддержку хтонического фемининного божества. Это следует понимать как специфическую европейскую проблему позднего христианства,

¹⁹² Утнапиштим – предок Гильгамеша, спасшийся от Всемирного потопа. Решили боги погубить всех людей за их непокорность и нечестивость, наслав на землю всемирный потоп. Но добрый бог Эйе не согласился с ними и предупредил праведника Утнапиштима об их решении. По совету бога Эйе Утнапиштим построил большой ковчег, погрузил на него по паре всего живого на земле и вместе со своим родом взшел на корабль. Семь дней бушевала стихия, семь дней не унимался южный ветер. Горы затонули в мутных потоках, погибло все живое. Даже боги присмирели, забрались на верхнее небо Ану и притихли. Ковчег Утнапиштима прибило к горе Нацир, и все, кто были на нем, пережили потоп. Боги пожалели о случившемся и оставили в покое Утнапиштима и обитателей ковчега, жизнь была спасена и вновь возродилась на земле. – *Примеч. ред.*

¹⁹³ Иштар – в аккадской мифологии центральное женское божество. Дочь Эля и жена Баала, она считалась богиней плодородия, плотской любви, войн и распрей. В Уруке культ Иштар был связан с оргиастическими празднествами. Также она считалась покровительницей проституток, гетер и гомосексуалистов. В главном мифе богиня предлагает свою любовь Гильгамешу, а тот отвергает ее, напоминая о многих погубленных ею возлюбленных – богах, людях и животных. Разгневанная богиня в отместку наслала на его город Урук небесного быка – чудовище, созданное по ее просьбе богом Ану, отцом Иштар. Согласно другим мифам Иштар спускается в подземный мир, после чего на земле исчезли любовь, животная и растительная жизнь. Премудрый бог Эйе отправляет за ней в царство мертвых евнуха. Затем по приказанию сестры, находящейся в этом царстве, ее оживляют живой водой. – *Примеч. ред.*

когда превалировал маскулинный образ жизни и констеллировалась деструктивная маскулинная оппозиция. Эту привязку к светлой и темной маскулинной энергии можно преодолеть только благодаря неожиданному посредничеству фемининного начала, которое появляется в этих сказках.

Дочь Дьявола испытывает не только позитивное чувство к человечеству, она служит воплощением фемининного начала, *par excellence*¹⁹⁴ Эроса. Любовное начало ослабляет мертвую хватку маскулинного мира, и дочь Дьявола выполняет за королевского сына все его задачи. Интересно посмотреть на то, что на самом деле делает дочь Дьявола. Сначала Дьявол ставит перед королевским сыном гигантскую задачу, достойную подвига Геракла, с которой может справиться только сильный и энергичный мужчина – или же тот, кто обладает магической силой. Он бросает вызов силе королевского сына, и мы можем поблагодарить Бога, что тот не принимает вызова, ибо здесь физическая сила, скорее всего, не помогла бы. Дочь Дьявола тоже не использует свою физическую силу; она берет магический кнут своего отца. Следуя своему чувству, она обращает его силу (четырёххвостый магический кнут) против него самого и трижды добивается успеха. Однако она не может построить церковь в аду.

Первое и второе задание мы можем назвать опытом освоения природы – осушение озера и превращение его в луг и покос, рубка дремучего леса, превращение его в виноградник и сбор винограда для изготовления вина. Это очень глубокая по смыслу и ошеломляющая картина, ибо в наиболее примитивных обществах такие задачи, повышающие уровень цивилизации, решает герой. В данном случае эту деятельность осуществляет зло, ибо Дьявол придумывает эти задачи и хочет, чтобы они были решены.

В свете этой сказки не помогут ни размышления о том, кто вдохновляет подобную деятельность, ни воззвания защитников природы против ее безбожной технологической эксплуатации. Когда-то это была задача у истоков создания цивилизации, но теперь, когда мы переусердствовали, она стала решаться через автономную дьявольскую деструктивную бессознательную деятельность, через экстравертированную тревогу, которой не видно конца и которая продолжается, превышая всякую природную

¹⁹⁴ *Par excellence* (фр.) – в высшей степени, в полном смысле слова. – *Примеч. пер.*

меру. В этой сказке дело заходит так далеко, что Дьявол хочет построить свою церковь в противовес Божьей. У Бога и Святой Троицы есть церкви на земле, поэтому Дьявол должен построить церковь в аду, – настоящую церковь с крестом. Но это не удается даже с помощью его чудодейственного кнута. В данном случае, опять же, через эту сверхъестественную задачу нам напоминают о некоторых тоталитарных движениях, которые лишили христианскую церковь ее идеалов и разных форм деятельности и организации, чтобы использовать все это в противоположных целях.

Гитлер всерьез изучал методы и особенности организации ордена иезуитов, чтобы использовать их при создании своей партии. Любое коммунистическое государство – это практически полное отражение католической церкви на стадии ее становления. Таким образом, сущая правда: Дьявол пытается построить христианскую церковь в аду для противодействия верхней церкви. Но дело в том, и почему я люблю эту сказку, его здание возводится не на прочном основании. Церковь разрушается, потому что ее строят из песка, который представляет собой массу крошечных частиц. Из человеческого материала ничего нельзя построить, если низвести людей до уровня массы частиц. Если умалить человека до размеров песчинки и захотеть построить нечто долговременное, ничего не удастся реализовать. Это самый важный инсайт, который можно получить из этой сказки.

Два беглеца убегают от преследующего их Дьявола; здесь снова встречается мотив трансформации-побега с присутствующим состязанием в магии, в котором трижды пара превращается в мандалу особой формы. Первая мандала близка к коллективному сознанию, ибо она представляет собой церковь вместе со священником, который отправляет в ней мессу. Она служит воплощением более традиционного способа, позволяющего сдерживать Дьявола в нашей цивилизации. Она действует в каких-то пределах, но ее воздействие не распространяется слишком далеко. Следующая картина уводит нас дальше в природу, и эта символика больше не связана с цивилизацией. Речь идет об ольхе и сидящей на ней золотой птице.

Ольха – это известное издавна магическое дерево, оберегающее от злых козней Дьявола. Крестьяне кладут ветви ольхи на поле и в хлев в качестве оберега от Дьявола; дьявольским является само дерево. Так что получается как бы противодействие

волка великану: дьявольское дерево против Дьявола. Оно является дьявольским, потому что, как правило, растет в достаточно темных и увлажненных местах леса и в болотистой местности. Так как древесина ольхи бесполезна для человека, считается, что она связана с ведьмой и чертями. Свежесрубленная древесина ольхи сразу же краснеет; как говорят, это происходит потому, что ветвями ольхи Дьявол бил свою бабушку, то есть жену. Поэтому в фольклоре ольха иногда называется красной. С другой стороны, как всегда бывает с этим странным двойным аспектом оберегающих символов, ольховыми ветвями можно самому бить Дьявола. Он бил ими свою жену, поэтому вы можете ими бить его. Сама древесина является бесполезной – сродни всему, что является темным и дьявольским по своей природе. А потому, в силу близости к дьявольскому началу, она может спасти героя, который, превратившись в золотую птицу, поет: «Я ничего не боюсь».

Но даже в этом случае беглецы не могут спастись от Дьявола. Третий символ – рисовое поле с постоянно взлетающим и садящимся перепелом, щебечущим: «Бог с нами, Бог с нами». Рисовое поле – это опять природный символ, но на этот раз это символ плодородия. В многих странах рис – самый широко возделываемый злак и основной продукт питания. Даже в наше время на деревенских свадьбах молодоженов осыпают рисом. Это древняя народная традиция, которая служит гарантией, что у новобрачных будет много детей, а те, в свою очередь, раздают детям сладости и конфеты.

Таким образом, в данном случае плодородие Великой Матери не имеет отношения ни к Дьяволу, ни к христианскому Богу, а представляет собой собственно фемининную божественную реальность, и оно является спасительным фактором. На этом поле королевский сын, который всегда находится в опасности, превратившись в перепела, взлетает и садится, щебеча: «Бог с нами, Бог с нами». Немецкое слово *Wachtel* (перепел) этимологически связан со словом *wachen* – бодрствовать, быть на чеку. Существует хорошо известное индогерманское суеверие, что перепел никогда не засыпает, оставаясь бодрствующим и постоянно возвещая о своем присутствии беспокойством и ночными криками, в особенности при наступлении новолуния. Если перепел часто кричит, урожай будет хорошим – и наоборот. Когда Тифон убил Геракла, тот вернулся к жизни, когда Иолай

поднес ему к носу перепелку¹⁹⁵. В данном случае такая способность – быть внутренне бдительным – имеет решающее значение. Чтобы избежать натиска зла, нужна непрестанная внутренняя бдительность и сосредоточенность. Даже если видеть свою Тень или Анимус и при этом утратить бдительность, эти фигуры сразу вызовут у человека душевную усталость или *abaissement du niveau mental*¹⁹⁶. В опасной ситуации этот момент действительно является ключевым.

Если вступить во внешнюю борьбу со злом, то часто можно увидеть, как человек, постепенно становясь все более эмоциональным, а значит, несколько более бессознательным, теряет доказательства своей правоты. Мне вспоминается, как однажды, собираясь сдавать экзамен, на котором я хотела лучше всего «уесть» некоторых своих недоброжелателей, я собрала в одну папку все документы, доказывающие мою правоту, и положила эту папку рядом с собой. В последнюю минуту, уходя из квартиры, я оставила папку дома, и мне пришлось убеждать людей, не имея письменных доказательств. Так обычно происходит, когда человек вовлечен в какую-то проблему спроецированного зла. В процессе проецирования человек становится эмоциональным; уже одно это обстоятельство способствует снижению уровня сознания, не говоря о том, что он не достигает цели. В таких случаях именно поэтому человек терпит поражение. Обычно потеря бдительности играет вполне определенную роль. В самый решающий момент человек вдруг тупеет и либо забывает свои самые веские доказательства, либо оставляет нужные документы дома. Это всегда свидетельствует о том, что на ситуацию было спроецировано его собственное зло. Однако не все зло относится только к нему, – ведь есть и объективное внешнее зло, – но через проекцию человек поглощается собственным злом. Это влечет за собой потерю души. В таких случаях, в силу поглощенности врагом через собственную проекцию, он теряет бдительность, становится полусонным и таким образом причиняет вред себе.

Поэтому бдительность перепела для нас очень важна. Но в данном случае даже это не помогает и беглецы переходят к четвертому испытанию: дочь Дьявола превращается в молочное

¹⁹⁵ Angelo de Gubematis, *Zoological Mythology* (New York: Arno Press, 1978), p. 277.

¹⁹⁶ *Abaissement du niveau mental* (фр.) – снижение уровня сознания. – Примеч. пер.

озеро, а королевский сын – в селезня. При этом он должен обязательно плавать посередине озера и не поднимать головы из молока.

В силу своего невинно белого цвета молоко всегда было одним из самых широко распространенных оберегов от зла. С другой стороны, оно очень часто служит мишенью для нападков ведьм и чертей. Если кто-то захочет навести на крестьянина порчу или дурной глаз – то есть *malocchio*¹⁹⁷, околдовать его корову, чтобы она давала синеватое или водянистое молоко или чтобы сливки с этого молока никогда не сбивались в масло. В отличие от вина, молоко – это напиток мудрых. В Древней Греции и Древнем Риме его часто применяли в качестве жертвоприношения подземным богам, которых следовало не возбуждать, а умиротворять. Ведь если им подносили вино, они становились более активными и деятельными, но если дать им молоко, они становились мягкими и спокойными. Следовательно, божества царства мертвых и подземного мира должны пить молоко, тогда как вином следовало умилять богов верхнего мира. Именно поэтому ритуальное принесение в жертву молока называлось *nēphália*¹⁹⁸, мудрое жертвоприношение богам подземного мира и мира мертвых.

Принц должен был не только плавать в центре этого молочного озера, но и не вынимать головы из молока и не смотреть на Дьявола, что бы тот ему ни говорил. Это прекрасная иллюстрация той единственно возможной установки, которую, в соответствии с моим образом мыслей, следует иметь по отношению к внешнему злу. Если внимательно на него посмотреть, то это уже проекция. Слово проекция происходит от латинского слово *projicere* – что-то бессознательно бросать изнутри на внешний объект. Как когда-то сказал Платон, если что-то человеку кажется злом, значит какое-то зло попало в его собственную душу. Нельзя смотреть на зло так, чтобы в ответ на него не возбуждалась собственная внутренняя струна, ибо зло – это архетип, а каждый архетип оказывает на людей заражающее действие. Посмотреть на него – значит ока-

¹⁹⁷ *Malocchio* (ит.) – порча, сглаз. – *Примеч. пер.*

¹⁹⁸ *Nēphália* (др.-греч.) – дословно означает «жертвоприношение без вина и без крови», чаще всего использовалась смесь молока, масла, меда, но иногда в нее добавляли яйца, лепешки, фиги или другие фрукты. Жертвоприношение предназначалось хтоническим богам. Для этого вырывали специальную яму, складывали туда все, предназначенное для жертвоприношения, и покрывали девятью слоями листьев оливы. В это время жрецы и поклоняющиеся молились подземным богам. – *Примеч. пер.*

заться подверженным его воздействию. Именно поэтому принц-селезень должен держать свою голову погруженной в молоко, находясь в самом центре озера. Он должен всегда находиться близко к самому его центру, который находится вне проблемы добра и зла, вне расщепления, а значит, вне противоположностей. Не отклоняясь ни на йоту, он должен пребывать в непосредственной близости от этого центра, не откликаясь на зов и никуда не волекаясь.

Само по себе это решение должно было бы соответствовать восточной психологии. Такое отношение ко злу практиковалось в течение многих лет в буддизме и поддерживалось многими восточными философами. Это значит не решать проблему зла, выйдя за рамки проблемы противоположностей, а приблизиться к внутреннему центру, находящемуся вне дуализма добра и зла и борьбы, разворачивающейся между ними. Но здесь все время происходит сражение, и не вследствие сознательной установки, и не из-за принца, а из-за дочери Дьявола, которая убивает собственного отца, когда тот ее проглатывает.

Существует известное алхимическое изречение, которое очень любил цитировать Юнг: «Вся поспешность – от Дьявола». Поразительно, что сам Дьявол легко поддается этой установке поспешности. Он тороплив в силу самой своей природы, и потому любая поспешность исходит от Дьявола. Если мы торопимся, значит находимся во власти Дьявола; если у нас торопливое настроение, мы говорим: «Все нужно решить сегодня», «Сегодня вечером я должен отправить письмо», «Я должна поехать на такси, поэтому нужно его вызвать, а то завтра утром будет уже поздно» и так далее. Если вам позвонят и вы услышите нечто подобное, то знайте, кто за этим стоит. Юнг обладал поразительной способностью оставлять такие документы на своем письменном столе; нельзя даже сказать, что он откладывал их сознательно, а просто оставлял на столе. Дьявол – *это* воплощение поспешности. В нашей сказке он спешит и не может больше ждать; он превращается в гуся, который кроме всего прочего на самом деле глуп, а в Древней Греции он воплощал особый аспект Богини Матери, или природу богини Немезиды¹⁹⁹. Имя Немезида происходит от греческо-

¹⁹⁹ Немезида (Немесиды, правильное Немесия) – в древнегреческой мифологии дочь Ночи, крылатая богиня справедливого возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм. – *Примеч. пер.*

го слова *нетō*, что означает равномерно распределять, справедливо присуждать, управлять чем-то по закону. Немезида воплощает закон природной справедливости, в соответствии с которым каждый получает то, что он заслуживает. Мы не можем не заметить, что такой же закон существует в бессознательном, которое имеет поразительную способность давать людям именно то, что по ощущениям они каким-то образом заслужили. Это не справедливость в том смысле, как понимают ее люди, а сверхъестественная сила, управляющая природой, которая действует на основании внутреннего закона и которая поражает своим высоким смыслом. Поэтому можно сказать, что Дьявол сам себя наказал; он превратился в гуся и получил такое же возмездие, которое получают люди. Он выпил молоко и оно стало убегать изнутри. Вы знаете, что молоко обладает скверной особенностью пениться, когда закипает, даже если вы за ним следите! А если это происходит на ваших глазах, то еще хуже; и потому кипящее молоко – это общая и хорошо известная метафора состояния, связанного с неподконтрольной яростью. Во Франции говорят: *Il monte comme une soupe au lait* («Он вскипел, как молочный суп»). Людей, склонных к внезапным вспышкам гнева, называют «молочным супом», потому что они слишком скоро «закипают».

Дочь Дьявола воплощает его собственную позитивную Аниму, эмоции и чувства, которые он сам отвергает. Здесь мы снова наблюдаем связь с сердцем великана. Дочь Дьявола – это сердце. У нее есть сердце и чувства; она является его чувственной сферой. И вот, в своей поспешной забывчивости, он включает в себя свою чувственную сферу, – ту самую эмоциональную сферу, которую он хладнокровно отверг. В результате он получает именно то, что, как нам хорошо известно, называется одержимостью Анимой. Он становится угрюмым и взрывается потому, что становится слабым и побежденным. С ним покончено, как может быть покончено с человеком, поддавшимся настроению Анимы. В самой сокровенной глубине души он себя погубил, подвергнувшись диссоциации. А в двух шагах от него находится, целый и невредимый, новый принцип сознания, который теперь начинает править на земле.

Пагубная эмоциональность, которая так легко связывается со злом в цивилизации маскулинного типа, приводит к пагубному характеру фемининности. У мужчин она проявляется как бессознательная слепая эмоциональность, которая констеллируется в

самый неподходящий момент. Если это начало – Анима или феминность – привносится из ада в сознание, оно побеждает особую форму зла, воплощенную в нем в образе Дьявола. Тогда как бы воцаряется принцип сознания, причем это происходит в центре целостности, вне разделения на добро и зло. В этом смысле можно сказать, что, согласно этой сказке, самый сокровенный центр, божественное ядро человеческой психики – это единственное, что остается вне проблемы добра и зла и является абсолютным фактором, который выводит нас из проблемной ситуации, в которой мы оказываемся.

Эта сказка предполагает очень глубокое, мистическое переживание. На самом деле, волшебные сказки лишь кажутся невинными историями; они настолько проникают во внутреннюю суть, что не могут иметь поверхностных объяснений, а требуют погружения в самую глубь.

Содержание

5	Предисловие
7	Часть первая. Тень
9	Глава 1. Понятие Тени
55	Глава 2. Казнь
72	Глава 3. Анима между героями-соперниками
90	Глава 4. Верный Иоганн, посредник
112	Глава 5. Камень или статуя
165	Часть вторая. Зло
167	Глава 6. Примитивные уровни зла
192	Глава 7. Одержимость
216	Глава 8. Табу
242	Глава 9. Горячее зло
269	Глава 10. Холодное зло
307	Глава 11. Состязание в волшебстве
325	Глава 12. Ядро психики

Мария-Луиза фон Франц

ФЕНОМЕНЫ ТЕНИ И ЗЛА В ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Перевод В. Мершавки

Научный редактор *В.К. Мершавка*
<http://mershavka.ru/>

Редактор *Г.В. Альперина*

Компьютерная верстка *А.С. Масаев*

Главный редактор и издатель серии *Л.М. Кроль*

Научный консультант серии *Е.Л. Михайлова*

Изд. лиц. № 061747

Гигиенический сертификат

№ 77.99.6.953.П.169.1.99. от 19.01.1999 г.

Подписано в печать 15.11.2009 г.

Формат 60х88/16. Гарнитура Петербург. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 22,5. Уч.-изд. л. 18. Тираж 2000 экз.

Заказ № 1847

М. : Независимая фирма «Класс», 2010. – 360 с.

103062, г. Москва, ул. Покровка, д. 31, под. 6.

E-mail: igisp@igisp.ru

Internet: <http://www.igisp.ru>

ISBN 978-5-86375-166-5

Отпечатано в ППП «Типография НАУКА»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6.